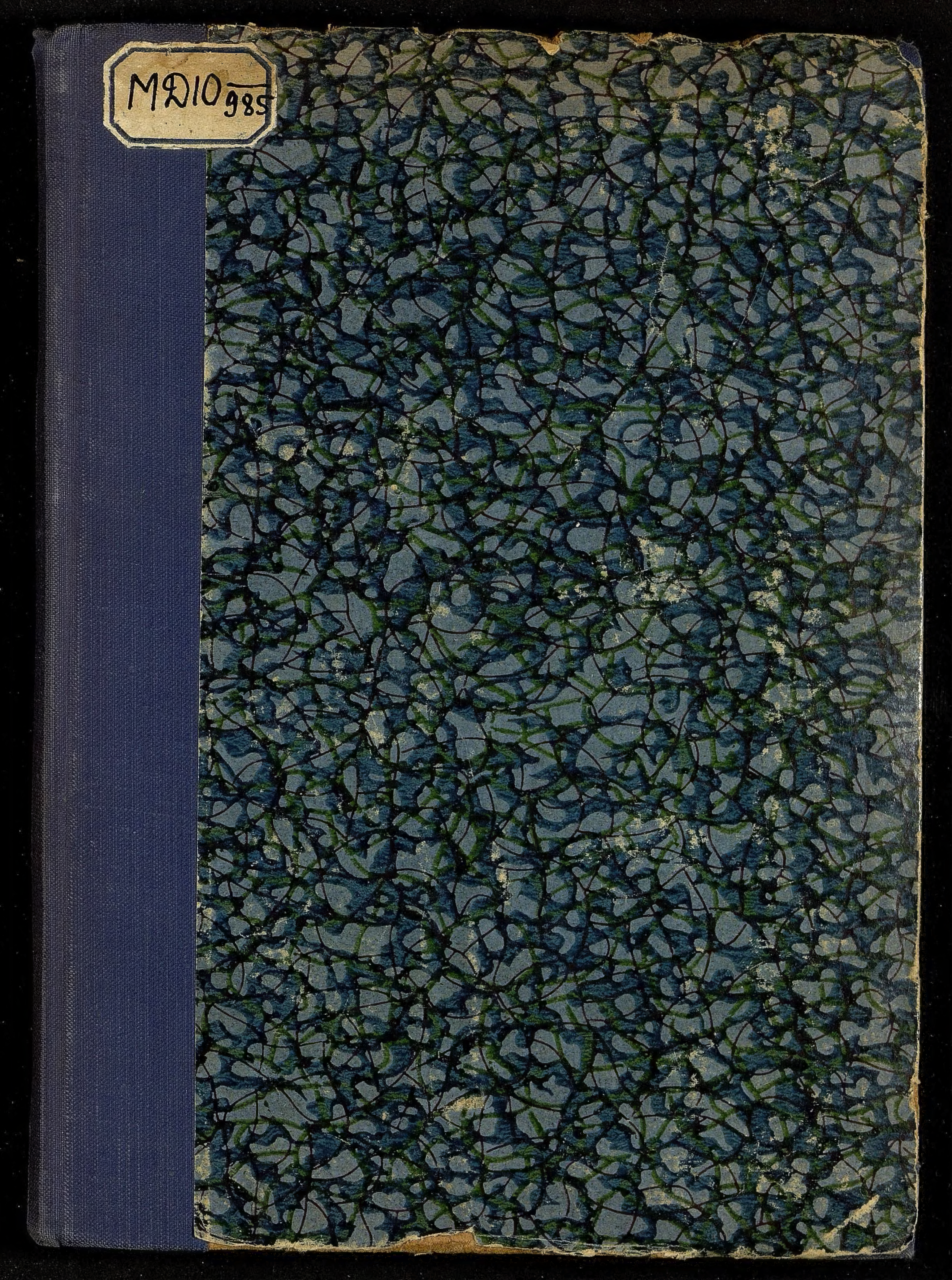

MD10 985

Проф. Е. Д. ПОЛИВАНОВ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

В СОПОСТАВЛЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЯЗЫКОМ

ГОСИЗДАТ УзССР
ТАШКЕНТ—1934

Проф. Е. Д. ПОЛИВАНОВ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

В СОПОСТАВЛЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЯЗЫКОМ

ГОСИЗДАТ УзССР

ТАШКЕНТ — 1933

Ответственный редактор ГАРВЕЙ

Сдано в набор 4/II 1933

Подписано к печати 16/XII 1933

ГОСИЗДАТ УзССР № 1568

Узлит 1471/л | Заказ 233 | Тираж 10.000

Типо-литография № 1 Управления печати Узбекистана. Ташкент. 1933 год

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий курс „Русской грамматики“ начинает собою серию составленных мною пособий, предназначаемых для высших ступеней обучения узбеков русскому языку (для студентов вузов, аспирантов исследовательских институтов и т. п.) и ставящих себе — в совокупности — следующую цель: дать учащемуся достаточно полный справочный материал для теоретического разрешения всех выдвигаемых практикой вопросов относительно формального состава (образования) и значений русских слов и словосочетаний — по крайней мере в пределах наиболее употребительной части словаря современного литературного (или стандартного) русского языка. Этой целевой установкой предопределяется следующий состав данной серии пособий:

1. Курс „Русской грамматики в сопоставлении с узбекским языком“, излагающий фонетику (вместе с графикой) и морфологию в отличие от 2-го пособия серии, но при том отнюдь не имеющий в виду полного описания индивидуальных особенностей (формообразования и значения) единичных основ, что охватывается 3-м пособием серии.

2. Синтаксис и стилистика современного русского языка в дифференциальном сопоставлении с фактами узбекского языка.

3. Грамматический словарь русского языка (русско-узбекский) на 10.000 основ — лексических единиц.

4. Узбекско-русский словарь.

Было бы преждевременно сейчас останавливаться на характеристике каждого из этих пособий (в частности, и на вопросе о распределении справочно-грамматического материала между русско-узбекским и узбекско-русским словарями); необходимо лишь оговорить связь последних трех пособий (2-го, 3-го, 4-го) с первым, т.-е. с настоящим „Курсом грамматики“:

1. Слово „грамматика“ в заглавии этого курса условно взято в суженном значении: синтаксис излагается особо — во 2-м пособии (при чем выделение это — синтаксиса из „Грамматики“ — объясняется не только техническими условиями; укажу здесь на необходимость особого „Введения“ к Синтаксису, на специально-синтаксическую терминологию, и, наконец, на связь синтаксиса со стилистикой).[1]

2. Так как полная исчерпывающая кодификация русского словоизменения (формообразования) — хотя бы для 10.000 или 15.000 наиболее употребительных слов (основ) — неосуществима ни в одной „Грамматике“,[2]

---

[1] А включить очерк стилистики русского лит. языка революционной эпохи в круг предназначаемых для узбекского студента пособий мне представлялось необходимым.

[2] А если бы эту задачу и удалось осуществить в пределах некоего максимально-подробного кодекса русской морфологии (где нашли бы место буквально все „неправильности“ склонения *любого* имени или спряжения *любого* глагола (хотя бы — из числа 10.000 — 15.000 наиупотребительнейших слов), то этим самым богатством материала была бы обесценена *практическая* роль данного кодекса („Грамматики“) в качестве *справочного* пособия: ведь понадобился бы *алфавитный индекс* к этой „Грамматике“, а такой индекс, в сущности, и был бы именно, Грамматическим словарем только в замаскированном виде.

то на запрос учащихся: „Откуда нам научиться верно склонять или верно спрягать любое данное русское слово?“ — могут быть даны лишь 2 ответа: Первый ответ — „Усваивайте склонение, respective спряжение каждого данного слова на практике — из живой русской речи или из литературных текстов“.

Второй же ответ: „Ваш запрос будет удовлетворен тогда, когда будет издан Грамматический словарь русского языка, в котором все индивидуальные, т.-е. все так называемые „неправильности“ в склонении, respective в спряжении данного слова будут указаны“. Но ясно, что примириться с первым ответом для преподавателя русского языка это означает: признать свою беспомощность и ненужность, признать вообще невозможность научить школьным путем русскому языку. Это — постыдная капитуляция перед трудностями русского языка. Остается, следовательно, второй ответ — ответ, указывающий, что теоретическая база для овладения всеми (пускай в объеме 10.000 — 15.000 слов) трудностями русского языка, всеми „неправильностями“ русской морфологии возможна: это — расположенный по алфавитному порядку Грамматический словарь.[1]

Удастся ли и когда удастся осуществить издание всего состава вышенамеченной серии пособий будет зависеть уже не от меня. Узгосиздатом мне заказана лишь первая книга этой серии — „Грамматика“. Что касается остальных трех, то они („Синтаксис“ — под несколько иным заглавием) были заказаны мне Средазкнигой еще в 1925 году; но благодаря ликвидации этого издательства, рукописи их так и остались до сих пор неизданными (чему способствовал с другой стороны мой отъезд из Средней Азии).

В заключение, выражаю свою благодарность рецензентам этой моей „Грамматики“ — профессору Шенгели, Грищенке, и особенно Гази Юнусову за ряд полезных указаний.

XI. 1919

---

[1] Я намеренно называю такой „Словарь“ грамматическим, а не только морфологическим, так как он должен, в известной мере, содержать в себе и моменты фонетического словаря русского языка, например, в виде таких пояснений: „сегодня (го читать во)“ „блеф звучит как узбекское blef“ и т. п.

ВВЕДЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ПРЕДМЕТ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Перед изложением грамматических фактов русского языка вполне уместно уделить место вопросу: что именно, какой именно „русский язык“ служит предметом школьного изучения и предметом описания в настоящей „Грамматике“, и каковы те социологические признаки, которые отличают этот „русский язык“ от других смежных с ним языковых систем?

При этом будет удобнее начать с анализа значения второго слова из тех двух слов, которые составляют термин „русский язык“, то-есть со слова „язык“.

Нужно указать, что и в популярной, и в научной лингвистической литературе слово „язык“ употребляется в различных смыслах, т. е. имеет несколько совершенно различных значений. Например, под этим термином (т.-е. под словом „язык“) нам могут встретиться следующие понятия:[1]

1. Язык в смысле речевой способности, совокупности речевых явлений вообще и всех наличных систем человеческой речи.

2. Язык в смысле всякой дифференцируемой речевой системы, так что этот термин („язык“) может быть приложен и к территориальному, и к социально-групповому, напр. (классовому) диалекту и т. д. Такое употребление слова „язык“ мы найдем в следующих, напр., фразах:

„Язык рабочих сильно отличался от языка дореволюционной интеллигенции“.

„В работе тов. И. Гасанова описывается язык образованных классов города Ганджи“ и т. п.[2]

3. Язык в смысле совокупности говоров данной национальности (напр., в заглавии университетского курса лекций: „История русского языка“).

4. Язык в смысле устного (или же и устного, и письменного) стандартного диалекта (т.-е. речевой системы господствующего класса) данной национальности. Так как предметом школьного преподавания служит именно стандартный (или „литературный“) диалект или, что то же стандартный язык данной национальности, то

---

[1] Не останавливаюсь уже на физиологическом значении слова „язык“: язык — как физиологический орган речи (язык во рту). Это наиболее конкретное из значений слова „язык“ является, очевидно, этимологически-первичным, и из него произошли впоследствии другие значения („язык“ в смысле системы речи и т. д.), конечно, по той причине, что язык играет роль важнейшего из наших органов произношения (по сравнению с губами, небной занавеской, т.-е. „мягким небом“ и т. д.). Сравним подобное же двустороннее употребление слов, обозначающих „язык“, и во многих других языках, напр., в латинском (lingva), во французском (la langue), греческом (glossa), английском (tongue; хотя для вторичного значения здесь есть и заимствованный из французского термин: language), в турецких языках (til, или в османском, туркменском, азербайджанском — dil), эстонском (keel) и т. д. и т. д.

[2] Словосочетание „язык образованных классов“ заимствуется мною из самой работы т. Гасанова (посвященной ганджинскому говору азербайджанского языка).

в этом именно значении нами обычно и понимаются такие выражения, как „немецкий язык“, „французский язык“, „английский язык“ и т. д.

Не будем останавливаться на прочих окказиональных значениях; вышеуказанных четырех основных значений уже достаточно для того, чтобы обнаружить многообразный характер слова „язык“ в нашем, не только обывательском и популярном, но и научном словоупотреблении. На противоречивость значений слова „язык“ обращено было внимание и тов. Сталиным: в одной из своих речей он констатирует мнимое противоречие между ожидавшимся сокращением числа языков (т.-е. числа языковых систем), которое должно было иметь место (и фактически имеет место) в эпоху строительства социализма в СССР и, с другой стороны, одновременным же увеличением числа языков (фактически: увеличением числа литературных языков) в виде целого ряда новых, доныне не существовавших, письменных языков у восточных, северных и др. нацменьшинств Союза. Вполне правильно ожидаемое сокращение числа языков (если под языком здесь понимается всякая дифференцируемая речевая система), без всякого сомнения, и на деле имеет место в нашем Союзе: если общее направление языковой истории в сторону сокращения числа (т.-е. объединения) диалектов и языков, было характерно и для капиталистического строя,[1] то тем более оно неизбежно в экономических условиях нашей эпохи, эпохи построения бесклассового социалистического общества. И этот процесс „объединения“ отнюдь не исключает появления новых „литературных“ (точнее: письменно-литературных) языков, что в свою очередь составляет характерную черту советской национально-языковой политики. Наоборот, оба процесса даже органически увязываются друг с другом: появление письменного стандартного диалекта (т.-е. письменно-литературного языка) ускоряет процесс объединения разговорных говоров (respective диалектов, наречий) данной национальности. Таким образом, это мнимое противоречие (между сокращением и увеличением числа языков) оказывается основанным именно на двустороннем значении термина „язык“.

В каком же смысле, в каком из вышеперечисленных значений будет употребляться термин „язык“ в словосочетании „русский язык“, на страницах настоящей книги?

Разумеется, здесь имеется в виду не совокупность всех тех (территориальных и социально групповых) диалектов и говоров, которые существуют у русской национальности во всех ее районах и во всех ее общественных классах, а наоборот лишь одна определенная речевая система, иначе говоря лишь один диалект из всей этой совокупности русских диалектов. И именно тот диалект, который является стандартным, или „литературным“ русским языком в современную нам, революционную эпоху.[2]

[1] Тогда как примитивные формы экономического быта (до перехода к товарному хозяйству), обусловливают, наоборот, противоположный путь языковой истории: с относительным преобладанием случаев „диалектического дробления языков“ над случаями „объединения диалектов и языков“.

[2] Поскольку в современном русском языке (и именно после 1917 года) различия между письменно-литературным языком (т.-е. той речевой системой, которая используется нашей современной литературой и прессой) и „устным стандартом“ оказываются, в общем, весьма незначительными, мы можем позволить себе игнорировать противоположение этих двух систем, и говорить просто об одном „стандартном“ языке. В узбекском же языке (даже в современном его состоянии, после революции) дело обстоит иначе: здесь письменно-литературный стандарт не может быть отожествлен ни с одним из живых (устных) узбекских говоров. Что же касается стандартизации этих последних (т.-е. живых узбекских говоров), то она является еще делом будущего: по сравнению с русскими экономическими условиями (—в частности, товаризацией русского помещичьего хозяйства), приведшими к выработке устного классового стандарта уже к исходу XVIII века, узбекский национальный коллектив находился на значительно более низкой ступени социально экономического развития, почему у узбеков и не произошло обще-территориального объединения господствующего класса на почве устного языка, т.-е. так называемого процесса „койнэизации“ (термин „койнэизация“ произведен от греческого слова koinē в словосочетании koinē diálektos, т.-е. „общий диалект“); как показывают примеры западно-европейских стран и Японии, процесс

Иначе говоря, здесь (в выражении „русский язык") термин „язык" будет употребляться нами в смысле одного лишь диалекта, и именно — стандартного диалекта. Поэтому нам и следует приступить здесь к пояснению этого значения термина „язык" (чтобы затем перейти уже к понятию „русского языка").

У большинства лингвистов предшествующего поколения, мало уделявшего внимания социальным моментам языковых явлений, в их определении „языка" (как всякой дифференцируемой речевой системы) просто опускался тот важнейший признак, без которого язык был бы никому не нужен и просто не существовал бы: именно — признак тожества ассоциационных рядов (между смысловыми представлениями и языковыми знаками, или словами) у всех потенциальных участников данного языкового общения. Мы позволяем себе поэтому, наоборот, подчеркнуть социальный момент в определении языка (как дифференцируемой речевой системы), и скажем: язык есть тожество систем произносительно-звуковых символов, присущих участникам того или другого коллектива, определяемого наличием специфических кооперативных потребностей (которые именно и обусловливают надобность в общем и едином языке для этого коллектива).

Итак, система словесных знаков (символов), выдуманная одним только индивидуумом и никем другим не употребляющаяся, не есть еще язык, хотя бы даже эта система и была гениальной выдумкой. Тут просто отсутствует социальный заказ, а значит не может иметь место и то социальное явление, которое именуется языком (или речевой системой).

В искусственном языке эсперанто мы имеем, конечно, уже другое: это, действительно, язык, и здесь налицо все признаки вышеприведенного определения: эсперанто объединяет собою коллектив людей, связанных специфическими кооперативными потребностями общения; во всем своем объеме этот коллектив не может обслуживаться никаким другим языком кроме данного (противное означало бы ненадобность в эсперанто и в самой идее искусственного международного языка), а это уже и означает социальный заказ на данную речевую систему, т.-е. дает почву для социального существования данной системы в качестве языка.

Однако, внутри крупного коллектива, объединяемого известными кооперативными связями и возможностью перекрестного языкового общения, — в частности, например, в национальном коллективе, всегда можно выделить группы, связанные (внутри себя) еще более тесной сетью экономических связей; фактическая потребность в перекрестном языковом общении, разумеется, будет для каждой из этих групп более реальна, чем для всего (национального) коллектива в целом.

Иначе говоря: на общем фоне известных кооперативных связей мы найдем еще более тесные и специфические кооперативные связи внутри отдельных групп. Соответственно этому, нужно внести признак относительности в понятие тожества ассоциационных систем, которое, как мы уже сказали, ложится в основу нашего определения языка. Есть тожество более или менее полное — у небольших, тесно связанных (внутри себя) групп, и тожество неполное — у всего (национального) коллектива, в который входят все эти группы.

В последнем случае общий язык обеспечивает лишь возможность взаимного понимания (да и то, строго говоря, лишь в пределах определенных тем — соответственно тому характеру кооперативных связей, который объединяет всех членов данного коллектива), но отнюдь не единую характеристику системы языкового мышления (в фонетическом, морфологическом и т. п. отношениях).

комбинации обыкновенно соответствует определенной стадии капиталистического развития (для Японии усвоение европейско-американских форм хозяйства в конце XIX и начала XX века, которая оказывается вполне несоизмеримой с экономическим состоянием узбекского нац. коллектива в эпоху до русского завоевания, как и в эпоху царской колонизации.

Из этого и проистекает деление языка (в смысле языка определенной национальности) на наречия, и далее соответственно уменьшению группы и увеличению сети специфических кооперативных связей внутри группы, на диалекты и говоры, и в конце концов — на „семейные говоры“, устанавливаемые благодаря наличию специфических языковых usus'ов внутри отдельных семейных ячеек.[1]

Каковы же те внеязыковые факторы, которые создают внутри национального коллектива группу, обладающую своим диалектом (respective наречием или говором)? В первую очередь здесь следует указать на территориальный, или географический момент.[2]

Совершенно ясно, что у жителей одного района (внутри определенной национальной территории) будут гораздо более реальные и многообразные кооперативные[3] связи (а значит и потребности в языковом общении), чем связи, так сказать, „междурайонного“ характера. Это, следовательно, момент территориального формирования диалектов.

Однако, он не имеет абсолютного значения:[4] при определенных условиях экономического строя значимость территориальных признаков может сводиться почти к нулю (в качестве простейшего примера сошлемся на роль кочевого быта, способствующего нивеллировке диалектологических различий)[5].

Мы не говорим уже о том, что целый ряд вторичных признаков, принадлежащих высоким ступеням экономического быта, в том числе, например, усовершенствованные пути сообщения, а с другой стороны (и прежде всего), и сам момент перехода к товарному хозяйству (взамен натурального) способствует разрушению старых перегородок между замкнутыми внутри себя отдельными общинами (территориальными коллективами), а параллельно этому идет на слом и старая диалектологическая структура данного языка. Итак, по мере хода экономической эволюции, т.-е. по мере достижения относительно высоких социально-экономических ступеней, происходит объединение территориальных диалектов — сначала во внутрирайонном, а потом и в междурайонном масштабе, когда, следовательно, один диалект распространяется по всей территории данного коллектива, т.-е. осуществляется „койнэизация“ данного языка.

Но деление на территориальные диалекты (respective наречия, говоры) — это не единственное деление языка (языка, как совокупности говоров некоего нацколлектива). Рядом с ним существует деление на классо-

---

[1] При чем „семейный говор“ (в современном быту) соответствует уже минимальному коллективу из числа тех коллективов, которые могут быть характеризуемы специфическими языковыми чертами.

[2] Разумеется, это указание на значимость территориального момента (—ставимого нами на первое место потому, что в лингвистической литературе мы прежде всего и чаще всего сталкиваемся с понятием территориального, а не социально группового, диалекта), не должно быть понимаемо, как допущение некоего особого, не входящего в число экономических факторов, т.-е. неэкономического фактора языкового бытия и языковой истории. Позволяю себе не останавливаться здесь на пояснении того, что территориальный момент оказывается действенным (для области языковых явлений) не сам по себе, а лишь через посредство связанных с ним экономических факторов.

[3] Наибольшую значимость в смысле предпосылок языкового общения имеют, конечно, связи производственно-кооперативные.

[4] И именно потому, что территориальный момент не играет самодовлеющей роли в мотивировке языковых явлений и с ним здесь приходится считаться лишь как с одним из частных признаков, входящих в данную экономическую ситуацию.

[5] Сравн., например, почти однородный состав казакского языка (т.-е. языка кочевого скотоводческого нацколлектива), относительно которого неоднократно писалось, что он (казакский язык) „не имеет диалектов“ (а лишь диалектологические различия говорного порядка), и с другой стороны — диалектологическое разнообразие узбекского языка, в том числе и „собственно-узбекского“, или „кыпчакского наречия“, которое в генеалогическом отношении оказывается смежным казакскому языку, и дифференцировалось от последнего лишь в силу экономического выделения по признаку оседлости и земледелия.

ные и прочие социально-групповые (профессиональные, прослойковые и т. д.) диалекты[1].

Классовое расслоение (и в каждом из территориальных пунктов и в данной национальности, как в целом) обусловливает то, что внутри каждой из данных социальных групп, в частности, внутри классов накапливаются ряды специфических для данной группы тем языкового общения, в которых — в виде нормы — не принимают участия представители других социальных групп (других классов). Например, в языковое общение по непосредственным заданиям экономического потребления нередко входят и представители буржуазии, и представители пролетариата. Но, например, вся область так называемой духовной культуры, осуществляющаяся посредством языка (в частности, литературное творчество, характерное для данного класса), обычно исчерпывается случаями замкнутого внутри данного класса общения. Крестьянская устная литература Олонецкого, например, края[2] является вполне замкнутым классовым творчеством, — литературой (устной литературой) *крестьянской* и для *крестьянства*[3]. И наоборот, все почти виды словесного искусства буржуазии служат самой этой буржуазии (включая сюда, разумеется, буржуазную интеллигенцию)[4].

А в связи с этим и сам язык данного классового литературного творчества оказывается чуждым и малопонятным для других классов, т.-е. принадлежит к чуждому им классовому диалекту.

Итак, на ряду с понятием территориального диалекта (respective наречия, говора) мы должны иметь в виду и социально-групповое деление языка, которое, в свою очередь, обнаруживает ряд единиц различного порядка — классовые диалекты, профессиональные диалекты (или говоры), функциональные, т.-е. специфические по своему заданию, жаргоны, например, криптолалического, т.-е. потайного характера, каковым является так называемая „блатная музыка“ — жаргон уголовных профессий и т. д. и т. д.

Однако, излагать в настоящем „Введении“ диалектологическое деление русского языка как на территориальные, так и на социально групповые диалекты у нас нет никакой возможности. Нам здесь необходимо лишь указать — какую же именно диалектологическую единицу (какой из говоров русского языка) мы будем описывать в нашей грамматике *русского языка*?

Таковым диалектом будет служить так называемый стандартный, или *литературный*, русский язык.[5] Называя его „стандартным“ (от ан-

---

[1] Условливаюсь употреблять термин „социально групповой диалект“ в качестве общего — родового термина и для классовых и для всех прочих разновидностей диалектов, специфической характеристикой которых служит не территориальный, а социальный признак.

[2] Сюда относится так называемое былинное народное творчество — былины про старших и младших богатырей и исторические песни.

[3] Разумеется, с точки зрения современного бытия этой устной литературы, а не с точки зрения происхождения данных ее сюжетов, впервые созданных, наоборот, в совершенно иной классовой среде древней феодальной Руси.

[4] Равным образом, и развивающееся в революционную эпоху классовое пролетарское (а также крестьянское) литературное творчество находит своих потребителей (читателей) именно в рядах трудящихся классов; для лиц со старорежимной (буржуазно-феодальной) классовой психологией оно не представляет интереса и по своим темам и по их разработке. А это является уже предпосылкой и для классового обособления языка пролетарской и крестьянской литературы — от традиционного буржуазно-литературного языка (ныне продолжающего, между прочим, еще свое существование в заграничных изданиях бело-эмигрантского лагеря).

[5] Территориально-диалектическую характеристику этого диалекта (стандартного русского языка) невозможно дать в двух словах (как мы увидим из нижеследующего). Если бы мы сказали, что в грамматике описывается говор города Москвы, то это определение было бы не только не полным и не точным, но, в известном отношении, и просто неверным, ибо в вопросе о произношении буквы *щ* мы предпочитаем следовать именно не московскому, а ленинградскому подговору т. н. „обще-русского“, т.-е. стандартного диалекта. В историческом же отношении этот стандартный диалект как в ленинградском, так и в московском, и в саратовском, и во владивостокском и т. д. и т. д. произношениях, иначе говоря во всех

глийского standard в смысле „правильный“), мы должны, однако, помнить, что никакого объективного критерия „стандартности“, или „правильности“, того или другого диалекта по сравнению с другими диалектами не существует. Иначе говоря, с объективной точки зрения все коллективные диалекты и все коллективные говоры (любого языка) оказываются правильными. Нет никакой, например, возможности объективного доказательства того, что *„рукам работать“*, *„ногам дрыгать“* словосочетания неправильные, а *„руками работать“*, *„ногами дрыгать“* — наоборот, правильные; что родительный падеж *„путя“* и творительный *„знамем“* — неправильные, а *„пути“* и *„знаменем“* наоборот, правильные формы [2].

Это значит, что понятие „правильности“, или „стандартности“, тех или иных языковых фактов (или диалектов в целом) фактически означает ни более, ни менее, как субъективную привычность этих языковых фактов (и их совокупности в виде „стандартного диалекта“) для той социальной группы данного нацколлектива, на долю которой выпала историческая роль канонизации языковых норм. Вполне естественно и не нуждается в особых пояснениях то, что эта роль судьи, или оценщика „правильности“ и „неправильности“ языковых фактов, всегда выпадает на долю культурной верхушки господствовавшего в данный исторический период класса. Иначе говоря, стандартный диалект данной эпохи и есть социально групповой, и именно классовый диалект данной культурно- и политически-господствующей классовой группы (ибо „правильным“ становится то, что для этой группы привычно).

Социально-экономическое определение этой господствующей группы даст нам и социологическую характеристику стандартного языка данной эпохи.

Для дореволюционного периода XX века, как и для второй половины XIX века, в роли носителя (или так называемого „социального субстрата“) русского стандартного, или литературного, языка выступает, разумеется, буржуазная интеллигенция. Иначе говоря, язык Достоевского, как и язык Чехова, или Андреева и т. п. — это разные периоды и виды классового языка русской буржуазной интеллигенции.

Революционная эпоха вносит уже существенные поправки в это (социальное) определение русского „стандарта“. Ее существеннейшим сдвигом в плоскости языковой культуры является расширение „социального субстрата“ (т.-е. контингента носителей) русского стандартного языка. В круг носителей последнего вошло и продолжает входить много новых элементов, и мы имеем право утверждать, что социальный субстрат совре-

---

своих территориальных подговорных вариациях, конечно, может считаться потомком говора Москвы (XVIII—XIX веков), но лишь с двумя обязательными „нотабенэ“, (или оговорками): 1) об определенном классовом характере той речевой системы (внутри старого московского говора), которая послужила источником обще-русского стандарта; 2) о метисации живой русской, т.-е. восточно-славянской, речи и книжного церковно-славянского, или древне-болгарского, т.-е. южно-славянского языка — в течение всей истории предков нашего стандартного языка, начиная с XI века.

[2] И уже если подходить к языковым фактам с оценочной точкой зрения, то можно говорить не о „правильности ∽ неправильности“, а об относительной большей или меньшей выгодности (утилитарности) той или другой формы, или того или другого словосочетания и т. д. И с этой последней точки зрения нам, конечно, нужно будет предпочитать (т.-е. счесть за более утилитарные) „неправильные“ формы *путя* и *знамем*, *рукам работать, ногам дрыгать* и т п. Применение оценочной точки зрения к языковым явлениям мы находим, напр., в книге датского лингвиста Jespersen'а: „The progress in the language“, окончательно развенчивающей мнимое совершенство древнего индо-европейского — в частности, праязыкового — морфологического строя; утилитарными оказываются, наоборот, морфологические факты, типичные для таких языков, как турецкие (т.-е. для „агглютинативны“) или для таких, как китайский или же ново-английский (т.-е. для „изолирующих“ языков).

менного стандарта — это уже не *старая интеллигенция*,[1] а *советская интеллигенция*, в состав которой входят: революционный актив интеллигенции, культурные верхи рабочего класса и многочисленные — опять-таки передовые — элементы колхозного крестьянства (которому в дореволюционную эпоху, разумеется, был отрезан путь приобщения к культуре и ее орудиям, в числе которых стоит, конечно, и стандартный язык).

Так, следовательно, эволюционируя по направлению к признаку бесклассовости (в будущем бесклассовом социалистическом обществе), современный советский русский стандарт есть язык определенного социального коллектива — культурной верхушки советской общественности, — коллектива, который по статистическому и социальному своему составу оказывается гораздо более значительным, чем субстрат стандартного русского языка в дореволюционную эпоху.

Обратимся теперь к термину „литературный" язык (который мы условно и именно в применении к русскому языку позволили себе употреблять в качестве синонима к термину „стандартный язык"). Буквальное понимание этого термина — как „язык литературы" — далеко не исчерпывает того смысла, который весьма многими авторами вкладывается в это выражение. Именно под „литературным языком" весьма многие авторы понимают не что иное, как „стандартный язык" как в его устной, так и в письменной форме. В тех случаях, когда культурно и политически господствующая верхушка (как напр., русская интеллигенция конца XIX и начала XX веков) говорит, в общем, на том же языке, каким и пишет, оба значения термина „литературный язык" („стандартный язык" и „язык литературы") до известной степени совпадут, т.-е. стандартный язык будет в то же время и языком письменной литературы.

Но не надо забывать, что совершенно полное тожество разговорного (стандартного) и письменного (литературного) языка вряд ли где-либо встречается в истории языковых культур.[2]

А в конкретных языковых историях (различных языков) мы гораздо чаще имеем дело, наоборот, с весьма крупным расхождением между письменным и устным языком, в частности, с существованием двух стандартов: письменного и устного, каждый из которых представляет самостоятельную диалектическую систему. Так, например, обстоит дело с японским языком; разница между обоими японскими стандартами (письменным, на котором никто в настоящее время не говорит, и устным говором столицы Токио) очень велика и приблизительно может быть приравнена к различию между латинским и современным итальянским языками.

---

[1] А часть старой интеллигенции и территориально выбыла из контингента носителей „русского языка советской эпохи": мы имеем ввиду эмигрантствующую белогвардейскую интеллигенцию. А так как в этой эмигрантской среде продолжается традиция старого, дореволюционного „обще русского" стандарта (в виде литературного языка, качественно отличного от нашего — советского литературного стандарта, во-первых, по своему словарю, во-вторых, — по своей орфографии: с буквами „ять", „фита", с твердым знаком на конце слов и проч.), то мы вправе видеть здесь случай диалектологического дробления языка — именно дробление „стандарта" дореволюционной эпохи. Этот дореволюционный „обще-русский литературный язык" оказывается, следовательно, праязыком, т.-е. языком-источником), по отношению к обоим его продолжателем: 1) советскому литературному языку и 2) языку белой эмиграции.

[2] К наиболее совершенным примерам этого тожества относятся некоторые случаи рожденных революцией новых письменных языков — у бывших бесписьменных нацменьшинств Союза. Но там, где имело место не создание, а возрождение уже ранее существовавшей письменной культуры, мы обычно встречаем, наоборот, продолжение старой традиции письменного языка, удалявшей письменный язык от живого разговорного, в ущерб общему принципу советской языковой политики, требующей от письменного стандарта максимальной легкости, что осуществимо, конечно, лишь при условии возможно полной его близости к массовой устной речи. Ярким примером такого расхождения письменного и устного языков может служить литературный таджикский язык, который, особенно до декретирования латинизации графики, был почти во всех отношениях буквальной копией персидского письменного языка.

Подобное же расхождение между письменным литературным языком и живыми устными говорами имело место, вплоть до самого последнего времени, и в узбекском, где только сравнительно недавно стали сознательно игнорировать (хотя не до конца, однако!) традиционные особенности письменного языка, т.-е. стали писать более или менее „по-разговорному".

А в средние века, как и в начале „нового времени", вплоть до реформации, такое положение дела было типично для большинства языков Европы, при чем особую резкость факт этот имел именно в средневековье. Особо характерны те из относящихся сюда случаев, когда письменным языком был латинский язык[1] (у народа, говорившего на совсем уже ином — новой формации — языке): сравн. выступление Данте с его трактатом „De vulgari eloquentia"[2] в защиту прав итальянского языка (как и других живых романских языков) на литературное существование.

В значительной мере то же мы видим и в прошлом истории русского литературного (письменного) языка, особенно на ее первоначальных этапах. Строго говоря, в своем первоначальном виде это был даже вовсе не русский, а другой из славянских языков — древне-болгарский, обычно называемый церковно-славянским, или древне-церковно-славянским. Механически-пересаженный, в качестве языка „священного писания" и, следовательно, литературного языка, на русскую почву, этот древне-церковно-славянский язык, в сущности, может считаться предком, т.-е. историческим источником всех последующих русских литературных языков на всех последующих исторических этапах, включая даже наш стандартный, или литературный язык революционной эпохи.[3] На протяжении всей этой линии эволюционного развития — от языка Остромирова Евангелия 1066 г. до литературного языка второй четверти XX века — произошло, конечно, не мало сдвигов в социологической характеристике носителей литературно-языковой традиции; поскольку, однако, все эти последовательно сменявшие друг друга „социальные субстраты" представляли, все-таки, во все время указанной эволюции русскую по национальному признаку среду, все время продолжался процесс обрусения литературного языка, т.-е. смешения церковно-славянской его основы с живыми говорами русского населения.

На первом этапе этого преемства (от одной социальной группы к другой) в роли носителя книжного языка выступает, конечно, древне-

---

[1] Сравн. аналогичное же положение у некоторых мусульманских народов, иногда вплоть до революционной эпохи: так, напр., у чеченцев и у аварцев своей собственной письменности вовсе не было, и роль письменного языка выполнял арабский язык. Правда, грамотных и знающих арабский язык было среди чеченцев и аварцев очень немного (т.-е. этот письменный (арабский) язык не имел широкого применения), но одной из причин этого чрезвычайно низкого уровня грамотности именно и было то, что на родном языке вовсе нельзя было писать и, чтобы быть грамотным, нужно было усвоить столь трудный арабский язык, неродственный языкам данных национальностей.

[2] Буквально: „О народном красноречии", что по сути дела можно было бы перевести: „О народном (массовом) языке".

[4] В виде общего принципа, характерного для всякой линии эволюции (не только письменного, но и устного) стандартного языка, можно утверждать следующее: когда наступает новый этап в преемстве данного стандартного языка от одной культурно- и политически господствовавшей классовой группы к другой, то благодаря колоссальной значимости традиции, новая господствующая группа (новый социальный субстрат) продолжает пользоваться готовым составом стандартного языка, т. е. просто наследует стандартный язык предыдущего исторического этапа, и лишь во вторую очередь далеко не сразу, не единовременно, а наоборот, на протяжении всего периода своего политического господства осуществляет приспособление этого языка к своей социальной природе, т.-е. вносит в него черты, отображающие специфические особенности (экономического быта, классовой психологии и т. д. и т. д.) данной новой группы. При этом, в числе этих новшеств оказываются как положительные, так и отрицательные признаки, т.-е. не только, например, пополнение словаря новыми, характерными для новой группы, терминами, но и изгнание из словаря старых терминов, неприемлемых с точки зрения классовой психологии и идеологии нового господствующего класса: сравн., например, ликвидацию таких выражений, как *господин, милостивый государь, ваш покорный слуга* и т. п., в стандартном языке, унаследованном советской общественностью от предшествующего его „социального субстрата".

русское духовенство и, главным образом, духовенство южно-русское, киевское. Оно-то и было „культурной верхушкой“ своего времени. Следы этого периода, когда оформляющая роль принадлежала именно священникам-киевлянам, до сих пор усматриваются в известных конкретных признаках нашего стандартного языка, в частности, в специфическом характере согласного *г* в словах церковного, по преимуществу, употребления: *господи, бога-богу* и т. д. (родительный и другие падежи от *бог*), *бла́го* и т. п.; черта эта, обязанная своим происхождением влиянию киевского духовенства, уцелевает вплоть до начала XX века и легко может отмечена даже в наше время у представителей современного старшего поколения.[1] По мере того, как московский абсолютизм мало-по-малу отнимал „командные высоты“ у церковной власти, постепенно совершается и метаморфоза социального субстрата русского письменного языка: от киевского иерея эстафета истории книжного языка переходит к дьяку московских приказов, от церкви к бюрократии. Процесс этот, повторяем, носил постепенный характер, но в известной степени его можно все-таки датировать, или по крайней мере отметить в нем известные хронологические вехи (хотя бы и грубо-приблизительные): это — создание постоянных канцелярий, возглавляемых дьяками, иначе говоря, организация бюрократических учреждений, совпадающая с социальным оформлением бюрократии и имевшая место уже в XIV веке (в XV же веке мы застаем уже завершение этого процесса в организации центральных, „приказов“, т.-е. министерств Московской Руси). К этому же, приблизительно, периоду, повидимому, относится и качественный сдвиг в самом составе письменного языка в сторону его секуляризации: начиная с XIII и, главным образом, именно в XIV веке появляется „светский“ письменный стиль, отражающий живые говоры тогдашней русской речи;[2] этим „светским стилем“ пишутся именно „грамоты“, т.-е. юридические и административные документы, а также и летописи, тогда как в духовных (религиозных) сочинениях по прежнему господствует традиция церковно-славянского (древне-болгарского) языка.

Конечно, в последующих XVI и XVII столетиях борьба между духовенством и светской бюрократией продолжается, но уже с явным перевесом на стороне последней (вплоть до окончательного уничтожения теократизма при Петре I, когда упраздняется патриаршество, и церковь оказывается подчиненной светскому „обер-прокурору святейшего синода“) и соответственно этому главное место в составе „социального субстрата“, т.-е. в контингенте носителей тогдашнего письменного языка, занимает именно центральная, т.-е. московская, бюрократия. Отсюда, т.-е. от социальной характеристики письменного языка в XVI — XVII веках, недалек, по существу дела и XVIII век (первая, по крайней мере, его половина), когда судьба письменного языка опять-таки оказывается в руках бюрократии, но уже не московской, а петербургской (при чем не надо, однако, забывать про сдвиг иного рода, в ином направлении: про замену греческого, по преимуществу, влияния,[3] характерного для предшествующих периодов, западно-европейским.)

Наконец, три последних этапа:

1⁰. Первый из этих этапов: конец XVIII и первая половина XIX века. Языковая эстафета в руках дворянства, или дворянской (феодальной) интеллигенции, которая впервые осуществляет и „койнэизацию“ устного языка,

[1] Подробнее об этой черте, т.-е. об употреблении „проточного“ *г* в данных словах, говорится в отделе „Фонетики“.

[2] Но, конечно, не какой-либо единый „обще-русский“ говор: для установления устного стандарта, т.-е. для междурайонной „койнэизации“ еще не было почвы, как ее не было и в экономических условиях последующих периодов вплоть до второй половины XVIII века (см. ниже).

[3] Кроме греческого влияния на письменный язык Московской Руси можно отметить еще вторичное юго-славянское (болгарское и сербское) и, наконец, — в XVII, преимущественно, веке — польское влияние.

т.-е. начинает говорить уже не на местных территориальных говорах, а на одном и том же столичном — московском — диалекте, превращающемся таким образом в классовый „обще-русский“ язык. [1]

2°. Вторая половина XIX века и дореволюционные годы XX века. Эстафета стандартного языка переходит к „разночинцам“, т.-е. к интеллигенции буржуазной.

3°. Наконец, самый последний этап, начатый 1917 годом, окончательно тасует состав социального субстрата литературного (и устного стандартного) языка, вводя в него кроме занимающего организующую позицию революционного актива интеллигенции — многочисленные передовые элементы рабочего класса и крестьянства, т.-е. тех классов, которые во все предшествующие эпохи стояли вне стандартно-языкового развития.

Из этого краткого исторического очерка мы можем уже уяснить себе и генеалогическую характеристику нашего литературного (письменно-литературного, а также и устного стандартного) языка.

Представляя собою продукт смешения, или метисации[2] церковно-славянского, т.-е. древне-болгарского, языка и московского говора устной русской (великорусской) речи, современный стандарт обнаруживает и в своем словаре, и в морфологии (т.-е. в грамматических формах) как церковно-славянские, так и чисто-русские элементы.

При этом иногда мы наталкиваемся на две дублетных формы одного и того же слова, одна из которых оказывается по происхождению церковно-славянской, т.-е. усвоенной из письменного древне-болгарского языка, а другая — чисто русской, т.-е. восходящей к устной древне-русской речи. Приведу некоторые примеры таких дублетов:

I. Слова, содержащие в себе комплексы *оро, оло, ере* в противоположность комплексам *ра, ла, ре* в составе других, однозначащих с ними, т.-е. дублетных слов, оказываются чисто русскими по происхождению словами. А их дублеты, содержащие в себе *ра, ла, ре* (на месте *оро, оло, ере*), происходят, наоборот, из древне-болгарского (церковно-славянского) письменного языка, т.-е. являются „церковно-славянизмами“ современного русского языка. Примеры:

1. *Го́род* — чисто русское по своему происхождению слово; но дублетное слово *град* (в настоящее время уцелевающее главным образом в сложных названиях отдельных городов: *Ленинград, Сталинград* и т. п.), наоборот, церковнославянизм, т.-е. представляет собою не что иное, как соответствующее древне-болгарское слово *градъ* [со значением „город“]. [3]

2. *Сторона* — чисто русское слово, а *страна́* — церковно-славянизм, т.-е. соответствующий дублет древне болгарского происхождения (правда, не с тожественным, но близким значением).

---

[1] Кроме этого объединения на почве устного „обще-русского“ языка, дворянская интеллигенция объединялась еще и другим классовым языком, который точно так же (и даже в большей мере чем русский стандарт) служил отличительным классовым признаком и признаком привиллегированности этого господствовавшего класса: мы имеем в виду французский язык, владение которым считалось вполне обязательным, по крайней мере, для экономической и культурной верхушки дворянства.

[2] Метисацией, по терминологии Н. Я. Марра, называется смешение родственных языков или диалектов, — в отличие от гибридизации — смешения неродственных языков. Русский же и болгарский являются именно родственными языками, так как принадлежат к одной и той же группе (или „семье“ языков: к славянским языкам. В группу, или „семью“ славянских языков входят следующие языки: а) южно-славянские: болгарский, сербский, или сербо-хорватский, словинский и другие мелкие; б) западно-славянские: польский, чешский, словацкий и др. мелкие; в) восточно-славянские: русский — великорусский с белорусским и украинский.

[3] В качестве дальнейшего, т.-е. более отдаленного родственника данных двух слов (чисто русского *город* и церковно-славянского *град*), принадлежащего уже не славянской, а германской семье языков, можно указать на немецкое слово Garten „сад“; (значение „сад“ в немецком и значение „город“ в славянских языках разъясняются из того, что первоначально данное слово означало огороженное место; сравн., между прочим, и русское *огород* (*о-город*), а с другой стороны и церковнославянизм *ограда (о-град-а)*.

3. Слово *борода* — чисто русское, а дублет *брада*—церковно-славянизм.[1] Правда, в современном русском языке церковнославянскую форму слова — брада — можно считать уже вполне вышедшей из употребления, по крайней мере в качестве отдельного слова; но этот церковно-славянизм (*брада*) встречается еще у поэтов XVIII и начала XIX веков, а кроме того он входит в состав сложного слова — *брадобрей* (сравн. название пьесы А. Луначарского: „Королевский брадобрей.")

4. Прилагательное *дорогой, дорогая, дорогое* является чисто русским словом, а соответствующий ему дублет *драгой, драгая, драгое* представлял собою церковно-славянизм. Правда, в современном языке это церковно-славянское прилагательное (*драгой, драгая, драгое*) уже вовсе не употребляется в качестве отдельного слова, но мы зато находим его в составе сложных слов *драгоценный (драг-о-цен-н-ный), драгоценность (драг-о-цен-н-ость)*.

5. Слово *хоромы*[2] — чисто-русское, но в слове *храм* мы имеем уже церковнославянизм, а соответствующий чисто русский дублет в этом последнем значении уже вовсе не известен нашему языку. И конечно, само значение слова *храм* дает нам объяснение того факта, что здесь русский язык сохранил именно церковно-славянский, а не чисто русский, дублет: ведь значение это — специфически-церковное, религиозное, а потому для него и усвоен был массовым языковым мышлением термин из церковного языка, каким и был для древней Руси церковно-славянский, т. е. письменный древне-болгарский язык.

6. *Холод, холодный* — чисто русские слова, но их дублеты *хлад, хладный*, которые можно встретить в русской поэзии XVIII и первой половины XIX веков, — церковно-славянизмы. Правда, современный нам язык вовсе уже не употребляет слов *хлад, хладный*, но зато ему вполне свойственно прилагательное *прохладный*, представляющее собою соединение церковно-славянского прилагательного *хладный* с приставкой *про* (*про хлад-н ый*).

7. *Голова* — чисто русское слово, но *глава, главный (глав-н-ый), главенство* и т. п. — церковно-славянизмы (с основой *глав* вместо чисто русской, т. е. восточно-славянской формы *голов*).

8. *Золото* — чисто русское слово (руссизм), а *злато* — церковно-славянизм. Правда, в современном языке дублет *злато* уже не употребляется (его можно встретить зато у многих поэтов XIX века)[3], но в сложных словах мы до сих пор можем встретить основу *злат* — например *златоцвет* (*злат-о-цвет*), *златотканный* (*злат-о-тка-нн-ый*), *златоглавый* (*злат-о-глав-ый*).

9. *Молот* — чисто русское, а *млат* (встречающееся, наприм., у Пушкина в „Полтаве": „*Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат*") — церковно-славянское слово: в современном языке *млат* уже вовсе не употребляется.

10. *Молодой, молодость* — руссизмы, а *младой, младость* — церковно-славянизмы, которые опять-таки (как и *млат* вместо *молот*) не употреб-

---

[1] В качестве германской параллели к данным двум славянским словам (*борода* и *брада*) можно назвать немецкое слово Bart (с тем же значением).

[2] Означающее „богатый, роскошный дом или дворец".

[3] Например, у А. С. Пушкина:
„Я дал ему злата и проклял его" („Черная шаль").

ляются в современном языке, но зато часто встречаются у Пушкина и других поэтов XIX века [1].

11. *Берег* — чисто русское слово, а *брег* — церковно-славянизм [2]; в современном языке сохранилось производное от него прилагательное — *прибре́жный* (*при-бреж-н-ый*).

12. В слове *бре́мя* (родительный падеж *бре́мени*) мы имеем церковнославянизм; но зато в слове *бере́менная* сохранилась чисто русская форма той же основы (*беремен*) вместо церковнославянской основы *бремен*.

Чисто русские формы с комплексами *оро, оло, ере* имеют, как это легко видно из вышеприведенных примеров, на *один слог* больше, чем соответствующие им церковно-славянские формы основы (сравн. *город* и *град*, *голов-а* и *глав-а* и т. д.), т.-е. иначе говоря, чисто русские формы основ имеют на один гласный звук больше, чем церковно-славянские их эквиваленты. Поэтому данные чисто русские формы, наприм., *город, голод, голова, берег* и т. д. называются *полногласными* (и сама эта их звуковая особенность называется *полногласием*), а их церковно-славянские дублеты *град, глад, глава, брег* и т. д. — *неполногласными*.

II. Если имеются две дублетные формы одной той же основы, одна из которых содержит в себе звук *ж*, а другая на его месте содержит звукосочетание *жд*, то первый из этих дублетов (со звуком *ж*) является чисто русским словом (руссизмом), а второй, содержащий звукосочетание *жд*, — церковно-славянизмом.

Сравн., например, следующие слова:

1) *рожа́ть, роже́ница* — руссизмы, и с другой стороны *рожде́ние, порожда́ть* (по-рожд-ать), *рождество́* — церковно-славянизмы.

2) *межа́* (руссизм) и *ме́жду* (церковно-славянизм) и т. п.

Уже из вышеприведенных примеров (по крайней мере на большинстве из них) мы могли убедиться в том, что наш литературный язык постепенно изгонял из себя слова, являющиеся наследием древне-болгарского письменного языка, т.-е. церковно славянизмы, и таким образом в современную нам, революционную эпоху в русском стандартном языке их оказывается значительно менее, чем, например, в литературном, и в частности, поэтическом, языке XVIII и XIX веков. Тем не менее значительная часть этих церковно-славянских элементов нашего словаря стала уже от него неотделимой (сравн., напр., слово *время*, которое представляет собою церковно-славянизм; соответствующий же чисто русский дублет — * *веремя* вовсе не вошел в наш стандартный и письменно-литературный язык); и поэтому мы с полным правом можем именовать русский стандартный (и письменно-литературный) язык, *даже в современной его стадии*, продуктом метисации, т.-е. результатом смешения двух родственных между собою (принадлежащих к одному и тому же *славянскому* языковому семейству) языков: древне-болгарского, или церковно-славянского, и древне-русского.

Остается сказать об аспекте изложения языковых явлений в нашей «Грамматике» (— описательном или же историческом и т. д.). Грамматика

---

[1] Для некоторых других чисто русских слов, содержащих в себе комплекс *оло*, дублетными соответствиями являются церковнославянизмы с комплексом *ле* (но не *ла*, как в *глава, злато, млат*, (*младой* и т. п.): напр. к чисто русскому слову *молоко* имелся церковнославянский дублет *мле́ко*, который ныне встречаем в сложном слове *млекопитающие* и в термине *Млечный путь*; для русского народного слова *поло́н* мы имеем соответствующий ему церковнославянизм *плен*; и т. д. и т. д.

[2] В качестве параллели из германских языков к данным двум славянским словам (*берег* и *брег*), можно назвать немецкое слово Berg „гора"; значение его, правда, отличается от значения русского *берег* или *брег*; но это изменение значения объяснить нетрудно.

эта будет не исторической (и не сравнительной, разумеется[1]), но описательной, т.-е. будет иметь в виду лишь современную картину языка. В то же время, поскольку книга предназначается для узбекистанского читателя — она будет *в известной мере* дифференциальной грамматикой русского языка по отношению к узбекскому.

Однако, так как ни один момент языковой истории не выпадает из общей линии безостановочной диалектической эволюции языковых фактов, мы должны встретить в любую эпоху языковой истории, а следовательно, и в современном нам языке ряды неразрешенных диалектических противоречий, и уже в силу этого вынуждены рассматривать относящиеся сюда явления не чисто в статическом (описательном) аспекте, но именно как явления текучие и переходные — между некой исходной точкой (в прошлом) и синтетическим разрешением противоречивой характеристики данного явления (в будущем).

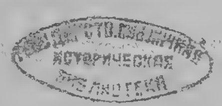
Наиболее элементарным примером может служить вопрос о переходных явлениях между словосочетанием и словом; к ним принадлежат, например, в русском языке известные сочетания с предлогами, а в узбекском такие, напр., формы, как *balta bilən* (или baltə-minən), или образование „Прогрессива“: *bara jatьrman* (|| barvatman, ƅarapmən, barjəppən, bərvətmən, barutmən, barjappan, barjatьrman и т. д. в зависимости от говора).

Так как языковая эволюция протекает всегда (во всякую эпоху всякого языка) и так как во всяком языке к содержанию языковой эволюции относятся универбационные процессы („словосочетание → слово“), диктуемые фактором экономии энергии, то подобного рода „переходные явления“ между словосочетанием и словом должны иметь место в любом языке и в любую эпоху.[2]

---

[1] Сравнительной грамматикой называется такая историческая грамматика группы родственных языков (напр., славянских), которая в изложении историй этих языков отправляется от бывших некогда общими для всех этих языков языковых фактов, восстанавливаемых из сравнения (т.-е сличения) самих данных языков — в их современной или же известной нам по письменным памятникам форме.

[2] О неизбежности диалектических противоречий в характеристике переходных явлений универбации я давно уже говорил и в специальных докладах, и в печатных работах. Тем не менее были, оказывается, попытки приписать мне ошибки моих учеников в этом вопросе (упустивших из учения о критериях единого слова момент диалектического противоречия различных критериев). В связи с этим, в 1931 году я посвятил этой теме особую работу (предназначаемую для „Трудов УзНИИКС“) под заглавием: „Еще о критериях единого слова“. Отмечу кстати, что Р. О. Шор, писавшая на эту тему, указывает, между прочим, на совпадение (отнюдь не тектуальное!) одного из моих критериев определения „единого слова“ с тем, что было сказано по этому поводу, еще в прошлом столетии, английским лингвистом Sweet'ом. (см. „Рус. яз. в сов. школе“ 1929 г. № 5, стр. 34). Совпадение это, однако, таково, что в нем никто не усмотрит заимствования: оно говорит лишь в пользу того, что и Sweet, и я в данном случае подошли (независимо друг от друга) к правильному решению задачи. Во всяком случае совпадение это простирается на один только признак — именно на понятие потенциальной *изолируемости* „единого слова“, и ничего общего, следовательно, не имеет с теми „позаимствованиями“, которые позволяет себе сама Р. О. Шор — в виде выписывания целой страницы текста без малейшего упоминания об источнике: сравн. отрывок, начинающийся на 50 странице в книге „Язык и Общество“ Р. О. Шор 1926 года, и начинающийся на 60 странице в моих „Лекциях по введению в языкознание и общей фонетики“ 1923 г.

Часть I

УЧЕНИЕ О ЗВУКОВОМ СОСТАВЕ (ФОНЕТИКА) РУССКОГО ЯЗЫКА

СОСТАВ СЛОВА И СЛОГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Словом является потенциально изолируемый отрезок речи, т. е. такой комплекс, который способен употребляться отдельно, в качестве отдельного высказывания, или отдельной фразы (чаще всего такая изоляция одного слова наблюдается в диалоге — при вопросах, переспросах и ответах на вопросы); наоборот, звуковой комплекс, представляющий собою только часть слова, не способен к изолированному употреблению Напр., можно себе представить отдельное высказывание или фразу, состоящую из одного слова: *студент* (напр., вопрос: *Кто он?* ответ: *Студент*); но нельзя себе представить фразу, состоящую только из одной части слова *студент*, напр., из комплекса *сту*. В доминирующем большинстве случаев слово содержит в себе 1 ударение (это относится и к русскому, и к узбекскому и массе других языков). Таким образом, наличие и единство ударения может считаться звуковым признаком слова. Кроме того в отдельных языках будут иметься свои специфические звуковые признаки, определяющие конец или начало слова. К ним принадлежит, напр., отсутствие парных звонких согласных на конце русских слов, о чем мы будем говорить в дальнейшем (при рассмотрении системы русских согласных). Надо заметить, что слово, как потенциально изолируемая единица речи, иногда может оказаться несовпадающим с графической единицей письменного слова: напр, комплексы *в Самарканд, на огород* и т. п. и по признаку потенциальной изолируемости, и по единству ударения в них (а также и по оглушению конечного *д*, т. е. по признаку отсутствия конечных парных звонких согласных) должны считаться примерами одного слова, но пишутся они в русском письме как два письменных слова (т. е. предлог *в* [здесь *в* произносится как *ф*] и предлог *на* пишутся отдельно от основы — на правах самостоятельного письменного слова).

Слог может быть характеризован как потенциальный носитель ударения, т. е. такой комплекс, который способен бывает принимать на себя ударение. Напр., звукосочетание *ката* может быть произносимо (с точки зрения русского языкового мышления) только двумя различными (в отношении ударения) способами: или в виде *ка́та* или в виде *ката́*; это потому, что в данном звукосочетании имеется только 2 отрезка, способных быть носителями ударения, — именно 1) *ка*, 2) *та*; иначе говоря, в этом звукосочетании 2 слога. Комплекс *Вологда* может быть, наоборот, произнесен трояко: 1) или *Во́логда*, 2) или *Воло́гда*, 3) или *Вологда́*. Это значит, что в слове *Вологда* три слога.

В виде доминирующей нормы число слогов в слове соответствует числу наличных в нем гласных звуков.

Как в узбекском, так и в русском языке слова бывают односложные (напр., *дом, он, шёл, шёлк;* сравн. узбекские примеры односложных слов: yj, at, bar, nan, kel, ket, и т. д.) и многосложные, т.-е. состоящие из двух или более слогов (напр., *она́, вода́, ого́нь* — слова из 2 слогов; *приведи́, расска́жи* — слова из 3 слогов; *карандаши́, популя́рный* — слова из 4 слогов и т. д.; сравн. узбекские примеры двухсложных, трехсложных и четырехсложных слов: şora, adam, bardь, keldi; soramaq, keltyrdi; əldirilgən, çymhyrijət). При этом в общем итоге количество многосложных слов будет больше, чем односложных, как в русском, так и узбекском языке. В большинстве случаев русские слова состоят из нескольких частей (или морфем), обладающих своим собственным смысловым значением: так напр., слово *пиши́* состоит: 1) из корня (или корневой морфемы) *пиш* выражающего понятие определенного действия — именно писания и 2) из следующей после корня (или суффиксальной) морфемы *и*, выражающей идею „повелительного наклонения“, т.-е. идею приказания или просьбы;[1] слово *пишите* состоит уже из трех морфем — одной корневой и двух суффиксальных (или суффиксов): 1) корень *пиш*, 2) суффикс повелительного наклонения *и* (тот самый, который мы встретили в слове *пиши*[2] и 3) суффикс *те*, который выражает понятие многочисленности лиц, к которым обращена данная просьба (или приказание), и который поэтому может быть назван суффиксом множественного числа.[3] Сравн. подобную же делимость (на несколько морфем) и узбекских многосложных слов: напр., слово jazdь состоит из 2 морфем: 1) корня jaz выражающего (как и русский корень *пиш* — в словах *пиш и, пиш-и-те, пиш-у* и т. д.) идею действия — писания, 2) суффикса dь, выражающего идею прошедшего времени, и потому называемого суффиксом прошедшего времени.[3] Возьмем теперь пример четырехморфемного узбекского слова əldirilgən: оно делится на следующие морфемы: 1) корень əl *„умирать“*, 2) суффикс — dir или dьr образующий глаголы со значением „заставлять делать то действие, которое выражено коренной морфемой“, в данном случае „заставлять умереть“, т.-е. „убивать“ (таково значение глагольной основы əldir-), 3) суффикс il, образующий страдательный залог (əl-dir-il — „быть убиваемым“) и 4) суффикс причастия прошедшего времени, gən, благодаря которому əl-dir-il-gən получает уже значение причастия: „убитый“.

Подобным образом может быть разложено — на несколько морфем — большинство многосложных слов как узбекских, так и русских. И лишь в сравнительно редких случаях мы будем встречать русские многосложные слова, состоящие только из одной морфемы, т.-е. будем сталкиваться со случаями двухсложного[4] или многосложного[5] корня; в преобладающем

---

[1] Что по-узбекски было бы выражено формой jaz или jaz qьn.

[2] И который, с другой стороны, встретится нам в ряде других слов являющихся тоже формами повелительного наклонения: напр. *скаж-и́, по-ло-жи́ иди́, вед-и́* и т. д.

[3] Впрочем, как в узбекском, так и в русском языке, формы множественного числа, — напр., *пишите, скажите. положите, идите. ведите* и т д. (а равным образом и узбекские формы jazьn, aj ьn [или əjtin], qo ьn, ьаrьn burьn, kelin, и т. д.) употребляются не только для обозначения множества, а выражают также и вежливую просьбу, обращенную к одному лицу (см. ниже в отделе „Глагол“). Но это — уже вторичное значение форм множественного числа. Основным их значением, а следовательно и основным значением суффикса -*те* в слове *пишите* (как и суффикса -ьn | -in в узбекских jaz-ьn kel-in) надо считать именно идею множественности.

[4] Напр., *Го́род* — двухсложное слово, состоящее только из одной морфемы — корня.

[5] Напр., *ана́лиз, каранда́ш* — слова из 3 слогов, не делящиеся на морфемы в русском языковом мышлении, т.-е. состоящие только из одной морфемы-корня. Однако, в тех языках, откуда получены русским языком данные слова, они были сложными (в морфологическом отношении) комплексами: так в греческом слове, к которому восходит наше слово *анализ*, выделялась в качестве первой морфемы приставка *ана*, употреблявшаяся и в целом ряде других греческих слов; а слово *карандаш*, заимствованное русским из турецкого языка, восходит к турецкому словосочетанию из 2 слов: qaranu daş „темный камень“ (по-узбекски было бы qaraңь taş: узбекскому слову taş в юго-западно-турецких языках соответствует фор-

же большинстве русские корни — односложны.

В этом анализе (разложении на морфемы) русских и узбекских многосложных слов мы наталкиваемся, однако, на следующее различие между обоими языками (русским и узбекским): в то время как узбекские многоморфемные слова (вроде bar-dь, əl-dir-il-gən, bar-ьn, qara-ɋan-da, kel-tyr-iŋ-lər и т. д.) будут разлагаться на 1) корень и 2) суффиксы (от одного суффикса до 5—6 суффиксов подряд в некоторых словах), в русском языке, кроме корня и суффиксов, нам встретится еще т р е т ь я категория морфем, которые будут помещаться не после корня (как суффиксы), а п е р е д корнем слова и, вместе с тем, по характеру своих смысловых значений будут походить на суффиксы, а не на корневые морфемы (т.-е. будут выражать не главные, а второстепенные идеи в составе общего значения данного слова).

Такие морфемы мы будем называть п р е ф и к с а м и, или п р и с т а в к а м и. В узбекском языке, в виде общего правила, они отсутствуют и лишь, как на исключение, можно указать на наличие узбекского префикса (или приставки) *eŋ* в таких комплексах как eŋ kəttə, eŋ kicik, eŋ jaxşь, eŋ bələnd и т. д. Приведем несколько примеров русских префиксов (или приставок), представляющих собою, как уже было сказано, типичное для русского языка явление:

1) слово без префикса (без приставки): *шёл*; то же слово, но с различными префиксами (приставками): *пришёл, ушёл, зашёл дошёл, подошёл;*

2) слово без префикса (без приставки): *нес*; то же слово, но с разными префиксами (приставками): *принёс снёс занёс донёс занёс унёс;*

3) слово без префикса (без приставки): *звал*; то же слово, но с различными префиксами (приставками): *позва́л, призва́л, назва́л, обозва́л* и т. д.

§ 2. В узбекском языке в громадном большинстве случаев ударение приходится на последний слог слова (сравн., например, ata [диалектически atə], где ударение приходится на слог ta [или tə]; atasь [диалектически atəsi], где ударение приходится на слог sь [si]; atalar [диалектически atələr], где ударение приходится на слог lar [lər]; atalarь [диалектически atələri], где ударение приходится на слог rь [ri]; atalarьɋa [диалектически atələrigə] с ударением на слоге ɋa [gə] и т. д.). Не то в русском: здесь мы встречаем случаи ударения буквально на любом по порядку слоге, т.-е. в некоторых (многосложных) словах ударение будет приходиться на последний слог (примеры: *коммуни́ст, голова́, лицо́, борода́, иду́, принеси́, борозда́, вода́, годово́й)*, в других — на предпоследний (напр., *комму́на, това́рищ, яче́йка, зелёный, кра́сный, го́род, мо́ре, Ле́нин)*, в третьих — на предпоследний, т.-е. третий с конца *(па́ртия, вы́двинул, пра́вильный, ко́мната, вы́ехал, пя́тница)*, в четвертых — на четвертый от конца слова слог (напр., *вы́двинули, вы́двинула* [напр. *па́ртия вы́двинула*], *мно́жественность)* и, наконец, в некоторых словах — на пятый от конца слова слог (напр., *мно́жественное* [*число́*], или даже

ма с начальным *d* [вместо *t*] — daş). Так обстоит дело с большинством русских трехсложных (и состоящих более чем из 3 слогов) слов, состоящих только из одной морфемы корня; т.-е. в преобладающем числе случаев наличная в русском языке трехсложная (или четырехсложная и т. д.) коренная морфема (как *анализ, карандаш, адвокат, президиум* и т. д.) является заимствованной из некоего другого языка (*анализ*, как мы видели, из греческого; *карандаш* — из турецкого; *адвокат* и *президиум* — из латинского), при чем оказывается, что в этом языке соответствующий комплекс был или сложным (т.-е делившимся на несколько морфем) словом или даже словосочетанием (как в турецком qaraŋu daş, откуда русское *карандаш*).

на 6-й и 7-й от конца слог, что будет однако, уже редкостью[1]. Разнообразие в этом отношении, как мы видим, очень велико и, следовательно, для того, чтобы правильно поставить ударение, т.-е. чтобы произнести русское слово с верным ударением, необходимо предварительно знать это слово — знать на каком слоге оно д о л ж н о иметь ударение. А потому, заучивая каждое новое русское слово, необходимо вместе с тем заучивать и место ударения в этом слове.

При этом от неправильной постановки ударения (— не на том слоге, где нужно) у слушающего не только создается впечатление грубого искажения русской речи, но зачастую может получиться и неправильное понимание слова: есть пары слов различающихся в звуковом отношении и с к л ю ч и т е л ь н о п о м е с т у у д а р е н и я (при тожестве гласных и согласных звуков) — таковы, напр., слова *за́мок* (по-узбекски qorqan и *замо́к* (по-узбекски qulf). Кроме того в определенных грамматических классах слов место ударения служит важным признаком известных грамматических форм данного слова, напр., признаком определенного падежа: сравни, напр., 1) два разных падежа от существительного женского рода *вода*: родительный (2 п.) ед. числа *воды́*, и именительный (1 п.) мн. числа *во́ды*; или *ноги́* — *но́ги*, *беды́* — *бе́ды*, *спины́* — *спи́ны*, *жены́* — *жёны* — те же два падежа от существительных женского рода *нога́*, *беда́*, *спина́*, *жена́*; и т. д. и т. д. 2) различное место ударения в винительном (4 п.) ед. числа и в прочих падежах един. числа от таких имен существительных, как *вода́* (4 п. — *во́ду*), *нога́* (4 н. — *но́гу*), *спина́* (4 п. — *спи́ну*), *доска́* (4. — *до́ску*) и т. д. Еще большее значение имеет место ударения в формообразовании глаголов: например, сравн. *буди́те* — 5 л. наст. времени [по-узбекски ujqatьŋ] и *бу́дите* — 5 л. наст. времени [по-узбекски ujqatasьz, ujqata jatьrsьz] от глагола *буди́ть* — ujqat maq. Сравни также основанное на ударениях различение прилагательных: *больша́я* — женский род положительной степени (kəttə) и *бо́льшая*[2] женский род с р а в н и т е л ь н о й степени того же прилагательного; но об этом будет итти речь в своем месте.

§ 3. В отличие от узбекского языка, в котором состав слога (из согласных звуков и гласного) допускает сравнительно мало разнообразия, русские слоги могут иметь весьма различный количественный и качественный состав. Именно: узбекский слог не может иметь больше о д н о г о согласного в своем начале — перед гласным, и не более двух согласных на конце слога;[3] русский же язык допускает большое разнообразие слогового

---

[1] Приведем по одному примеру слов с ударением на 6-м и 7-м слоге от конца: *вздра́гивающие* (— ударение на первом т.-е. на 6-ом от конца слоге), *взве́шивающие* (тоже на 6-ом от конца слога), *све́шивающиеся* (ударение на 7-м от конца слоге).

[2] В этом случае, — так как никакого другого отличительного признака формы сравнительной степени, кроме места ударения не существует, — знак ударения ставится даже в обычном письме, т.-е. формы сравнительной степени пишут и печатают так: *бо́льшая*, *бо́льшую* и т. д.

[3] Впрочем и 2 согласных на конце слога (за исключением некоторых определенных их комбинаций вроде rt как напр. в слове tort, или rq как в слове qьrq, или st как напр. в слове yst и т. д.) являются до известной степени редкими для узбекского языка; исторически наличие слогов с 2-мя конечными согласными объясняется, главным образом, арабским и персидским словарным влиянием; древнейшему же составу тур. языков большинство таких комплексов (кроме только что указанных rt rq st, и некоторых тому подобных) было вполне чуждо. Добавим, что живое массовое произношение обнаруживает стремление проводить вышеуказанную, типичную для узбекского языка, норму (именно о д и н, а не д в а соглас-

состава, т.-е. самые различные по своей структуре типы слогов (часть которых, следовательно, оказывается неприемлемой для узбекского языка). Приведем главные из встречающихся в русском языке типов слогов, причем оговорим те из них, которые не находят себе параллели в узбекском языке:

1. Кратчайший вид слога — из одного гласного: напр. слоги *а, и, у, о, э.*

2. Согласный + гласный. Напр. слоги *та, по, чу, я, ю, е* и т. д.

3. Согласный + гласный + согласный. Напр., слоги: *так, руш, кол, мон, мой, яр, ют, ел, ким* и т. д.

Эти 3 типа слогов имеют, разумеется, полные права гражданства и в узбекском языке. Далеко не то приходится сказать о нижеприводимых типах, которые поэтому представляют известные трудности и в обучении узбеков русскому языку.

4. Согласный + согласный + гласный. Примеры: *Вла* (напр., в слове *Владúмир*), *бро* (напр., в слове *брóсить*, в слове *брóня*), *кни* (напр., в слове *кнúга*), *гну* (напр., слово *„(я) гну“* [= (mən) egəmən] или в слове *гнутый*), *ску* (напр., в слове *скýка*), *зво* (напр., в слове *звóнит*), *рву* (напр., слова *„рву* [3 п. от *рóв*]“ и „(я) рву“ [= (mən) jьrtaman, jьrta-jatьrman]), *бло* (напр., в слове *блóхи*), *бли* (напр., в слове *близость*), *льву* (3 п. от *лев*) и т. д. и т. д.

Этот тип слогов (как, разумеется, и следующий — 5-й) вовсе чужд узбекскому языку, а потому и совершенно непривычен для узбекского языкового мышления. Этим объясняется, конечно, и то что сочетание двух согласных в начале слова является неприемлемым для узбекского языка, а значит и русские слова, начинающиеся с двух согласных рядом, оказываются для узбека трудно усваиваемыми: он, обычно, переделывает их на свой манер, вставляя н е д о с т а ю щ и й (с точки зрения узбекского языкового мышления) гласный или м е ж д у данными двумя согласными или п е р е д ними: так напр., вместо *скáжет* узбек склонен произнести *искажет* (iskə́zit) или *ыскажет*, вместо собств. имени (фамилии) *Сталин — исталин* или *ысталин* [istəlin], вместо *трактор — тырактор* [tirəktir] и т. д.[1]

5. Согласный + согласный + гласный + согласный. Примеры: *крот, плот, знать, брать, льёт, чьих, чьим, счёт* (произносится как *шчот = щот*), *вьюн, труд* и т. д.

ных на конце слога и слова) даже в отношении этих исключительных слоговых комплексов —
оканчивающихся в литературном языке на 2 согласных, именно на rt rq и т. д. Так вместо
комплекса tərt („4“) — из четырех звуков — живое массовое произношение нередко употреб-
ляет сокращенную форму tər — из трех звуков (t ə, r) т.-е. форму с одним лишь (а не с
двумя!) согласным на конце слога. Сравни подобное же упрощение, или сокращение, конеч-
ных комплексов st и şt в таких, напр., заимствованных словах, как məst („пьяный“), gəşt
(„мясо“), которые в массовой речи обычно звучат как məs, gəş. И так, хотя современный
узб. язык (и в частности, именно л и т е р а т у р н ы й узб. язык), успевший пережить много-
вековое влияние персидского и арабского языков, д о п у с к а е т, в виде общего правила,
сочетания двух заканчивающих собою слог согласных в г о р а з д о б о л ь ш е й м е р е, чем
древне-турецкий и примитивные турецкие языки, тем не менее и в современном узбекском
языке (и именно в живых массовых его говорах) н а б л ю д а е т с я т е н д е н ц и я к с о-
к р а щ е н и ю этих сочетаний двух согласных, т.-е. к утрате одного из них (как в tərt → tər,
məst → məs, gəşt → gəş). Подобные же сокращения весьма часто встречаются и при произ-
ношении узбеками русских слов, оканчивающихся двумя согласными (напр. *пóезд* → pajьz
или pajiz в узбекском произношении; и т. п. и т. п.).

[1] Сравн. также смешение (в узбекском восприятии) слова *стена* со словом *истина.*
С другой стороны, благодаря смешению „*т* (*ть*) м я г к о г о“ со звуком „*ц*“, оба эти слова
(*стена* и *истина*) могут быть смешаны также со словом *сцена*. Добавлю, что вставка глас-
ного (*i* или *ь*) п е р е д двумя начальными согласными русского слова (как *стенá* → *истина*)
имеет место тогда, когда первый из этих двух согласных — проточный (напр. *с* или *ш* и т д.).
Если же первый согласный — смычный, то гласный вставляется после него (напр., *tirəktir*
из *трактор*).

Этот тип, разумеется, в той же мере труден для узбекского языкового мышления, как и тип 4-й.

6. Гласный + согласный + согласный. Например: *аст* (в слове *энтузиа́ст*), *иск* (слово „*иск* [*судебный*]") и т. д.

7. Согласный + гласный + согласный + согласный. Примеры: *рост, мозг, лоск, маск* (в слове *Москва́*), *лист, визг, писк, весть* и т. д.

В отличие от слогов 4-го и 5-го типов данные два типа слогов (6 и 7) не должны считаться чуждыми узбекскому языковому мышлению, несмотря на то, что большинство случаев подобных слогов в самом узбекском языке принадлежит не к исконным турецким („тюркским") словам, а арабским или персидским заимствованиям — см. выше примечание на стр. 22 — 23. Зато б о л е е двух согласных на конце слога (а значит и на конце слова) узбекский язык не допускает, тогда как в русском вполне возможны следующие, напр., типы:

8. Гласный + согласный + согласный + согласный. Напр., *искр* (2 пад. мн. ч. от *искра*).

9. Согласный + гласный + согласный + согласный + согласный + согласный. Напр., *чуфстф* (так в действительности произносится слово *чувств* — 2 пад. мн. ч. от *чу́вство*); *ца́рств* (2 пад. мн. ч. от *царство*); слог *дарств* в слове *госуда́рств* (— 2 пад. мн. ч. от *госуда́рство*).

Напомним, что данные два типа (8 и 9) упомянуты нами здесь просто как п р и м е р ы типов слогов с более чем двумя конечными согласными; кроме них существуют еще, разумеется, слоги, отличающиеся от взятых нами примеров *(искр, чувств)* по своему началу, которое, в данном случае для нас не играет роли; но мы ведь и не ставим себе педантической задачи исчерпывающе перечислить все встречающиеся в русском языке типы слогов — куда уместились бы все комбинации звуков, способные быть слогами: нам важно указать лишь характерные особенности этих комбинаций (как мы здесь указали на возможность 3 и 4 согласных на конце слога) и отметить какие из этих особенностей представляют затруднения для узбека, изучающего русский язык.

Если, как выше было уже указано, два согласных в начале слога (и слова) оказываются неприемлемыми для узбекского языкового мышления, то тем более затруднений представят (при изучении русского языка) слоги и слова с т р е м я и б о л е е начальными согласными подряд. Между тем такие слоги (и слова) в русском языке имеются: например —

10-й тип: согласный + согласный + согласный + согласный + гласный. Напр. *фстре* (так в действительности произносится первый слог слова *встре́ча*).

Или —

11-й тип: согласный + согласный + согласный + согласный + гласный + согласный. Пример: слово *встреч* (произносится *фстреч*) — родительный падеж мн. числа от *встре́ча*.

Повторяю, что всех наличных в русском языке разновидностей сложных по своему составу слогов мы здесь не исчислили. Но и названных примеров достаточно, чтобы показать, как свободно подбирает русский язык самые разнообразные сочетания согласных с гласным звуком — сочетания, способные быть в этом языке слогами, в то время как узб язык, наоборот, связан в этом отношении строгими нормами, делающими невозможным более или менее значительное стечение согласных.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

§ 4. В делении звуков русского языка на согласные и гласные на практике можно руководиться следующим признаком: звук, наличие которого в данном звукосочетании обусловливает то, что звукосочетание оказывается слогом (и следовательно м о ж е т носить на себе ударение) считается гласным; остальные звуки — согласными.[1] Таким образом, если из слога *кос* (допустим в слове *абрико́с*) мы попробуем изъять (т.-е. пропустить) звук *о*, мы найдем, что оставшиеся звуки *(кс)* не будут образовывать слога (и комплекс *абрикс* будет уже не трехсложным, как *абрикос*, а двухсложным): они будут, следовательно, — согласными а звук *о*, наоборот, гласным звуком.

§ 5. Согласных (т.-е. не слогообразующих) звуков в стандартном русском языке можно насчитать по крайней мере, 35.[2]

Именно:

1. Назовем сначала те согласные звуки, которым соответствуют особые буквы русской азбуки (при этом те из этих согласных звуков, для которых имеются более или менее точные соответствия в узбекском языке, мы сопровождаем их узбекской транскрипцией — как в виде мусульманской [арабской] буквы, так и в виде латинской буквы НА — Нового Алфавита).

---

[1] Строго говоря, применяемый нами здесь критерий („звук, образующий слог, — гласный; звук неслогообразующий — согласный") оказывается неточным с обще-фонетической точки зрения: могут произноситься (и фактически произносятся в известных словах определенных языков) такие комплексы, где слогообразующим звуком оказывается согласный (а гласного звука в данном слоге вовсе не имеется); и наоборот — такие комплексы, где в одном и том же слоге участвуют два рядом стоящих гласных звука. В качестве примеров первого случая (т.-е. слогообразующих согласных) можно назвать следующие слова из сербского языка: *прст* (— в русском этому слову соответствует *перст*, т.-е. „палец" (узб. barmaq), *срп* (— серб — название национальности). Несмотря на то, что в этих сербских словах вовсе не произносится ни одного гласного звука (и потому в написании их не пишется ни одной гласной буквы), каждое из них (— слово *прст* и слово *срп*) образует собою отдельный слог: звук р выступает здесь в функции слогообразующего, т.-е. исполняет в данном случае ту роль, которая обычно принадлежит гласным звукам (напр. *а, о, у, и* и т. д.). Примером второго случая (сочетания двух гласных звуков внутри одного слога) могут служить многие слова из немецкого языка — напр., немецкое Haus („дом", „уј"), нем. Maus („мышь", „сьсqan") и т. п.: здесь слогообразующим является гласный звук *a*, а следующее за ним *u* не образует своего особого слога, но примыкает к предшествующему *a*, напоминая собою по-этому произношение узбекского (согласного) звука *v* (ؤ); следовательно немецкое Haus можно было бы передать узбекским алфавитом в виде həvs (هاؤس), а немецкое Maus — виде məvs (ماؤس).

Здесь мы не имеем возможности останавливаться на более подробном анализе подобных случаев (в роде сербских *прст, срп* и немецких Haus Maus) и, в частности, решать вопрос, перестает ли слогообразующий согласный быть согласным звуком (т.-е. следует ли называть сербское *р* в словах *прст*, *срп* „гласным звуком *р*") и перестает ли неслогообразующий гласный немецкое *u* в Haus, Maus) быть гласным звуком, т.-е. следует ли называть немецкое *u* в Haus, Maus с о г л а с н ы м — как узбекское *v* (ؤ). А кроме того, оказывается, нам и нет надобности останавливаться на этих вопросах, поскольку мы имеем в виду факты русского языка и узбекского языка (а не сербского и немецкого): дело в том, что в русском языке слогообразующая функция согласного встречается весьма редко и, когда встречается, оказывается факультативной (т.-е. данный комплекс может быть произнесенным двояко, — напр., слово *министр* может быть произнесено и как трехсложное, и как двухсложное; мы будем в праве, следовательно, иметь в виду в таких случаях только то произношение, которое будет удовлетворять вышеуказанной норме, т.-е. будем считать, напр., слово *министр* двухсложным, а не трехсложным); что же касается узбекского языка, то в нем проводится строгое различение между гласными *u, i*, с одной стороны, и согласными *v, j* — с другой. Поэтому вопрос о слогообразующих согласных, как и вопрос о неслоговых гласных (вроде немецкого *u* в Haus Maus) нам здесь нет надобности затрагивать.

В итоге оказывается, что именно на основании звукового состава рассматриваемых нами языков (русского и узбекского), мы имеем полную возможность не останавливаться на исключениях из вышеуказанной общей нормы (— „гласный — образует слог, согласный — не образует слога"). На практике этот критерий различения гласных и согласных звуков будет для нас вполне достаточным.

[2] О некоторых согласных звуках, которые имеются (сверх данных 35) лишь у некоторых из представителей современного стандартного языка (т.-е. в определенных социальных группах современного русского населения) будет упомянуто ниже.

		Узбекские эквиваленты	
1. *П*	напр. в слове *пáпа*	پ	p
2. *Б*	„ „ „ *бáба*	ب	ʙ
3. *Ф*	„ „ словах *фóкус, факт,* „ „ „ *фонáрь, фрáза,* „ „ „ *фрáкция, Фрáнция*	ف	f
4. *В*	„ „ слове *вáжно*		
5. *М*	„ „ „ *мáма*	م	m
6. *Т*	„ „ „ *так*	ت	t
7. *Д*	„ „ „ *дом*	د	d
8 *С*	„ „ „ *сам*	س	s
9. *З*	„ „ „ *зал*	ز	z
10. *Ш*	„ „ словах *шум, шить*	ش	ş[1]
11. *Ж*	„ „ „ *жечь, жар*	ژ	ƶ[2]
12. *Ц*	„ „ „ *цирк, цúфра, царь*		
13. *Ч*	„ „ „ *чай, чúстый*	چ	c
14. *Л*	„ „ слове *лампа*	ل	l
15. *Р*	„ „ „ *рад*	ر	r
16. *Н*	„ „ „ *наш*	ن	n
17. *К*	„ „ „ *как*	ك	k
18. *Г*	„ „ „ *город*	گ	g
19. *Х*	„ „ „ *хор*	خ	x

2. Согласный звук, который хотя и имеет соответствующую ему букву в составе русского алфавита, но чаще обозначается не ею, а особыми гласными буквами, которые передают, таким образом, два звука: и данный соглáсный, и следующий за ним гласный. Это —

	Узбекский эквивалент	
20. Звук, *Й*, напр., в словах *мой, май, чай*	ي	j

Буква *й* употребляется для данного согласного только тогда, когда она стоит на конце слога (как *мой, твой, свой, май, дай, дáйте, открóй, открóйте, чей, шей, первый, большóй, зной, знóйный, óшейник, чай, чáйник,* и т. д.). В тех же случаях, когда звук *й* (соответствующий звуку j = ي в узбекском) стоит перед гласным (того же слога), т.-е. в таких комплексах, которые соответствуют узбекским ja [или jə], ju, je, jo, буква *й* не употребляется, а вместо нее для передачи звука *й* служит следующий прием: и согласный звук *й*, и следующий за ним гласный выражаются некой особой единой буквой: именно 1) сочетание *й* + *а* выражается буквой *я* (сравн. русское слово *Япония* и узбекское jaman = يامان: в первом слоге русского слова Япония — точно также два звука, как и в первом слоге узбекского jaman = يامان; но по-русски они пишутся единой буквой *я*, а по-узбекски двумя буквами: j + a (а в узбекской арабице يا); 2 сочетание *й* + *у* (соответствующее следовательно, узбекскому ju = يۇ) пишется единой буквой *ю* (напр., в слове *юг*, которое узбекским письмом пришлось бы транскрибировать уже н е в виде д в у х, как в русском написании, а т р е х букв: jug = يۇگ); 3) сочета-

[1] Звук Ш в русском языке несколько отличается на слух от звука ş (ش) в узбекском языке: см. ниже.

[2] Русский звук Ж также отличается от того звука ƶ (ژ), который встречается в известных узбекских говорах (напр., в Самаркандском — в словах gəƶdum, əƶdərha, qiƶƶək и т. д.), см. ниже.

ние *й* + *э* выражается единой русской буквой, *е*, которая, следовательно, будет в таких случаях соответствовать узбекскому сочетанию из двух букв: je (يې); напр., русское слово *ест* (означающее „jejdi, jejjatьr“ в узбекском написании выразилось бы *четырьмя* буквами: jest [или ييست] — вместо *трех* букв (*е, с, т*) в русском написании; 4) сочетание *й* + *о* пишется буквой *ё*[1] (которая в таких случаях соответствует, следовательно, узбекскому буквосочетанию jo = يو[2]); например слово *ёлка* узбекскими буквами можно было бы написать в виде jolkə.

3. Согласные звуки, для которых нет особой соответствующей им буквы в русском алфавите и которые могут быть переданы с помощью буквы ь после согласной буквы:

21. *пь* напр. в слове *струпья* (первый слог — струпь, второй слог — я[= *й* + *а*])

22. *бь* *отре́бья* (первый слог — *от*, второй слог — *ребь*, третий слог — я[= *й* + *а*])

23. *фь* *Со́фья* (женское собственное имя) первый слог — *софь*, второй слог — я[= *й* + *а*]

24. *вь* *кро́вью* (5 пад. ед. ч. от *кровь*) первый слог — *кровь*, второй слог — ю[= *й* + *у*, т.-е. = узб. ju]

25. *мь* в словах *семь, во́семь, впрямь*

26. *ть* в слове *мать* и в глагольных формах неопределенного наклонения, напр., *спать, читать* и т. п.

27. *дь* *судья* (первый слог — *судь*, второй слог — я[= *й* + *а*])

28. *сь* в словах *здесь, бою́сь, борю́сь, деру́сь*

---

[1] Заметим, что на практике (в большинстве изданий — за исключением словарей, а также букварей и т п учебных книг по русскому языку) начертание буквы *Ёё* упрощается: пропускаются две точки, стоящие над фигурой *Е* или *е*, и таким образом буква *Ёё* фактически оказывается совпадающей с буквой *Ее*. В результате этого, напр., такие слова как *нёбо* („tanlaj“) и *небо* („asman“) могут быть написаны одинаково *небо*. Равным образом слова *всё* („həmmə, həmməsi“) и *все* („həmmələr“ могут встретиться нам под одним и тем же написанием *все* (впрочем орфографические „Правила“ 1917 г. рекомендуют различать эти оба слова, т.-е. в слове *всё* сохранять начертание *ё* с двумя точками). Это смешение букв *ё* и *е*, не представляющее особых трудностей (за исключением лишь таких слов как *всё* — *все*, *нёбо* — *небо*) для русского (уже грамотного), доставляет ряд значительных затруднений в процессе чтения русской книги узбеку (или вообще нерусскому), ибо ему для того, чтобы правильно произнести слово, в написании которого участвует фигура *е* (или *Е*) нужно уже наперед знать это слово, т.-е. помнить, что именно в данном слове (такого-то значения) фигуру *е* (или *Е*) следует понимать как букву *ё*(*Ё*), но не *е* *Е*). В известной мере но именно лишь частично) трудности эти могут быть облегчены знанием следующего правила: буква *ёЁ* никогда не может встретиться в русском тексте) в неударенном слоге (т.-е. случаи, когда приходится выбирать между чтением *ё* или *е*, ограничиваются лишь ударенными слогами — как напр., *нёбо* и *небо* и т.-п.), а следовательно, если мы почему либо уже знаем, что данный слог, в котором мы находим фигуру *е* (или *Е*), является неударенным слогом, то мы уже знаем, что здесь надо читать букву *е*, но не *ё*. Например, поскольку мы знаем, что в слове *еда* ударение на втором слоге, мы должны читать, следовательно, написание *еда*, как еда = jeda, но не как ёда = joda.

[2] Не следует, впрочем забывать, что в известных узбекских говорах — напр., в узбекской речи Самарканда (и в т. п. других „иранизованных“ говорах узб. языка) русский звук О найдет себе соответствующий узбекский гласный звук не в том чрезвычайно закрытом звуке О, который изображается в узбекской графике буквой „O“ (или в арабице буквой و ,ئو), но наоборот в узбекском „*A*“ (ا | ئا) Таким образом русское слово *сон* („ujqu“, „tyş“) окажется подобозвучным с самаркандским произношением узбекского san = سان „число“ (или с его гомонимом san = سان „пах“.) Следовательно русское звукосочетание, выражающееся русской буквой *ё* (*ёлка* и т.-п.), самаркандцем и представителем других подобных „иранизованных“ узб. говоров) может быть транскрибировано узб. буквами уже не в виде jo (يو), но в виде ja (يا).

29. *зь* *друзья́* (первый слог — *друзь*, второй слог — *я*[= *й* + *а*])
30 *ль* *соль*
31 *рь* *верь*
32 *нь* *конь*
33 *кь*
34 *гь*
34 *хь*

Эти звуки почти не встречаются в русском языке на конце слога (т.-е. в такой позиции, где их следовало бы согласно законам русского письма изображать с помощью буквы *ь*); примером подобных исключений может служить русское личное имя *Лукьян* или русская фамилия *Лукьянов*. Но и в начале слога звуки *кь гь хь* употребляются преимущественно лишь перед гласными звуками *и* и *э* (— пишется буква *е*), и лишь в виде исключений встречаются перед другими гласными (главным образом в заимствованных словах). В связи с тем, что позиция перед звуками *и* и *э* (— пишется буква *е*) может считаться з а в и с и м о й позицией для мягких согласных *кь гь хь*, звуки эти (— *кь гь хь*) оказываются в значительной мере менее самостоятельными звукопредставлениями, чем прочие парные мягкие согласные (напр., *ть дь сь*), т.-е. приближаются, до известной степени, к понятию комбинаторных вариантов фонем *к г х*.

33. Звук *кь* мы находим, напр., в словах *кит*, *Керчь*, *Кяхта* (географическое название заимствованное из монгольского языка).
34. *гь* *гидра*, *герб*, *гяур* (из арабского через юго-западно-турецкий).
35. *хь* *хитрый*, *хижина*, *снохе* (3 падеж от *сноха*).

Согласные звуки последней категории (21 — 35), т.-е. звуки: *пь*, *бь*, *фь*, *дь*, *сь*, *зь*, *ль*, *рь*, *нь*, *кь*, *гь*, *хь*, или иначе говоря, — п а р н ы е м я г к и е с о г л а с н ы е[1] вообще не находят себе соответствия в узбекском языке[2]. Узбеки в виде общего правила, произнося русские слова, просто заменяют

---

[1] Потому, что они являются, собственно говоря, вариантами „твердых" согласных, пишущихся той же буквой, но без буквы *ь*.
Именно:

П а р н ы е с о г л а с н ы е

Твердый	Мягкий	Твердый	Мягкий
п	пь	з	зь
б	бь	л	ль
ф	фь	р	рь
в	вь	н	нь
м	мь	к	кь
т	ть	г	гь
д	дь	х	хь
с	сь		

Остальные же согласные — не входящие в эти пары „твердых" и „мягких" — именно звуки *ц*, *ш*, *ж*, *ч*, *й*, мы будем называть непарными, при чем часть из них, именно *ц*, *ш*, *ж*, носит характер „твердых", а остальная часть, т.-е. *ч*, *й*, „мягких" звуков.

[2] Если не считать того различия в оттенках узб. согласных звуков, которое наблюдается (да и то лишь в (н е и р а н и з о в а н н ы х т.-е. с и н г а р м о н и с т и ч е с к и х узб. говорах) между согласными в передних и задних словах — напр., между t в terək til с одной стороны и t в taq [tav], altь — с другой. Однако, это явление представляет лишь приблизительную (далеко не точную аналогию к русскому делению согласных на „мягкие" и „твердые"; надо помнить, что узбекские (в сингармонистических узб. говорах) „полу мягкие" звуки в передних словах (напр. t и r в слове terək) гораздо меньше отличаются от своих вариантов в задних словах (напр., в слове tarьq или, напр., в слове qatar), чем русские „мягкие" (напр., *ть*, *рь*) от „твердых" (*т*, *р*). Кроме этой физической разницы между турецкими п о л у-м я г к и м и и русскими м я г к и м и важно указать еще на следующее принципиальное различие: в русском мягкость согласного — это специфическая черта самого данного звука, в турецких же языках твердость или полу-мягкость согласных зависят от того, является ли в с ё д а н н о е с л о в о задним или передним в сингармонистическом отношении.

их соответствующими им „твердыми“ (поскольку, разумеется, данный „твердый“ звук имеется в узбекском языке), т.-е. произносят *п* вместо *пь*, *с* вместо *сь*, *р* вместо *рь* и т. д.[1] Более того, большинство узбеков, вы- учившихся русскому языку на слух и без систематического руководства, вовсе не подозревают о существовании этой категории согласных. Между тем, для того, чтобы правильно произносить русские слова, овладеть уме- нием произносить парные „мягкие“ согласные совершенно необходимо (ибо те искажения русских слов, к которым поневоле прибегают узбеки, не на- учившиеся произносить звуки *пь*, *мь*, *ть*, и т. д., т.-е. произношения ввиде *пъят* вм. *пять*, *мъёт* вм. *мёд*, *замо(р)с* вм. *замёрз* и т. п., воспринимаются русским ухом, как грубые, совершенно недопустимые с точки зрения рус- ского языкового мышления, ошибки). Для того, чтобы приобрести эти на- выки „парных мягких“ согласных, т.-е. уменье произносить звуки пь, бь, фь, вь, мь, ть, дь, сь, зь, ль, рь, кь, гь, хь, (как на конце слога, т.-е. в та- ких случаях, как *мать*, *конь*, *царь*, так и перед гласным, т.-е. в слогах *тя*, *тю*, *тё*, *ти* и т. п.), нужно, конечно, внимательно наблюдать русское про- изношение, и именно — для того, чтобы сосредоточить свое внимание на качестве данного согласного — наблюдать произношение отдельных изолированных слов (при том произносимых медленно и внятно). Но кроме того, для получения требуемого языкового уклада может помочь следую щий искусственный прием: для того, чтобы получить „парный мягкий“ со- гласный (напр., пь), надо одновременно соединить с произношением соот- ветствующего „твердого“ звука (т.-е. звука п) тот уклад языка, который имеется при произношении звука *й* (j = ي), т.-е. постараться о д н о в р е- м е н н о произнести и данный согласный (п) и звук *й* (j). Вся суть задачи состоит при этом именно в одновременности этих двух различных работ: таким образом, нужно давать себе строгий отчет в различии: 1) последо- вательного сочетания твердого согласного с *й*, т.-е. комплекса *пй* (pj) и т. п. и 2) парного мягкого согласного, в частности *пь*, который получается при одновременном соединении работ, характерных для *п* и *й*, что схематичес-

ки можно выразить в виде следующей формулы: $\text{пь} = \begin{bmatrix} \text{п} \\ \text{й} \end{bmatrix}$ или $\begin{bmatrix} \text{p} \\ \text{j} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \text{پ} \\ \text{ي} \end{bmatrix}$;

равным образом, конечно, $\text{мь} = \begin{bmatrix} \text{м} \\ \text{й} \end{bmatrix}$ или $\begin{bmatrix} \text{m} \\ \text{j} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \text{م} \\ \text{ي} \end{bmatrix}$; $\text{нь} = \begin{bmatrix} \text{н} \\ \text{й} \end{bmatrix}$ или $\begin{bmatrix} \text{n} \\ \text{j} \end{bmatrix} =$

$= \begin{bmatrix} \text{ن} \\ \text{ي} \end{bmatrix}$; $\text{ть} = \begin{bmatrix} \text{т} \\ \text{й} \end{bmatrix}$ или $\begin{bmatrix} \text{t} \\ \text{j} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \text{ت} \\ \text{ي} \end{bmatrix}$[2] и т. д.

---

[1] Так напр., я наблюдал произношение русского слова замёрз (узбеком-самаркандцем) в виде *замос*, слова *пять* в виде *пъят* (пйат = pjət پیت), *мёд* в виде мъёт (мйот) и т. п.

[2] Кроме того, именно относительно звука *ть* (но не всех других „парных мягких“) — нужно указать еще следующую произносительную особенность, которая может помочь уз- беку дифференцировать это *ть* от *т*, т.-е. узнавать, когда произносится *ть* и когда *т* раз- личая таким образом такие пары слов как *мать* — *мат* и т. п.): когда русский произносит звук *ть*, в исходе (в конце) этого звука слышится небольшой призвук, качественно напоми- нающий мягкий согласный „*сь*“. Т.-е. в звуке *ть* улавливается — в качестве последнего его элемента — краткий звук, сходный с согласным *сь* (выразить схематически эту особенность русского звука *ть* можно посредством формулы „$\text{ть} = \text{ть}^{\text{сь}}$“). Благодаря этому призвуку, русский звук *ть* оказывается до некоторой степени сходным с русским звуком *ц*, который, как об этом будет ниже сказано, состоит из 2 элементов: *т* + *с* (сравн. формулы „$\text{ть} = \text{ть}^{\text{сь}}$“ и „*ц* = *тс* = ts = تس“); н о э т о о т н ю д ь н е д о л ж н о п о в л е ч ь з а с о б о ю с м е ш е- н и е з в у к о в *ть* и *ц*: не говоря уже о том, что призвук ^{сь} в составе согласного звука $\text{ть} = \text{ть}^{\text{сь}}$ гораздо слабее в количественном отношении, чем элемент с (s) в составе слож- ного согласного звука *ц* = *тс* = ts, надо подчеркнуть строгое качественное различие между *ть* и *ц*: первый из них (*ть*) является „мягким“ (принадлежа к „парным мягким“), а второй (*ц*), наоборот, — „твердым“ согласным (принадлежа к „непарным твердым“). Отсюда практиче- ский вывод: на ряду с практическими упражнениями в дифференциации звуков *ть* и *т* (в словах *мать* „ana“ и *мат* „mat (şətrənçdə)“, *лежать* и *лежат* и т. д.) изучающему рус- ское произношение узбеку нужно обратить внимание и на дифференциацию звуков *ть* и *ц*, никоим образом не допуская их смешения в своем собственном произношении и отчетливо различая их на слух — в произношении русского.

На конце слога «парные мягкие» согласные выражаются в письме, как уже было указано, через прибавление буквы *ь* (так называемого — мягкого знака) к букве, которая в отдельности обозначает соответствующий твердый согласный (примеры: *копья, мать, лень, соль, царь* и т. д.). Но в тех случаях, когда они произносятся непосредственно перед гласными звуками *а, у, о, э,* для их обозначении употребляется сложный прием, аналогичный тому, который, как мы уже видели (см. § 3), служит для передачи звука *й* перед данными гласными. Именно, вместо того, чтобы употреблять здесь букву *ь*, т.-е. вместо того, чтобы писать сочетания из трех букв, например *пьа, пьу, пью, пьэ,* пишут всего лишь две буквы, при чем *ьа* заменяется буквой *я, ьу* заменяется буквой *ю, ьо* заменяется буквой *ё* и *ьэ* — буквой *е:* мы получаем, таким образом, следующие написания из двух букв:

пя, пю, пё (например, в слове *Пётр), пе* (например, в слове *пел)*

тя (в слове *тянет), тю* (в слове *тюрьма), тё* (в слове *тётя), те* (в слове *тело)*

дя (в слове *дядя), дю* (в слове *Надю* винительный падеж от уменьшительн. женск. имени *Надя), дё* (в слове *дёшево), де* (в слове *дело)*

ня (в слове *няня*), *ню* (в женском имени *Нюра*), *нё* (в словах *гнёт, нёс), не* (в слове *нет)*

кя (в слове *Кяхта), кю* (например, в фамилии композитора *Кюи), кё* (в слове *ткёт), ке* (напр., в *Керчь);*

и далее, например:

ся, сю, сё, се
зя, зю, зё, зе
ля, лю, лё, ле
ря, рю, рё, ре и так далее...

Кроме вышеуказанных случаев положения парных мягких согласных на конце слога (где они пишутся с помощью буквы *ь*) и в слогах типа *пя, пю, пё, пе* или *ля, лю, лё, ле* и т. п., они имеются еще в положении перед гласным *и,* где твердый согласный, наоборот, оказывается невозможным (с точки зрения русского языкового мышления). Таким образом, необходимо помнить, что перед буквой *и* обязательно надо произносить «парный мягкий» (например, в слогах *ти, ли, си, зи, ки, ги, хи* и т. д.), а перед буквой *ы*, наоборот — соответствующий «парный твердый» (например, *ты, лы, сы, зы* и т. д.[1])

П р и м е ч а н и е. Что же касается «непарных согласных» (например, *ш, ж, ц, ч),* то, какая бы буква за ними не следовала, они всегда произносятся одинаково, ибо, как выше было указано, они не имеют двух парных вариантов. Между прочим, есть и такие, например, случаи, когда за «непарными» согласными (в том числе за «непарным твердым», например, *ш, ж)* пишется буква *ь* («мягкий знак»), что имеет место в особых грамматических формах — в частности, например: 1) в именах женского рода 4-го склонения (в именительном-винительном падеже единственного числа): например, *вошь, рожь, ночь, вещь,* или 2) в окончании 2-го лица настоящего и будущего времени глаголов, которое всегда пишется через *шь*: *ведешь, несешь, идешь, чита-*

---

[1] Но согласные *к, г, х* перед звуком *ы* отсутствуют в литературном русском языке (если не считать, конечно, некоторых заимствованных слов, а также тех слов, которые употребляются лишь в местных диалектах; что же касается звукоподражательных комплексов вроде к ы с - к ы с, то здесь обычно произносится не гласный звук *ы*, но слогообразующий согласный *с* — см. выше примечание [1] к стр. 25). Во всяком случае для определенного типа коллективного языкового мышления (русского языка) отсутствие — или, что в данном случае то же, невозможность, непредставимость — звукосочетаний *кы гы хы* является принципиальной фонологической нормой.

ешь, ходишь; 3) в формах повелительного 2-го лица, — например: *ешь, режь, спрячь, плачь* и т. п., в неопределенных наклонениях на *чь* — *лечь, печь, беречь, течь* и т. д. В таких случаях буква ь («мягкий знак») имеет только морфологическое (грамматическое) значение — служа признаком данной именно грамматической формы [или данного склонения имен женского рода, или 2-го лица настоящего и будущего времени, или формы повелительного, или неопределенного наклонения], но никакого звукового значения не имеет, т. е. нисколько не изменяет качества предшествующего согласного: например, *ш*, будучи твердым согласным, остается таким же твердым и в вышеприведенных формах (*вошь* — читается так же, как если бы было написано: *вош*, *несёшь* — читается также, как если бы было написано: *несёш* и т. д.).

§ 6. В заключение повторим еще раз общий перечень русских согласных звуков (обязательных для всех социально-групповых диалектов русского стандартного языка):

I. Парные.

I. 1 парные твердые	I. 2 парные мягкие
п	пь
б	бь
ф	фь
в	вь
м	м
т	ть
д	дь
с	сь
з	зь
л	ль
н	нь
р	рь
к	кь
г	гь
х	хь

II. Непарные согласные

II. 1 непарные твердые	II. 2 непарные мягкие
ц	ч
ш	й
ж	

§ 7. Зная состав русской азбуки, читатель склонен будет подумать, что в вышеприведенном перечне русских согласных звуков допущен пропуск одного звука — именно звука *щ*. Но поскольку мы будем иметь ввиду ленинградское произношение обще-русского стандартного языка, буква *щ* соответствует — в фактическом произношении русского ленинградца — не особому согласному звуку, а сочетанию из двух уже известных нам согласных звуков, именно сочетанию *ш* + *ч*. Таким образом, всюду, где пишется буква *щ*, ленинградцы произносят *шч* (= şc = شچ), напр.: *ищу* — чит. *ишчу* (= işcu = ئشچۇ), *вещи* (множ. число) — чит. *вешчи*, *вещь* (единств. число) — чит. *вешч* и т. д. Это (ленинградское) произношение может быть рекомендовано и изучающим русский язык узбекам — как более легкое, так как, принимая его за образец, нет надобности в усвоении особого согласного звука (каковым является *щ* в произношении москвичей[1].

[1] В московском подговоре русского стандартного языка (в отличие от ленинградского подговора) имеется особый согласный звук *щ*, отличный и от звука *ш* и от звука *ч* — это долгий (двойной по занимаемому им времени) звук, отличающийся от *ш* своею „мягкостью" (тогда как *ш*, как мы уже видели, твердый согласный). Из звуков турецких языков московское *щ* наиболее подходит, по своему качеству, к казанско-татарскому произношению ç = *c* в Новом Турецком Алфавите; разница будет при этом, конечно, в том, что казанское ç = *c* — краткий, а московское *щ* — долгий звук.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 8. Согласные *п, б, м, т, д, с, з, ч, р, н* не требует особых пояснений, так как их можно, в общем, приравнять к узбекским звукам p (پ), в (ب), m (م), t (ت), d (د), s (س,) z (ز), c (چ), r (ر), n (ن).

Согласный звук *ф* (напр. в словах *фо́кус, фра́за, ци́фра, факт, Фра́нция, фона́рь, фа́уна, фло́ра, фунда́мент, фото́граф* и т. д.) представляет значительные трудности для изучающих русский язык узбеков, несмотря на то, что буква f (в арабице ف) имеется в составе узбекского алфавита. Объясняется это тем, что большинство узбекских говоров или вовсе не обладает звукопредставлением *ф* (f) или же пользуется им в весьма ограниченном числе случаев — именно в звукоподражательных (и производных от них) словах (напр., puf „дуновение“, pufla(maq) „дуть“, tuf „плевок“, tufla(maq) „плевать“). Исключением являются лишь так называемые „максимально-иранизованные“ говоры узбекского языка (вроде самаркандского, ходжентского, бухарского), представляющие собою, собственно говоря, не что иное, как узбекскую речь в устах двуязычного таджикского населения данных пунктов (— городов Самарканда, Ходжента, Бухары и т. п.); и так как в своем родном — таджикском языке население этих пунктов в полной мере обладает умением дифференцировать звук *f* от звука *p*, то это различение естественно переносится здесь и в узбекскую речь (данного двуязычного населения, при чем — как и следовало ожидать — звук *f* употребляется, в узбекских говорах данных двуязычных пунктов, главным образом в тех словах (арабского и персидского происхождения), которые оказываются общими и для таджикского и для узбекского языков (напр., если самаркандец, ходжентец, бухарец и т. д. произносит слово fil „слон“ в своей таджикской речи, то, употребляя это самое слово в узбекской речи, он и здесь естественно будет произносить его с тем же самым звуком f). Представители же прочих узбекских говоров (— за исключением вышеуказанных „максимально-иранизованных“) не имеют потребности дифференцировать звуки *f* и *p*, и потому в большинстве случаев просто заменяют письменное *f* через *p* в своем фактическом произношении (т.-е. произносят pil вместо fil, Pərqana вместо Fərqanə, pəbrikə вместо fəbrikə и т. д.) С тем же неумением различать звуки *ф* (f) и *п* (p) мы естественно встречаемся и в русской речи узбеков. При этом сущность данного дефекта состоит не в неумении произносить *ф*, но именно в неумении дифференцировать (различать) этот звук от звука *п*.

Поэтому при преподавании русского языка в узбекской школе необходимо обратить внимание на то, чтобы ученики умели различать на слух *ф* от *п* и правильно воспроизводить это различие (т.-е. сознательно дифференцировать, напр., по начальному согласному такие слова, как *фра́за* и *про́за* и т. д.[1]).

Относительно качественной характеристики русского *ф* добавим, что это — губно-зубной, а не губно-губной звук,[2] т.-е. такой именно звук, какой самаркандцы произносят в fil, fərman, Fərqana и т. п. словах с f = ف, но не такой, какой ташкентцы, напр., склонны произносить в словах puf, puflə(maq), tuf, tuflə(maq) и т. п.

---

[1] Тогда как, например, от уроженцев Ташкента, в том числе даже бегло говорящих по-русски, сплошь и рядом приходится слышать такого рода ошибки, как *пра́за* (вместо *фра́за*) и, наоборот, *фро́за* (вместо *про́за*), *пиропесор* (pirəpesir) вм. *профессор* и т. д.

[2] Это значит, что нижняя губа должна, при произношении этого звука (*ф*), быть приложена не к верхней губе, а к верхним передним зубам.

Укажем кстати, что в некоторых определенных позициях звуку *ф* живого русского произношения в письме соответствует не буква *ф*, но буква *в*: это имеет место на конце слов (напр., здоров, остров и т. д.) или в положении перед глухим согласным (напр., в словах *второй, завтра* и т. п.—, а равным образом, в фамилиях на *ов, ев*: например, *Иванов, Поливанов, Яковлев, Шамсиев*). Равным образом, звук *ф* произносится и на месте предлога *в*, если основа начинается с глухого согласного: напр., в Ташкент, в Ташкенте, в Самарканд, в Самарканде, в книге и т. д.

Соответствующий мягкий согласный — *фь*, пишущийся обычно через *вь* на конце слов (напр., *кровь, любовь*) и только в исключительных случая через *фь* (— Софья), тоже представляется трудным для узбеков (и, конечно, даже более трудным, чем твердое *ф*).

§ 9. Русское *в* отличается от узбекского v (ۋ) именно тем, что русское *в* — губно-зубной, а узбекское v (ۋ), по кр. мере в неиранизованных узб. говорах, — губно-губной согласный. При усвоении русского *в* надо, таким образом, обращать внимание на то, чтобы нижняя губа, приподымаясь, приближалась не к верхней губе, но к верхним передним зубам (к нижнему их краю).

§ 10. Русское *ш*, как и русское *ж*, являются „твердыми“ согласными звуками, тогда как узбекское ş (ش) и узбекское (в самаркандском, напр., говоре) ƶ (ژ) носят характер „мягких“ звуков.

Кроме того, надо иметь в виду, что большинству узбекских говоров звук ƶ (ژ) оказывается неизвестным, а потому необходимо приучать представителей этих узбекских говоров к различению *ж* (= ƶ = ژ) от ç = ج и к правильному произношению *ж* (тогда как звук ç = ج оказывается, в общем, ненужным для русского языка).[1]

§ 11. Русское *ц* представляет собою тесное сочетание (— в 1 сложный согл. звук) элементов *т* + *с*. Таким образом, *ц* можно было бы передавать узб. буквами ts (تس) с тем только напоминанием, что элементы эти соединены здесь также тесно, как и элементы *т* + *ш* (t + ş) в составе такого же сложного звука — *ч* (c = چ). Так как звук *ц* отсутствует в узбекском языке, то для правильного его употребления потребуются специальные упражнения.

Нужно принять в расчет, что при восприятии русских слов с *ц* узбеки просто подменяют его через свое *s*.[2]

§ 12. Русское *л* „твердое“ (т.-е. *л* в таких, например, словах, как *лампа лапа, лоб, стол, стул, дал* и т. д.) находит к себе весьма близкое соответствие в неиранизованных (сингармонистических) говорах узбекского языка — в звуке l в словах *заднего* состава (напр., bala, balalar, tal, aldь, aldьlar, qaldь, qaldьlar и т. д.), но не в „передних“ словах (вроде til, tillər, keldi, jel, bel и т. д.). Таким образом, для представителей данных именно (— неиранизованных) узбекских говоров (напр., говоров Туркестанского и Чимкентского уездов, Хорезма и кишлачных „кыпчакских“ говоров, например, в Самаркандской, Кашка-Дарьинской, Зеравшанской и др. областях), как и для представителей других тур. языков, русское „твердое“ *л* само по себе не представит затруднений. Трудными будут лишь сочетания этого *л* с передним гласным (напр., *пил*) — точно также, как и обратные сочетания: мягкого *ль* с задним гласным (напр., *быль, только*).

Иначе будет обстоять дело с представителями иранизованных (несингармонистических) узбекских говоров (напр., Самарканда, Ташкента, Джи-

---

[1] См. впрочем, ниже § 13 о звуках, присущих лишь некоторым из социально-групповых подговоров русского стандартного языка.

[2] Исключением являются те случаи, где *ц* оказывается в фактическом соседстве со звуком *с*. В таких случаях в узбекском восприятии *ц* заменяется не через s, но через t. Так словосочетание *два месяца*, звучащее как *два месца* (где на месте буквы *я* гласный почти не слышен и вовсе не воспринимается узбекским слухом) превращено было в dvə mestə = два места.

зака, Катта-Кургана, Коканда, Намангана, Андижана и большинства других городов Узбекистана): в их родном языке имеется только один[1] вариант звука l (ل), который не будет равен ни русскому „твердому" *л*, ни русскому „мягкому" *ль*, а будет занимать промежуточное положение между ними.[2]

Поэтому для представителей данных (городских) узбекских говоров (равно как и для таджиков) нужна постановка произношения русск. „твердого" *л*, при чем им придется, следовательно, усваивать то самое произношение, которое присуще другим (неиранизованным, по преимуществу кишлачным) говорам узбекского языка (т.-е. звук l в неиранизованном произношении слов tal, atlar, qьl, aldь, qalqan, bolmaq, jьl и т. п.). Разница же в звукопроизводных работах при русском *л* „твердом" (или, что все равно, при l в неиранизованном произношении слов tal, atlar, qьl, aldь, qalqan и т. д.) и при „среднем" l в самаркандском, ташкентском и т. п. городских узбекских говорах, с другой стороны, состоит в положении средней части спинки языка (в то время, как кончик языка занимает, в общем, приблизительно одинаковое положение и при том, и при другом звуке): именно, при русском „твердом" *л* средняя часть спинки языка сильно опущена (вогнута вниз), тогда как при самаркандско-ташкентском (и таджикском) l она более приподнята, но, в общем, не выгнута ни книзу, ни кверху (а при русском „мягком" *ль* — наоборот, выгнута кверху; таким образом, самаркандско-ташкентское l и по положению спинки языка может быть названо именно *средним*[3] между двумя русскими звуками: „твердым" *л*, с одной, стороны и „мягким" *ль*, с другой).

Русские *к*, *г* могут быть, в общем, приравнены к узбекским k (ک) g (گ), хотя в некоторых словах они и могут звучать как звуки промежуточные, во первых, между узб. k (ک) и q (ق), во вторых, между узб. g (گ) и q (غ). [Однако, точное соотношение между качеством русских звуков *кг* и узбекских *kg* формулировать очень затруднительно, так как место смычки (а, значит, и степень акустической „твердости ~ мягкости") в узбекских *k g* сильнейшим образом варьируется по диалектам; так, например, в пределах хорезмских говоров мы найдем два крайних типа: очень „твердые" *kg* в северо-хорезмских, и, наоборот, чрезвычайно „мягкие" *kg* (вроде *кь*, *гь*) в южно-хорезмских („огузских") говорах: хивинском и т. п.].

Русское *х* (в словах *холод*, *хор* и т. д.) напоминает собою узбекское x (خ), хотя и не является столь глубоко заднеязычным звуком (т.-е. при русском *х* подымается к нёбу не столь задняя часть спинки языка, как при узбекском звуке).

Русский звук *й* может быть отожествлен, как мы уже выше говорили, с узбекским j (ي); таким образом, например, русское *дуй* читается как узб. duj, а русские буквы *я*, *ю*, *ё*, *е* — в положении не после согласного читаются как узбекские слоги jə [или ja], ju, jo, je. Именно: *я* = jə [или *я* = ja — в неиранизованном узб. произношении], *ю* = ju, *ё* = jo [или *ё* = ja в иранизованном узб. произношении], *е* = je. Добавим, что в некоторых словах звук *й* (j) произносится и передгласным *и*: напр., *чьи* (чит. как cji), *чьих* (чит. как cjix), *чьим* (чит. как cjim) *Ильич* (Iljic[4].

Наконец русская буква *щ* (согласно ленинградскому произношению) читается как *шч*, т.-е. как узбекское звукосочетание ş c = شچ (см. § 7).

Парные „мягкие" согласные (которые надо произносить, когда за буквой парного согласного следует буква, *ь*, или *и*, или же *я*, *ю*, *ё* или *е*) пред-

[1] Не считая, разумеется, мелких, нюансов (в зависимости от различных соседних гласных), каковые возможны во всяком языке.

[2] Сравн ниже § 13 о звуке l в названии муз. ноты la.

[3] Точно также, как с р е д н и м l может быть назван и тот присущий интеллигентскому русскому произношению звук, который произносится в названии муз. ноты la (и в некоторых других иностранных словах); см. ниже.

[4] Совершенно ошибочно по-узбекски пишут Il'ic или Ilic. Эта передача, основанная на попытке передать буквенный состав русского И л ь и ч, вовсе не соответствует звуковому составу этого слова. Писать по-узбекски надо именно Iljic.

ставляют значительную трудность для усвоения узбеком, и потому постановке произношения этих звуков необходимо посвятить особые упражнения. Ученик при этом должен наблюдать произношение учителя, научиться отличать по слуху слова *мать* и *мат*, *жарь* и *жар* и т. п. и научиться самому произносить их. В качестве общего правила здесь надлежит запомнить, что „мягкие“ согласные отличаются от соответствующих „твердых“ положением с р е д н е й ч а с т и с п и н к и я з ы к а: при „твердых“ она опущена — вогнута книзу, тогда как при „мягких“ она, наоборот, сильно приподнята — выгнута вверх, т. е. занимает то же положение, что и при русском звуке *u* (или при *й* = j).

§ 13. Остается сказать о тех согласных звуках, которые носят — в составе русского языка — необязательный характер, т. е. произносятся не всеми представителями (не всеми социальными группами) современного стандартного русского языка. Это —

1. Долгий — двойной по времени звук *щ*, присущий — в качестве самостоятельного, отличного и от *ш* и от *ч*, согласного — московскому подговору; см. выше § 7.

2. Проточное *г*, т. е. *г* напоминающее собою узбекск. ღ = ع (только более переднее, чем узб. ღ[1]), и произносящееся современным старшим поколением в некоторых только словах — именно в словах *бóга* (род. пад. дт слова *бог*), *бóгу* (дат. пад.), *бóгом* (творит. пад.), *гóсподи*, *благо* и нек. ругих — гл. образом в подобных же по значению, именно церковных (религиозных) словах[2].

3. Соответствующий к только что названному звуку „парный мягкий“ — в слове о *боге* (6 падеж от *бог*); тоже только у современного старшего поколения.

4. Присущий только языку интеллигенции (в результате знакомства с западно-европейскими языками) „средний“ звук l (сходный с l в таш-

---

[1] Еще более точно данный русский звук соответствует азербайджанскому ع внутри слова между гласными, или же турецкому ğ = ع, как оно произносится вположении внутри слова (между гласными).

[2] Никакой практической надобности в упоминании об этой особенности произношения данных слов (да к тому же в языке старшего лишь из современных поколений) мы, понятно, не имеем. Но зато это явление представляет известный теоретический интерес, как отражение (в области фонетики) определенных социально-бытовых моментов, имевших место в давно минувшую эпоху русской истории. Дело в том, что в первый период существования русской письменности (и следовательно, письменно-литературного русского языка — в основе своей древне-болгарского) носителями этой письменной культуры были духовные лица (духовенство), преимущественно южно-русского и именно киевского происхождения — ибо Киев и был в ту эпоху политическим центром русского государства. Священники-киевляне обычно назначались и во все другие районы, и таким образом в церквах — не только южно-русских, но и северно-русских — прихожане весьма часто слышали (в устах священника) южно-русское произношение, одной из типичных особенностей которого именно и было употребление п р о т о ч н о г о *г* (во всех словах) вместо нашего нормального с м ы ч н о г о г. А так как церковь и духовенство, бывшее в ту эпоху единственным, как мы уже сказали, носителем письменной культуры и литературного языка, играли весьма важную роль в древне-русской культурной жизни, то нам станет понятным тот факт, что церковное произношение многих слов (и прежде всего, именно слов церковного обихода, или специфически-религиозных терминов) служило предметом подражания для древне-русского населения, а потому и могло усваиваться значительными массами народа. Вот почему, заимствуя (из церковного — южно-русского произношения) звукопредставление п р о т о ч н о г о *г*, массовая русская речь усвоила этот звук именно в составе тех слов, которые специфически часто употреблялись в церковном обиходе. А к этим религиозным по значению словам и принадлежат вышеупомянутые слова: *бóга* (род. падеж), *бóгу* (дат. падеж), *бóгом* (творит. падеж), *гóсподи*, *блáго* и т. д., которые были отмечены нами как примеры употребления п р о т о ч н о г о *г* в стандартном русском языке XX века (по крайней мере в устах старшего из современных поколений). [Некогда п р о т о ч н о е *г* произносилось (в стандартном русском языке), разумеется, и в именительном падеже слова *бог*, но, согласно общему процессу оглушения парных звонких согласных на конце слов, звук этот утратил звонкость и, следовательно, перешел в соответствующий ему глухой согласный — *x*; таким образом слово это произносится в настоящее время в виде в виде *бох* — с конечным *x*].

кентском, самаркандском и т. п. иранизованных и несингармонистических говорах узб. языка); употребляется в названии музыкальной ноты la и еще в некоторых иностранных (западно-европейского происхождения) словах.

5. Сложный звук (аффриката) *дж* — типа узбекского ç = ج, также встречающийся лишь у интеллигенции — в произношении некоторых иностранных собственных имен (напр. *Джордж, Джованни* и т. п.).

В преподавании русского языка узбекам, нам нет, конечно, надобности иметь ввиду эти „необязательные“ согласные звуки и потому в дальнейшем мы не будем уже упоминать о них.

КЛАССИФИКАЦИЯ (ДЕЛЕНИЕ) РУССКИХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 14. Кроме вышеприведенного деления согласных звуков на парные и непарные с подразделением парных на „твердые“ и „мягкие“, следующим важнейшим делением согласных звуков будет деление по моменту гортанной работы, т.-е. по глухости и звонкости. В этом отношении русские согласные, точно также, как и согласные звуки узбекского языка, делятся на следующие 2 категории:

I. Глухие (т.-е. лишенные дрожания голосовых связок, а следовательно и голосового тона):	II. Звонкие (т.-е. сопровождающиееся дрожанием голосовых связок, а следовательно и голосовым тоном):
п	б
ф	в
	м
т	д
с	з
ш	ж
ц	
ч	
	л
	р
	н
к	г
х	(г проточное в слове *бога* и т. п. см. § 13)
пь	бь
фь	вь
	мь
ть	дь
сь	зь
	ль
	рь
	нь
кь	гь
хь	(г проточное—мягкое в слове *о боге* см. § 13)

Не трудно убедиться, что из перечисленных здесь согласных звуков русского языка звуки, входящие в следующие пары:

	п — б	как, равным образом и	пь — бь
	ф — в		фь — бь
	т — д		ть — дь
	с — з		сь — зь
	ш — ж		
	к — г		кь — гь
(а также	х — г	проточное в слове бога)	
		(а также	хь — гь проточное в слове о боге)

различаются друг от друга не чем иным, как только отсутствием или, наоборот, наличием дрожания голосовых связок и, следовательно, голосового тона, т.-е. различаются друг от друга только глухостью или, наоборот, звонкостью; иначе говоря, первый согласный каждой пары (напр., *п*) принципиально отличается от второго (*б*) не положением ртовых органов: губ, языка, небной занавески и т. д., а исключительно лишь тем, что он (*п*) является глухим, тогда как второй (*б*) — звонким. Входящие в данные пары согласные звуки мы называем „парными по глухости и звонкости" согласными. „Непарными по глухости и звонкости" согласными будут, наоборот: *м, ц, ч, л, р, н, й, мь, ль, рь, нь*. Из них, разумеется, *ц* и *ч* будут глухими („непарными глухими"), а остальные — звонкими („непарными звонкими").

Примечание. Этому не противоречит то обстоятельство, что непарные звонкие согласные, например, *р, рь, л, ль, м*, могут иногда, находясь в особо благоприятных для оглушения (т.-е. для утраты голосового тона) позициях, превращаться в глухие *р, рь, л, ль, м*. Это мы можем наблюдать в таких словах, где данные звуки находятся на конце слова после предшествующего глухого согласного (или двух глухих согласных), напр., в словах *министр, смотр, вихрь, вепрь, мётл* (родит. пад. мн. числа от *метла*), *вопль, Симфероп(о)ль* (— в фактическом произношении гласный последнего слога в слове *Симферополь* обычно превращается в нуль), *Константиноп(о)ль* (— Константинополь), *драхм* (родит. пад. множ. числа от *драхма*) и т. п. Здесь, благодаря тому, что голосовой тон принципиально должен был отсутствовать при предшествующем согласном (при *ст* в министр, при *т* в смотр, при *х* в вихрь и т. д.), и благодаря тому, что рассматриваемый нами согласный (*р, рь, л, ль*, или *м*) является конечным звуком слова, а следовательно за ним должно опять последовать прекращение голосового тона (пауза), оказывается, что пришлось бы приводить голосовые связки в дрожание лишь на очень короткий период — только на время, занятое осуществлением данного согласного (*р* или *рь, л* или *ль* или *м*). И вот, под влиянием тенденции к экономии (т.-е. сокращению или облегчению) произносительных работ, речевой механизм просто пропускает данный краткий период дрожания голосовых связок, превращая, таким образом, рассматриваемые нами согласные *р, рь, л, ль, м* — в глухие. Но это лишь чисто случайное изменение (или недоделывание) данных согласных звуков, и оно не может относиться к их принципиальной характеристике. Сравни аналогичный же случай оглушения согласного m (م) в узбекском произношении слова fəhm = فهم: благодаря глухости предшествующего согласного — h, конечное m (при обычном темпе речи) утрачивает свою звонкость, и таким образом оказывается — в отличие от звука m во всех прочих позициях — глухим (а потому и весьма слабо слышным звуком; так же и по той же причине оглушается и русское конечное *м* в слове драхм).

Деление согласных на глухие и звонкие (а также на парные и непарные по глухости и звонкости) представляется важным потому, что помогает разобраться в некоторых особенностях русской орфографии (правописания). Дело в том, что парные звонкие согласные обычно не произносятся (и заменяются соответствующими глухими) на конце слов и в положении перед следующим глухим согласным. Орфография же сохраняет в этих случаях букву звонкого согласного (хотя фактически произносится глухой): например — *зуб, пробка, трубка, прорубь, Иванов, кровь, любовь, сад, будь.*

Пишется	Произносится
лоб	лоп
прорубь	прорупь
кров (по узбекски tam)	кроф
кровь („ qan)	крофь
род	рот
воз	вос
муж	муш
кладь	клать
сядь	сять
привязь	привясь
ляг (повелительное наклон.)	ляк
сапог	сапок
бог	бох[1]

То же явление (произношение парного глухого при написании буквы, соответствующей парному звонкому согласному) мы встретим и внутри слов в положении перед следующим глухим: напр. —

Пишется	Произносится
трубка	трупка
пробка	пропка
рабство	рапство (ср. раб — произносится рап)
робкий	ропкий
ложка	лошка
кадка	катка
лодка	лотка
сказка	скаска
(сравни сказ, рассказ — произносится скас, расскас)	
лавка	лафка
булавка	булафка
кружка	крушка
книжка	книшка
следствие	слетствие
(ср. след — произносится как слет)	
бедствие	бетствие
ревком (сокращение из „Революционный Комитет")	рефком
резкий	реский
обком (сокращение из „Областной Комитет")	опком
губком (сокращение из „Губернский Комитет")	гупком

и т. д.

Примечание. Обратное явление, т. е. озвончение глухих имеет место лишь перед парными звонкими согласными (кроме *в, вь*).

[1] Сравн. выше — подстрочное примечание к § 13.

§ 15. Кроме вышерассмотренных делений, существует еще классификация согласных по месту и по способу образования, точнее по месту и характеру ртовых работ, присущих данным звукам. По месту образования, т. е. по тому, какой именно орган совершает активную работу при произношении данного звука, русские согласные делятся на: 1) губные, 2) переднеязычные, 3) среднеязычные и 4) заднеязычные.

По способу образования согласные делятся на: 1) смычные, 2) проточные (или спиранты)[1], 3) сложные (или аффрикаты)[2], 4) носовые, 5) дрожащие (звуки типа р) и 6) боковые (звуки типа л).

	Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные	
смычные	п	пь	т	ть		к	кь
	б	бь	д	дь		г	гь
проточные	ф	фь	с	сь		х	хь
	в	вь	з	зь	й	(проточн. *г* в слове *бога*)	(проточное *гь* в слове *о боге*)
			ш				
			ж				
сложные (аффрикаты)			ц	ч			
носовые	м	мь	н	нь			
дрожащие			р	рь			
боковые			л	ль			

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

§ 16. Русский язык различает всего 6 гласных звуков:[3] именно — *а, о, э, у, и, ы*. Однако в неударенных слогах гласные звуки произносятся иначе, чем в ударенных, — более кратко и менее внятно, в связи с чем изменяется и качество самого гласного (— настолько, что в известных случаях в неударенных слогах даже утрачивается фактическое различие одного данного гласного от другого — см. ниже). Вот почему необходимо сначала изложить ту — нормальную — характеристику шести русских гласных звуков, которая свойственна им в ударенном положении (в ударенных слогах).

---

[1] От латинского spiro „дышу".

[2] Тоже термин латинского происхождения. Аффрикатами называются сложные звуки, состоящие из двух согласных элементов — смычного и проточного, — образуемых одним и тем же органом речи (напр., передней частью языка). Иначе говоря, к первому — смычному — элементу данного сложного звука (аффрикаты) присоединяется второй — проточный — элемент, осуществляемый посредством дуновения или выдыхания воздуха (напр., ц = 1 элемент т + 2 элемент с; ч = 1 элемент т + 2 элемент ш). Однако, надо помнить, что сложные звуки *ц, ч* принципиально отличаются от фонемосочетаний (звукосочетаний) *тс* и *тш*.

[3] Для сравнения приведем число гласных фонем в узбекских диалектах: в самаркандско-бухарском (I) типе шесть качественно-отличных гласных фонем (*i e ə₃ ɔ o u*), кроме того есть (редкое) удлинение гласного (напр., в вə₃ : zi); то же число различений в ташкентском (II) типе (с некоторыми лишь качественными отличиями гласных звуков от самарк.-бухарск.); в маргелано-кокандском (III) типе — качественно-различных гласных фонем (I mutabile [как и в ташкентском] е ə а ɔ о u); в андижанском (IV) и „умлаутном" (IVA) типах — 9 (прибавляются ө и ü); в ферганском кышлачном сингармонистическом (V) — 10 (i ь, у u, е, ө о, əаɔ); в туркестано-чимкентском (VI) — 9 качественно-отличных гласных фонем (и удлинение в вə : zi и т. п., но старые долготы отсутствуют); наконец, в кишлачном типе тех же районов (VII) добавляются старые долготы (под в іянием огузской подпочвы). П реходя (от „чагатайского") к „огузскому" наречию, мы находим в обоих его типах (южно-хорезмском и икано-карабулакском) 17 гласных фонем: 9 кратких (i ь, у u, е, ө о, ɛ а) и 8 долгих (— долгие варианты всех кратких кроме ь) Наконец в „кыпчакском" наречии обычно 9 гласных (i ь, у u. е, ө о, ə а), но в „окающей групие" (— казак-найманском и фергано-каракалпакском) добавляется десятая фонема — с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ РУССКИХ ГЛАСНЫХ (В УДАРЕННЫХ СЛОГАХ)

§ 17. Звук *а*. В отличие от турецкого звука *а* = ئا — свойственного большинству турецких (тюркских) языков и, в том числе, неиранизованным диалектам узбекского языка, — русское *а* (напр., в словах *дал, дам, там, так*) является гораздо более передним звуком, т.-е. при русском *а* язык не столь оттянут назад, как при типичном турецком *а* (آ), а наоборот даже прикасается кончиком своим к внутреннему краю нижних передних зубов.

Особенность эта, удаляя русский звук *а* от неиранизованного узбекского *а* = ئا, наоборот делает его весьма близким к другому узбекскому звуку другой диалектологической — именно иранизованной среды, — в частности к самаркандскому (или бухарскому, или ходжентскому и т. п.) звуку э = ئە, который в некоторых, по крайней мере, позициях, может оказаться вполне близким и даже совпадает в качественном отношении с русским *а*.

В положении после „мягкого“ согласного (— где гласный звук *а* изображается, как уже было объяснено в § 5 буквой *я*) — в слове *пятый*, а в особенности м е ж д у двумя „мягкими“ согласными — как например, в слове *пять*, гласный *а* становится еще более передним звуком, т. е. получает таким образом уклон в сторону узбекского ә (здесь мы имеем в виду уже то произношение ә, которое свойственно подавляющему большинству узбекских говоров — напр., в ташкентском, в ферганских говорах и в так называемых „кыпчакских“ или „собственно-узбекских“).

Само собой разумеется, конечно, что степень раскрытия рта у звука *а*, оказывается максимальной (по сравнению с прочими гласными), т. е. *а* является с а м ы м ш и р о к и м (или что то же, с а м ы м о т к р ы т ы м) из наличных в русском языке гласных звуков.

§ 18. Звук *о*. В отличие от узб. *о* = ئۇ, русский звук *о*[1] является не узким, а наоборот весьма широким (открытым) вариантом данного типа гласных (т.-е. типа *о* — гласных) вполне совпадая, таким образом, с самаркандским[2] *а* = ئا (но отнюдь не с самаркандским *о* = ئۇ, которое наоборот, русским ухом склонно восприниматься не как „*о*“, но как „*у*“).

Звук *о* в русском языке[3] встречается лишь под ударением (несколько исключений из этого, — да и то лишь факультативных, — будет указано ниже в § 8, посвященном неударенным субститутам гласных).

§ 19. Звук *э*[4]. В то время как русское *о* мы причислили к широким вариантам „гласного типа *о*“, русский гласный *э*, по крайней мере в большинстве случаев своего употребления, оказывается, наоборот, у з к и м

---

[1] Изображается в русском письме или буквой *о* или буквой *ё* (напр. в *Пётр*) в зависимости от качества предшествующего согласного, см. § 5.

[2] Напомним, что в данном отношении самаркандская система гласных резко отличается от вокализма (т.-е. системы гласных звуков) неиранизованных диалектов узб. языка: в последних *а* = ئا ئا есть действительно, звук типа „а“ (в частности — заднее „а“); тогда как в Самарканде *а* = ئا есть не что иное как „открытое о“; что касается ташкентского говора, то он в данном отношении (т. е. в отношении изменения *а* = ئا в звук типа „о“) тоже приближается к самаркандскому, хотя и не достигает до той ступени *а* = „о“, которая достигнута самаркандским говором. Таким образом в качестве примеров тех узбекских говоров, где письменное узбекское *а* = ئا может быть (вполне или почти вполне) уподоблено русскому (ударенному) *о*, нам следует ссылаться именно на самаркандский, или на другие сходные с ним — „максимально иранизованные“ говоры узбекского языка — ходжентский, бухарский и т. п., представляющие собою, как мы об этом уже упоминали выше, — узбекскую речь в устах местного таджикского [двуязычного] населения; см. выше. Напомним, что в таджикской (латинизированной) графике данный (самаркандский) звук (= ئا, ا, в мус. графике) передается уже просто буквой *о*; следовательно, когда самаркандец пишет по-узбекски, ему приходится употреблять, например, в слове ئاسمان (— آسمان) *небо* — букву *а* (т.-е. писать asman), а ему приходится писать то же слово по-таджикски (т.-е. в составе таджикского текста) он пользуется уже буквой *о* (т.-е. пишет osmon).

[3] По крайней мере в стандартном („окающем“) диалекте. „Окающих“ говоров (где *о* произносится и в неударенных слогах) мы, конечно, здесь вообще не имеем в виду.

[4] Изображается в русском письме или буквой *е* или буквой *э* — в зависимости от качества предшествующего согласного: см. ниже.

(закрытым) представителем данного типа гласных (т.-е. гласного типа *э* = лат. *e*). и потому может быть отожествлен с неиранизованным *е* (но не с *е* в иранизованных говорах — напр., в самаркандском или ташкентском и т. д., где это *е* будет уже не только узким, но даже ультра-узким (— „сверх-узким"), воспринимаясь поэтому русским ухом зачастую уже не в виде „*э*", но в виде „*и*").

Русское „*э*" сильно колеблется, т.-е. в значительных пределах изменяет свое качество, в зависимости от окружающих его (соседних с ним) звуков, именно:

1) в положении между двумя „мягкими" согласными (а мы знаем, что в позиции после „мягкого" согласного рассматриваемый нами гласный звук *э* изображается буквой *е*) слышится наиболее узкий (закрытый) вариант гласного *э* — напр., в словах *петь, иметь, лень, семь, верь, мель, день, треть* и т. д.; в этих случаях русский звук вполне можно отожествить с узбекским (неиранизованным) *е*.

2. В положении между „мягким" и „твердым" в соответствие букве *е* слышится уже несколько более открытый звук: напр., в словах *нет, пел, белый, серый* и т. д.

3. Наиболее открытый звук произносится или в начале перед следующим „твердым" согласным, напр., в словах *э́тот, э́то, э́хо* — или между двумя твердыми согласными, напр., *Бэла* (имя Лермонтовской героини из романа „Герой нашего времени"), *пэр*,[1] *цеп* (в последнем слове пишется уже не буква *э*, но *е*, что не влияет, однако, на качество предшествующего согласного *ц*, ибо звук *ц*, как мы уже видели выше, вообще не имеет „мягкого" варианта и всегда будет „твердым", какая бы из гласных букв за ним не следовала); в этих случаях русский гласный *э* получает уже явный уклон в сторону узбекского звука *ə*, т.-е. произносится как звук промежуточный между качеством узбекского *е* и качеством узбекского *ə*.

Заметим, впрочем, что положение рассматриваемого нами гласного звука *э* после „мягкого" согласного (т. е. в таких сочетаниях, как, напр., *пе, бе, ве, те, де, се, зе, ле, ре, не, ме*) оказывается гораздо более нормальным, т.-е. статистически гораздо более частым, чем положение его после „твердого" — согласного (в *тэ, дэ*, и т. д.)[2] или положение в начале слова без предшествующего согласного (напр., *э́тот, э́хо*;) а потому в русском письме буква *е* встречается гораздо чаще, чем буква *э*.

§ 20. Звук *у* (пишется *у* или *ю*: см. § 24) может быть отожествлен с узбекским *u* = وُ. [Между прочим, даже комбинаторная аберрация (русского гласного звука *у*) в сторону переднего уклада (сравн. гласный первого слога в слове *тюрьма* и т. п.) могла бы найти себе приблизительную параллель в аберрации узбекской фонемы *u* в ташкентском и маргелано-кокандском типе говоров узбекского языка].

§ 21. Звук *и*. Русский звук *и* оказывается более или менее сходным со звуком і (ىٔ ى) в неиранизованных говорах узбекского языка. Необходимо помнить только, что согласный, предшествующий звуку *и*, в русском языке всегда бывает „мягким" (тогда как в узбекском перед і произносятся согласные, сходные по своему качеству с русскими парными „твердыми") — напр., узбекские звукосочетания ti, di, ni звучат совершенно иначе, чем русские *ти, ди, ни* (— с „мягкими" согласными звуками *ть, дь, нь*), и разница здесь будет состоять именно в качестве согласных звуков.

§ 22. Звук *ы*. С известной приблизительностью русский гласный *ы* можно сопоставить с узбекским *ь* в неиранизованных (сингармонистических)

---

[1] *Пэр* — наименование членов верхушки аристократического сословия в Англии.

[2] В определенных же социально групповых диалектах русск. языка (именно в языке простонародья) сочетания типа: „твердый" согласный + гласный *э* (т.-е. комплексы вроде *бэ*, в слове *Бэл*, *пэ* в словах *пэр*, *тэ* в *тэт-а-тэт* = французск. tête-à-tête и т. п.) вовсе не встречаются.

диалектах узб. языка, например, в словах sьn, sьndь, sьndьrdь (опять-таки повторяю, — лишь в неиранизованном[1] произношении этих слов).

Отсюда вытекает, что для представителей данных именно (неиранизованных, т.-е сингармонистических) диалектов узб. языка усвоение русского гласного *ы* не составит затруднений.[2] Зато весьма трудным делом усвоение русского *ы* будет для узбеков, говорящих на иранизованном (несингармонистическом) диалекте (и для таджиков). Как показывает практика, представители этих говоров (в частности, например, самаркандцы, ташкентцы и т. д.), в своем произношении русских слов, обычно заменяют *ы* через *i*, а иногда — в некоторых особых позициях, именно в соседстве с губным согласным — также через свое *u*; напр., от одного самаркандца мне пришлось слышать систематическое произношение русского слова *рыба* в виде *руба* (rubə = روبه); иногда встречается, кроме того, произношение *бул* (bul = بول) вместо русского *был* и т. д.

В результате оказывается необходимым, поскольку учащиеся будут принадлежать именно к несингармонистическим (вроде самаркандского, ташкентского и т. д.) говорам, у ч и т ь п р о и з н о ш е н и ю звука *ы*. При этом может оказаться полезным следующее указание: звук *ы*[3] получается, если привести органы речи в то положение, в котором произносится звук *у*, а затем — н и с к о л ь к о н е и з м е н я я п о л о ж е н и я я з ы к а, — изменить положение губ, уничтожив их округление, т.-е. приведя губы в то пассивное положение, в котором они находятся при произнесении звука *и*. Иначе говоря, рецепт произношения *ы* может быть вкратце выражен так: „язык как при *у*, губы как при *и*".

§ 23. Как видно из вышеприведенного описания гласных звуков русского языка, трудности, связанные с преподаванием русской гласной системы (т.-е. гласных в ударенных слогах), состоят, главным образом, не в самих данных шести звуках,[4] а как мы увидим ниже: 1) в довольно

---

[1] В иранизованных же (не-сигармонистических) узб. говорах (напр. в частности, в самаркандском или ташкентском), где различаются всего 6 гласных (*i, e, ə, a, o, u*) звукопредставление Ь отсутствует, хотя в некоторых отдельных случаях — именно при соседстве с глубокозадне-язычным *q*, *ǫ* или *x* и бывает возможность услышать звук приближающийся к качеству руского Ы (и узб. неиранизованного Ь) напр., в словах qьl, qьrq, qьrqьz, jaqь, xьtaj и т. п.

[2] Наоборот, можно даже сказать, что усвоение слогов типа *ти, ди, ни, си, зи* и т. д. (т.-е. слогов с гласным *и*) окажется для них более трудным, чем усвоение слогов *ты, ды, ны, сы, зы* и т. д., ибо в первом случае (в слогах *ти, ди, ни, си, зи*) придется ставить произношение чуждых узб. языку „парных мягких" согласных (см. § 21), тогда как в слогах с *ы* понадобится обыкновенный „твердый" вариант согласных звуков *t, d, n, z*.

[3] Если не вполне точно совпадающий с нормальным русским *ы*, то во всяком случае звук того же типа.

[4] Из которых только один (именно *ы*) не встретит себе соответствующего звука того же типа в узбекской системе гласных, да и то лишь в том случае, если мы будем иметь ввиду иранизованные диалекты узб. языка (для представителей же не-иранизованных диалектов не составит принципиальных затруднений и русское *ы*). Но тем не менее — несмотря на наличие более или менее удовлетворительных качественных соответствий (— в узбекской системе гласных) для всех прочих 5-ти русских гласных звуков (*а, о, у, и, э*), было бы неправильно сделать отсюда вывод, что при изучении русского языка эти гласные не будут представлять никаких затруднений для узбека. Дело в том, что наличие узбекских (приблизительных!) эквивалентов для русских гласных *а, о, у, и, э* освобождает преподавателя лишь от специальных упражнений п о п о с т а н о в к е п р о и з н о ш е н и я этих гласных: иначе говоря, узбек легко может повторить вслед за преподавателем любой из данных 5-ти звуков, произнесенный в изоляции (чего нельзя, конечно, сказать относительно русского гласного *ы* — поскольку аудитория будет состоять из представителей „иранизованных" узб. говоров). Но это уменье п о в т о р и т ь изолированное произношение русского гласного (вслед за преподавателем) отнюдь еще не обеспечивает уменья правильно дифференцировать и узнавать данные гласные звуки в составе слов. Здесь создаются весьма крупные затруднения благодаря расхождению в критериях дифференциации (или „порогах различения") гласных звуков между русским и узбекским языковыми мышлениями. Как показывает педагогическая практика [— мои личные наблюдения при преподавании русского языка в разных институтах Узбекистана, а с другой стороны наблюдения одного из преподавателей русского языка в САКУ (фамилия которого, к сожалению, не удержалась в моей памяти)], затруднения эти приходятся, между прочим, на различение гласных *и* и *э* (*е*). Этого, конечно, следовало бы ожидать и a priori — на основании сличения точной характеристики узбекских фонем (вклю-

сложных приемах графического изображения этих гласных звуков различными гласными буквами; 2) во вторых же, в тех сокращениях и видоизменениях, которым подвергаются данные гласные фонемы в неударенных слогах (при обычном, беглом темпе речи).

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ И ГЛАСНЫЕ БУКВЫ

§ 24. Несмотря на то, что гласных звукопредставлений, как выше указывалось, в русском языке только ш е с т ь, число „гласных букв“ русского алфавита почти вдвое превышает это число: именно к гласным буквам принадлежат: 1) буквы *а, о, у, э, и, ы*, т.-е. буквы изолированное чтение которых состоит из одного только гласного звука; 2) буквы *я, ё, ю, е*, которые, будучи взяты в изолированном написании (без предшествующей согласной) — читаются в виде двух звуков — согласного (*й*) и гласного, именно буква *я* (напр., в словах *я́, я́ма, я́корь*, а также *моя́* (ж. род местоимения *мой*), *змея́* и т. д.), читается как (*й*) + (*а*), т.-е. (*йа*);[1] буква *ё* — как (*й*) + (*о*), т.-е. *йо*; буква *ю* как (*й*) + (*у*), т.-е. (*йу*); и, наконец, буква *е* как (*й*) + (*э*), т. е. (*йэ*). отсюда мы имеем, следовательно, полное право утверждать, что гласных звуков *я, ё, ю, е* в русском языке н е с у щ е с т в у е т: в звукосочетаниях: *я, ё, ю, е* мы находим гласные звуки *а, о, у, э* и употребление буквы *я* вместо буквы *а*, или буквы *ё* вместо буквы *о*, буквы *ю* вместо буквы *у* и т. д. (при отсутствии предшествующей согласной буквы) имеет целью не обозначение какого-либо нового гласного звукопредставления, отличного от *а* или от *о*, или от *у* и т. д., но исключительно лишь указание на то, что данному гласному звуку [(*а*) или (*о*), или (*у*) и т. д.] предшествует согласный звук *й* (= j). Равным образом и в положении после согласной буквы русские буквы *я, ю, ё, э* обозначают не какие либо особые гласные звуки, отличные от звуков *а, у, о, э*, но именно лишь то, что предшествующий им согласный должен произноситься не как „твердый“, а как „мягкий“ (если, разумеется, данный согласный является п а р н ы м, т.-е. может иметь и „твердый“ и „мягкий“ вариант), напр., *тя=тьа, тю = тьу, тё = тьо, те = тьэ, дя = дья, дю = дьу, дё = дьо, де = дьэ* и т. д. (см. выше § 5).

ОСОБЕННОСТИ ГЛАСНЫХ В НЕУДАРЕННЫХ СЛОГАХ

§ 25. В русском языке гласные неударенных слогов отличаются от гласных под ударением не только меньшей силой звука, но также и своей относительной к р а т к о с т ь ю: обычно ударенный гласный бывает по крайней мере в $1^1/_2$ раза длительнее неударенного. Вместе с тем, благодаря этой относительной краткости, неударенные гласные произносятся и с меньшей тщательностью, чем те же гласные под ударением: некоторые из

чающей весь диапазон их комбинаторных вариантов) *i, e* и соответствующих русских фонем *и, э*. Однако, здесь играют громадную роль различия между отдельными узбекскими диалектами (так для представителей определенных диалектических групп — в том числе и так называемых „собственно-узбекских“ говоров — не меньшую трудность, чем в отношении русских *и — э*, представляет дифференциация русских гласных *о — у*). А потому дать конкретное обоснование для обнаруживающихся на практике „ошибок различения“ (— обоснование, указывающие причины этих ошибок в определенных расхождениях между русскими и узбекскими „порогами различения“) мне представляется возможным лишь в особой — диалектологической по содержанию — работе.

[1] Наглядно убедиться в том, что чтение буквы *я* содержит тот же самый гласный звук [или точнее фонему] (*а*), который обозначается буквой *а*, мы можем из наблюдения над рифмами, в написаниях которых участвуют обе данные буквы (*я* и *а*); например, *я́ма* отлично рифмует со слогом *дра́ма*; — это значит, что не только последние два звука неударенного слога (*ма*) совпадают в обоих данных слогах, но и что предшествующий ударенный гласный (*á*) — один и тот же (что и требуется нормами русской поэтической техники, как обязательное условие для „правильной рифмы“; это видно, разумеется, и просто из фонетической транскрипции обоих слов (*йама — драма*).

звукопроизводных работ, характерных для данного гласного, не доделываются, а потому в неударенных слогах оказывается даже возможным фактическое совпадение (т.-е. одинаковое произношение) двух принципиально-различных гласных.[1] Так например, *и*, *е*, (т.-е. *э* в положении после „мягкого“ согласного) и *я* (т.-е. звук *а* в положении после „мягкого“ согласного) в неударенных слогах совпадают, т.-е. при обычном темпе речи, произносятся одинаково (— на месте каждого из них произносится звук промежуточный между гласными звуками *и* и *э*, который можно условно обозначить через $\frac{и}{э}$: напр., слово *мила́* „сьгаjlьq“ (во фразе „*она́ мила́*“) и слово *мела́* (во фразе „*она́ мела́ ко́мнату*“ = u хапапь şypyrdi) при обычном темпе речи звучат одинаково, т.-е. после „мягкого“ согласного *мь* и в том и в другом слове (и в слове *мила́*, и в слове *мела́*) произносится один и тот же звук $\frac{и}{э}$; равным образом не различаются — при обычном темпе речи и первые слоги слов *плести́* и *пляса́ть* (и в том и в другом случае после „мягкого“ согласного *ль* произносится один и тот же звук $\frac{и}{э}$)[2].

Что же касается до гласного звука *о*, то он вообще принадлежит только ударенным слогом, а в неударенных слогах буква *о* произносится совершенно так же, как если бы тут было написано не *о*, но *а* (сравни, напр., *воро́на, голова́*, и т. д.), при чем в данном случае даже и при искусственно-отчетливом, замедленном произношении не получается звука *о* (т.-е. и при таком замедленном произношении мы произносим *варо́на, галава́* и т. д.). Единственным исключением, где звук *о* может (хотя и не обязательно) быть произносимым в неударенных слогах, являются такие слова с конечным *о*, в которых этот звук имеет особое грамматическое значение (служа, например, признаком грамматического *рода*, именно с р е д н е г о р о д а), напр., в именительном (и винительном) падеже слов *масло, дело, русло*[3] и т. д. Здесь мы можем иногда в действительности услышать гласный *о*, и на это есть здесь особые специфические причины: именно,

---

[1] При медленном, нарочито-отчетливом произношении (когда мы, следовательно, будем произносить каждый слог с тою же явственностью, как и ударенный), эти гласные, разумеется, будут уже различаться; но при обычном темпе речи, когда утрачиваются некоторые отличительные особенности каждого из данных двух неударенных гласных (напр., в первых слогах слова *мила* и *мела*), на деле и в том и в другом случае (и в *мила*, и в *мела*) произносится средний или промежуточный между данными двумя гласными звук, т.-е. данные два гласные фактически совпадают друг с другом.

[2] Это совпадение принципиально-различных и разными буквами пишущихся гласных в неударенных слогах служит, разумеется, источником многочисленных ошибок против русской орфографии. Как, действительно, решить—какую букву надо писать (букву *и* или букву *е* или букву *я*?) в тех случаях, когда, как в вышеприведенных примерах (*мила́* и *мела́*, *плести́* и *пляса́ть*), слышится один и тот же звук $\left(\frac{и}{э}\right)$? Для того, чтобы, в каждом отдельном случае, правильно разрешать этот орфографический вопрос, надо подбирать родственные к данному слову слова, где данный сомнительный звук находился бы под ударением: напр., во фразе „*она́ мила́*“ надо писать *ми*, а не *ме* — уже потому, что в словах *ми́лый*, *ми́лая*, *ми́л*, *ми́ло*, *ми́лость* (т.-е. там, где данный слог оказывается уже под ударением) ясно слышится звук *и* (и пишется буква *и*); в слове *пляса́ть*, наоборот, надо писать букву *я*, потому что на это указывают такие слова, как *пля́ска*, *пля́шут* и т. д. (где звукосочетание *пля* оказывается под ударением).

[3] В отличие от родительного падежа тех же слов: *ма́сла, де́ла, ру́сла*.

существует целый ряд других слов, где данное *о*, как признак среднего рода, стоит под ударением: напр., *вино́, село́, окно́* и т. д. Сосуществование этих последних слов (*вино́, село́, окно́* и т. д.) с вышеприведенными (*ма́сл-о, де́л-о, ру́сл-о*) и благоприятствует осознанию того, что все данного рода слова (и *вино́, село́, окно́*, и *масло, дело, русло*) оканчиваются на гласный *о*, который поэтому может быть услышан — вопреки общему правилу[1] — даже в тех из данных слов, где он оказывается неударенным (т.-е. в *ма́сло, де́ло, ру́сло* и т. п.)

§ 26. Надо указать, кроме того, что и между неударенными слогами существуют известные различия по степени той силы и явственности, с которыми произносятся гласные этих слогов. Так из всех неударенных слогов многосложных слов надо выделять слог предударный (т.-е. непосредственно предшествующий ударенному). Он произносится с несколько большей силой и явственностью, чем прочие неударенные слоги. Так напр., в слове *гололе́дица*[2] слог *ло* (произносящийся как *ла*) будет, как предударный обладать большей силой и явственностью, чем слоги *го* (произносящийся, конечно, как *га*) *ди* и *ца*.

Сообразно с этим отличием предударного слога по относительной силе и явственности, наблюдаются и некоторые различия в качестве гласных звуков в предударном слоге от качества тех же гласных в прочих неударенных слогах. Так, в соответствии буквам *а* или *о* в предударном слоге произносится гласный промежуточный между *о* и *а* (т.-е. $\frac{а}{о}$), а в прочих неударенных слогах уже другой оттенок гласного — именно звук, промежуточный между *ы* и *а*, который мы условно будем обозначать символом $\frac{а}{ы}$ (таким образом слова *вода́, нога́, голова́, борода́* мы могли бы условно, транскрибировать так: в$\frac{а}{о}$да, н$\frac{а}{о}$га, г$\frac{а}{ы}$л$\frac{а}{о}$ва, б$\frac{а}{ы}$р$\frac{а}{о}$да). Этому различию ($\frac{а}{о}$ в преударном слоге, $\frac{а}{ы}$ в прочих неударных слогах) сопутствует между прочим и та особенность предударного слога, что в нем гласный *ы* при обычном темпе речи сохраняет свое качество и не совпадает со звуком, пишущимся буквой *о* (т.-е. со звуком $\frac{а}{о}$), а в прочих неударных слогах[3] — опять-таки при нормальном темпе беглой речи — различие между *а* (или *о*) и *ы* исчезает: на месте их произносится промежуточный между *а* и *ы* звук $\left(\frac{а}{ы}\right)$. Интересно отметить, что в связи с этим смешением различных гласных (в определенных позициях) стоит и качество субститута этих гласных в данной позиции (т.-е. в предударном или же, наоборот, в прочих неударных слогах). Так в непредударных слогах (напр., первых слогах слов *бытовой, барабан, борода*) общий субститут фонем *ы* и *а* оказывается и по качественной своей характеристике звуком средним между *ы* и *а* [— потому, что в историческом отношении он является рефлексом конвергенции **ы*, **а* и **о*]. А в предударном слоге субститут фонемы *а* пос-

---

[1] Т.-е. вопреки фонетическому правилу о том, что в неударных слогах звук *о* не произносится (и совпадает с *а*).

[2] Произносится так, как было бы написано *галале́дица*.

[3] Кроме разве последнего в слове слога, если он оканчивается на гласный звук.

ле твердых согласных (т.-е. звук, соответствующий буквам *а* или *о)* оказывается средним между *о* и *а* — потому, что он служит рефлексом конвеpенции **о* и **а* [но не **ы*!], и значит только от этих двух гласных (но не от **ы*) мог унаследовать элементы качественной своей характеристики.

§ 27. Подобным же образом и гласные, изображающиеся буквой *и* и буквой *е* (которая в ударенных слогах обозначает звук *э* после „мягкого“ согласного), в неударенных слогах произносятся обычно (т.-е. при нормальном темпе речи) одинаково—именно в виде гласного $\frac{\text{и}}{\text{э}}$ (который можно считать приблизительно сходным с узбекским гласным і ташкентского, напр., говора). Тот же звук (условно обозначаемый нами через $\frac{\text{и}}{\text{э}}$) соответствует — в неударенных слогах — и букве *я* (при чем в этих случаях данному гласному опять-таки предшествует, разумеется, „мягкий“ согласный); смотр. вышеприведенные примеры: *ми́ла́* (произносимое как мь + $\frac{\text{и}}{\text{э}}$ + л + а), *ме́ла́* (совпадающее по произношению с предыдущим словом, т.-е. опять таки произносимое в виде мь + $\frac{\text{и}}{\text{э}}$ + л + а), *плести́* (= п + ль + $\frac{\text{и}}{\text{э}}$ + с + ть + и), *пляса́ть* (= п + ль + $\frac{\text{и}}{\text{э}}$ + с + а + ть)

§ 28. Вышеуказанные заместители (субституты) нормальных гласных звуков: 1) в предударных и 2) в прочих неударенных слогах, могут быть сведены в следующую таблицу:

Гласная буква:	*а*	*о*	*ы*	*у*	*ю*	*и*	*е*	*я*
	С предшествующим „твердым“ согласным				С предшествующим парным „мягким“ согласным (или звуком *й*)			
Соответствующий ей гласный звук в ударенном слоге:	а	о	ы	у	у	и	э	а
Звук, произносимый в предударном слоге:	$\frac{\text{а}}{\text{о}}$	$\frac{\text{а}}{\text{о}}$	ы	у	у	$\frac{\text{и}}{\text{э}}$	$\frac{\text{и}}{\text{э}}$	$\frac{\text{и}}{\text{э}}$
Звук, произносимый в прочих неударенных слогах:	$\frac{\text{а}}{\text{ы}}$	$\frac{\text{а}}{\text{ы}}$	$\frac{\text{а}}{\text{ы}}$	у	у	$\frac{\text{и}}{\text{э}}$	$\frac{\text{и}}{\text{э}}$	$\frac{\text{и}}{\text{э}}$

П р и м е ч а н и е: *ы*, произносимое в предударном слоге (например, в слове *была́*, в родительном падеже *быка́*, во множественном числе *быки́* и т. д.) в качественном отношении совпадает со звуком $\frac{\text{а}}{\text{ы}}$, произносимым в соответствии буквам *а, о, ы* в прочих неударенных слогах (напр., в *батаре́я, боково́й, бытово́й.*

Э к с к у р с. Для тех, кому известно общефонетическое положение о преимущественной тенденции к редукции у з к и х гласных [сравн. „падение *ъ *ь“ в истории славянских языков и т. п. процессы в массе других языков, — в том числе редукция турецких *і у ь и*, и т. п. и т. п.], может показаться непонятным — почему в русских неударенных слогах у з к и й гласный *у* оказывается, наоборот, с а м ы м у с т о й ч и в ы м гласным русского вокализма. Но это легко объясняется специфическими моментами г е н е з и с а (исторического происхождения) русского *у*: этот гласный восходит к древнему дифтонгу (и.-е. **ou* или **eu*); это, следовательно, — узкий гласный н е д а в н е й (сравнительно, конечно!) ф о р м а ц и и, — не успевший еще, поэтому, количественно „износиться“ (т.-е для него еще не пришло время редукции). Об этом подробно в „Теории эволюции языка“.

Подробную и всестороннюю характеристику русских неударенных (как и в ударенных) гласных можно найти в книге: Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении.

УДАРЕНИЕ

§ 29. Как было сказано в § 1, ударение служит признаком единства слова (ибо в виде общей нормы на 1 слово приходится 1 ударение).

Но кроме этого ударение выполняет еще другие функции, которые, однако, оказываются совершенно различными в русском и узбекском языках.

Именно, в русском языке ударение способствует дифференциации слов (и грамматических форм); напр., исключительно на моменте ударения основано фонетическое различение таких пар слов, как *за́мок* (qorꝗan) и *замо́к* (qulf), *ру́ки* (qollar) и *руки́* (qolnьņ), *но́ги* (ajaqlar) и *ноги́* (ajaqnьņ), *во́ды* (suvlar) и *воды́* (suvnьņ), *спи́ны* (arqalar) и *спины́* (arqanьņ), *до́ски* (taxtalar) и *доски́* (taxtanьņ), *бу́дите* (ujꝗatasьz, ujꝗata jatьrsьz) и *буди́те* (ujꝗatьņ) и т. п. В узбекском же ударение не может иметь этой функции, т. е. участвовать в дифференциации слов, ибо узбекский язык, как и другие турецкие языки, принадлежат к языкам с постоянным ударением (и именно,— в виде нормы, на последнем слоге слов).

Зато в узбекском ударение выполняет другую функцию: оно не только определяет единство слова (т. е. позволяет сосчитать число слов в воспринимаемой фразе), но и позволяет провести границы между словами, так как отмечает собою последний слог каждого данного слова.

П р и м е ч а н и е. Это указание конца слов (и, следовательно, границ между словами) в действительности приносит реальную пользу, так как облегчает анализ воспринимаемых фраз ребенку, находящемуся в стадии обучения родной речи. Например, воспринимая комплекс слогов и звуков: ataşəhərgəketti [или, в иранизованных узбекских говорах,— atəşəhərgəketti], ребенок, даже не зная еще значения входящих в этот комплекс слов, может не только определить число слов в нем (именно 3 слова — на основании наличия трех ударений), — но и провести мысленно границы между этими словами: на основании того, что первые два ударения приходятся на слоги ta [tə] и gə. Разумеется, для того, чтобы узнать конец последнего слова фразы (— слова ketti в вышеприведенном комплексе), признак конечного ударения уже не нужен. Вот почему глагольные формы, служащие для выражения сказуемого и помещаемые, согласно законам узбекского синтаксиса, на конце предложения, могут и не сохранять этот признак (конечного ударения). И мы в действительности находим, что данные глагольные формы (напр., ketti, keldi, berdi и т. п.) способны переносить свое ударение с последнего слога на первый; и следовательно, вышеприведенная фраза допускает двоякое (в отношении акцентуации) произношение:

1° atá şəhərgə́ kettí [в иранизованных говорах—atə́ şəhərgə́ kettí];

2° atá şəhərgə́ kétti [atə́ şəhərgə́ kétti].

Факт депласации и м е н н о н а 1 - й с л о г я объясняю из „алтайской“ двухполюсной акцентуации [ср. французскую депласацию — т о ж е н а 1 - й с л о г — в качестве пережитка архаической латинской акцентуации]. Разумеется, дублетное ударение в специальных случаях, напр., baramán ~ baráman — легко объясняется процессом универбации [из *bara + mén или же *bará + men] и т. п.

Часть II.

УЧЕНИЕ О ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ (МОРФОЛОГИЯ) РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 30. Деление слов на части речи. Частями речи мы будем называть такие классы или категории, в которых распределяются, с одной стороны, основы изменяемых слов русского языка вместе со всей совокупностью принадлежащих к данной основе форм словоизменения, с другой стороны неизменяемые слова, при чем признаками каждого данного класса или категории, т.-е. каждой данной части речи, могут служить как присущие этому классу (или категории) слов общие значения, так и соответствующие этим различиям общих значений различия в системах форм словоизменения, присущих данной (изменяемой) части речи. Так, выделяя в числе изменяемых частей речи русского языка, с одной стороны, например, имя существительное, а с другой — глагол, мы можем указать на следующие их взаимные отличия:

а) различия в значениях: имя существительное обозначает предмет или лицо (напр., *ка́мень, ста́ль, челове́к, коммуни́ст*), или реже — какое-либо иное представление (качества или действия), рассматриваемое говорящим как предмет (т.-е. ставимое в логическую позицию предмета), относительно которого утверждается или отрицается некий признак — известное качество или действие (примерами могут служить такие существительные как *белизна́, ходьба́*, в таких, напр., фразах: *белизна́ ослепля́ет, ходьба́ поле́зна*); глагол же обозначает действие, рассматриваемое как признак, приписываемый говорящим тому или иному предмету или лицу (напр., *па́дает, идёт*, в таких, напр., фразах: *ка́мень па́дает, челове́к идёт*).

б) Различия в системах форм словоизменения, т.-е. формальные различия: имя существительное в русском языке склоняется, т.-е. изменяется по падежам и числам, но не спрягается[1], т.-е. не изменяется по лицам, по временам, наклонениям; глагол же не склоняется[2], но спрягается, т.-е. изменяется по лицам, временам, наклонениям[3].

---

[1] В этом, между прочим, состоит отличие русских имен существительных от узбекских: в узбекском языке имена (в том числе и существительные и прилагательные) и склоняются (напр., ɵzbək, ɵzbəkniņ, ɵzbəkkə [=«ɵzbekgə»], ɵzbəkni и т. д.), и спрягаются (напр., [men] ɵzbə́kmən, [sen] ɵzbə́ksən, u ɵzbə́k, [biz] ɵzbə́kmiz и т. д.; или в традиционном письменном языке: ɵzbək-dyr-mən, ɵzbək-dyr-sən, ɵzbək-dyr, ɵzbək-dyr-miz и т. д. или пример спряжения имени в прошедшем времени: (men) şagird-edim, (sen) şagird-ediņ, (u) şagird-edi, (biz) şagird-edik и т. д.)

[2] Т.-е. не склоняются основные формы глагола; именные же отглагольные формы, в частности, причастия, конечно, могут склоняться (напр., чисто глагольные формы — вроде *несу́, несёшь, даю́, дал, дам* и т. п., конечно, не могут склоняться, но причастия — напр., *несу́щий, несу́щая, несу́щее*, или *даю́щий даю́щая даю́щее* в полной мере обладают склонением, ибо являются отглагольными прилагательными).

[3] Заметим, что указанными здесь признаками формальные различия между именем существительным и глаголом не исчерпываются: можно было бы привести и ряд других своеобразных особенностей той и другой части речи.

§ 31. Всего в русском языке принято различать следующие части речи:

А. Изменяемые части речи.

1. Существительные в широком смысле:

а) Имена существительные в узком смысле. Примеры: *дом, человек, коммунист, Иван, лев, лошадь, корова, камень, вода, молоко, ходьба, белизна, идея, революция, число, равенство.*

б) Существительнообразные местоимения. Примеры: *я, ты, он, мы, вы, кто?, некто, никто, сам.*

в) Существительнообразные числительные. Примеры: *два,* (м. и ср. род *два,* ж. род *две*), *три, четыре, пять, шесть, десять, двенадцать, сто, тысяча.*

2. Прилагательные в широком смысле:

а) Имена прилагательные в узком смысле, или прилагательные качественные, т. е. названия качеств (приписываемых говорящим в качестве признака тому или иному предмету или лицу). Примеры: *белый, красный, большой, красивый, золотой, серебрянный, сильный, бессильный, энергичный, революционный, пролетарский* и т. д.

б) Прилагательные притяжательные (выражающие принадлежность предмета определенному лицу) например: *сёстрин, дядин* и т. д.

в) Прилагательнообразные местоимения, например: *какой, который, чей, самый.*

г) Прилагательнообразные числительные, напр.: *первый, второй, третий, шестой, сотый, тысячный* и т. п.

д) Прилагательные отглагольные, т. е. причастия: см. в отделе „Глагол".

Примечание: Следуя общему правилу — причислять к одной и той же части речи вместе с основой данного словоизменения и все формы словоизменения от этой основы, — мы причисляем к словоизменению прилагательных и наречные (по значению) формы, образованные от прилагательных (напр., *сильно,* от *сильный, хорошо* от *хороший* — в таких, напр., фразах: *Он сильно ударил меня! он хорошо говорит по-русски* и т. д.).

3. Глагол. Примеры: *итти* (вместе с производными формами: *иду, идёшь, пойду, пойдёшь,* и т. д.), *нести* (*несу, несёшь, несет, нёс, несла* и т. д.), *говорить, дать, телеграфировать* и т. д.

Примечание: Следуя вышеуказанному общему правилу, мы причисляем к глаголу и производные от него формы — причастия (напр., *несущий, давший, данный, дающий*), и деепричастия (напр., *неся, читая* и т. д.), несмотря на то, что по своему значению первые из них (причастия) носят характер отглагольных прилагательных (сравн. узбекские причастия bergən, berilgən, berə turqan [которому в живой речи — напр., в ташкентском говоре соответствует berədigən], oquqan, oqulqan, oquj turqan = ташк. oqujdigən, oqula turqan = oquləndigən или oqilədigən и т. п.), а вторые — отглагольных наречий (сравн. узбекские berip, oqup и т. п.).

Б. Неизменяемые части речи.

4. Наречия. Примеры: *вчера, завтра, теперь, здесь, всегда, иногда.*

Примечание. Отдельно от этих неизменяемых наречий т. е. не имеющих определенных систем словоизменения (какими служат, напр., склонение в существительных, спряжение в глаголах) следует рассматривать наречия, производные от прилагательных (напр.,

хорошо во фразе „он хорошо говорит по-русски" — наречие, производное от прилагательного *хороший*, *весело* во фразе: „*Мы весело провели время*", — наречие производное от прилагательного *хороший*). Согласно нашему общему правилу — причислять производные формы словоизменения к той части речи, к которой относится основа, — эти производные наречия (*хорошо*, *весело* и т. п.) не составляют особой части речи, а являются лишь особыми (специфическими по значению — именно наречными) формами словоизменения прилагательных (именно прилагательных *хороший*, *весёлый* и т. п.).

5. Предлоги, т. е. краткие слова (или даже, точнее, — части слов, пишущиеся, однако, отдельно) перед определенными падежами[1] имен существительных или прилагательных: например, *с* (*с сыном, с отцом*), *к* (*к дому, к тебе, к отцу*), *у* (*у отца, у меня, у лошади, у порога*), *в* (*в комнате, в стране*, или — *в комнату, в страну*) *от* (*от отца, от тебя*), *без* (*без отца, без лошади*) и т. д. В узбекском языке предлоги вовсе отсутствуют: они заменяются или употреблением определенных падежей имени или же т. н. „послелогами" (напр., „послелог" yst обычно в формах ystidə или ystigə соответствует русскому предлогу *на* или же русскому предлогу *над*), ставящимися не перед, а после имени; напр., русскому *на столе* по-узбекски может соответствовать просто местный падеж (падеж на da | də) ustalda; русскому *на книге* соответствует узбекское kitab ystidə (где вместо предлога *на*, предшествующего имени существительному, употреблена определенная падежная форма[2] от послелога yst, произносящаяся уже не перед, но после данного имени, т. е. после слова kitab).

6. Союзы, т. е. краткие (в большинстве случаев) слова, служащие для соединения фраз (или предложений) или же отдельных элементов предложения между собою и для указания смыслового, в частности логического, соотношения между этими фразами (предложениями), или же их элементами. Например: *и, но, а, однако*, и т. п.

Примечание. В узбекском языке также имеются союзы (напр., həm, və, lekin, əmma и т. п.), но употребляются они, в общем, значительно реже, чем союзы в русском языке.

7. Междометия, или восклицания — напр., *ах, ох, увы, эй* и т. п. (такого же рода восклицания имеются, разумеется, и в узбекском языке).

8. Звукоподражания (напр., *кукареку, тук-тук, тик-так* и т. п.).

Наконец надо заметить, что некоторые из наличных в русском языке неизменяемых слов (в частности слова *да, нет*, употребляющиеся в виде ответов на вопросы) не могут быть подведены ни под одну из вышеуказанных категорий („частей речи"); и с другой стороны, число их настолько незначительно, что не имеет смысла выделять их в некую особую, самостоятельную „часть речи". Мы будем называть их, поэтому, словами „вне частей речи".

§ 32. Как видно из вышеприведенного перечня русских частей речи, в частности частей речи изменяемых (т. е. обладающих особыми системами форм словоизменения — вроде склонения, спряжения), русский язык оказывается в данном отношении гораздо сложнее и труднее узбекского языка, где достаточно — в числе изменяемых слов — двух основных категорий, или двух основных изменяемых частей речи (вместо трех в русском языке). Именно, в то время, как в русском, имена прилагательные обладают такой же самостоятельностью, т. е. столь же явными и круп-

[1] Кроме лишь именительного (1-го) падежа.

[2] Именно местный падеж (на də) от основы послелога yst с притяжательным суффиксом 3-го лица (*i*).

ными формальными отличиями,[1] как и имена существительные с одной стороны и глаголы с другой, в узбекском языке формальных различий между словами, соответствующими русским существительным (напр., taş, ata, kışi, şagird, tuz и т. п.), и словами, соответствующими русским прилагательным (напр., qьzьl, aq, qara, tar, keꞑ, pəst, bələnd, tez, toƣrь и т. п.), найти оказывается довольно трудно, и даже если, в конце концов и удается подыскать некоторые относящиеся сюда отличительные признаки (напр., образование форм на raq|rək: qьzьlraq и т. д., которое от существительных — напр., taş, ata — конечно не возможно), то во всяком случае это будут уже явления второстепенного порядка, которые никак не могут оказаться соизмеримыми с первостепенными и вполне явными — крупнейшего значения — формальными признаками русских прилагательных в отличие от существительных. Действительно, различие, состоящее в изменяемости по родам (— прилагательных), или же в принадлежности к определенному роду (— у существительных), в узбекском языке вовсе не может существовать, так как узбекский язык вообще не имеет самой идеи грамматического рода; если же мы обратимся ко второму из принципиальных формальных отличий — в суффиксах склонения русских существительных и прилагательных, — то мы увидим, что в узбекском языке здесь не будет никаких формальных отличий прилагательных от существительных: напр., узбекское qara «черный» будет иметь буквально те же окончания падежей (как и формы множествен. числа), что и такое напр., существительное, как bala «ребенок»: сравн. словоизменение qara, qaranьꞑ, qaraƣa, qaranь, qara bilən, qaradan, qarada, qaralar, qaralarnьꞑ и т. д. и, с другой стороны, те же суффиксы в словоизменении слова bala, balanьꞑ, balaƣa, balanь, bala bilən, baladan, balada, balalar, balalar, balalarnьꞑ и т. д. и т. д.

Эта относительная сложность классификации слов по частям речи в русском языке (вместе со специфическими для каждой из изменяемых частей речи системами словоизменения, в частности, напр., с особой системой склонения прилагательных и т. д. и т. д.) и является, между прочим, одной из причин того, что русский язык, по грамматической своей структуре, оказывается гораздо более трудным для изучения, чем любой из тюркских языков (в том числе узбекский).

Примечание. Разнообразие суффиксов, служащих для выражения одной и той же морфологической категории (напр., одного и того же падежа — как в русских формах родительного, например, падежа: *сын-а, жен-ы, пут-и, добр-ого, добр-ой* и т. д.) служит типовым отличием синтетических языков (в том числе русского) от аналитических языков, к которым принадлежит узбекский

[1] Именно, русские прилагательные, в противоположность существительным, изменяются по родам, хотя и только в единственном числе (напр., *хорóший, хорóшая, хорóшее, дóбрый, дóбрая, дóброе)*, тогда как существительные по родам не изменяются. Этот — основной из формальных признаков, отличающих русские прилагательные от существительных, — можно сформулировать так: „прилагательное само по себе не имеет рода, но зато изменяется по всем трем грамматическим родам — в зависимости от грамматического рода того существительного, которое определяется данным прилагательным; существительное же, наоборот, имеет определенный грамматический род, и система словоизменения по трем грамм. родам для существительных отсутствует. Да и само склонение прилагательных имеет совершенно особые, отличные от склонения существительных, признаки падежей, т. е. окончания, или суффиксы падежей: сравн., напр., родительный падеж от прилагательного *хорóший, хорóшая, хорóшее*: *хорóшего, хорóшей, хорóшего*, тогда как родительный падеж от существительных, как мужеского, так и женского и среднего родов, будет иметь уже совершенно другие окончания: *столá — окончание или суффикс а, жены́, мáсла*). Кроме этих формальных отличий (между русскими прилагательными и существительными) можно, конечно, указать еще и на ряд других: напр., прилагательные образуют две формы с различными до известной степени, синтаксическими функциями: *хороший* и *хорош* (или в женском роде: *хорошая* и *хороша*) и т. п., тогда как в существительных это формообразование отсутствует; прилагательные образуют от себя наречные формы (*хорошо, весело*) и, с другой стороны, степени сравнения (напр., *веселый-веселее*; *страшный-страшнее-страшнейший* и т. п.) и эти формообразования опять-таки являются, конечно, чуждыми существительным.

язык (относящийся к агглютинативной разновидности аналитических языков). Приведу кстати 2 других принципиальных отличия синтетических и аналитических языков:

1. В синтетических языках суффиксальная морфема обладает сложным значением, т.-е. совокупностью различных частных значений [или отдельных идей]: напр., в значение русского суффикса *ы* в словах *жены́, воды́, страны́* и т. д. входят следующие частные значения: 1) идея падежа, именно — родительного, 2) идея единственного числа, 3) представление женского грамматического рода, 4) представление категории существительных. В узбекском же языке падежный суффикс (напр., niŋ в jigit-niŋ, jigit-lər-niŋ, jigit-lər-imiz-niŋ и т. д.) выражает только идею падежа (родительного), а значение множественного числа передается своим суффиксом (-lər), который опять-таки выражает только одну данную идею (— множественного числа) и т. п.

2. Аналитические языки обладают более отчетливой делимостью слова на основу и суффикс, так как основа без суффикса (напр., узб. bala, ata, at, qara и т. д.) представляет собою вполне нормальный тип слова в этих языках; в синтетических же языках, в виде доминирующей нормы, изменяемое слово должно состоять из 2 частей — основы и суффикса: напр., *доск-а́, рук-а́, сел-о́, жив-о́й, жив-а́я, жив-о́е* и т. д. (встречающиеся же в русском языке случаи слов с нулевым суффиксом, напр., именительные падежи ед. ч. м. р.: *сын, брат, стол, конь, чай*, или родительные падежи мн. ч. ж. р.: *рук, ног, рек, нужд* и т. п. должны рассматриваться как окказиональные исключения из этой нормы[1]).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНООБРАЗНЫЕ СЛОВА (СУЩЕСТВИТЕЛЬНООБРАЗНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНООБРАЗНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ)

§ 33. К существительным принадлежат слова, по назначению своему являющиеся: 1) обозначением предмета (или лица) или же 2) опредмеченного представления качества или действия и т. д., мыслящегося, следовательно, не в виде признака, утверждаемого или отрицаемого за каким-либо предметом,[2] но будучи само уже на правах предмета, к которому могут примышляться данного порядка признаки (как, например, во фразах: *холод опасен для здоровья, бегство постыдно* и т. п.). В формальном отношении эта категория слов характеризуется, во-первых, принадлежностью к определенному грамматическому роду (мужескому, женскому или среднему, что в синтаксическом отношении выражается согласованием по грамматическому роду относящихся[3] к данному существительному прилагательных, а также и некоторых глагольных форм (например, *холодный лед, холодная вода, холодное вино; мальчик бежал — женщина бежала; мальчик сказал бы — женщина сказала бы* и т. д.); во-вторых, склонением по падежам и числам, что в синктаксическом отношении тоже выражается согласованием относящихся к данному существительному прилагательных по числу и падежу, глаголов только по числу. В известной мере (но лишь частично!) признаки, характеризующие категорию существительных, подходят не только к существительным в узком смысле слова, каковы: *мальчик, Степан, весло*,

---

[1] Но во всяком случае наличие этих исключений делает русский язык в известной степени менее типичным представителем синтетических (или флективных) языков, чем, напр., латинский и т. п. древние индоевропейские языки [в латинском число подобных исключений гораздо меньше, чем в русском: ср., напр., латинские императивы dic duc fac fer, или же такие именительные падежи, как mel, lac и т. п.].

[2] Что имеет место в таких, например, фразах, как *лед холоден, мальчик бежит*.

[3] Т.-е. высказывающих тот или иной признак, примышляемый к данному предмету или лицу (—значению данного существительного).

Киев, Наполеон, бродяга, топор, роза, поклон, красота, торжественность, поцелуй, бегство и т. д., но и к прилегающим к ним классам существительнообразных слов, куда относятся:

1) существительнообразные местоимения, или „местоимения существительные“ (или „просубстантивные“[1] местоимения), например: *я, ты, мы, вы, себя, себе, собой* и так далее, *кто, что* и т. д.;

2) существительнообразные числительные, т. е. просубстативные, или числительные количественные (например: *два, две, три, четыре, пять, шесть десять, сто, триста* и т. д.), а также собирательные (например, *оба, обе, двое, трое, четверо, шестеро, семеро* и т. д.), но не порядковые (например, *второй, третий, четвертый*), которые относятся к прилагательнообразным словам, т. е. к прилагательнообразным числительным (см. ниже).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В УЗКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА

§ 34. Внутри существительных в узком смысле слова принято обычно проводить два деления:

1) деление на а) одушевленные и б) неодушевленные, — точнее на а) имена одушевленных предметов — людей, мифических существ, животных, например: *мальчик, человек, большевик, Иван, узбек, бог, чорт, див, лев, аист, лошадь, кролик, осёл, попугай* и т. д. и б) имена неодушевленных предметов (и опредмеченных представлений качеств и действий): *костёр, топор, камень, поцелуй, бег, бегство, холод, лай, белизна* и т. д.;

2) деление на а) имена собственные — обозначения индивидуальных лиц и предметов, например, *Иван, Алексей, Владимир, Ильич, Ленин, Сталин, Моссельпром, Африка, Ташкент, Франция, Байкал, Енисей, Казбек, Эльбрус, Лондон* и т. д. и б) имена нарицательные — с более абстрактным, именно родовым значением — целой категории единичных предметов: *человек, город, государство, страна, столица, трактор, яблоко, муравей, кошка, лимон, общество, западня, точка, истина, хулиганство, любовь, министр, нарком, наркомат, публика, жилтоварищество* и т. д.

Но фактически формальное выражение в языковой системе (устной речи) находит лишь первое деление — на одушевленные и неодушевленные имена существительные: признаком первых является совпадение форм винительного падежа с родительным, а признаком вторых — с именительным падежом. Например:

	Одушевленные	Неодушевленные
1-й (именительный) падеж единственного числа:	коммунист	стол
	гражданин	молот
	серб	серп
	Иван	плод
	попугай	крик
2-й (родительный) падеж единственного числа:	коммуниста	стола
	гражданина	молота
	серба	серпа
	Ивана	плода
	попугая	крика
(4-й винительный) падеж единственного числа:	коммуниста	стол
	гражданина	молот
	серба	серп
	Ивана	плод
	попугая	крик

[1] Т. е. употребляющиеся взамен имени существительного (например: *он пришел* вместо *Петр пришел*), но не взамен прилагательного (что мы встречаем, например, в *который* или *такой* и т. д.). Термин „просубстантивный“ — латинского происхождения и объясняется из сочетания следующих латинских слов: pro „вместо“ (узб. ornьqa) и substantivum „существительное“.

	Одушевленные	Неодушевленные
1-й (именительный) падеж множественного числа:	коммунисты	столы
	граждане	молоты
	сербы	серпы
	ученики	плоды
	тигры	крики
2-й (родительный) падеж множественного числа:	коммунистов	столов
	граждан	плодов
	учеников	молотов
	сербов	серпов
	тигров	криков
4-й (винительный) падеж множественного числа:	коммунистов	столы
	граждан	плоды
	учеников	молоты
	сербов	серпы
	тигров	крики

Нужно однако отметить, что в склонении единственного числа существительных женского рода V—VI склонения этот признак отсутствует, так как винительный падеж имеет здесь свою специфическую морфему (состоящую из гласного звука *у*, для передачи которого пишется буква *у* или *ю*), не совпадающую ни с суффиксом именительного (состоящим из гласного звука *а* — пишется буква *а* или *я*), ни с суффиксом родительного падежа (*ы*, *и*): напр., *женщина* — винит. падеж *женщину* (но родительный падеж — *женщины*), *няня* — винит. падеж *няню* (но род. падеж — *няни*); те же окончания винительного падежа мы находим и в неодушевленных именах этого склонения (т.-е. женского рода V и VI склонения — на *а, я*): *страна́* — вин. падеж *страну́* (род. пад. *страны́*), *земля́* — вин. падеж *зе́млю* (род. падеж — *земли́*). Сравни:

Единствен. число женского рода 1 склонения:

1-й = Именительный	падеж	жена́ сестра́, коммуни́стка, рука́, молва́, река́
2-й = Родительный	„	жены́ сестры́ коммуни́стки руки́, молвы́, реки́
3-й = Винительный	„	жену́ сестру́ коммуни́стку ру́ку, молву́, ре́ку.

Примечание 1. С другой стороны и существительные одушевленные жен. рода VII склонения (написания которых оканчиваются в им. падеже ед. числа на букву *ь*) также не подчиняются вышеприведенному правилу о совпадении винительного ед. числа с родительным: напр., женское собственное имя *Любовь* имеет винительный падеж, совпадающий с именительным (но не с родительным): напр., *я видел Любовь Ивановну*, т.-е. в данном случае формообразование женского собственного имени *Любовь* совпадает с образованием данного падежа (винительного ед. числа) от нарицательного и неодушевленного имени *любовь*. Объясняется это отступление от общей (вышеуказанной) нормы (для имен одушевленных), вероятно, просто тем, что в VII склонении вообще найдется чрезвычайно мало имен лиц или животных (каково, напр., существительное *лань* = узб. „kijik"); потому они подчиняются (в образовании вин. падежа) аналогии доминирующего большинства основ данного склонения, т.-е. имен неодушевленных, каковы, напр., *кость* (вин. падеж тоже *кость*), *ночь* (вин. падеж тоже *ночь*), *любовь* (вин. падеж тоже *любовь*) и т. д.

Примечание 2. В именах среднего рода вин. падеж тоже совпадает с 1-м (именительным) падежом — потому, что почти все существительные среднего рода — неодушевленные (за исключением лишь

слова *дитя*). В силу же этого подавляющего преобладания неодушевленных имен (в среднем роде), слово *дитя* тоже подчиняется этой общей норме, т.-е. имеет винит. падеж ед. числа — *дитя*. Но во множ. числе, т.-е. в винит. падеже от *дети*, формальное выражение получает идея одушевленности: этот винительный падеж имеет форму родительного: *детей*. Конечно, в этом можно видеть прямое следствие из того общего факта, что множественное число вообще не дифференцируется по грамматическим родам (и, таким образом, формальное различение одушевленных от неодушевленных в 4 падеже осуществляется во множественном числе в н е з а в и с и м о с т и от того, к какому роду принадлежало данное существительное в единственном числе).

§ 35. Второе же деление существительных — на собственные и нарицательные — принадлежит исключительно письменному языку, т.-е. выражается в графическом различении, проводимом искусственно — без соответствующей почвы в морфологии устной речи. Именно, с о б с т в е н н ы е имена, к которым, как уже сказано, причисляются имена индивидуальных лиц и предметов, пишутся (не только в начале, но и внутри фразы) с большой (— прописной, или заглавной) буквы: *Владимир Ильич Ленин, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Сталин, Иван, Петр, Лондон, Ташкент, Ашхабад, Сталинабад, Байкал* и т. д.

П р и м е ч а н и е. Но производные от собственных имен, или вообще родственные им по коренной морфеме слова (как существительные, так и прилагательные) будут, однако, уже писаться с маленькой буквы, поскольку их значение не будет удовлетворять вышеуказанному характеру собственных имен, т.-е. поскольку они будут означать уже не индивидуальных лиц или индивидуальные предметы, но наоборот, — такие предметы или лиц, которые существуют во множестве. Например, *Китай*, — но *китаец, китайский, китайщина; Франция*, но *француз, французский; Узбекистан*, но *узбек, узбекский* и т. д.

С К Л О Н Е Н И Е

§ 36. В отличие от узбекского языка, где склонение состоит исключительно в изменении п о п а д е ж а м, а не п о ч и с л а м, и где образование числа — есть особая формация, ничего общего со склонением не имеющая, а являющаяся лишь особой основой склонения, — в русском языке существительные (как и прилагательные — см. ниже) в склонении изменяются и п о п а д е ж а м, и п о ч и с л а м; иначе говоря, русский падежный суффикс заключает в себе не только значение падежа, но и значение определенного числа — единственного или множественного (а кроме того, и указание на определенный грамматический род, и на принадлежность к категории существительных, т.-е. значение русского суффикса представляет синтез 4 разных идей: см. § 32). А это значит, что число форм склонения и, следовательно, падежных суффиксов в русском языке (в каждом данном типе склонения) удваивается (т. е. является вдвое больше) по сравнению с числом падежных значений и числом падежных суффиксов в узбекском языке: если формальное выражение в русском склонении н а х о д я т, н а п р и м е р, п о к р а й н е й м е р е 6[1] п а д е ж-

---

[1] Условимся на первых порах говорить только о ш е с т и падежах русского склонения, представленных во всех типах склонений, оставляя, следовательно, напоследок обзор так называемых д е ф и ц и т н ы х (т.-е. выявляемых не во всех типах склонения, а только в одном из них) падежей русского языка, каковыми являются: 1) так называемый „падеж неопределенного количества“: например, *фунт чаю, немного сахару*; 2) местный падеж: *в лесу, на льду*; 3) так называемый „исходный“ падеж: *из дому, без году* неделя (см. ниже)

ных значений, то число падежных форм и падежных суффиксов (в каждом типе склонения) должно быть 12: по две формы — одна для единственного и другая для множественного числа — на каждое падежное значение (в данном типе склонения). В узбекском же языке, наоборот, число падежных суффиксов соответствует, т.-е. равно, числу падежей (или падежных значений): одни и те же падежные суффиксы служат и для единственного и для множественного числа: склонение множественного числа отличается — от склонения единственного числа — только вставкой суффикса множественного числа (-lar|-lər), т.-е. иначе говоря, употреблением иной основы склонения — отличающейся от единственного числа тем, что в нее включен суффикс -lar|-lər.

Двенадцать падежей, имеющихся во всех типах склонения русских имен существительных, являются следующими (6 падежей ед. числа и 6 тождественных им по своему падежному значению падежей — множественного числа):

А. ПАДЕЖИ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1-й падеж единственного числа, — так называемый именительный единственного числа.

Примеры: *коммунист, коммунизм, человек, тигр, село, деревня, завод, топь.* Соответствует части значений узбекского бессуфиксального падежа, — в частности узбекскому бессуфиксальному падежу: 1) в функции подлежащего: *человек пришел* = adam keldi, *камень падает* = taş tyşədi и т. д., 2) в функции сказуемого (в настоящем времени): *он узбек* = u өzbək [в разговорном узбекском языке]. [1]

2-й падеж единственного числа, — или родительный единственного числа:

Примеры: *коммуниста, коммунизма, человека, тигра, села, деревни, завода, топи.* Соответствует, по основной своей функции, узбекскому родительному на -ньŋ|-niŋ [ـنىڭ], например, узбекским формам qьşlaqньŋ, adamньŋ, kişiniŋ, zavudньŋ, sajanьŋ и т. д. [2]

Примеры: (*Идеи*) *коммунизма*, (*Рабочий*) *завода*, (*Житель*) *деревни*, (*Длина*) *тени*. Сравни узбекские формы родительного в словосочетаниях atanьŋ atь, paxta-zavudньŋ işcisi, sajanьŋ uzunlьƣь и т. д.

3-й падеж единственного числа, или Дательный ед. ч., соответствующий части функций узбекского Дательного, или т. н. „Направительного“ [= „Çonaliş“] на -ƣa/-gə (но однако как раз не той функции этого узб. падежа, по которой он назван „Çonaliş“, а другой — именно „д а т е л ь н о й“ его функции, которая имеется в таких, напр., фразах: ataƣa nan berdim, kişigə suv berdim, adamƣa ajtdьm и т. п.)

Примеры: *коммунисту, Ивану, человеку, тигру, деревне, городу:* сравн. *Я дал Ивану эту тетрадь* = Ivanƣa bu dəftərni berdim; *отец сказал Ивану* = Ata Ivanƣa ajtdь.

4-й падеж единственного числа, или винительный ед. ч. соответствует узбекскому Винительному на -нь/ni [ـنى]; например, *коммуниста, товари-*

[1] В традиционном письменном языке здесь была бы не бессуффиксальная форма, но сочетание с суффиксом -dьr|-dir: ul өzbək dir [П р и м е ч а н и е: пишется өzbek, но произносится өzbək].

[2] При преподавании русского языка узбекам надо принять во внимание, что в целом ряде узбекских говоров (именно, в иранизованных диалектах, а с другой стороны, и в некоторых единичных неиранизованных говорах — не только из чагатайского, но иногда и из огузского и даже кыпчакского наречий) суффикс -ньŋ|-niŋ совпал с суффиксом винительного падежа -нь|-ni, т.-е. вместо *двух* падежей — родительного и винительного — имеется *один*, сложный по своим функциям — „Родительный — Винительный“ падеж: напр. atanь atь [в иранизованных atəni ati] и atanь kөrdim [atəni kordim] Поэтому, простого указания на узб. суффикс -ньŋ/-niŋ для представителей этих говоров оказывается недостаточным (для усвоения идеи русского родительного падежа): им надо вместе с тем указать на различие между узб. литературным языком и их говорами в отношении данных 2 падежей.

ща, Ивана, сестру, тигра, книгу, коммунизм, дом, деревню, город, пожар, ру́ку, но́гу, во́ду, по-узбекски: kəmmynistni, ortaqnь, арапь, kitaвnь, yjni, qьşlaqnь, şəhərni и т. д.

Примеры: *Он купил книгу* — Kitaвnь satьв aldь, *я видел пожар, он убил тигра* и т. д.

5-й падеж единственного числа, или Творительный; соответствует одной из функций узбекского „Творительного — Соединительного" падежа с суффиксом-послелогом bilən [или minən в живой массовой речи]. Например, узбекскому pulat-qalam bilən (во фразе pulat-qalam bilən jazaman) соответствует русский Творительный (5-й) падеж — *пером: я пишу пером;* узбекскому рьсаq bilən (во фразе рьсаq bilən kesəmən) соответствует русский Творительный (5-й) падеж — *ножом: я режу ножом* и т. д. А творительный (5-й) падеж в сочетании с предшествующим предлогом *с/со* соответствует второй функции того же узбекского падежа: например, узбекскому ortaq bilən (во фразе ortaq bilən keldi, или: ortaq bilən birgə keldi) соответствует русский Творительный (5-й) падеж с предлогом *с: с товарищем,* — *он пришёл с товарищем.* [1]

Таким образом, одной и той же узбекской форме — на bilən (или — в живой массовой речи — -minən, а в ташкентском произношении -minəm) в русском соответствуют две разных конструкции (в каждой из которых употребляется Творительный, или 5-й падеж):

1) просто один Творительный (5-й) падеж б е з п р е д л о г а — в таких случаях, как *перо́м, ножо́м, топоро́м* — qalam bilən [qalam-minən или qələm-minəm], рьсаq bilən [рьсаq-minən, picaq-minəm], balta bilən [balta-minən, baltə-minəm] — например, во фразе: *он убил корову топором* = sijirni balta bilən əldirdi, и

2) Творительный (5-й) падеж с предлогом *с* (или если существительное начинается с двух согласных, то *со* [2]) — в тех случаях, где в соответствующую узбекскую фразу можно (без вреда для ее смысла) вставить слово birgə после bilən; например, в таких фразах: *он пришел с отцом* = ata bilən keldi = ata bilən birgə keldi; *он пришел с товарищем* = ortaq bilən keldi = ortaq bilən birgə keldi; *он пришел с женой* = xatьnь bilən keldi = xatьnь bilən birgə keldi; а равным образом: *он пришел с топором* = balta bilən birgə keldi [но balta bilən urdь = *он ударил топором,* — не „*с топором*", — ибо по-узбекски здесь уже нельзя прибавить birgə после bilən].

6-й падеж единственного числа, или так называемый п р е д л о ж н ы й падеж единственного числа, употребляемый исключительно лишь в сложении с предшествующими ему предлогами (этим и объясняется наименование этого падежа: „Предложный"); при этом выбор того или другого предлога (из числа предлогов, которые вообще способны сочетаться с данным падежом) и определяет его значение, [3] именно:

---

[1] Так как, благодаря двоякой смысловой функции узбекского падежа на bilən || minən, у обучающихся русскому языку узбеков чрезвычайно часто наблюдается неправильное употребление русского предлога *с*, можно посоветовать следующий практический прием для устранения подобных ошибок: если смысл узбекской фразы допускает вставку слова birgə [после bilən || minən], то по-русски нужен предлог *с*; в противном случае нужна форма творительного б е з п р е д л о г а.

[2] Чтобы не было чрезмерного стечения согласных звуков в начале слова — например, *со мною* вместо *с мною* (тут было бы три согласных подряд: *смн*); это стечение согласных и устраняется выбором дублетной формы предлога — именно *со*. Но надо оговорить, что дублет этот (*со*) употребляется не во всех подобных случаях, а лишь в определенных (закрепленных традицией) сочетаниях: *со мною*, но *с братом* (не **со братом*!) См. главу о предлогах.

[3] Без предлога же форма данного падежа вообще лишена грамматического значения и не употребляется.

1. Предложный (6-й) падеж с предлогом *о* или *об*[1] соответствует узбекским сочетаниям имени с послелогом toqrь-sь-da или hysys-i-də или haq-ь-da; напр., *о муже* = er toqrьsьda или er hysysidə, er haqьda; *о жене* xatьn toqrьsьda (или xatьn hysysidə и т. д.), *о книге* (kitab toqrьsьda и т. п.), напр., во фразах: *она думает о муже* = er(i) toqrьsьda ojlajdь, *они говорят о книге* = ular kitab toqrьsьda gəpirədi(lər).

2. Предложный (6-й) падеж с предлогом *в* (или *во*[2]) соответствует узбекскому местному падежу на -da | də, отвечающему на вопрос *„где?“*: напр., *в городе, в Самарканде, в Ташкенте, в Москве. в Таджикистане, в комнате* — şəhərdə, Samarqandda [Səmərqəndə в иранизованной, напр., ташкентской речи],[3] Taşkənddə [Taşkəndə], Məskəvdə и т. д. Сравни, например, фразы: *они живут в Таджикистане* = ular Taçikistanda jaşajdь(lar).

Примечание. Но если предлог *в* (*во*) употреблен не с Предложным (6-м), а с Винительным (4-м) падежом, то он отвечает уже не на вопрос „где?“, а на вопрос „куда?“ и соответствует, таким образом, в узбекском языке уже не Местному (на -da или də), а Дательному падежу (на -qa или gə), например *в Москву* (= *в* + 4-й падеж) = Məskəvgə (напр. во фразе: *я еду в Москву* = Məskəvgə baraman; но *я живу в Москве* = Məskəvdə turaman или Məskəvdə jaşajman.

3. Предложный (6-й) падеж с предлогом *на* означает пребывание непосредственно сверху того предмета, который выражен основой данного существительного, соответствуя, в этом своем значении, или узбекскому сочетанию имени с послелогом yst-i də (например — *на книге* = kitab(niņ) ystidə), или же просто форме Местного падежа (на -da или -də), напр., *на улице, на базаре*, — по-узбекски kəcədə, bazarda (напр., *милиционер стоит на улице и на базаре* = milisə kəcədə həm bazarda turadь), *на фабрике* (fəbrikədə), *на заводе* (zavutda).

Примечание. Но когда предлог *на* сочетается уже не с Предложным (6-м), а с Винительным (4-м) падежом, т. е. в таких, например, конструкциях, как *на книгу, на стол, на улицу, на базар*, по-узбекски ему отвечают уже не формы на -da | -də или ysti-də, но формы Дательного падежа (на -qa | gə) и yst-i-gə, например, ustal niņ ystigə dəftər(ni) qojaman = *я положу тетрадь на стол*, kitab (niņ)ystigə dəftər(ni) qojaman = *я положу тетрадь на книгу;* kəcəgə cьqtь = *он вышел на улицу*, ata bazarqa ketdi = *отец ушел на базар*, fəbrikəgə ketdim = *я ушёл на фабрику*, zavudqa barasan = *ты идешь на завод*.

4. Предложный (6-й) падеж с предлогом *при* является переводным эквивалентом узбекских сочетаний с qaşьda или janьda.

---

[1] *Об* (вместо *о*) употребляется обычно тогда, когда имя существительное начинается с гласного — напр., *об отце* (вместо **о отце*); в противном случае (т. е. если бы мы имели форму **о отце*) получилось бы стечение двух гласных в начале слога, а выбор дублетной формы предлога — *об* устраняет это соседство двух гласных. [Как исторически образовалось чередование этих дублетов: *о, об* и даже *обо (обо мне, об всех)*, — это, конечно, особый вопрос, которого мы не можем касаться в нашем курсе].

[2] *Во* (вместо *в*) употребляется перед существительными, начинающимися с двух согласных: например, *во дворе* (вместо *в дворе*); ср. сказанное выше по поводу дублетов *с* и *со*.

[3] Но в самаркандском говоре и вообще в „максимально-иранизованных“ узб. говорах (т. е. в „самаркандско-бухарской“ подгруппе) местный падеж на -də отсутствует (под влиянием таджикского сложного по функциям падежа на ə). Дат. падеж на -gə употребляется и на вопрос „куда?“, и на вопрос „где?“ (например, Səmərqəngə „в Самарканде“). При объяснении русского предлога *в* (и 6-го падежа) представителям этих говоров, надо иметь ввиду эту их особенность.

Б. ПАДЕЖИ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА[1]

Так как значения падежей, как таковых, будут здесь те же, что и значения падежей в единственном числе (которые мы уже рассмотрели), то нам можно будет ограничиться — при изложении падежей множественного числа — лишь приведением примеров на них и указанием соответствующих по значению узбекских форм.

1-й, или Именительный падеж множественного числа. Примеры: *заводы* (узб. zavutlar), *народы* (xalqlar), *годы* (jьllar), *ученики* (şagirdlər), *учителя* (myəllimlər), *кони* (atlar), *деревни* (qьşlaqlar), *земли* (jerlər), *вина* (vinalar), *яблоки* (almalar) и т. д. — напр., во фразах: *заводы работают* = zavudlar işləjdilər, *народы живут* = xalqlar jaşajdьlar и т. п.

2-й, или Родительный падеж множественного числа. Примеры: *заводов* (узб. zavudlarnьŋ), *народов* (xalqlarnьŋ), *годов* (jьllarnьŋ), *учеников* (şagirdlərniŋ), *учителей* (myəllimlərniŋ), *городов* (şəhərlərniŋ), *коней* (atlarnьŋ), *деревень* (qьşlaqlarnьŋ), *земель* (jerlərniŋ), *вин* (vinalarnьŋ), *яблок* (almalarnьŋ), — напр., во фразах: *стены заводов крепки* — zavudlarnьŋ devallarь məhkəm (boladьlar), *имена этих народов забыты* = şu xalqlarnьŋ ismləri unutьlƣan(lar) и т. п.

3-й, или Дательный падеж множественного числа. Примеры: *ученикам* (şagirdlərgə), *женщинам* (xatьn-qьzlarƣa), *народам* (xalqlarƣa), *учителям* (myəllimlərgə),—например, во фразах: *народам дана свобода* = xalqlarƣa azadlьq berilgən, *женщинам дана свобода* = xatьn-qьzlarƣa azadlьq berilgən, *учителя сказали ученикам* = myəllimlər şagirdlərgə ajtdьlar, *ученик сказал учителям* = şagird myəllimlərgə ajtdь и т. п.

4-й, или Винительный падеж множественного числа. В склонении имен неодушевленных предметов (напр., в склонении существительных *завод, деревня, земля*) он сходен с 1-м именительным падежом (множ. числа), а в склонении имен предметов одушевленных, т.-е. имен лиц, животных, мифических существ, — сходен со 2-м Родительным падежом (множественного числа). Примеры: а) от имен неодушевленных — *заводы* (узб. zavudlarnь), *деревни* (qьşlaqlarnь), *годы* (jьllarnь), напр., во фразах: *рабочие взяли заводы в свои руки* = işçilər zavudlarnь əz qolьƣa aldьlar, *он видел счастливые годы* = bəxtli jьllarnь kərgən; б) от имен одушевленных — *учеников* (şagirdlərni), *товарищей* (ortaqlarnь), *людей* (adamlarnь, kişilərni), *учителей* (myəllimlərni) — напр., во фразах: *муллы били учеников* = mullalar şagirdlərni urar edilər, *ученики ругали учителей* = şagirdlər myəllimlərni səkdilər и т. п.

5-й или творительный падеж множественного числа. Примеры: *заводами, народами, учениками, городами, деревнями, плугами, топорами, руками, ногами, собаками.*

а) Примеры узбекских соответствий для Творительного (5-го) падежа множественного числа б е з п р е д л о г а: *мы работаем топорами* = baltalar bilən işləjmiz, *я добываю хлеб своими руками* = nanьmnь əz qolьm bilən tapaman (в буквальном переводе надо было бы сказать — qollarьm bilən: дело в том, что парные органы тела: *руки, ноги, глаза, уши* и т. д., именуются обычно по-узбекски в единственном числе, а по-русски, наоборот, — во множественном числе).

б) пример узбекских соответствий для Творительного (5-го) падежа множественного числа с предлогом *с* (или *со*): *они пришли с товарищами* = ular ortaqlar(ь) bilən keldilər.

---

[1] Вторично напомним здесь читателю, что в русском языке имя существительное (как и прилагательное) склоняется и по п а д е ж а м и п о ч и с л а м, тогда как в узбекском — только по падежам, т.-е. в русском языке каждый падеж множественного числа имеет свои особые суффиксы, вовсе не совпадающие с суффиксами того же падежа единственного числа, тогда как в узбекском и единственное и множественное число склоняются о д и н а к о в о: разница между формами падежей в единственном и множественном числах состоит не в суффиксах падежей, а лишь только в том, что в формах склонения множественного числа между основой имени и падежным суффиксом вставлен бывает признак (т.-е. суффикс) множественного числа lər или lar [в несингармонистических говорах только lər].

6-й или предложный падеж множественного числа: а) Примеры 6 падежа мн. числа с предлогом *о* (или *об*): *о заводах* (zavudlar toqrьsьda), *об учениках* (şagirdlər toqrьsьda); б) пример 6 падежа множ. числа с предлогом *в* (или *во*): *в городах* (şəhərlərdə), *в деревнях* (qьşlaqlarda); в) примеры 6-го падежа множественного числа с предлогом *на*: *на улицах* (kөcələrdə), *на базарах* (bazarlarda), *на заводах* (zavudlarda), *на фабриках* (fəbrikələrdə), *на лошадях* (atlarda—atlarqa minip), *на столах* (ustallar ystidə), *на стенах* (dəvallarda), *на книгах* (kitablar ystidə); г) при школах и т. д.

Кроме вышеназванных 12 падежей существуют еще три дефективных падежа, которые встречаются лишь в склонении известного класса основ — именно в склонении некоторых лишь имен существительных мужского рода и притом только в единственном числе. Это — 1) седьмой падеж — Выделительный, или частичный, весьма нередко именуемый „падежом неопределенного количества“[1], сюда относятся, например, формы: *чаю, сахару* (во фразах: *хотите чаю, дайте стакан чаю, насыпьте сахару, ещё ложечку сахару, нет у вас ни чаю, ни сахару*); 2) восьмой падеж или Местный — употребляющийся исключительно с предлогами *в* (*во*) и *на*, например: *в саду, в чаю, в плену, в пылу, в гробу в раю, в дыму, в углу, в пруду, на краю, на полу, на льду*;

3) девятый падеж, который также оканчивается на звук у [но здесь это конечное *у* безударно — в отличие от 8-го падежа] и встречается исключительно в таких сочетаниях с предлогами, где ударение лежит на предлоге: напр., „*из лесу*“, „*без году неделя*“; на основании той функции, которую мы имеем в первом из этих примеров (*из лесу*), падеж этот часто называется „Исходным“ падежом.

Об этих падежах у нас будет итти речь при рассмотрении особенностей 2-го склонения (куда относятся слова мужского рода, обладающие данными падежами).

§ 37. Грамматический род. Понятие грамматического рода, с которым мы сталкиваемся не только в именах существительных, но (в той или иной мере) и во всех изменяемых частях речи русского языка, совершенно не находит себе соответствия ни в узбекском, ни в прочих турецких (тюркских) языках[2], а потому для представителей турецких языков, в частности для узбеков, усвоение русской категории грамматического рода (с запоминанием, к какому из трех родов относится каждое русское существительное, и с соблюдением согласования между грамматическим родом существительного и признаком грамматического рода в формах прилагательных, местоимений, причастий, до известной степени в числительных и даже в некоторых глагольных формах[3]), представляет весь-

[1] Точнее: „падеж определенного или неопределенного или нулевого количества“.

[2] Да и в целом ряде других (нетюркских) языков нацменьшинств СССР. Во всяком случае отсутствие рода характерно для урало-алтайских языков в целом (если не считать зародышевого новообразования категории рода [прилагательных] в калмыцком языке).

[3] Именно в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения: если вы — мужчина, вы должны, например, говорить: *я пришёл* (прошедшее время: men keldim), *я пришёл бы* (сослагательное: men kelər edim); но если вы — женщина, вы уже не можете сказать *я пришёл, я пришёл бы* и должны говорить *я пришла, я пришла бы*. По-узбекски, конечно, и мужчина, и женщина употребляли бы одинаковую грамматическую форму (keldim или же — во втором случае — kelər edim и т. п.). Равным образом, обращаясь к собеседнику — мужчине, вы говорите *ты пришёл* (прошедшее время — по-узбекски sen keldiŋ), или *ты пришел бы* (сослагательное наклонение — по-узбекски sen kelər ediŋ); но если вы обращаетесь

ма и весьма существенные затруднения; при этом данные явления грамматического рода, благодаря их отсутствию в родном языке учащегося, вызывают у него, в общем, вполне законное недоумение: — зачем введена в русскую морфологию такая вполне излишняя (с точки зрения родного языкового мышления) обуза, отнюдь не оправдываемая реальными потребностями речевого обмена? И действительно узбек (или вообще представитель какого-либо языка без категории грамм. рода), изучающий русский язык, имеет полное право сказать: „Ведь можно было бы обойтись без понятия грамматического рода, и от этого выиграл бы не только я, изучающий ваш язык, но и любой из вас, русских, говорящих на этом языке, — ибо, говоря на языке без грамматического рода, можно произнести прилагательное, еще не выбрав того существительного, к которому это прилагательное относится, и значит, в процессе говорения не потребуется тратить энергию на мыслительные процессы, связанные с согласованием по грамм. роду. Это вполне верно, и с утилитарной точки зрения, конечно, нужно было бы предпочесть язык без грамматического рода языку, в котором категория грамматического рода имеется. Не надо только забывать при этом, что в том грамматическом строе, который существует в русском языке (и который мы по необходимости должны изучать таким, как он есть), явления грамматического рода, все-таки, несут на себе известные выразительные функции (— другое дело, что эти функции могли бы быть, при другом грамматическом строе, выполнены иначе и гораздо более выгодно): к ним относится, прежде всего, указание логических связей между словами (напр., между существительным и определяющим его прилагательным и т. п.) посредством их согласования по грамматическому роду (так как прилагательное ставится в том же грамматическом роде, к которому принадлежит определяемое им существительное). В узбекском же языке (и в тюркских языках вообще) эта связь между словами указывается иначе: посредством строго предусмотренного порядка слов (определение перед определяемым и т. д). Но вот мы видим, что в русском языке отсутствует этот *строго* обязательный порядок слов (определение бывает перед определяемым, но может быть и после него), и это обстоятельство стоит в связи именно с тем, что для выражения логического соотношения между словами здесь служит, по преимуществу, другое средство — уже не обязательный порядок слов, а вышеупомянутое их согласование по грамматическому роду (а также по падежу и числу).

§ 38. Как уже было выше (в § 32) сказано, существительные в русском языке — в отличие от прилагательных — не изменяются по родам, но распределяются по родам. Это значит, что всякое существительное, имеющее формы единственного числа (т.-е. за исключением таких слов как *клещи́, са́ни, се́ни, но́жницы, гра́бли, брю́ки, штаны́, дро́жки*[1] и т. п.) сознается

к женщине, вы должны уже взамен этих форм употребить формы женского рода — *ты пришла́* (прош. вр.), *ты пришла́ бы* (сослагательное наклонение). По-узбекски же — независимо от того, говорите ли вы с женщиной или мужчиной, — произнесена была бы одна и та же форма: keldiŋ (для прошедшего времени, т. е. в качестве эквивалента русских — „ты пришёл", „ты пришла́"), kelər ediŋ (для передачи русского сослагательного наклонения: „ты пришёл бы", „ты пришла́ бы").

[1] Существительные этой последней категории, т.-е. представленные исключительно в форме множ. числа, стоят вне родоразличения уже потому, что множественное число вообще не знает родовых форм: отсутствуют, ведь, и формы мужского, женского и среднего родов во множественном числе прилагательных; а раз так, то здесь мы не имеем того, основного (на принципе согласования основанного) признака, по которому мы узнаем род существительного из формы определяющего его имени прилагательного: *дом*, напр., говорим мы, мужского рода — потому, что в словосочетании *высокий дом* прилагательное имеет форму *высокий*, а не *высокая* или *высокое*; по отношению к таким словам, как *клещи* и т. п., этот кри-

принадлежащим к одной из трех формальных категорий, т.-е. к одному из родов (мужскому или женскому, или среднему), которые характеризуются, как внешними (синтаксическими), так и внутренними (морфологическими) признаками: к внешним (синтаксическим) их признакам принадлежит с о г л а с о в а н и е с относящимися к данному существительному словами, в частности с прилагательными (если данное существительное, напр., *дом*, принадлежит к мужскому роду, то мы говорим *высокий дом, мой дом*, но не можем сказать *высокая дом, моя дом*, или *высокое дом, моё дом*); к внутренним (морфологическим) признакам каждой из трех родовых категорий относится, напр., принадлежность существительных данного рода к определенному типу склонения и определенное окончание 1-го (именительного) падежа (ед. числа): так почти все имена существительные мужского рода принадлежат к первому или второму склонению (см. ниже), и в именительном падеже ед. числа не имеют суффикса: *дом, конь, чай* и т. д.; имена существительные женского рода, наоборот, принадлежат к V и VI или же к VII склонениям, при чем в первом случае (в V и VI склонениях) оканчиваются в именительном падеже ед. числа на суффикс *а* (пишется *а* или *я* — напр., *жена, земля*), а во втором случае — в VII склонении — не имеют суффикса, заканчиваясь, следовательно, последним согласным основы, который при этом бывает п а р н ы м м я г к и м или н е п а р н ы м согласным (и в том и другом случае пишется *ь*: напр., *тень, ночь*); существительные же среднего рода принадлежат к III и IV склонениям, и оканчиваются в именительном падеже ед. числа на *о, е* (если не считать еще нескольких имен среднего рода IX склонения — на *мя*: *время, семя,*[1] *племя, имя* и т. п., а также слова *дитя*).

§ 39. Каково же смысловое содержание у каждой из этих трех родовых категорий? Т.-е. каково то общее значение, которое присуще всем словам мужского рода (в отличие от слов женского и среднего родов), или, наоборот, всем словам женского рода или всем словам среднего рода? — Не случайно ведь, конечно, одной из этих категорий дано название „мужского рода“, а второй — название „женского рода“. Поводом для такого наименования служила, несомненно, известная ассоциационная связь этих (двух, по крайней мере, из трех) родовых категорий с понятием естественного пола, т.-е. в конечном счете с представлением наличия или мужских, или наоборот, женских половых признаков. В действительности мы найдем, что имена лиц женского пола (напр., *женщина, девушка, мать, бабка, тетя, акушерка, актриса, попадья, Дарья, Мария, Екатерина, Маруся, Клара, Бэла, Антонина, Иванова*) все сплошь отходят к той родовой категории, которая составляет ж е н с к и й г р а м м а т и ч е с к и й р о д. [(В некоторой оговорке, пожалуй, нуждаются лишь такие (статистически, конечно, представляющие ничтожное меньшинство) иностранные по

терий родоразличения оказывается, конечно, просто неприемлемым. Поэтому русское языковое мышление вовсе не примышляет к представлению таких существительных (*клещи, сани, штаны, брюки* и т п.) идеи грамматического рода. [Правда, в старых (дореволюционных) грамматиках русского языка проводилось и с к у с с т в е н н о е различение грамматических родов в этих словах: они распределялись между мужским и женским родами на основании окончаний Родительного падежа (*клещей, саней*, но *штанов* и т. д.); слова же, оканчивающееся в Именительном на *-а* — напр., *ворота* — причислялись к среднему роду; вызывалось это искусственным орфографическим различением форм множ. числа от прилагательных (писавшихся по старой орфографии двояко: *больные*, и *больныя*, *большіе* и *большія* и т. п); в настоящее же время, разумеется, нет никаких орфографических потребностей в этом искусственном различении родов в вышеуказанных словах (*клещи, сани* и т. п.).

[1] Напомню кстати, что узбекам не без труда удается усвоить звуковое различие между *семя* и *семья*. Поэтому требуется отчетливое разъяснение обоих слов: в слове *семя* — четыре звука, а в *семья* — пять звуков; первое слово среднего рода, а второе женского (причем в склонении оно обнаруживает следующее чередование коренной морфемы: *семьй* [s'em'j-] и *семей* [s'em'ej]₂ и т. д. и т. д.

происхождению женские собственные имена, которые лишены характерного для данной категории окончания [*а*] = *а/я* (в 1 падеже), — напр., *Кэт*, *Бе́тти*[1], *Мариам* (древне-еврейское женское имя), *Оцу́ру* (японское женское имя) и т. д. Но на деле это — мнимое исключение. Ведь эти собственные имена не исключены из категории женского грамматического рода, о чем свидетельствует основной синтаксический признак родоразличения (мы не могли бы сказать „*мой Кет*", „*мой Мариам*", „*мой* или *мое Оцуру*", но наоборот обязательно сказали бы „*моя Кэт*", „*моя Мариам*", „*моя милая Оцуру*" и т. д.); слова эти просто-на просто лишь лишены одного из внешних признаков, обычно знаменующих принадлежность к этой родовой категории (к женскому грамм. роду). И несмотря на отсутствие окончания (-а) в *Кэт* и т. п., мы не подумаем о возможности склонять эти слова (напр. *Кэт*) по образцу мужского склонения (т.-е. в таком виде: 1-й падеж *Кэт*, 2-й *Кэта*, 3-й *Кэту*, 4-й *Кэта*, 5-й *с Кэтом* и т. д. или *Мариам, Мариама, Мариаму, Мариама, с Мариамом* и т. д.) — это было бы настоящей бессмыслицей для русского языкового мышления: за отсутствием требуемого (для выражения женского грамм. рода) окончания (-а), данные собственные имена оказываются просто вне склонения, т.-е. являются несклоняемыми (как, с другой стороны и слова *бюро, какаду, ГПУ*), а это нисколько не противоречит тому, что они сознаются словами женского рода (иначе *Кэт* и *Мариам* склонялись бы по мужскому склонению)].

Итак имена лиц женского пола — можно сказать без исключения[2] — принадлежат к женскому грамматическому роду.[3] То же нужно сказать и об именах животных женского пола, т.-е. о таких названиях животных, которые вместе с тем содержат (в составе своего значения) и признак пола этого животного — именно женского пола; сравни: *курица, корова, кошка, кобыла, овца* (в отличие от *петух, кот, бык, жеребец, баран*) и т. д.

Итак поскольку речь идет об именах лиц и об именах животных женского пола [— где действительно и определенно мыслится признак женского пола, т.-е. таких названий животных *кобыла, курица*, но не таких как *лошадь, зебра* и т. п.], категория грамматического женского рода вполне оправдывает свое наименование: имена лиц женского пола целиком принадлежат к женскому грамматическому роду.

Но уже далеко не так обстоит дело с именами лиц мужского пола. Правда, большинство существительных, служащих обозначениями лиц мужского пола принадлежит к мужскому грамматическому роду и по внешним и по внутренним признакам этой родовой категории, т. е. не только требует, чтобы относящееся к данному слову прилагательное имело форму мужского рода (*добрый отец*, но не *добрая отец* или *доброе отец*), но и принадлежит к мужескому (I и II) склонению (т.-е. в 1-м падеже единственного числа оканчивается на согласный и не имеет особого суф-

[1] Кэт и Бетти — английские женские имена (уменьшительные).

[2] Сложный комплекс *женщина-врач* не является исключением. Но нужно сказать, что новая организация труда и новые формы семейного быта вступают в конфликт и в решительную борьбу с традиционными языковыми фактами в области наименований профессий (которые построены были на основе старого, давно уже отжившего, распределения труда между полами и на основе старых взглядов на женщину, как на пассивное и юридически принадлежаще мужчине существо: большинство названий профессий предполагает только мужчин (в роли представителей этих профессий), а производные от этих названий слова женского рода рассчитаны лишь на обозначение жены данного лица [и лишь в редких, специальных случаях старый языковый быт допускал второе обравование — уже для обозначения активной роли женщины: напр., *директриса* рядом с *директорша* (= жена директора)]. Таким образом слово *кондукторша* с традиционной точки зрения должно было пониматься как „жена кондуктора", и только реальные факты нового трудового быта вносят в это слово новое значение — „женщина — кондуктор" и т. д. и т. д. Однако факты эти составляют совершенно отдельную проблему (уже явно выходящую за пределы нашей темы в настоящей главе), и о них надо говорить в обзоре лексики рус. яз.

[3] Надо помнить, конечно, что мы говорим только о явлениях русского языка. В немецком, наоборот, слово Weib — „женщина" — среднего рода (das Weib).

фикса: например, *отец, учитель, ученик, наездник, священник, брат, студент, диктатор, президент, кондуктор, юрист, архивариус, сапожник, чулочник, извозчик, мастер, бондарь, сыщик, сторож, племянник, актер, автор* и т. д.). Но наряду с именами лиц мужского пола I и II склонения (составляющими, как уже было сказано, громадное большинство) есть и известное небольшое число таких имен лиц мужского пола, которые в 1-м падеже единственного числа оканчиваются на *а* и склоняются по тому типу склонения, который характерен не для мужеского, а для женского грамматического рода — именно по V или VI склонению: таковы, например, слова *мужчи́на, ста́роста, судья́, старшина́, воево́да,* а также *городско́й голова́*[1]. Мы видим, следовательно, что у части имен лиц мужского пола, имеющих внешнюю, или синтаксическую характеристику имен мужского грамматического рода,[2] внутренний (или морфологический) признак будет тот же, что у имен женского грамм. рода, — именно — окончание 1-го падежа на *а* и принадлежность к V или VI склонению (слово *мужчина,* напр., склоняется так же, т.-е. с теми же суффиксами, что и слово *женщина:* сравни, напр., 2-й падеж — *мужчины, женщины,* 3-й падеж — *мужчине, женщине,* 4-й падеж — *мужчину, женщину,* 5-й падеж — *мужчиной, женщиной* и т. д.).

Из этого остается сделать вывод, что даже для имен лиц русская система грамматических родовых категорий с ее внутренними признаками (типами склонений, предназначенных для определенного рода) оказывается не вполне удовлетворительной с точки зрения логичности языковых фактов (такие слова, как *мужчина, староста, старшина, воевода, городской голова,* нарушают здесь обычные нормы)

§ 39. Однако все сказанное — о соотношении грамматического рода и естественного пола — составляет только часть вопроса: ведь по родовым грамматическим категориям распределяются не только имена лиц и имена животных, содержащие в себе определенный признак пола (напр., *корова, овца*)[3], но и имена неодушевленных предметов, и имена животных, неуточненные в отношении признака пола (напр., *собака* — слово, в одинаковой мере применимое и к собаке — самцу и к собаке — самке [как и узбекское it]). Какой же смысл может иметь это распределение по грамм. родам для имен предметов неодушевленных (а также и для имен животных, применяемых к обоим полам)?

— Приходится сказать, что никакого естественного, реального обоснования для этого распределения имен предметов по трем родовым грамм. категориям не существует (и, следовательно, нет возможности на основании знакомства с самим предметом определить — к какому грамм. роду в русском языке будет принадлежать существительное, обозначающее этот предмет). Если бы было иначе, т.-е. если бы существовала реальная связь между характером самого предмета и грамматическим родом названия этого предмета, то нужно было бы ожидать, что распределение имен предметов по грамм. родовым категориям будет одно и то же, как и в русском языке, так и в других языках, которым также присущи родовые категории (напр., в немецком, латинском, французском, итальянском, арабском, древне-еврейском). Между тем, например, слово *дом* в русском языке —

---

[1] И только в этом значении (т.-е. как название должности: *городской голова*) существительное *голова* становится словом мужского рода (— по внешним, т.-е. синтаксическим признакам рода: именно надо говорить *городской голова, наш городской голова, прежний городской голова,* но не *городская голова,* не *наша городская голова,* не *прежняя городская голова*). [Для полноты сошлюсь, впрочем, на мою книгу „За марксистское языкознание", стр. 153, прим.].

[2] Ибо мы говорим высок*ий* мужчина, но не высок*ая* мужчина, прежн*ий* староста, но не прежн*яя* староста и т. д.

[3] *Корова* и *овца* приложимы только к животным женского пола — в отличие от слов *бык* и *баран*. Сравн. узбекское противоположение sigir (sijir) и həkyz (но слово qoj, наоборот, употребляется и в соответствии русскому *баран*, и в соответствии русскому *овца* [т.-е. потенциально заменяет узб. savlьq — „овцу"]).

мужеского рода, а в немецком (das Haus) — среднего рода, а в латинском (domus) — женского рода, и подобный же „разнобой“, т. е. полное отсутствие единообразия в распределении по родам, мы найдем и в именах других предметов [т. е., если иногда и окажется, что в двух языках слова, служащие названиями одного и того же предмета, будут принадлежать к одному и тому же роду, то такое совпадение отнюдь не оказывается обусловленным признаками самого данного предмета, как такового, т. е. „внеязыковыми моментами“].

Зато, наоборот, ища мотивировку для распределения существительных по родам не вне языка, а в самом языке, мы должны заметить, что существует (по кр. мере, в русском языке) зависимость между грамматическим родом и звуковым составом существительных. Так, имена предметов, оканчивающиеся (в 1-м падеже ед. ч.) на гласный звук а (пишущиеся с конечной буквой *а* или *я*), будут словами женского грамм. рода, а имена предметов, оканчивающиеся (в 1-м падеже ед. ч.) на „парный твердый“ согласный, — словами мужеского грамм. рода, и имена предметов на *о* или *ё* или *е* (в 1-м падеже ед. ч.) — словами среднего рода[1]: сравни, например, —

Существительные на гласный звук *а* женского рода	Существительные на „парный твердый“ согласный мужеского рода	Существительные на *о*, *ё*, *е* среднего рода
Хижина	Плот	Ведро
Стена	Плод	Плечо
Спина	Рот	Вино
Игла	Стол	Молоко
Книга	Стул	Село
Карта	Потолок	Лицо
Картина	Чайник	Чувство
Печка	Стакан	Бельё
Земля	Лоб	Солнце
Шея	Город	Поле
Сабля	Нос	Горе
		Удовольствие

Убедиться в том, что решающую роль (для выбора родовой категории) играет звуковой состав и именно окончание данного имени предмета, нам может помочь, между прочим, судьба узбекских (или вообще турецких) слов, попадающих (т. е. заимствуемых) в русский язык: например, слова *айран*, *арык*, *каймак*, *плов* (— узбек. ajran, arьq, qajmaq, palav [pәlav]), т. е. слова на „парный твердый“ согласный, оказались в русском языке существительными мужеского рода, а слова на *а*, напр. *чайхана* (узб. caj-xana), *шурба* (şurpa) — существительными женского рода[2].

[1] Прочие окончания имен существительных, предопределяющие принадлежность этих существительных к тому или иному грамм. роду, будут нами указаны ниже в обзоре формальных типов склонения (или „склонений“). Там мы увидим, между прочим, что из существительных, оканчивающихся (в 1-м падеже ед. ч.) на „мягкий“ или „не-парный“ согласный звук, часть будет принадлежать к мужескому (напр. *конь*, *нож*), а другая часть — к женскому грамм. роду (напр. *тень*, *рожь*).

[2] Экскурс. Позволю себе упомянуть, что материал новых заимствованных (в исследуемый язык) слов вообще может оказаться чрезвычайно полезным для исследования родовых категорий данного языка. Так, например, в исследовании чеченских (очень сложных и до ныне еще не описаных) родовых категорий удается обнаружить группу (категорию) имен, обозначающих средства передвижения [чеченские родовые категории характеризуются не звуковым составом самих имен, а смысловыми их моментами] и имеющих сообразно этому некий особый (т. е. общий для названий средств передвижения) формальный признак [именно — префикс j- в глагольных формах, согласующихся с данными именами]. И вот для того, чтобы убедиться в действительности вышеназванного смыслового признака (для данной категории), следует предположить заимствованными (в чеченский язык) такие, напр., термины как *аэроплан*, *гидроплан*, *геликоптер* и т. д. (поскольку

Таким образом, состав трех родовых категорий (женского, мужеского и среднего родов) имен существительных в русском языке можно характеризовать нижеследующим образом:

1. К женскому грамматическому роду принадлежат:

I. Имена лиц (а также животных) женского пола; они оканчиваются (за исключением лишь некоторых иностранных собственных имен, вроде вышеприведенных примеров: *Кэт* и т. д.) или

а) на звук *а* (пишется буква *а* или *я*): *жена, няня* и т. д. или

б) значительно реже — на „мягкий“ или на непарный согласный (при чем в обоих случаях пишется буква *ь*): *свекровь, мать, дочь*, женское собственное имя *Любовь* и т. д.

II. Имена предметов (и также имена животных, мыслимые без определенного признака естественного пола), имеющие те же окончания (1-го падежа единственного числа) и те же суффиксы склонения (остальных падежей), что и в I, т. е:

а) оканчивающиеся на суффикс *а* (пишется *а* или *я*): *голова, земля, жаба* и

б) оканчивающиеся на „мягкий“ или же на не-парный (и именно — шипящий) согласный (в обоих случаях пишется *ь*): *тень, рожь, рысь, выпь.*

При этом не трудно будет и ответить на вопрос — почему слова II (т. е. имена предметов, мыслимых без признака естественного пола) входят в родовую категорию женского рода (и требуют, следовательно, форму женского рода в относящихся к ним прилагательных и т. д.)? Это потому, что по одному из моментов своей характеристики, именно по моменту своего звукового состава (и в частности, по своим окончаниям), эти слова II походят на слова I (т. е. на имена лиц естественного женского пола: *жена, няня, свекровь* и т. д.). Иначе говоря, имена предметов, п о х о ж и е на женские имена, стали в грамматическом отношении совершенно аналогичными настоящим женским именам, т. е. принадлежат к женскому грамматическому роду наравне с настоящими женскими именами — именами женщин или самок животных (а потому и требуют, по принципу согласования, женского рода в относящихся к ним прилагательных и т. п. — совершенно так же, как и настоящие женские имена: например, *здоровая* голова — точно так же, как *здоровая* жена и т. д., и т. д.).

Подобное объяснение будет применимо, разумеется, и к именам предметов (неодушевленных) мужеского рода.

2. К мужескому грамматическому роду принадлежат:

I. Имена лиц (а также животных) мужеского пола: например, *брат, ученик, учитель* (а также *бык, баран* и т. д.). За вычетом нескольких исключений (- *мужчина, староста, старшина, воевода, судья* и некоторые тому подобные) они оканчиваются (в 1-м падеже един. числа) на согласный звук:

а) или на „твердый парный“ согласный: *брат, ученик*; или

б) на „мягкий парный“ согласный (пишущийся, конечно, с буквой *ь*): *учитель*; или

в) на „не-парный“ согласный (при чем в отличие от существительных женского рода — буква *ь* после „шипящих“ согласных не пишется): *муж, палач, глашатай* („çarcь“).

II. Имена предметов (а также животных, мыслимых без признака естественного пола), оканчивающиеся (в 1-м падеже единственного числа) на согласный звук (как и I):

а) или на „твердый парный“ согласный: *дом, паук*; или

все они являются названиями с р е д с т в п е р е д в и ж е н и я). Если чеченец, вводящий в свою речь эти (н о в ы е для него) названия с р е д с т в п е р е д в и ж е н и я, невольно применит и к ним упомянутый выше формальный признак [— префикс *j*-; т. е. если он, напр., скажет: *ajriplan j-u* („Аэроплан есть“), но не *ajriplan в-u* или *ajriplan d-u* и т. п.], то это сможет служить доказательством, что данная категория (— названий с р е д с т в п е р е д в и ж е н и я) действительно существует в качестве морфологической родовой категории чеченского языка.

б) на „мягкий парный“: *пень, день, конь*; или

в) на „не-парный согласный“ (пишущийся без ь): *нож, плащ, чай, попугай*.

3. К третьей категории, то-есть к так называемому „среднему“ грамматическому роду, естественно, не должны принадлежать имена лиц (так как они мыслятся, обычно, с признаком естественного пола, или мужеского или женского, а потому отходят или к мужескому или к женскому грамматическим родам). Исключением здесь является:

I. Слово *дитя*, которое служит, конечно, именем лица, но не содержит в себе уточнения признака естественного пола (*дитя* может быть и мальчиком, и девочкой). [1]

Из того факта, что имена лиц распределены по двум другим категориям (мужского и женского рода), непосредственно вытекает, что к среднему роду должны принадлежать, по преимуществу, имена неодушевленных предметов. И именно это —

II. Имена предметов (неодушевленных):

а) оканчивающиеся (в 1-м падеже) на *о, е, е* (*яйцо, бельё, поле*), а также

б) оканчивающиеся (в 1-м падеже) на *мя*; слов этих очень немного: напр., *время, семя, племя, темя, пламя*, и наконец

в) иностранные имена — несклоняемые (например, *табу, какаду, пальто*) и некоторые несклоняемые „сокращения“ (например, *ГПУ, ОНО, горОНО, САГУ*, [2] *САКУ*, [3] *САХИПИ* [4] и т. п.).

Средний род, следовательно, это—грамматическая категория для имен предметов по преимуществу, но к нему могут относиться, разумеется, только такие имена предметов, которые, по звуковому своему составу (т.-е. по окончанию) не вошли в две первые категории (мужеского и женского грамматических родов).

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 40. Большинство существительных мужеского рода оканчиваются на согласный (и чаще всего на твердый согласный: например, *дом, человек, рот, холод, молоток, молот*; реже — на мягкий парный согласный, как, например, *конь, огонь, словарь, богатырь, ковыль*); а большинство существительных

[1] Заметим, что в современной живой речи слово *дитя* (в единственном числе) уже вышло или, по крайней мере, выходит из употребления: вместо *дитя* обычно говорят *ребенок* (и только в переносном уже смысле — и притом, чаще всего, с ироническим или юмористическим оттенком — можно услышать слово *дитя* в приложении уже не к ребенку, а например, к женщине: „Дитя мое!“). Еще реже, чем 1 й падеж единственного числа, могут встретиться в современном языке другие падежи единственного числа — по образованию своему — неправильные, т.-е. отличные от нормальных типов склонения, именно падежи: 2-й п. *дитяти*, 3 й п. *дитяти*, 5-й п. *дитятей*, 6-й п. *о дитяти* (что же касается 4-го падежа, то он по общему для имен среднего рода правилу совпадает с 1-м падежом: *дитя*, см. выше). Зато, наоборот, вполне употребительным является множественное число — *дети* (форма тоже неправильная), как в 1-м, так и в прочих падежах. Вот склонение этого множественного числа:

1-й (именительный) падеж	множественного	числа —	*дети*
2-й (родительный)	„	„	„	*детей*
3-й (дательный)	„	„	„	*детям* (или реже — *детям*)
4-й (винительный)	„	„	„	*детей* (сходен с 2-м падежом)
5-й (творительный)	„	„	„	*детьми* (но не **детями*)
6-й (предложный)	„	„	„	*о детях, в детях, на детях.*

[2] Сокращено из Среднеазиатский Государственный Университет.
[3] „ „ „ Коммунистический „
[4] „ „ „ Хлопковый Ирригационно-Политехнический Институт.

женского рода — на гласный звук *а* (при чем чаще на *а* с предшествующим твердым согласным, например, *вода, теплота, рука, вакса, забава*; реже — на гласный звук *а* с предшествующим м я г к и м согласным — почему в таких случаях пишется уже вместо буквы *а* — буква *я*, как то: *земля, капля, няня*).

Этим различиям окончаний (для двух наиболее часто встречающихся грамматических родов — мужеского и женского) соответствуют следующие системы склонения:

Для слов (имен существительных) мужеского рода на твердый согласный — 1 склонение с падежными окончаниями (суффиксами), которые будут видны из следующей таблицы:

Названия падежей	Окончания (суффиксы) падежей	Пример существительного неодушевленного	Пример существительного одушевленного	Узбекский перевод
1-й или именит. п. ед. ч,	Без окончания	Молот	Коммунист	Kəmmynist
2-й „ родит. „	а	Молота	Коммуниста	Kəmmynistniꞑ
3-й „ дательн. „	у	Молоту	Коммунисту	Kəmmynistgə
4-й „ винит. „	- / а	Молот	Коммуниста	Kəmmynistni
5-й „ творит. „	ом	Молотом	(с) коммунистом	Kəmmynist bilən
6-й „ предл. „	е	о молоте	о коммунисте	Kəmmynist toƣrьsьda
1-й „ именит. п. мн. ч.	ы	Молоты	Коммунисты	Kəmmynistlər
2-й „ родит. „	ов	Молотов	Коммунистов	Kəmmynistlərniꞑ
3-й „ дательн. „	ам	Молотам	Коммунистам	Kəmmynistlərgə
4-й „ винит. „	ы / ов	Молоты	Коммунистов	Kəmmynistlərni
5-й „ творит. „	ами	Молотами	(с) коммунистами	Kəmmynistlər bilən
6-й „ предл. „	ах	о молотах	о коммунистах	Kəmmynistlər toƣrьsьda

Для слов (имен существительных) женского рода на *а* с предшествующим твердым согласным — V склонение с окончаниями:

		П р и м е р		Узбекский перевод
1-й именит. п. ед. ч.	а	Вода	Женщина	Xatьn
2-й родит. „	ы	Воды	Женщины	Xatьnnьꞑ
3-й дательн. „	е	Воде	Женщине	Xatьnƣa
4-й винит. „	у	Воду	Женщину	Xatьnnь
5-й творит. „	ой	Водой	(с) Женщиной	Xatьn bilən
6-й предл. „	е	в воде	о женщине	Xatьn toƣrьsьda
1-й именит. п. мн. ч.	ы	Воды	Женщины	Xatьnlar
2-й родит. „	(без окончания)	Вод	Женщин	Xatьnlarnьꞑ
3-й дательн. „	ам	Водам	Женщинам	Xatьnlarƣa

4-й винит. п. мн. ч.	или *ы* или в именах одушевленных без окончания (т.-е. в именах неодушевл. сходен с 1-м, а в именах одушевлен. со 2-м падежом)	Воды	Женщин	Xatьnlarnь
5-й творит. „	ами	Водами	(с) Женщинами	Xatьnlar bilən
6-й предл. „	ах	в водах	о женщинах	Xatьnlar toƣrьsьda

Эти два склонения (I для мужеского рода, V—для женского) являются наиболее частыми в русском языке (т.-е. к ним принадлежит громадное большинство встречающихся в русском языке существительных).

Склонения. II (для муж. рода) и VI (для женск. рода) являются лишь графическими разновидностями I (для муж. рода) и V (для женск. рода), ибо по звуковому составу окончания в том и другом случаях (у I и II, respect. у V и VI) почти всегда одинаковы; отличие же лишь в том, что в I и V большинству падежных окончаний предшествует твердый (не-парный) согласный, а во II и VI — парный мягкий или же *й*, почему в них пишутся буквы *я* (вместо *а* в I и V), *ю* (вместо *у* в I, V), *е* (вместо *о* в I, V) и *и* (вместо *ы* в I и V).

Сравни:

	Окончания I склонения	Пример I склонения	Примеры II склонения		Различия в написании II склонения от окончаний I склонени
Именит. ед. ч.	—	Молот	Конь	Чай	
Родит. „	а	Молота	Коня	Чая	*я* вместо *а*
Дательн. „	у	Молоту	Коню	Чаю	*ю* „ *у*
Творит. „	ом	Молотом	Конём	Чаем	*е* „ *о*
Предл. „	е	о молоте	о коне	о чае	
Именит. мн. ч.	ы	Молоты	Кони	Чаи	*и* „ *ы*
Род. и вин. „	ов	Молотов	Коней	Чаёв	(о различных окончаниях 2-го падежа мн. числа см. ниже)
Дательн. „	ам	Молотам	Коням	Чаям	*я* вместо *а*
Творит. „	ами	Молотами	Конями	Чаями	*я* „ *а*
Предл. „	ах	о молотах	о конях	о чаях	*я* „ *а*

Те же самые отличия (*я* вместо *а*, *ю* вместо *у*, *е* вместо *о*, *и* вместо *ы*) мы найдем и при сравнении VI склонения с V-м, т.-е. в женском роде.

Сравни:

	V склонение	VI склонение	
Именит. ед. ч.	Вода	Земля	*я* вместо *а*
Родит. „	Воды	Земли	*и* „ *ы*
Дательн. „	Воде	Земле	
Винит. „	Воду	Землю	*ю* „ *у*
Творит. „	Водой	Землёй	*е* = *ё* „ *о*
Предл. „	о воде, в воде	о земле, в земле	

Именит. мн. ч.	Во́ды	Зе́мли	*и* вместо *ы*
Родит. „	Вод	Земе́ль	
Дательн. „	Во́дам	Зе́млям	*я* „ *а*
Винит. „	Во́ды	Зе́мли	*и* „ *ы*
Творит. „	Во́дами	Зе́млями	*я* „ *а*
Предл. „	в вода́х	в земля́х	*я* „ *а*

Таким образом, запомнив окончания I склонения. мы можем просклонять (и написать с соответствующей подменой букв *а, о, у, ы* — буквами *я, ю, ё, и*) также и II склонение, т.-е. склонение имен с основой на *й* (напр., *чай, Китай*) или на парный мягкий согласный (вроде *конь, огонь*) — разница в звуковом составе падежных окончаний будет лишь в родит. множ. (*коней* и т. д.). Равным образом, запомнив окончания V склонения (женск. рода с основой на твердый согласный) легко просклонять и имена VI склонения (с основой на мягкий согласный, вроде *няня, земля* и т. д.).

§ 41. Однако в некоторых определенных именах существительных, принадлежащих к вышерассмотренным склонениям (I, II, V и VI), наблюдаются отступления от вышеприведенных схем этих склонений; поэтому можно было бы установить п о д т и п ы данного склонения, которые, однако, будут отличаться от вышеприведенных образцов (*молот, коммунист, вода*) лишь незначительно — лишь формами нескольких определенных падежей или даже одного лишь падежа.[1] Не имея возможности перечислить все такие подтипы (в вышеназванных четырех склонениях), т.-е перечислить все индивидуальные особенности в склонении в с е х слов русского языка (принадлежащих к I, II, V и VI склонениям), мы остановимся лишь на главнейших из них, т.-е. имеющих наибольшее практическое значение (благодаря тому, что они присущи более или менее значительным группам слов).

1) Существительные (мужеского и женского рода), основа которых оканчивается на *к* (и принадлежит к I или V склонениям), имеют в имен. множ. числа падеже не *ы*, а *и* — ибо звукосочетание *кы* в русском языке принципиально невозможно и заменяется через *ки*; например: 1 падеж множ. числа — *узбе́ки, каза́ки, ло́дки* (от существительных — *узбе́к, каза́к, ло́дка*), а равным образом оканчивается на *ки* и 2 й падеж единствен. числа, если существительное — женского рода (и принадлежит следовательно к V склонению): так 2 падеж ед. ч. от *лодка* будет *лодки*, а не *лодкы*. То же самое наблюдается и в основах на *г, х*, ибо сочетания *гы, хы* точно также (как и *кы*) невозможны в русском (современном) языке и всегда заменяются через *ги, хи*: например — 1-й пад. множ. числа *сапоги́, пастухи́, но́ги, бло́хи* (от существительных *сапог, пастух, нога, блоха*) и второй падеж ед. числа (женского рода, т. е. V склонения) — *ноги́, блохи́*.

Кроме того, согласно правилу русской орфографии, буква *ы* не пишется после букв *ч, ш, щ, ж*, а потому в склонении основ на *ч, щ, ш, ж*

---

[1] Таким образом, уже независимо от того, что русский язык насчитывает целый ряд склонений (а узбекский, в сущности, имеет лишь одно, или — если считать сингармонические варианты суффиксов -nьŋ / -niŋ, -ƣa / gə и т. д. — два склонения), благодаря существованию этих подтипов в каждом склонении, русская система словоизменения (т.-е. склонения) существительных оказывается во много раз сложнее узбекской. Что же касается, в частности, подтипов склонений, то в узбекском можно указать лишь несколько единичных явлений, которые напоминали бы эти подтипы (да и то, главным образом, в разговорном, а не в письменном языке).

[2] Это является уже задачей „Грамматического словаря русского языка" (см. предисловие, страница 4).

мы пишем 1-й падеж мн. числа, а также 2-й падеж ед. ч. женского рода через *чи, щи, ши, жи,* (но не *чы, щы, шы, жы*):[1] напр., 1-й пад. мн. числа — *калачи́, плащи́, шалаши́, ножи́, да́чи, ро́щи, ду́ши, рого́жи* (от существительных — *калач, плащ, шалаш, нож, дача, роща, душа, рогожа*) и 2-й падеж един. ч. женского рода (V склонения) — *дачи, рощи, души, рогожи.*

2) В некоторых существительных (I и II скл.) гласный *о* (в I) или *е* (во II скл.), имеющийся в первом и сходном с ними 4-м падеже ед. ч., выпадает в прочих падежах (этот гласный называют обыкновенно „беглым *о*“ или „беглым *е*“). Например:

1-й и 4-й (Им. и Вин.) пад. ед. ч.	Сон	День
2-й (Род.) падеж ед. ч.	Сна	Дня
3-й Дат. „ „ „	Сну	Дню
5-й Твор. „ „ „	Сном	Днём
6-й Предл. „ „ „	во сне	о дне

Множественное число:

1-й и 6-й падежи	Сны	Дни
2-й падеж	Снов	Дней
3-й „	Снам	Дням
5-й „	Снами	Днями
6-й „	о снах	о днях

Примечание 1. Сходное с этим „беглым“ гласным явление встречается и в узбекском языке — правда, не в склонении, а в другом словоизменении имен, именно в образовании притяжательных форм (с суффиксами -ьm / -im, -ьŋ / -iŋ, -ь / -i, -ьmьz / -imiz, -ьŋьz / -iŋiz) от некоторых определенных имен — напр. от слова oqul „сын“: мой сын oqlьm, твой сын oqlьŋ, его сын oqlь, наш сын oqlьmьz, ваш сын oqlьŋьz, то есть в бессуффиксальной форме oqul между q и l имеется гласный u, а в формах oqlьm или oqlьŋ или oqlь и т. д. гласный u уже отсутствует; мы имеем здесь, следовательно, „беглое u“.

Примечание 2. С „беглым“ *о* мы встретимся также и в некоторых именах VII склонения (жен. рода): напр. 1-й падеж един. числа *рожь*, 2-й падеж един. числа — *ржи* и т. д.; см. ниже.

3) В склонении слов *молот, коммунист* мы наблюдаем, что ударение во всех падежных формах приходится на тот гласный звук, на котором оно было в 1-м (Именительном) падеже ед. числа. Но так обстоит дело далеко не во всех существительных I и II склонений (муж. рода). Во первых, есть очень значительное число таких слов, которые, благодаря односложности своей основы (а следовательно и односложности 1-го падежа ед. ч.) по необходимости имеют ударение на основе в 1-м падеже ед. ч.[2] (а также в 4-м падеже ед. ч., если он совпадает с 1-м), но зато во всех прочих падежах,[3] которые будут уже двухсложными, носят ударение на втором слоге, т. е. на гласном звуке суффикса: например:

	I склонение			II склонение
1 п. ед. числа	Кот	Плот	Плод	Конь
2 п. „ „	Кота́	Плота́	Плода́	Коня́
3 п. „ „	Коту́	Плоту́	Плоду́	Коню́

[1] Это правило относится, конечно, и к существительным, не имеющим ед. числа, таким, напр., как *клещи* (не **клещы*).

[2] Что неизбежно, потому что второго слога (в котором был бы суффиксальный гласный) в данном падеже вовсе нет: *конь, кот, плот, плод* и т. д.

[3] За исключением лишь 1 п. мн. ч., но и то у некоторых лишь из этих имен (*ко́ни*); но в формах *коты́. плоты́,* ударение как и в прочих падежах на втором слоге.

4 п. ед. числа	Кота́	Плот	Плод	Коня́
5 п. „ „	Кото́м	Плото́м	Плодо́м	Конём
6 п. „ „	о коте́	о плоте́	о пло́де	о коне́ (на коне́)
8 п. „ „		на плоту́		
1 п. мн. числа	Коты́	Плоты́	Плоды́	Ко́ни [1]
2 п. „ „	Кото́в	Плото́в	Плодо́в	Коне́й
3 п. „ „	Кота́м	Плота́м	Плода́м	Коня́м
4 п. „ „	Кото́в	Плоты́	Плоды́	Коне́й
5 п. „ „	Кота́ми	Плота́ми	Плода́ми	Коня́ми
6 п. „ „	о кота́х	о плота́х	о плода́х	о коня́х (на коня́х)

Во-вторых, мы найдем (в I и II склонениях) и такие существительные, которые переносят ударение (с основы на суффиксальный гласный) лишь в одном или двух определенных падежах;[1] например, в склонении слова *год* (именно: 2-й п. ед. ч. — *го́да*, 3-й п. ед. ч. *го́ду*, 5-й п. ед. ч. *го́дом*, 6-й п. ед. ч. *о го́де*, 8-й п. ед. ч. *в году́*, 1-й п. мн. ч. — *го́ды*, 2-й п. мн. ч. — *годо́в*, 3-й п. мн. ч. — *года́м*, 5-й п. мн. ч. — *года́ми*, 6-й п. мн. ч. — *о года́х*) ударение на суффиксе будет только во 2-м, 3 ем, 5-ом, 6-ом падежах мн. ч. (*годов* и т. д.), да еще в 8-ом (или Местном — см. § 51) падеже ед. ч. [2] (*в году*).

Наконец, в V и VI склонениях (женского рода) перемена места ударения в 4-м падеже ед. ч. и во мн. числе (в склонении таких, напр., слов, как *вода́* и *земля́*: 4-й пад. ед. ч. — *во́ду, зе́млю*, 1-й пад. мн. ч.: *во́ды, зе́мли*) играет роль существенного признака падежа (— не менее существенного, чем самый суффикс данного падежа)[3]. Но опять-таки это чередование ударений (*вода́, во́ду, во́ды; земля́, зе́млю, зе́мли; спина́, спи́ну, спи́ны; нога́, но́гу, но́ги*) оказывается характерным далеко не для всех двухсложных имен V и VI склонений, а лишь для части их; наоборот, такие, напр., имена, как *сестра́, трава́, страна́,* переносят ударение на первый слог лишь во множественном числе, но не в 4-м падеже ед. ч.[4]

---

[1] 1-й падеж множественного числа является здесь, как мы уже только что указали, исключением, присущим лишь данному примеру (т. е. составляющим индивидуальную особенность слова *конь*, которое, таким образом, строго говоря, составляет особый подтип внутри рассматриваемого нами подтипа). Само собой разумеется, что все подобного рода индивидуальные особенности отдельных существительных должны быть зарегистрированы в „Грамматическом словаре" (а не в „Грамматике").

[2] Где ударение на суффиксальном *у* служит основным отличительным признаком этого (8-го) падежа (см. § 51).

[3] Ибо именно благодаря лишь особому месту ударений 1-й п. мн. ч. этих имен отличается (в звуковом отношении) от их 2-го падежа ед. ч. (*во́ды, зе́мли*).

[4] Здесь мы опять-таки наталкиваемся на значительное разнообразие подтипов V и VI склонений, различающихся только по месту ударения в некоторых определенных падежах. Не легко было бы даже перечислить все относящиеся сюда подтипы (и эта задача возлагается на „Грамматический словарь русского языка", где должны быть приведены индивидуальные особенности — в том числе и особенности в ударении отдельных падежей, — наблюдающиеся в склонении каждого данного существительного); тем более сложной является задача усвоения всех этих особенностей (учащимися, принадлежащими не к русской национальности). Вот почему представители нацменьшинств, изучающие русский язык, обыкновенно делают очень много ошибок в ударениях имен существительных (а как мы увидим ниже и в слово-

4) В то время как в V и VI склонениях форма 2-го падежа мн. числа образуется почти у всех основ одинаково, т. е. равняется голой основе без суффикса (затруднения представляют только те имена V и VI склонений, которые в данном падеже вставляют гласный *о* или *е* перед конечным согласным основы: *досок*, от *доска*, *земель* от *земля*, *семей* от *семья*), в I, да и во II слонениях, наоборот, наблюдается большое разнообразие в структурах этого падежа: с одной стороны, в 1-м склонении употребляется суффикс *-ов* (что мы уже видели в образцах 1-го склонения: *коммунистов, серпов, учеников, снов*), с другой стороны — значительно реже — встречаются бессуффиксальные (т. е. равные голой основе и 1-му падежу ед. числа) формы: напр. *солдат, сапог, глаз*; во II же склонении нормальным является окончание *-ей* (*коней*), но существительные на *й* имеют здесь наоборот форму на *ёв*: *чаёв, краёв* и т. п. (сравни -ов, т. е. то же самое по своему звуковому составу окончание в 1-м склонении: *серпов, учеников* и т. д.), а при неударенности суффикса — *ев* (*попугаев*).

5) Известная группа имен (мужского рода) I и II склонений оканчивается в 1-м падеже мн. ч. не на *ы* или *и*, а на гласный звук *а* (пишется *а* или *я*), который при этом обязательно носит на себе ударение: города, доктора, учителя.

П р и м е ч а н и е. А кроме того существуют вполне своеобразные формы 1-го падежа мн. числа на *ья*: *братья, зятья, стулья, колья* (рядом с *колья* возможна и другая форма — *колы*) — от *брат* (I скл.), *зять* (II скл.), *стул* (I скл.), *кол* (I скл.). Здесь, т. е. в форме *братья* и т. п., строго говоря, следует видеть не только образование одного лишь падежа (— 1 п. мн. ч.), а особую конструкцию множественного числа (с суффиксом ввиде звука *й*[1], за которым, в данной именно падежной форме, следует суффикс 1-го падежа мн. ч. — ввиде звука *а*)[2]; это доказывается тем, что звук *й*, изображаемый с помощью буквы *ь* (*братьев*), проходит по всему склонению (по всем падежам) множественного числа: напр., *братья, братьев, братьям, братьев братьями, о братьях*.

6) Творительный (5-й) падеж множественного числа почти во всех существительных (притом во всех типах склонения) оканчивается на *ами*, (или *ями*). Но слово *люди*[3] имеет 5-й падеж (мн. числа) в виде *людьми*

изменении прилагательных и глаголов) и сразу — или, по крайней мере, в быстрый срок — избавиться от этих ошибок нельзя. Заметим, впрочем, что наибольшие трудности в вопросе об ударяемости форм склонения падают на короткие имена существительные — с односложной или двухсложной основой склонения, тогда как в многосложных словах вопрос о месте ударения решается, большей частью, для всех падежей одинаково.

[1] Напомним (из отдела „Фонетики"), что сочетание букв тья читается как сочетание трех звуков: 1) мягкий согласный *ть*, 2) согласный *й*, 3) гласный *а*. Буква *ь* здесь пишется затем, чтобы следующая гласная буква *я* читалась в данном случае так же, как она читается в начале слова, т. е. в виде *й* + *а* (= узб. ja). Равным образом буквосочетание *тье* в форме *братьев* читается как 3 звука: 1) мягкий согласный *ть* + 2) *й* (j) + 3) гласный звук *э*.

[2] Ударенного или неударенного: пишется, конечно, не буква *а*, но буква *я*, передающая здесь сразу два звука: *й* + *а*.

[3] Форма *люди* является, конечно, 1-м падежом множественного числа, а по своему словарному значению может быть приравнена к множественному числу от *человек* (таким образом *человек* — по-узбекски adam, kişi, а *люди* — adamlar, kişilər), тогда как форма *человеки* является формой искусственной и в литературном языке не употребляется (за исключением разве лишь юмористического употребления). Особо нужно рассматривать существительное *люд* (оно, несмотря на единственное число, имеет собирательное значение).

(а не* *людями*). Так же образуется этот падеж и от слов дети (см. § подстр. прим.): 5-й падеж — *детьми*.

§ 42. III и IV склонения (среднего рода).

К III и IV склонениям мы причисляем имена существительные среднего рода на *о* и *е* (или *ё*), хотя можно было бы рассматривать эти два склонения и просто как варианты I и II склонений, так как различия в падежных суффиксах мы здесь найдем только в 1-м и 4-м падежах обоих чисел. Действительно, если мы сравним, с одной стороны, окончания I склонения и окончания III склонения (имен среднего рода на *о*) и, с другой стороны, окончания II склонения и окончания IV-го склонения (имен среднего рода на *е* с основой на „мягкий“ согласный), то мы убедимся, что имена среднего рода (— III и IV склонения) будут отличаться только окончаниями 1-го падежа ед. числа (на *о*, *е*) и 1-го падежа множественного числа (на *а*, *я*), а также и совпадающими с этими 1-ми падежами 4-ми (Винительными) падежами обоих чисел [1]: именно

I склонение (мужеского рода) — III склонение (средн. рода)

	Окончание падежей	Пример склонения	Окончания падежей	Пример склонения
1 п. ед. ч.	— (нулевое окончание)	солдат	о	вино
2 п. ед. ч.	а	солдата	а	вина
3 п. „ „	у	солдату	у	вину
4 п. „ „	— или а	солдату	о	вино
5 п. „ „	ом	солдатом	ом	вином
6 п. „ „	е	о солдате	е	в вине
1 п. мн. ч.	ы (реже а)	солдаты	а	вина
2. п. мн. ч.	(нул. оконч. ов)	солдат	нулевое окончание	вин
3 п.	ам	солдатам	ам	винам
4 п.	ы, или ов (нул. оконч.)	солдат	а	вина
5 п.	ами	солдатами	ами	винами
6 п.	ах	о солдатах, в солдатах	ах	о винах, в винах

II склонение (мужеского рода) — IV склонение (средн. рода)

	Окончания падежей	Пример склонения	Окончания падежей	Пример склонения
1 п. ед. ч.	— (нулевое окончание)	конь	*е*	море
2 п. „ „	*я*	коня	*я*	моря

---

[1] В именах среднего рода 4-й падеж всегда совпадает с 1-м (как в ед. ч., так и во мн. ч.); исключение представляет лишь форма 4-го падежа множественного числа *детей* (но в единственном числе 4-й падеж сходен — как и в прочих именах среднего рода — с 1-м *дитя*): см. выше стр 67. По существу дела, однако, это „исключение“ (— падеж множ. числа *детей*) является вполне правильным следствием из того общего положения, что «множественное число грамматического рода не имеет», и потому на все существительные во множественном числе (— независимо от того, к какому роду относилось их единственное число) распространяется норма, гласящая, что 4-й падеж одушевленных имен совпадает со 2-м (а не с 1-м).

3 п. ед. ч.	*ю*	коню	*ю*	морю
4 п. — (нулевое оконч.) или	*я*	коня	*е*	море
5 п.	*ем* или *ём*	конем	*ем*	морем
6 п.	*е*	на коне	*е*	в море
1 п. мн. ч.	*и* (реже *я*)[1]	кони	*я*	моря
2 п. „ „	*ей*	коней	*ей*	морей
3 п. „ „	*ям*	коням	*ям*	морям
4 п. „ „	*и* (реже *я*) или *ей*	коней	*я*	моря
5 п. „ „	*ями*	конями	*ями*	морями
6 п. „ „	*ях*	на конях	*ях*	в морях

Примечание 1. 2-й падеж множественного числа в III склонении имеет нулевой суффикс, т. е. равен бывает голой основе (наприм.. *вин, дел, слов* от *вино дело слово*); точно также он равен бывает голой основе и в склонении имен среднего рода (IV склонении) на *ие* (напр., *селений* от *селение, мнений* от *мнение* и пр.); но в прочих именах IV склонения (с основой на „мягкий" согласный) этот падеж обыкновенно оканчивается на *ей* (*морей, полей* — от *море поле*); однако такие слова, как *солнце* (с основой на непарный согласный), имеют здесь бессуффиксальную форму (*солнц*); и наконец существительное *яйцо* имеет 2-й падеж мн. числа в виде *яиц*.

Примечание 2. Существительные среднего рода на *ие* оканчиваются в 6-м падеже единственного числа на *ии* (вместо *ие*: в *селении* и т. д.).

VII склонение (имен женского рода)

§ 43. К VII склонению относятся имена существительные женского рода, основа которых оканчивается на „мягкий парный" согласный или на „не-парный" согласный (кроме *й*) и совпадает при этом с 1-м падежом единственного числа (т. е. 1-й падеж единственного числа имеет нулевой суффикс). Во всех именах VII склонения на конце 1-го (а также и совпадающего с ним 4-го падежа) единственного числа пишется буква *ь* — как в тех случаях, когда основа оканчивается на парный мягкий согласный (и когда, следовательно, буква *ь* нужна для выражения мягкости согласного, например, в словах *тень, сень, лень, дань, моль, боль* и т. п.), так и тогда, когда основа оканчивается на не-парнмй согласный (т. е. когда буква *ь* имеет лишь морфологическое значение, служа признаком женского рода и данного именно VII склонения): например, в словах *плешь, вещь, рожь, ночь* и т. п.

[1] Напр., *зятья* от *зять* — см. выше.

Окончания падежей VII склонения приводятся в нижеследующей таблице:

Окончания падежей		Примеры склонения	
1 п. ед. ч.	— (пишется *ь*)	сеть	вещь
2 п. „	*и*	сети	вещи
3 п. „	*и*	сети	вещн
4 п. „	— (пишется *ь*)	сеть	вещь
5 п. „	*ью*	сетью	вещью
6 п. „	*и*	в сети	о вещи
1 п. мн. ч.	*и*	сети	вещи
2 п. „	*ой*	сетей	вещей
3 п. „	*ям* или *ам*[1]	сетям	вещам
4 п. „	*и*	сети	вещи
5 п. „	*ями* или *ами*[1]	сетями [или сетьми]	вещами
6 п. „	*ях* или *ах*[1]	о сетях, в сетях	в вещах, о вещах

Примечание. В именах VII склонения, точно так же, как и в I и во II склонениях, мы встречаемся иногда с „беглым" гласным *о*: например, *рожь* («qara boqdaj») — 2 п. ед. ч. *ржи*, 3 п. ед. ч. *ржи*, 6 п. ед. ч. *во ржи*; *вошь* («bit») — 2 п. ед. ч., 3 п. ед. ч. и 1 п. мн. ч. — *вши*; 2 и 4 п. мн. ч. — *вшей*, 3 п. мн. ч. *вшам*, 5 п. мн. ч. *вшами*, 6 п. мн. ч. *во вшах, о вшах.*

§ 44. Все прочие склонения существительных (VIII, IX, X и XI) могут считаться исключительными типами склонения, так как к ним принадлежат очень немногочисленные группы основ (а к VIII склонению, например, даже одно лишь существительное — *путь*).

VIII склонение

К VIII склонению принадлежит только существительное мужеского рода — *путь* («jol»), одна часть падежей которого имеет окончания, совпадающие со II, а другая часть с VII склонением. Именно склонение это следующее:

1 п. ед. ч.	путь	1 п. мн. ч.	пути
2 п. „	пути	2 п. „	путей
3 п. „	пути	3 п. „	путям
4 п. „	путь	4 п. „	пути
5 п. „	путём	5 п. „	путями
6 п. „	в пути, о пути	6 п. „	о путях

Примечание. Как видно из этой таблицы, 5 падежей этого склонения (2, 3, 6 ед. ч. и 1, 4 мн. ч.) имеют один и тот же суффикс: *и*.

---

[1] Так как после букв *ш, ж, ч, щ* буква *я* не пишется, то в именах VII склонения на *шь, жь, чь, щь* 3-й, 5-й и 6-й падежи множественного числа пишутся через букву *а*, но не через *я*: например, *вещáм, вещáми, в вещáх; ночáм, ночáми, о ночáх* и т. д.

IX склонение

Сюда принадлежат такие имена мужеского рода, как *гражданин, крестьянин, боярин, дворянин, горожанин, христианин, мусульманин* и другие т. п. имена лиц на *-анин, -янин.* В единственном числе они склоняются по I склонению, но зато имеют своеобразную формацию множественного числа (с усеченной основой: *граждан-, бояр-, дворян-, горожан-, христиан-, мусульман-*), при чем 1-й падеж множественного числа оканчивается (в отличие от всех других склонений) на *е* (например, *крестьяне, дворяне* и т. д.).

Приведем, в качестве примера, полное склонение слов крестьянин и гражданин:

1 п. ед. ч.	крестьянин	гражданин
2 п. „	крестьянина	гражданина
3 п. „	крестьянину	гражданину
4 п. „	крестьянина	гражданина
5 п. „	крестьянином	гражданином
6 п. „	о крестьянине	о гражданине
1 п. мн. ч.	крестьяне	граждане
2 п. „	крестьян	граждан
3 п. „	крестьянам	гражданам
4 п. „	крестьян	граждан
5 п. „	крестьянами	гражданами
6 п. „	о крестьянах	о гражданах

X склонение

К X склонению относятся некоторые названия молодых животных (мужеского грамм. рода) на *ёнок* (напр., *телёнок, поросёнок, жеребёнок, ягнёнок, котёнок* и т. п.), а также слово *ребёнок.* С теми же суффиксами, но в виде особой акцентуационной разновидности этого склонения, склоняется слово *щенок.*

Отличительной особенностью является (как и в группе слов IX склонения) своеобразная формация множественного числа (с основой на *ят*), о чем можно составить себе представление по нижеследующим примерам:

1 п. ед. ч.	ребёнок	телёнок	ягнёнок	щенок
2 п. „	ребенка	телёнка	ягнёнка	щенка
3 п. „	ребёнку	телёнку	ягнёнку	щенку
4 п. „	ребёнка	телёнка	ягнёнка	щенка
5 п. „	ребёнком	телёнком	ягненком	щенком
6 п. „	о ребёнке	о телёнке	о ягнёнке	о щенке

1 п. мн. ч.	ребя́та[1]	теля́та	ягня́та	щеня́та
2 п. „	ребя́т	теля́т	ягня́т	щеня́т
3 п. „	ребя́там	теля́там	ягня́там	щеня́там
4 п. „	ребя́т	теля́т	ягня́т	щеня́т
5 п. „	ребя́тами	теля́тами	ягня́тами	щеня́тами
6 п. „	о ребя́тах	о теля́тах	о ягня́тах	о щеня́тах

К XI склонению мы относим имена среднего рода на *мя* (число их довольно ограничено) — напр., вре́мя, се́мя, пле́мя, те́мя, бре́мя и т. п. Склоняются они следующим образом:

1 п. ед. ч.	вре́мя	се́мя
2 п. „	вре́мени	се́мени
3 п. „	вре́мени	се́мени
4 п. „	вре́мя	семя
5 п. „	вре́менем	се́менем
6 п. „	о вре́мени	о се́мени
1 п. мн. ч.	времена́	семена́
2 п. „	времён	семя́н
3 п. „	времена́м	семена́м
4 п. „	времена́	семена́
5 п. „	времена́ми	семена́ми
6 п. „	о времена́х	о семена́х

Наконец в качестве XII склонения можно рассматривать склонение слова *дитя* (употребляемого почти исключительно во множественном числе: *дети*), которое мы уже изложили выше в подстрочном примечании к § 39 (на стр. 67).

ОСОБЕННОСТИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАДЕЖЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 45. Функции 1-го (Именительного) падежа в русском языке. Выше мы сравнивали русский 1-й (Именительный) падеж с узбекским бессуффиксальным падежом (т. е. приравнивали русские формы *молот, коммунист, земля, вода* к узбекским balta, kəmmynist, jer, suv и т. д.). Однако узбекский бессуффиксальный падеж лишь в известной части своих функций совпадает с русским Именительным (1-м) падежом.

[1] Слово *ребенок* в единственном числе может считаться смысловым эквивалентом (вытесняемому им из современного употребления) слову *дитя* — bala (так „*мой ребенок*“ употребляется в смысле „*мой маленький сын*“ или „*моя маленькая дочь*“). Но множественное число ребя́та — особенно в современном языке молодого поколения (в частности в комсомольском и пионерском быту) — имеет уже свое специфическое словарное значение. Это, очевидно, находится в связи с тем фактом, что во множественном числе (т. е. в качестве эквивалента узб. balalar) слово *дѐти* имеет вполне нормальное, т. е. самое широкое, употребление (и потому, следовательно, нет надобности в употреблении множ. числа от *ребёнок* для данного общего значения [balalar]).

Именно русский 1-й (Именительный) падеж встречается в следующих функциях:

1) в качестве подлежащего, напр.: *Год* начался, *Рабочий* вышел на работу, *Отец* умер, *Вода* высохла, *Саранча* прилетела;

2) в качестве сказуемого, напр.: Мой отец — *плотник*, я — *землемер*;

3) в качестве „приложения" к подлежащему или сказуемому, напр.: Его жена, хрупкая, болезненная *женщина*, поспешила встретить гостей;

4) в качестве «обращения» (—в вокативной функции).

В сочетании же с предлогами 1-й падеж не употребляется.

Все вышеназванные функции русского 1-го падежа присущи и узбекскому бессуффиксальному падежу, но зато другая часть функций последнего в русском 1-м падеже отсутствует: это — 1) аттрибутивная функция узбекского бессуффиксального падежа — в таких словосочетаниях как наприм. Junus qьzь (по-русски — *Дочь Юнуса* или *Юнусова дочь*, но никак не Юнус дочь!); 2) наречная функция узбекского бессуффиксального падежа, напр.: Bu jьl men Taşkəndgə baraman (по-русски „*в этом году поеду в Ташкент*", но не „этот год поеду в Ташкент"); 3) его функция в качестве объекта действия перед следующим глаголом (напр., suv icmək, kitab oqujdь по-русски здесь будет не 1-й, а 4-й падеж: *воду пить*, но не[1] *вода пить*; *он читает книгу*, но не *он книга читает* и т. д.), 4) локативная (редкая, впрочем) функция: məktəb oqujdь, bazar baraman.

Единственное, что напоминает в русском языке аттрибутивную функцию узбекского бессуффиксального падежа (напр., в Junus qьzь и т. п.) — это некоторые „сокращения", появившиеся в русском языке за последние годы — напр., такие комплексы, как *Волга — Лес, Ока — Волга — Лес* и т. д. В обычной же (традиционной) морфологии русского словообразования (в отличие от только-что упомянутой категории новых сокращений) в качестве первого элемента сложных слов употребляется не 1-й падеж, но особая формация от данной именно основы[2] с суффиксом — *о* — или — *е* — например, в *паровóз, пароxóд, водовóз, водобóязь, самовáр, самокат, самолет, стихотворение, правоучение*[3], *правозаступник*,[4] *песнетворчество* и т. д.

§ 46. 2-й падеж (Родительный). 1. Этот падеж характеризуется, прежде всего, функцией определения к другому имени существительному со значением материальной или юридической принадлежности данному лицу или предмету (выраженному 2-м, т.-е. родительным падежом), например: *когти тигра, сочинение Байрона, поражение англичан, победа Афганистана, дик-*

---

[1] Правда, во многих склонениях 4-й падеж по звуковому составу совпадает с 1-м, и потому на первый взгляд может показаться, что русское „*чай пить*" точно соответствует (по падежной форме слова *чай*) узбекскому caj icmək Но на самом деле здесь мы имеем дело, конечно, не с 1-м, но с 4-м падежом, в чем легко убедиться, поставив в ту же синтаксическую (и логическую) позицию некоторое другое имя, в котором 4-й падеж отличается от 1-го, — напр., слово женского рода V и VI склонений: *воду пить* (но не *вода пить*!).

[2] В изоляции же, т.-е. вне вхождения в образование сложных слов, нигде не употребляющаяся: а потому, — так как в качестве самостоятельного слова эти комплексы (*пар-о, вод-о, сам-о, стих-о* и т. д.) вовсе не известны языку, — мы и не упоминаем об особом — „композициональном" — падеже (на-*о*-или-*е*-).

[3] Сложное слово *правоучение* (употребляемое и в новейшей литературе — напр., в книге И. Эренбурга: „Жизнь и гибель Николая Курбова") сравнительно недавнего происхождения: оно создалось приблизительно в первом десятилетии XX века в студенческой, и главным образом, среде на месте словосочетания *право учения* (или „*плата за право учения*"): например, „*я внес правоучение*" — значит то же (в языке данной студенческой среды), что и „*я внес плату за право учения*". Как мы видим из конструкции этого сравнительно недавно возникшего сложного слова, оно образовано еще по старому традиционному приему образования сложных слов (именно с соединительной морфемой-*о*: *прав-о-учение*), а не по принципу „новых сокращений", столь характерных для революционного словотворчества (— без соединительной морфемы *-о-*, *-е-*, напр. *Домком* [не *Дом-о-комитет] и т. д.).

[4] В слове *правозаступник* мы имеем опять-таки позднее образование сложного слова (ибо *правозаступник* — слово из юридического быта, главным образом, революционной эпохи), но по конструкции оно опять-таки принадлежит к словам старого типа (с соединительной морфемой-*о*-), а не к „новым сокращениям", которые составляют типичное явление в словаре революционной эпохи.

татура пролетариата, жена Евдокима Семеныча, дом Арнаутова, библиотека имени Гоголя (второй по счету Родительный падеж — *Гоголя* служит следовательно определением к определению).

Примечание 1. Смежную по значению категорию по отношению к Родительному (2-му) падежу, выражающему юридическую принадлежность (*дом Арнаутова, шляпа сестры*) представляют так называемые „притяжательные прилагательные" (например: *сёстрин, дядин, Наполеонов домик* и т. д.) и, с другой стороны, притяжательные (прилагательнообразные по форме) местоимеиия (*мой, твой, свой, наш, ваш* и т. д.). Мы видим здесь, следовательно, возможность двоякого (хотя и далеко не для всех, а лишь для некоторых лексических основ) выражения юридической принадлежности („*сестрин дом*" — „*дом сестры*"), что найдет известную аналогию и в турецких (в частности, в узбекском) языках: ср. узб. Junus qьzь = Юнусова дочь и с другой стороны Junusnьц qьzь = дочь Юнуса.

Примечание 2. Об отсутствии рассматриваемой нами здесь функции Родительного падежа от личных местоимений 1 и 2 лица (*меня, тебя, себя, нас, вас*) и об употреблении для этой цели притяжательных (прилагательнообразных) местоимений — речь будет ниже в главе о прилагательных местоимениях.

Примечание 3. Никакого формального соответствия притяжательному суффиксу 3-го лица -ь / -i или -sь / -si, который в узбекском присоединяется к имени определяемого предмета, в русских словосочетаниях типа „дом сестры" не имеется: сравн. узбекские словосочетания Junusnьц qьz-ь, Junus qьz-ь (куда входит притяжательный суффикс -ь) с русскими: *дочь Юнуса* и *Юнусова дочь, дом сестры* и *сёстрин дом.*

2. В сочетании с предлогами Второй, т. е. Родительный падеж приобретает вполне специфические значения.

Например: а) Родительный падеж с предлогом *без* становится эквивалентом узбекской формы на -sьz/siz, например узбекское atsьz по-русски можно перевести „без лошади" или „без лошадей".

б) Родительный падеж с предлогом *у*, например, *у сестры, у брата* (— *я живу у сестры, у брата есть лошадь*) может переводиться узбекским Местным падежем на -da или -də, напр., dehqanda — *у крестьянина.* Впрочем, когда речь идет о принадлежности предмета, по-узбекски употребляется и Родительный — на -nьц / niц (напр. Meniц pulьm bar вместо Mendə pul bar = у меня есть деньги, dehqannьц atь bar — у дехканина есть лошадь).

в) Родительный падеж с предлогом *от* (например: „*от Москвы* до Ленинграда 609 километров") соответствует одной из функций узбекского исходного падежа на -dan / dən или — точнее — сочетанию с jan-ь-dan (тогда как точным эквивалентом для предлога *из* служит ic-i-dən).

г) Родительный с предлогом *для*, например, *для сестры, для брата* — соответствует узбекским сочетаниям с послеслогом ycyn, напр., Atam ycyn nan satьb aldьm *я купил хлеба для отца* (*для моего отца*).[1]

Как видно из приведенных здесь фразовых примеров, 2-й падеж (Родительный) без предлога относится (т. е. служит определением) к другому имени существительному, но родительный с тем или другим предлогом относится уже к глаголу.

3. Кроме того 2-й падеж (Родительный) выполняет еще функции 7-го падежа, т. е. Выделительного или так называемого „падежа определенного, неопределенного или нулевого количества" — в тех именах существительных, которые не имеют специфической формы Выделительного (см. ниже);

[1] Об остальных предлогах, сочетающихся со 2-м падежом, см. в главе „Предлоги".

в таких случаях, следовательно, русский 2-й падеж (Родительный) оказывается соответствующим Именительному (бессуффиксальному) (или же, иногда Винительному на -пь / -ni) падежу узбекского языка: сравн., напр., *два ведра воды* и ikki celək suv, или же фразу Munda balalar hec joq (где balalar — узбекский Именительный, или бессуффиксальный падеж) и ее русский перевод „здесь *детей* совсем нет" (*детей* — родительный падеж); или U mengə bir necə kitabnь berdi (kitabni — узбекский Винительный п.) = *Он дал мне несколько книг* (*книг* — род. пад. мн. ч.). В частности можно выделить правило: при отрицании, именно при словах *нет, нету* (а также *не* + глагол), по-русски употребляется 2-й падеж: *нет хлеба, нету воды, не ест хлеба, не пьет воды.*

Кроме того, надо упомянуть еще две весьма характерные для русского языка функции 2-го падежа, не находящие себе соответствия в функциях Родительного (на -пьц / -niŋ) в узбекском языке.

4. Выражение предмета, с которым производится сравнение, — в оборотах с прилагательным в сравнительной степени, т. е. в выражающих сравнение конструкциях.[1] *Он сильнее тебя. Ты слабее его. Брат мой выше сестры. Сестра моя выше брата. Алюминий легче железа. Железо тяжелее алюминия.*

В узбекском языке эта функция принадлежит Исходному падежу на -dan или -dən, например, узбекск. *at itdən kəttə* переводится по-русски: „лошадь больше *собаки*" (собаки — Родительный падеж).[2]

5. Родительный п. причислительных (*два стола, пять столов*); см. главу о числительных.

§ 47. Третий, или Дательный падеж, в отличие от второго (Родительного) всегда относится к глаголу и вне сочетания с предлогами выражает собою лицо (или предмет),[3] в чью пользу направлено действие; иначе говоря — косвенный объект действия. В этом случае он соответствует одной из функций узбекского Дательного (или т. н. „Направительного" — „Çonaliş") на -qa / gə, который имеет, однако, еще и другие функции (т. е. обладает более широкой совокупностью значений, чем русский Дательный) — соответствуя, например, и предложному употреблению Дательного — с предлогом *к*, а с другой стороны и русскому Винительному с предлогом *в* или *во*.

Из предлогов с 3-м (Дательным) падежом сочетаются следующие два: предлог *к* или *ко* и предлог *по*: напр., *к дому*; *ко вторнику; по улице*; *по столу.*

§ 48. Четвертый или Винительный падеж тоже всегда относится к глаголу, причем в беспредложном употреблении обозначает прямой объект глагольного действия (как и узбекский Винительный на -пь / ni); напр., *я видел сестру, я зарезал корову, купил сапоги, я написал эту записку.*

Из предлогов с четвертым (Винительным) падежом сочетаются:

1. Предлог *в* или *во*, который, кроме того, может употребляться и с шестым (Предложным) или восьмым (Местным) падежами, но с соответственным различием значений: именно, сочетание „*в* или *во* + 4-й (Винительный) падеж" предполагает движение по направлению к данному предмету (с вхождением внутрь него[1] в результате движения), а конструкция „*в/во* + 6-й или 8-й падеж" — пребывание внутри данного предмета. Сравн. узбекские падежи Məskəvgə (*в Москву*) и Məskəvdə (*в Москве*).

---

[1] Но не в конструкциях с „чем, нежели, как" и т. д., где предмет, с которым сравнивают, обозначается в именительном падеже.

[2] Кроме того русский Родительный соответствует узбекскому исходному dan / dən после некоторых определенных глаголов: напр. *боюсь, отца* = atadan qorqaman.

[3] Но вполне понятно, почему Дательный с этой функцией гораздо чаще употребляется от существительных со значением лиц или вообще одушевленных существ, чем от имени неодушевленных предметов.

[1] В этом отношении оно и отличается от конструкции „*к* или *ко* + третий падеж" (см выше): *к* означает по-узбекски *janьqa,* а *в* (с 4-м падежом) — icigə [соответственно чему точным эквивалентом «*в* + 6 падеж» надо считать icidə]

2. Предлог *на*, который аналогичным же образом соединяет и сочетаемость с 4-м и 6-м или 8-м падежами: „*на* + 4-й падеж“ предполагает движение предмета, направленное на достижение пункта, лежащего поверх данного предмета (ystigə), а конструкция „*на* + 6 й или падеж“ — пребывание непосредственно поверх данного предмета (ystidə). Например, *кладу книгу на стол* (*на* + 4-й падеж); *книга лежит на столе* (*на* + 6 падеж); *книга лежит на полу* (*на* + 8-й падеж).

3. Подобным же образом „за + 4 падеж“ значит arqasьqa и „под + 4 падеж“ значит astьqa (но те же предлоги с 5-м падежом значат arqasьda и astьda).

4. Предлог *про*, например, *про революцию, про брата, про сестру* — эквивалентом являются узбекские toqrьsьda, hysysidə, haqьda. В том же значении употребляется и русский предлог *об, о,* — но уже не с 4-ым [Винительным], а с 6-ым [Предложным] падежом, например, *Лектор прочел нам лекцию* (или *рассказал нам*) *про Парижскую Коммуну* (после *про* следует 4-й падеж: Парижскую Коммуну; если же вместо предлога *про* употреблять предлог *о*, то 4-й падеж надо будет заменить 6-м: *Лектор прочел нам лекцию о, Парижской Коммуне* или *рассказал о Парижской Коммуне*).

§ 49. Пятый или Творительный падеж. Две его основные функции:

1) Инструментальная — в беспредложном употреблении (*пером, молотом, серпом, ножом, топором*) и

2) Социативная, или соединительная — с предлогом *с* или *со* (*с товарищем, с братом, с женой*),

— в совокупности своей охватывают оба основные значения узбекского Творительного — Соединительного с суффиксом — послелогом bilən (при социативной функции после bilən допустимо birgə).

Кроме того, к 5-му падежу присоединимы еще следующие предлоги: *над, перед, за, между*.

К вполне специфическим функциям русского 5-го (Творительного) падежа, — не находящим себе, следовательно, параллели в узбекском языке следует причислить выражение именного сказуемого, т.-е. той части предложения, которая обыкновенно служит функцией 1-го падежа: именно 5-й падеж употребляется здесь лишь в тех случаях, когда связкой (вместо, например, связки *есть* во фразе *это есть лошадь*) служат: 1) или прошедшее или будущее время, повелительное, или неопределенное, или сослагательное наклонения от глагола *быть*, т.-е. формы такого рода, как *был* (*была, были*), *буду* (*будешь, будем*), *будь* (*будьте*), *был бы* (*была бы, были бы*), или же 2) особые глаголы, заменяющие собою „глагол-связку“ *быть*, именно глаголы *являться, оказаться, считаться* и т. д. и т. д. (во всех формах спряжения). Примеры: „*он был еще мальчиком, когда была 1-я революция*“ (но в последнем случае вместо „1-я революция“ уже нельзя сказать „1-й революцией“: — дело в том, что в этом последнем — придаточном — предложении слово *была* играет не роль „связки“ при сказуемом, а самого грамматического сказуемого в глагольной форме); *он был коммунистом до 1928 г.; я буду инженером; ты была бы умницей, если бы принесла мне стакан воды; будь мужчиной, а не тряпкой; жизнь казалась сплошным раем; мечтательность являлась преступлением; его считали актером в театре; синее серебро, появившееся на воде, оказалось стаей скумбрий; трусость считается пороком.*

Примечание. Своеобразная „связка“ русского литературного языка в виде глагола *представлять собою* или *представлять из себя* является результатом немецкого языкового влияния (по-немецки aus sich vorstellen). После этих комплексов (*представлять собою* или *представлять из себя*) логическое сказуемое ставится в 4-м падеже: например, *Узбеки представляют собою турецкую в языковом отношении национальность.*

§ 50. Шестой или предложный падеж без предлогов не употребляется, (как и 8-й, сравн. ниже § 51). Из сочетающихся же с ними предлогов следует выделять:

1) предлоги, сочетающиеся также и с 8-м падежом — именно в тех основах, которые обладают особой формой 8-го (Местного) падежа, и значит, сочетающиеся с Предложным — в прочих основах — только потому, что эти основы особого формального выражения для 8-го падежа не имеют; таковы предлоги

в или *во*
на (см. выше § 48)

2) Прочие, т.-е. предлоги, принципиально предназначаемые для конструкции с „Предложным" падежом, как таковым (но не с 8-м падежом): предлог *о* или *об* (см. выше) и *при* [qaşьda].

§ 51. ДЕФЕКТИВНЫЕ ПАДЕЖИ, ОБРАЗУЕМЫЕ ЛИШЬ ОТ НЕКОТОРЫХ ИМЕН I и II СКЛОНЕНИЙ.

Кроме 6-ти падежей, имеющихся во всех склонениях, некоторые (но далеко не все) имена муж. рода I и II склонений допускают еще 3 падежа (при чем во всех этих трех падежах суффиксом служит гласный звук — *у*):

а) 7-й падеж Выделительный, или „падеж определенного, неопределенного или нулевого количества"; оканчивается на звук *у* (пишется *у* в I, *ю* во II склонении) в большинстве случаев не-ударенный, реже ударенный — напр., *сахару, чаю, песку, табаку*. В этом падеже ставится название измеряемого вещества, количество которого может быть определенным (напр., *два фунта сахару, фунт чаю*) или неопределенным (напр., *немного сахару, много песку*)[1] или даже нулевым (напр., *ни капли чаю, у нас нет сахару, мы не купили сахару*). Имена, в склонении которых 8-й падеж отсутствует, употребляют вместо него 2-й (Родительный) падеж.

б) 8-й падеж единственного числа, или М е с т н ы й, оканчивается на у д а р е н н ы й гласный *у* — (пишется *у* в I-м, *ю* во II-м склонении) и употребляется исключительно с предлогами *в* (или *во*) и *на*, т. е. в тех самых позициях и в том же самом значении (— в ответ на вопрос „где"?) как и предложный (6-й) падеж. Примеры: *в лесу, в пруду, на лугу, на льду, во льду, на полу, на краю, в виду, на виду*,[2] *в чаю, на берегу*[3] (сравни 6-й падеж от других, разумеется, имен, но в том же самом значении — *в классе, в океане, на паркете, в воде, на земле, на улице* и т. д.). Мы видим, следовательно, что в некоторой части (— притом в меньшинстве) имен I и II склонений для данной смысловой функции (т. е. для употребления при предлогах *в, на* в ответ на вопрос „где"?) имеется специальная — для этого именно употребления предназначающаяся — форма, именно форма 8-го падежа на *у, ю*, а в прочей части (в большинстве) имен I и II склонений, такой специальной формы (8-го падежа) не имеется, и потому с данными предлогами (*в на*) употребляется (в ответ на вопрос „где?") обычная форма 6-го — Предложного падежа.

---

[1] Иногда слово, обозначающее количество, может и отсутствовать — напр. *дайте, сахару, налейте чаю*.

[2] *В виду́* и *на виду́* в современном языке уже принимают характер наречий.

[3] Сравн. также наречие начеку́; слово это стало уже наречием (благодаря утрате прочих форм данной основы *чек*), но с точки зрения исторической может быть привлечено сюда как пример формы 8-го падежа с предлогом *на*.

в) 9-й падеж или т. н. „Исходный“ падеж (на *у* безударное) имеет очень ограниченное употребление, встречаясь главным образом лишь в такого рода сочетаниях с предлогами, как *и́з-лесу* („я и́з-лесу вышел“), *из дому*, и т. п., где ударение обычно приходится именно на предлог. Однако, падеж этот допускает и другую (— не „исходную“) функцию: сравн. *Без-году неделя.*

СУЩЕСТВИТЕЛЬНООБРАЗНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ.

§ 52. Существительнообразные местоимения (напр. *я, ты, он, мы, вы, кто, это*) отличаются от местоимений прилагательнообразных (напр., *какой, который, этот, чей, мой, твой, наш*) прежде всего по значению и по синтаксическим функциям: первые, т. е. существительнообразные местоимения, заменяют собою имя существительное (а не прилегают к именам существительным в качестве их определений), а вторые, т. е. прилагательнообразные местоимения употребляются (как и прилагательные) именно в виде определений к существительным, обыкновенно предшествуя последним: сравн. напр. *он вошел в комнату* (вместо *Иван вошел в комнату* или *Пётр вошел в комнату* и т. д.) и, с другой стороны, *этот человек вошел в комнату* (где *этот* является определением к существительному *человек*).

К этому смысловому (и синтаксическому) различию частично присоединяются и формальные различия (напр., такие прилагательнообразные местоимения, как *какой, какая, какое*; *такой, такая, такое*; или *который, которая, которое* изменяются по родам и склоняются так же, как и прилагательные, имея в именительном (1-м) падеже суффиксы, свойственные прилагательным: — *ой* или *ый; ая, ое*). Но эти формальные признаки не имеют здесь строго-принципиального значения, так как словоизменение местоимений носит, в общем, смешанный и своеобразный характер, причем почти каждое местоимение имеет свои особенности склонения (и падежные формы существительнообразных местоимений тоже нередко напоминают склонение прилагательных; ср., напр.: формальные сходства, т. е. совпадения суффиксов в склонении существительнообразного местоимения *он* [начиная со 2-го падежа ед. ч. и со 2-го падежа во множественном числе] и в склонении прилагательных с другой стороны [напр., прилагательного *синий*]).

Наиболее важную группу среди существительнообразных местоимений составляют т. н. „личные местоимения“, к которым относятся:

личное местоимение 1-го лица — *я* (узб. men, mən)

личное местоимение 2-го лица — *ты* (узб. sen, sən)

„ „ 4-го „ (или 1-го лица множ. ч.): *мы* (узб. biz, bizlər)

„ „ 5-го „ (или 2-го лица множ. числе): *вы* (узб. siz, sizlər)

„ „ 3-го „ *он, она́, оно́*; из всех личных местоимений только это местоимение изменяется по родам (*он* — муж. род, *она́* — женский род, *оно́* — средний род), а также имеет форму множественного числа[1] (для всех родов): *они́*.

[1] Что же касается местоимений 1-го и 2-го лиц (*я, ты*), то они, как видно из вышеприведенного перечня личных местоимений, формы множественного числа не образуют, а для соответствующего значения множественного числа употребляются особые местоименные основы, формально отличные от *я, ты* (т. е. местоимения *мы, вы*).

Склоняются личные местоимения след. образом:

	Личное м-ние 1 л.	Личное м-ние 2 л.	Личное м-ние 4 л.	Личное м-ние 5 л.	Узбекские эквиваленты
1 п.	я	ты	мы	вы	men, sen, biz (lər), siz(lər)
2. п	(без) меня	(без) тебя	(без) нас	(без) вас	(См. примеч. 1)
3 п.	мне	тебе	нам	вам	mengə, sengə, bizgə, sizgə
4 п.	меня	тебя	нас	вас	meni, seni, bizni, sizni
5 п.	(со) мною	(с) тобою	(с) нами	(с) вами	men bilən, sen bilən, biz bilən, siz bilən
6 п.	(обо/во) мне	(о/в) тебе	(о/в) нас	(о/в) вас	

Примечание 1. Необходимо напомнить, что 2-й падеж местоимений 1-го, 2-го, 4-го и 5-го лиц (в отличие от 2-го падежа имен существительных, а также и личного местоимения 3-го лица *он, она, оно, они*, т. е. форм *его, её, их*) никогда не употребляется в притяжательном значении (т. е. в ответ на вопрос *чей?*), в чем, следовательно, состоит принципиальное отличие 2-го падежа этих местоимений от узбекских форм Родительного падежа meniŋ, seniŋ, bizniŋ, sizniŋ: в русском языке им соответствуют притяжательные местоимения *мой, твой, ваш, наш*[1], о которых пойдет речь в обзоре „Прилагательнообразных местоимений". В связи с отсутствием притяжательной функции у 2-го падежа данных местоимений (*меня, тебя, нас, вас*), он употребляется, главным образом, лишь с предлогами (теми, которые обычно сочетаются с 2-м падежем, — см. § 46) — напр., *без меня, без тебя, без нас, без вас*, или *у меня, у тебя, у нас, у вас* (напр., *у нас нет денег*), или же в таких сочетаниях, как *боюсь тебя*, или *меня здесь нет, тебя здесь не было* и т. п.

Склонение местоимения 3 лица:

	Мужск. род.	Женск. род.	Средний род.
1 п. ед. ч.	он	она	оно́
2 п. „ „	его́ (чит. ево́)	её[2]	его́ (чит. ево́)
2 п. „ „	ему́	ей	ему́
4 п. „ „	его́ (чит. ево́)	её	его́[3] (чит. ево́)
5 п. „ „	им	е́ю	им
6 п. „ „	в нём, о нём	в не́й, о не́й	в нём, о нём

Множественное число — без различия грамм. родов[4]

1 п. мн. ч.	они́
2 п. „ „	их
3 п. „ „	им

---

[1] А также *свой*, см. ниже.

[2] В старой орфографии (до реформы 1917 г.) искусственно различалась форма 2-го падежа (ж. р.) *ея* от формы 4-го падежа *её*.

[3] Здесь, следовательно, 4-й падеж ср. рода, в виде исключения из общей нормы, не совпадает с первым падежом (а равняется 2-му падежу и, вместе с тем, 2-му и 4-му падежам мужеского рода).

[4] В старой орфографии (до реформы 1917 г.) искусственно различалась форма женского рода множ. числа — оканчивавшаяся на букву «ять» — от формы муж. рода *они*.

4 п. мн. ч. их

5 п. „ „ и́ми

6 п. „ „ в них, о ни́х

Примечание 2. В формах с предлогами вместо начального *е* произносится *не*: напр., *без него* (чит. *без нево́*) вм. * *без его́, от него́*, вм. **от его, на него́, на неё*, вм. **на его, на её* и т. д. А вместо *и — ни*: *с ним, с ними* и т. д.

Возвратное склонения *себя*.

§ 53. В формальном отношении ближайше-сходным с личными местоимениями ед. числа (и в частности с личным местоимением *ты — тебя́ — тебе* и т. д.) оказывается так называемое „возвратное" местоимение *себя*, — отличающееся (от личных местоимений) тем, что оно вообще не имеет 1-го (Именительного) падежа. Прочие же падежи этого местоимения имеют точно такую же конструкцию, как соответствующие падежи от *ты*.

Сравни:

Склонение возвратного местоимения „себя"		Соответствующие падежи личного местоимения „ты"
1-й (Именит.) падеж	отсутствует	
2-й (Родит.) падеж	себя́	тебя́
3-й (Дательн.) „	себе́	тебе́
4-й (Винит.) „	себя́	тебя́
5-й (Творит.) „	собо́ю	тобо́ю
6-й (Предл.) „	о себе́	о тебе́

Иначе говоря, заменив в любом из косвенных падежей от *ты* (— *тебя́, тебе* и т. д.) букву *т* буквой *с*, мы получаем соответствующую падежную форму — т.-е. тот же самый падеж — от „возвратного" местоимения *себя*.

Формы множественного числа „возвратное" местоимение *себя* не имеет (хотя по смыслу может быть употребляемо и в применении к множественному числу лиц или предметов: напр. *Победители забрали себе лучшие земли*: по узбекски здесь надо перевести *себе* через өzlərigə, т.-е. множ. числом).

§ 54. В смысловом (семантическом) отношении „возвратное" местоимение *себя — себе, собою, о себе* обычно оказывается эквивалентом узбекской именной основы өz[1], — сочетающейся с любым из притяжательных суффиксов (или -im, или -iŋ, или -i, или -imiz, или -iŋiz). Иначе говоря, русские формы *себя, себе, собою, (о) себе* весьма часто приходится переводить на узбекский язык тем или другим из падежей от өzim, или өziŋ, или өzi, или өz(lər)imiz, или өz(lər)iŋiz, или өzləri. Например: men өzimgə ajtdьm — я сказал себе (узбекскому „Дательному или Направительному" на -gə соответствует руский Дательный: „себе").

Sen өziŋgə ajtdьŋ	Ты сказал себе
U өzigə ajtdь	Он сказал себе
Biz өzimizgə ajtdьq	Мы сказали себе
Siz өziŋizgə ajtdьŋьz	Вы сказали себе
Ular өzlərigə ajtdьlar	Они сказали себе

[1] Хотя для этого узбекского слова *(өz)* в словарях обыкновенно приводится только один русский переводный эквивалент: местоимение *сам, сама, само*.

Как видим из этих примеров, узбекский притяжательный суффикс
(1-голица ·im, 2-го лица -iŋ, 3-го лица -i, 4-го лица -imiz, 5-го лица -iŋiz), при-
мыкающий к основе өz, в соответствующих русских фразах оказывается во-
все не переведенным. Дело в том, что местоимение *себя, себе, собою* и т. д.
обозначает тожество лица (или предмета), служащего в данном случае
объектом действия, с тем лицом (или предметом), которое является подле-
жащим, т.-е. *субъектом*, данного предложения. Следовательно, поскольку
нам известно подлежащее данного предложения (каковым является напр.
слово *я* во фразе „*я сказал себе*", или слово *ты* во фразе „*ты сказал себе*",
слово *он* во фразе „*он сказал себе*", или слово „*Андрей*" во фразе „*Андрей
сказал себе*"), постольку нам известно и то лицо (или предмет), которое
подразумевается под местоимением *себя, себе, собою*, и т. д.; а значит нам
уже нет надобности определять объект действия (выраженный „возврат-
ным" местоимением) в смысле его принадлежности к 1-му или 2-му или
3-му лицу: „**я сказал моему себе*", „**Ты сказал твоему себе*" [1] и т. д.: во всех
этих предложениях достаточно будет сказать просто „себе".

Примечание. Из вышеприведенного определения смысло-
вой функции (т.-е. значения) „возвратного" местоимения *себя, себе, со-
бой — о себе* нам легко понять и тот факт (— уже из области формаль-
ной характеристики данного „возвратного" местоимения), что 1-го,
т.-е. Именительного падежа рассматриваемое нами местоимение *вовсе
не имеет*. Как мы уже сказали, „возвратное" местоимение *себя, себе* и т. д.
обозначает тожество лица или предмета, служащего объектом дейст-
вия, с тем лицом или предметом, которое служит подлежащим, или

субъектом, данного предложения (поэтому, напр., фраза „*я ударил се-*

бя по *лбу*" заменяет: „*Я ударил *меня* по лбу"; [2] фраза „*Андрей ударил
себя* по *лбу*" означает то же, что „*Андрей ударил Андрея по лбу" [3] и т. д.).
И так как роль „возвратного" местоимения ограничивается вышеука-
занной функцией (а это может иметь место только в тех фразах, когда
подлежащее выражено некоторым другим словом), то представить се-
бе „возвратное" местоимение в роли подлежащего невозможно. По-
этому не существует и формы Именительного падежа от этого ме-
стоимения.

§ 55. Родительный падеж „возвратного" местоимения — *себя*, точно
так же, как и родительные падежи от личных местоимений: *меня, тебя, нас,
вас*, употребляется, главным образом, лишь в сочетании с предлогами (см.
выше § 46 о предлогах, сочетаемых с родительным падежом): напр. — *у се-
бя, с себя* (или же в таких особых конструкциях, как *я сам себя боюсь*, где
глагол [*бояться*] требует 2-го падежа; см. выше § 46). Для выражения же
принадлежности этот родительный падеж („себя"), — как и родительные
падежи личных местоимений, — никогда не употребляется: это объясняется
тем, что для выражения принадлежности (т.-е. для обозначения „хозяина"
предмета) [4] в данных случаях имеются особые (прилагательнообразные)
„притяжательные" местоимения: 1) возвратно-притяжательное "ме-
стоимение: *свой, своя, свое*, служащее переводным эквивалентом для өzim-

---

[1] Что было бы буквальным (поморфемным) переводом узбекских предложений Meн
өzimgə ajtdьm, seн өzingə ajtdьŋ и т. п.
[2] Но поскольку в русском языке уже вошло в обязательную норму заменять в таких
случаях личное местоимение (*меня*) „возвратным" (— местоимением „*себя*"), выражение „Я
ударил меня по лбу" оказывается уже неправильным, искусственно построенным. Надо ска-
зать: „ *Я ударил себя по лбу*". Равным образом неправильным будет и выражение „Ты уда-
рил *тебя* по лбу". Здесь опять-таки нужно сказать „*себя*". И так далее.
[3] Здесь опять-таки двукратное повторение имени „Андрей" — в качестве субъекта:
„Андрей" и в качестве объекта „Андрея" оказывается явно неправильным и может лишь
ввести в заблуждение слушателя. Необходимо сказать: „Андрей ударил *себя* по лбу".
[4] А надо иметь в виду, что выражение принадлежности является основной функцией
родительного без предлога (напр., книга товарища, лозунги коммунизма).

niꞑ, өziꞑniꞑ, өziniꞑ, өzimizniꞑ, өziꞑizniꞑ, а также и для простых форм өzniꞑ и өz [напр., өz fikrini bildirdi = он выразил свою мысль]; 2) „лично-притяжательные“: *мой, моя, моё; твой, твоя, твоё; наш, наша, наше; ваш, ваша, ваше*, служащие прямыми эквивалентами узбекских родительных падежей meniꞑ, seniꞑ, bizniꞑ, sizniꞑ. Напомним, что *свой* употребляется лишь при тожестве подлежащего с хозяином предмета; при этом подлежащим может быть и любое личное местоимение, в том числе *я, ты, вы, мы:* напр. *Я оставил свою книгу дома, Ты оставил свою книгу дома* и т. д. А *мой, твой, ваш, наш* следует употреблять лишь тогда, когда подлежащее не совпадает с хозяином предмета: напр. *Ты взял мою книгу, Андрей взял твою книгу, Я взял твою книгу.*

§ 56. В древнем русском языке имелась также особая *краткая* форма „возвратного“ местоимения — ся, имевшая то же значение, что и полная дублетная форма *себя.* В современном языке эта краткая форма сохранилась (в виде пережитка) лишь в составе так называемых глаголов возвратной формы (напр., *мы́ться, бри́ться, дра́ться, боро́ться, труди́ться* и т. п.), т. е. в сложении с различными формами спряжения от определенных глагольных основ (напр. *мыть + ся = мыться, мыл + ся = мылся; брить + ся = бриться, брил + ся = брился* и т. д.). Иначе говоря, конструкция данных глаголов (— „глаголов возвратной формы“) говорит нам о том, что по значению своему они эквивалентны сочетаниям соответствующего простого глагола (напр. *мыть, брить* и т. д.) с возвратным местоимением *себя: мыться = мыть + себя; бриться = брить + себя.*

Примечание. В известной части глагольных форм от данных глаголов (*мыться, бриться, драться, бриться, ругаться, бороться, трудиться* и т. д.) окончание *ся* (восходящее, как уже было сказано, к краткой форме „возвратного“ местоимения *себя*) утрачивает свой гласный звук *а*, и превращается таким образом в *сь*. Это имеет место в тех формах спряжения, где данному окончанию предшествует не согласный, а гласный звук: например, *мыться, мылся,* но *моюсь* (настоящее время 1 л.) *,мылась* (прошедшее время женского рода и т. д.); см. ниже в отделе „Глагол“.

§ 57. Из прочих существительнообразных местоимений мы упомянем местоимения *кто* и *что*, употребляющиеся 1) как вопросительные местоимения (узб. kim? nimə?), например, *кто пришёл? что это? что это такое? что случилось?* и 2) как местоимения относительные в начале придаточных предложений:[1] например, *Я тот, кто никому не верит; он увидел нечто, что поразило его*; или в других падежах, например, *я тот, кого никто не любит и все живущее клянет* (здесь *кого* — 4-й падеж от *кто*); *это то, без чего мы не обойдемся* (здесь *чего* = 2-й падеж от *что* с предлогом *без*). Множественного числа эти местоимения не имеют.

Склоняются они следующим образом:

1 п.	кто	что (произносится часто в виде што)
2 п.	кого́ (чит. каво́)	чего́ (чит. чево́)
3 п.	кому́	чему́
4 п.	кого́ (чит. каво́)	что
5 п.	кем	чем
6 п.	в ко́м, о ко́м	в чём, о чём

Так же склоняются и производные от них местоимения: *никто́, ничто́* [„hec kim“ и hec nimə“] и *не́кто, не́что* [„birəv (birav)“ и „bir nimə“].

[1] Но особо нужно рассматривать союз *что* (также употребляемый в начале придаточных предложений), например, в такой фразе: *Он сказал, что придет завтра.* Союз *что*, разумеется, не склоняется.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНООБРАЗНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 58. К существительнообразным числительным мы причисляем такие числительные, как *два, три, пять, десять, тридцать, сто, четыреста, пятьсот* — в отличие от таких как *второй, третий, пятый, десятый, тридцатый, сотый, пятисотый,* которые будут прилагательнообразными числительными (ср. различие узбекских ikki, ус, оп с одной стороны и ikkinci, ycinci, опьпсь с другой). Иначе говоря, к существительнообразным мы относим количественные числительные, а к прилагательнообразным — порядковые числительные. Нужно, однако, заметить, что по формальным своим особенностям (и в частности по образованию падежей, а иногда и по изменению по грамматическим родам) н е к о т о р ы е количественные числительные (в особенности же *один, одна, одно*) в значительной мере напоминают словоизменение прилагательных (а не существительных).

§ 59. Количественные числительные, по особенностям их словоизменения, а также по способам сочетания с именем исчисляемых предметов можно разделить на следующие категории:

1) в первую категорию войдет только числительное *один, одна, одно,* изменяемое по родам, а кроме того образующее и форму множ. числа (общую для всех родов): *одни.* Все падежи склонения этого числительного, кроме 1-го падежа един. числа, 1-го падежа множ. числа и 4-го падежа един. числа женского рода *одну,* а также 1-х (Винительных) падежей в тех случаях, когда они совпадают с 4-ми (Именительными), — имеют суффиксы, сходные с суфиксами склонения прилагательных. Именно, склонение это таково:

	Мужеский род	Женский род	Средний род
1 п. ед. ч.	один	одна	одно
2 п. „	одного (чит. аднаво)	одной	одного (чит. аднаво)
3 п. „	одному	одной	одному
4 п. „	одного или один	одну	одно
5 п. „	одним	одной	одним
6 п. „	в одном, об одном	в одной, об одной	в одном, об одном

М н о ж е с т в е н н о е ч и с л о — б е з р а з л и ч и я п о г р а м м а т и ч е с к и м р о д а м [1]

1 п. мн. ч.	одни
2 п. „	одних
3 п. „	одним
4 п. „	одних, одни
5 п. „	одними
6 п. „	в одних, об одних

Кроме того, важным отличием числительного *один* (и *одна, одно, одни*) от прочих количественных числительных является то, что имя исчисляемого предмета ставится при нем не в родительном (единственного или множественного чисел), а в именительном падеже.

Итак, это числительное очень напоминает, как было уже сказано, числительные прилагательнообразные и по формам склонения и по синтакси-

[1] Хотя в старой орфографии (до реформы 1917 г.) искусственно различались формы женского и (среднего) рода множественного числа.

ческому характеру сочетаемости с именем исчисляемого предмета (*один, одна, одно* ставится в том же падеже, что и имя исчисляемого предмета — на правах определения к нему). В формальном отношении отличаются от прилагательнообразного склонения, на первый взгляд, лишь именительные падежи (обоих чисел), 4-й падеж единственного числа женского рода. а также совпадающие с именительными винительные падежи (мы говорим: *оди́н, одна́, одно́, одни́, одну,* но не говорим: **одиный, одная, одное, одные, одную*).

2) Во вторую группу числительных количественных входят: *два — две, три, четы́ре,* а также *о́ба — о́бе.* Из них только *два* и *оба* имеют форму женского рода (*две, обе*) остальные же *(три, четыре*) по грамм. родам не изменяются. Характерным синтаксическим отличием этой группы (отличающим ее от числительного *один,* а с другой стороны, и от всех прочих основ количественных числительных: *пять, шесть, сорок, сто* и т. д.) является то, что сопровождающее данные числительные имя исчисляемых предметов ставится в р о д и т е л ь н о м (2-м) падеже е д и н с т в е н н о г о числа.

Склоняются числительные данной группы след. образом:

С к л о н е н и е

	Мужеск. и средн. р.	Женский род	Без различия родов	Мужеск. и средн. р.	Женск. род
1 падеж	два	две	три, четыре	о́ба	о́бе
2 „	двух	двум	трёх, четырёх	обо́их	обе́их
3 „	двум	двум	трём, четырём	обо́им	обе́им
4 „	двух, два	двух, две	трёх, четырёх три, четыре	обо́их, о́ба	обе́их, о́бе
5 „	двумя́	двумя́	тремя́, четырьмя́	обо́ими	обе́ими
6 „	о двух	о двух	о трёх, о четырёх	об обо́их, в обо́их	об обе́их в обе́их

Все остальные количественные числительные (начинания с *пять, шесть* и кончая такими как *сто, двести, пятьсот, тысяча* и даже *миллион, биллион*) по синтаксическому признаку, т.-е. по требуемой ими форме имени исчисляемых предметов, являются существительными: имя исчисляемых предметов ставится при них в Родительном (2-м) падеже м н о ж е с т в е н н о г о числа (напр., *пять книг, шесть окон, шесть километров, восемь мальчиков, десять девочек, одиннадцать фунтов, двенадцать копеек, тринадцать рублей, четырнадцать пудов, девятнадцать женщин, сто мужчин, пятьсот километров, тысяча рублей, миллион рублей*)[1]. Эта черта обнаруживает существительнообразный характер данных числительных, так как при существительных, заступающих место количественного числительного, имя исчисляемого предмета точно также ставится в Род. [2-м] падеже м н о ж е с т в е н н о г о числа: напр., *масса людей, множество книг* и т. д.

Однако, по некоторым другим формальным признакам (в частности, по моменту словообразования) внутри этой обширной группы числительных можно выделить следующие подгруппы:

---

[1] Но *двадцать один рубль, двадцать два рубля, двадцать три рубля, двадцать четыре рубля;* т.-е. здесь имя предмета ставится в том же падеже, какой требуется числительными *один* или же *два, три, четыре.* Равным образом: *тридцать один рубль, сорок один рубль. . сто один рубль* и т. д.; *тридцать две копейки, тридцать три копейки ..., сорок четыре копейки* и т. д. (но *сорок пять копеек* и т. п.).

а) от *пять* до *десять* (включительно, разумеется)
б) от *одиннадцать* до *девятнадцать*
в) *двадцать* и *тридцать*
г) *сорок* и *сто*
д) от *пятьдесят* до *восемьдесят* (т. е. 50, 60, 70, 80).
е) *девяносто*
ж) *двести, триста, четыреста*
з) *пятьсот — девятьсот*
и) *тысяча, миллион* и т. п.

В орфографическом отношении следует отметить, что в написаниях числительных: *пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать* — не сохраняется мягкий знак (ь) на конце первой части сложения, тогда как в *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* буква *ь* удерживается. Объяснение, вернее толкование, для этого различия в написаниях, очевидно, будет фонетическое: в словах *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* — за первой части сложения (*пять, шесть, семь, восемь*) следует „мягкий" согласный (мягкий согласный звук *дь* в *десят*), он и способствует сохранению мягкости предшествующего ему согласного, — именно *ть* в *пятьдесят, шестьдесят, мь* в *семьдесят — восемьдесят*. Наоборот в *пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать*, — за первым элементом (пять, шесть, семь, восемь, девять) следует „твердый" согласный *н* (в *надцать*)[1], ассимилирующее влияние которого и сказалось в „отвердении" конечного согласного первых элементов сложения.

Орфография здесь отражает, следовательно, действительно существующую в произношении разницу между звуками *т, м* в *пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать* и соответствующими „мягкими" звуками (*ть, мь*) в *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят.*

В склонении числительные *пять — десять*, а также *двадцать, тридцать*, с одной стороны, и *одиннадцать — девятнадцать*, с другой, различаются лишь по ударению: числительные *пять — десять, двадцать* и *тридцать* следуют (в отношении ударения) склонению *пять* с чередованием места ударения: то на основе (на первом слоге основы), то на суффиксе; а *одиннадцать — девятнадцать* следуют склонению числительного *одиннадцать* (без перемены места ударения в разных падежах).

Примеры склонения числительных (*пять, десять, одиннадцать, девятнадцать, двадцать, тридцать*).

1 падеж	пять	шесть	де́сять
2 „	пяти́	шести́	десяти́
3 „	пяти́	шести́	десяти́
4 „	пять	шесть	де́сять
5 „	пятью́	шестью́	десятью́
6 „	в пяти́	в шести́	в десяти́
1 падеж	два́дцать	три́дцать	оди́ннадцать
2 „	двадцати́	тридцати́	оди́ннадцати
3 „	двадцати́	тридцати́	оди́ннадцати

[1] Эта вторая часть сложения (*-надцать*) восходит к древнему сочетанию предлога *на* и числительного *десять*, которое в данном случае стянулось в *дцать*. Таким образом *пятнадцать* первоначально обозначало „пять на десять", *шестнадцать* „шесть на десять", *семнадцать* — „семь на десять" и т. д.

4 падеж	два́дцать	три́дцать	оди́ннадцать
5 „	двадцатью́	тридцатью́	оди́ннадцатью
6 „	в двадцати́	в тридцати́	в оди́ннадцати

1 падеж	пятна́дцать	девятна́дцать
2 „	пятна́дцати	девятна́дцати
3 „	пятна́дцати	девятна́дцати
4 „	пятна́дцать	девятна́дцать
5 „	пятна́дцатью	девятна́дцатью
6 „	в пятна́дцати	в девятна́дцати

Иначе говоря, склонение это следует образцу 3-го склонения (*тень, кость* и т. д.), и в нем различаются лишь 3 формы: бессуффиксальная, с суффиксом *и* и с суффиксом 5-го падежа — *ю* = *йу* (пишется, конечно, *ью*).

Особо стоит по своему склонению, а также и по своему происхождению числительное *со́рок*, являющееся заимствованием из средне-греческого (византийского) языка.

Здесь различаются только 2 формы: сорок (— 1 и 4 падежи), сорока́ (— все остальные падежи: 2, 3, 5, 6).

1 падеж	со́рок	4 падеж	со́рок
2 „	сорока́	5 „	сорока́
3 „	сорока́	6 „	в сорока́, о сорока́

Иначе говоря, во всех косвенных падежах (а так мы будем называть все падежи, кроме 1-го и 4-го) имеется суффикс *-а*, а в прямых 1-м и 4-м — нуль суффикса.

Интересно отметить пережиточного характера явление — отдельные формы множественного числа от „сорок“: напр., в традиционном, унаследованном из древнего языка, выражении: *В Москве церквей со́рок-сороко́в* слово *сороков* — 2-й падеж множественного числа (по 1-му склонению); здесь следовательно, числительное *сорок* уже само оказывается в грамматической позиции имени исчисляемого предмета. Второй пример: *В старину счет вели по сорока́м*; здесь *сорокам* — 3-й падеж множественного числа (с предлогом *по*). Это указывает, что некогда (в древне-русском языковом быту) *сорок* было такой же, в общем, счетной единицей высшего порядка, как и *сто*, и *тысяча*.

Полную аналогию к склонению числительного *сорок* представляют формы числительного *сто*, если не считать окончания *о* (вместо нулевого окончания в *сорок*) в 1-м и 4-м падежах и, разумеется, отсутствия чередования ударений (*со́рок-сорока́*) — ввиду односложности форм *сто-ста*.

Следовательно,

1-й и 4-й падежи: *сто*
2-й, 3-й, 5-й и 6-й „ *ста*

Примеры: *У него сто голов скота* [*сто* — 1-й падеж]
Он купил сто голов скота [*сто* — 4-й падеж]
Не имей ста рублей, а имей сто друзей (пословица) [2-й падеж]
Без ста рублей к ним не подступиться [*ста* — 2-й падеж]
О каких-нибудь ста рублях шла речь, вот и всего [*ста* — 6-й пад.]
К этим ста рублям мы прибавим полушубок на енотовом меху и хорошую доху [*ста* — 3-й падеж].

Встречаются, как мы уже упоминали, и некоторые формы множественного числа от *сто*: именно, косвенных падежей. 2-й падеж — *сот*, 3-й падеж — *стам*, 5-й падеж — *стами*, 6-й падеж — *стах*.

Иногда они конкурируют с формой косвенных падежей единственного числа (*ста*). Например, *в стах верстах* вместо *в ста верстах*, *к этим стам рублям* вместо *к этим ста рублям*.

Но тогда, когда эти формы множественного числа действительно употребляются с множественным значением (т. е когда фактически речь идет о нескольких сотнях, а не об одной сотне), это бывает, обыкновенно, в тесном сочетании с предшествующим числительным или его абстракцией — словом *несколько* [віг песэ] или т. п., например, *в двух или трех стах верстах*, *в нескольких стах верстах*.

И мы имеем право, следовательно, рассматривать эти формы числительного *сто*, прежде всего, как один из элементов в формах склонения кратных к *ста* числительных (*двести*, *триста*, *четыреста*, *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот*).

В прямых падежах (1 и 4) от этих последних (*двести*, *триста*, *четыреста* и, с другой стороны, в прямых падежах: *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот*) мы найдем уже крепко вошедшие в словообразование сложного слова формы от *сто*:

1) в словах *триста* и *четыреста* — мы находим форму, которую мы можем (не вдаваясь в историко-морфологический анализ) сопоставить с идентичной формой 2-го падежа единственного числа от *сто*: сравни подобное же употребление формы 2-го падежа единствен. числа *села*, в *два села*, *три села*, *четыре села*; а 2) в *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот* — тоже вполне ясное по конструкции сочетание из числительного *пять*, *шесть* и т. д. с формой 2-го падежа м н о ж е с т в е н н о г о числа от *сто* (сравни, например, *пять слов*, *шесть слов* и т. д.).

Особого объяснения заслуживает, конечно, форма *двести*: но объяснение это возможно только на основании исторической грамматики славянских языков, и мы на нем, конечно, не можем останавливаться.[1]

Формация именительного падежа *триста*, *четыреста* (и с вариацией — *двести*), а с другой стороны, *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот* — делает для нас легко понятными и формы косвенных падежей, где склоняются оба элемента сложения (и следовательно, процесс стяжения двух числительных основ в одно слово еще не закончился).

С к л о н е н и е

2-й (Родительный) падеж	двух сот	трех сот
3-й (Дательный) падеж	двум стам	трем стам
4-й (Винительный) падеж	двести	триста
5-й (Творительный) падеж	двумя стами	тремя стами
6-й (Предложный) падеж	о двух стах	о трех стах
2-й (Родительный) падеж	четырехсот	пятисот
3-й (Дательный) падеж	четырехстам	пятистам
4-й (Винительный) падеж	четыреста	пятьсот
5-й (Творительный) падеж	четырьмястами	пятьюстами
6-й (Предложный) падеж	о четырех стах	о пятистах

[1] Напомним, между прочим, что в некоторых из таджикских говоров (напр., в бухарском) сохранилась еще форма числительного „200“, на первый взгляд близко сходная с русским *двести* — именно d(a)vist (вместо du sad = دوصد в прочих говорах, как и в литературном персидском языке). Но на самом деле этимология этой формы ничего общего не имеет с русским *двести*: таджикская форма восходит к da bist, т. е. «десять раз двадцать». Сравни другие подобные же образования в некоторых таджикских говорах (а также в цыганском-маргеланском): se-bist „60“, cor-bist „80“, se-bist-u-da „70“ и т. п.

2-й (Родительный) падеж	шестисот	семисот
3-й (Дательный) падеж	шестистам	семистам
4-й (Винительный) падеж	шестьсот	семьсот
5-й (Творительный) падеж	шестьюстами	семьюстами
6-й (Предложный) падеж	о шестистах	о семистах

2-й (Родительный) падеж	восьмисот	девятисот
3-й (Дательный) падеж	восьмистам	девятистам
5-й (Творительный) падеж	восемьюстами	девятьюстами
6-й (Предложный) падеж	о восьмистах	о девятистах

Числительное *девяносто* склоняется по образцу *сто* (но, разумеется, без форм множественного числа).

1-й и 4-й падежи *девяносто*
2-й, 3-й, 5-й и 6-й падежи *девяноста*.

Числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят* и *восемьдесят*, в свою очередь (как и *двести, триста, четыреста, пятьсот* и т. д.), обнаруживают в склонении свой сложный состав, т. е. изменение обеих основ, заключаемых в данном сложном числительном [*пять* и *десят(ь), шесть* и *десят(ь)* и т. д.]. Именно:

1-й в.	пятьдеся́т	шестьдеся́т
2-й п.	пяти́десяти	шести́десяти
3-й п.	пяти́десяти	шести́десяти
4-й п.	пятьдеся́т	шестьдеся́т
5-й п.	пятью́десятью	шестью́десятью
6-й п.	в пяти́десяти	в шести́десяти

1-й п.	се́мьдесят	во́семьдесят
2-й п.	семи́десяти	восьми́десяти
3-й п.	семи́десяти	восьми́десяти
4-й п.	се́мьдесят	во́семьдесят
5-й п.	семью́десятью	восьмью́десятью
6-й п.	в семи́десяти	в восьми́десяти

Слова *ты́сяча, миллио́н*, а также *биллио́н* и проч. — это обыкновенные существительные, и на них останавливаться нет надобности. Таковыми же являются и названия дробей *половина, треть, четверть*, а далее *пятая, шестая, седьмая* и т. п. идут уже прилагательные.

ОТДЕЛ II.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 60. В отличие от турецких (в том числе узбекского) языков, русский язык обладает вполне самостоятельной в формальном отношении категорией имени прилагательного, куда принадлежат основы со значением качества, примышляемого в качестве признака (т. е. в роли определения или же сказуемого) к представлению данного предмета (примеры: *высокий*, или *высокая, высокое* или *высок, высока, высоко* в словосочетаниях: *высокий дом, высокая гора, высокое здание; дом высок, гора высока, здание высоко*). К этой наиболее богатой категории (качественных имен прилагательных) формаль-

но примыкает, кроме того, сравнительно малочисленная группа прилагательных принадлежности (или „притяжательных") — означающих принадлежность данного предмета определенному лицу (напр., *сёстрин дом, сёстрина дача* и т. д.), а с другой стороны группа прилагательнообразных местоимений[1] (напр., *какой, который*), группа прилагательнообразных числительных (напр., *первый, второй, третий, тридцатый* и т. д.) и, наконец, прилагательнообразных глагольных форм, т.-е. так называемых „отглагольных прилагательных", или „причастий" (напр., *дающий, данный* — от глагола *дать, сказавший, сказанный* от глагола *сказать* и т. д.).

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ИЛИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В УЗКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА

§ 61. Формальными отличиями прилагательных (качественных) от прочих частей речи (в частности от имени существительного) служат:

1. Изменение по родам (в единственном числе), т.-е. образование трех родовых форм: мужеского, женского и среднего рода — в зависимости от того, к какому грамматическому роду принадлежит то существительное, к которому относится данное прилагательное (в роли определения или сказуемого): напр., *высокий дом, высокая гора, высокое окно.*

2. Образование двух форм,[2] отличающихся одна от другой по своим преимущественным синтаксическим фукциям: это, во-первых, форма, предназначающаяся по преимуществу для функции определения (напр., в словосочетаниях высокий дом, высокая гора) и условно называемая „полной" формой прилагательного (потому, что она по своему составу оказывается длиннее, чем вторая форма), и во вторых, форма предназначающаяся для употребления в роли сказуемого (напр. во фразах *дом высок, гора высока*) и условно называемая „краткой" формой прилагательного.

3. Склонение по падежам каждой из 3-х родовых форм, а также склонение множ. числа (без различия грамм. родов) по схемам отличным от склонения существительных (т.-е. с отличными от склонений существительных падежными суффиксами): например, 2-й падеж ед. числа оканчивается в I склонении (муж. рода) существительных на *а*, а в склонении прилагательных муж. рода он оканчивается на *ого* (чит. *ово*): *высокого дома*; 2-й падеж в V склонении (ж. рода) существительных оканчивается на *ы*, а в склонении прилагательных женского рода он оканчивается на *ой*: *высокой горы* и т. д.

4. Образование сравнительной и превосходной степени сравнения: напр., от прилагательного *решительный* сравнительная степень — *решительнее*, а превосходная степень — *решительнейший.*

5. Образование наречных форм, т.-е. наречий, производных от прилагательных: напр., *хорошо* от прилагательного *хороший* (напр., во фразе: „он *хорошо* плáвает"), *удовлетворительно* — от прилагательного *удовлетворительный* (напр., во фразе: он отвечал *удовлетворительно*").

[1] В группе прилагательнообразных местоимений мы, в свою очередь, можем выделить подгруппу притяжательных местоимений (т.-е. местоимений-принадлежности) — *мой, твой, наш, ваш, свой, чей.*

[2] В каждом из 3 родов.

ОБРАЗОВАНИЕ „ПОЛНОЙ“ и „КРАТКОЙ“ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

§ 62. Качество, примышляемое в качестве признака предмета, или лица, может быть — с точки зрения содержания данного предложения — или уже приложенным, т.-е. закрепленным за данным предметом, или наоборот, именно в данном предложении утверждаться (или отрицаться) как признак данного предмета. В первом случае мы имеем такие сочетания прилагательного с существительным, как в следующих предложениях:

Хороший дом простоит долго
Злая жена, что сатана

Во втором случае:

Дом (или *этот дом*) — *хорош*
Жена ваша зла, как чорт.

Эти две функции прилагательных соответствуют: 1) понятию прилагательного в роли о п р е д е л е н и я, 2) в роли с к а з у е м о г о. А соответственно этим двум функциям в совокупности форм русского языка предусмотрены две различные, друг другу противополагающиеся формы:

1) одна — т. н. „полная“ форма, предназначающаяся, прежде всего, для роли определения, характеризующаяся и изменением по родам (в единственном числе) и числам, и с другой стороны склонением,

2) вторая — предназначенная для роли сказуемого,[1] характеризующаяся изменением по родам (в единственном числе) и числам, но отсутствием склонения.

По внешнему признаку первого рода форму (*хоро́ший, хоро́шая, хоро́шее,* мн. ч. *хоро́шие*) принято называть полной формой прилагательного, а вторую (*хорош, хороша́, хорошо́,* мн. ч. *хороши́*) — неполной формой. Примеры: 1) *хоро́ший, ая, ее, ие; до́брый, до́брая, до́брое,* мн. ч. *до́брые*; *зло́й, зла́я, зло́е,* мн. ч. *злые*; 2) *хорош, а, о, и; добр, добра, добро́,* мн. ч. *добры́; зол, зла, зло,* мн. ч. *злы.*

Правда, в современном русском языке функциональная характеристика обеих форм уже несколько стерлась — в связи с постепенным вытеснением неполной формы через полную — даже в функции сказуемого. Но все же, несмотря на то, что полная форма, в современном языке употребляется и в значении о п р е д е л е н и я, а также весьма нередко и в значении сказуемого, принципиальный смысл вышеприведенной функциональной характеристики обеих форм все таки сохраняется благодаря тому, что неполная форма — это, по существу и и с к л ю ч и т е л ь н о, форма со значением с к а з у е м о с т и [об архаических исключениях, где неполная форма играет роль определения — напр. в названии города *Новгород* (из *Новъ городъ,* — что в древне-русском языке соответствовало современному *Новый город*) или красна-девица и т. п. в народном устно литературном языке, — можно не упоминать, ибо число подобных пережиточных случаев старой конструкции крайне незначительно и для изучающих современную литературную речь они не представляют практического интереса] См.,

---

[1] За исключением архаических сочетаний, явно чуждых современным принципам морфологии (например: в языке былинной поэзии — *красну де́вицу* — винительный падеж, *добру-моло́дцу* или *злу - татари́ну* — Дательные падежи), где „краткая“ форма прилагательного служит не сказуемым, а определением, а в связи с этим и склоняется по падежам. С другой стороны, такие п р и т я ж а т е л ь н ы е п р и л а г а т е л ь н ы е, как *сёстрин, дядин* и т. д. тоже употребляются в „краткой форме“ в виде определения (напр. *сёстрин дом*) и склоняются по падежам, но это потому, что они вообще не имеют „полной“ формы. О них, впрочем, будет итти речь в своем месте.

впрочем, ниже, в главе о „Наречиях", где целый ряд наречий (не наречных форм прилагательных, а наречий, представляющих собою особую неизменяемую часть речи) разъясняется из старых сочетаний предлога (напр., *с*) и косвенных падежей от *краткой* формы прилагательных: напр. *снова, справа, слева,* и т. п.

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 63. В современном русском языке склоняются, как уже было выше сказано, только „полные" формы качественных прилагательных.

В формальном отношении это склонение характеризуется следующими суффиксами (совмещающими в себе значения падежа и числа в суффиксах множественного числа):

1 й (Именительный) падеж мужского рода единственного числа имеет следующие суффиксы: 1) *-ой* — в случае ударения на суффиксе; 2) *ый* или *ий,* в случае ударения на одном из предшествующих слогов.

Примеры: *больной* (суффикс *-óй*), *белый* (суффикс *-ый*), *синий* (суффикс *-ий*).

Примечание. Во многих говорах живой массовой речи весьма распространено, однако, иное произношение неударенного дублета этого суффикса (после конечного „твердого" согласного основы): именно — *ой* (фактически произносящееся как *ай*) вместо *ый,* что соответствовало бы следующим написаниям: *трýдной, бéлой* (труднай, белай) и т. д. Но этого диалектизма следует избегать.

1-й (Именительный) падеж единственного числа женского рода всегда имеет окончания *ая* или *яя* [т. е. строго говоря, одно и то же по звуковому составу окончание, только пишущееся различно (*ая* или *яя*) в зависимости от „твердости" или „мягкости" согласного на конце основы].

Примеры: *больнáя, бéлая, синяя*

1-й (Именительный) падеж единственного числа среднего рода характеризуется суффиксами *ое* — после „твердого" согласного и *ее* после „мягкого" или непарного (шипящего или *ц*) согласного (при ударении на основе).

Примеры: *больное, белое, синее, лучшее, куцее.*

2-й, 3-й, 5-й и 6-й падежи единственного числа имеют одинаковые формы мужеского и среднего родов; нам придется, следовательно, рассматривать лишь по 2 формы каждого из этих падежей.

1. Форму мужеского и среднего рода (единственного числа).
2. Форму женского рода (единственного числа).

2-й (Родительный) падеж мужеского и среднего рода в одних случаях имеет суффикс, который пишется ввиде *ого,* но читается как *ова* или же как *ава,* если ударение на основе, а в других случаях — суффикс, пишущийся ввиде *его* и читающийся как *ева*: первый из них (*ого*) имеет место после основы на „твердый" согласный, а второй (*его*) после основы на „мягкий" парный или на непарный (шипящий, или *ц*) согласный. Примеры:

больного (чит. бальнова)
бéлого (чит. белава)
синего (чит. синева)
кýцего (чит. куцева)
рабóчего (чит. рабочева)
лýчшего (чит. лучшева)

нищего (чит. нишчева)

дюжего (чит. дюжева)

Примечание. Написания *ого*, *его* во 2-м (и в совпадающем с ним 4-м) падеже ед. ч. прилагательного склонения представляет собою единственный случай, где звук *в* в письме изображается буквой *г*.

Тот гласный звук и та соответствующая ему гласная буква, которые мы встречаем в произношении и написании 2-го падежа мужеского и среднего рода (единственного числа) перед слогом *го* (читающимся как *ва*), будут характерны, между прочим, — в данной своей позиции — и для ряда других падежей, а именно: для 3-го (Дательного), для 6-го (Предложного) падежа единственного числа мужеского и среднего родов и для 2-го (Родительного), 3-го (Дательного), 5-го (Творительного) и 6-го (Предложного) падежей единственного числа женского рода от *данной прилагательной основы*. Иначе говоря, если 2-й падеж единственного числа мужеского и среднего родов оканчивался на *-ого* (чит. *ова*), то и в только что указанных падежах мы найдем *о*, т. е. *о* ударенное (в положении после конечного согласного основы) Например: Поскольку мы имеем *о* (ударенное) в форме *больного* (баль-н-ова), постольку мы будем встречать ударенное *о* и в нижеследующих формах от этого прилагательного: в 3-м (Дательном) падеже единственного числа мужеского и среднего родов: *больному* (чит. баль-н-ому), в 6-м (Предложном) падеже единственного числа мужеского и среднего родов: *о больном* (а баль-н-ом), во 2-м (Родительном) падеже единственного числа женского рода: *больной* (чит. баль-н-ой), в 3-м (Дательном) падеже единственного числа женского рода: *больной*, в 5-м (Творительном) падеже единственного числа женского рода: *больной* или *больною*, в 6-м (Предложном) падеже единственного числа женского рода *в больной*, *о больной*.

Наоборот, при наличии (перед *го*) *о* неударенного (читающегося как *а*) в форме 2-го падежа на *ого*, мы будем встречать ту же букву *о* опять-таки в неударенном же слоге и в вышеупомянутых падежах (в 3-м и 6-м муж. и ср. р. и во 2 м, 3-м, 5-м, 6-м жен. рода); равным образом буква *е* (т. е. написание *его*) на конце 2-го падежа единственного числа мужеского и среднего родов показывает, что и в вышеупомянутых падежах мы найдем *е* (не под ударением): например: 2-й (Родительный) падеж единственного числа мужеского и среднего родов: белого (чит. бел-ава), синего (чит. синева), лучшего (чит. лучшева).

3-й (Дательный) падеж единственного числа мужеского и среднего родов: *белому, синему, лучшему*.

6-й (Предложный) падеж единственного числа мужеского и среднего родов: *в белом, в синем, о лучшем*.

2-й (Родительный) падеж единственного числа женского рода: *белой, синей, лучшей*.

3-й (Дательный) падеж единственного числа женского рода: *белой, синей, лучшей*.

6-й (Предложный) падеж единственного числа женского рода: *в белой, в синей, о лучшей*.

5-й (Творительный) падеж единственного числа женского рода: *белой, синей, лучшей* или *белою, синею, лучшею*.

§ 64. Остается дать сводку падежных суффиксов единственного числа всех родов (при чем для всех падежей, кроме 1-го и 4-го, это будут суффиксы двух порядков: 1) для мужеского и среднего родов, 2) для женского рода):

Во множественном числе различение рода у прилагательных отсутствует[1], иначе говоря, прилагательные во множественном числе р о д о в н е и м е ю т.

Нам остается описать, следовательно, лишь по одной форме для каждого из 6 падежей (множественного числа); суффиксы их следующие:

1-й падеж на *ые* (после „твердых" согласных и — из непарных — после согласного *ц*)

или же на *ие* (после „мягких" и непарных согласных, кроме *ц*).

Примеры:

Больные	Глухие	Простые	Классные
Куцые	Бранные	Тупые	Любимые
Лучшие	Красные	Прямые	Толстые
Слепые	Голубые	Кривые	Тонкие
Немые	Фигурные	Ясные	Синие

П р и м е ч а н и е. Старая (до 1917 г.) орфография знала следующие написания этих суффиксов: *ые, ыя, іе, ія*. Написания на *ые, іе* употреблялись тогда, когда прилагательное с ч и т а л о с ь принадлежащим к мужескому роду (а это определялось в зависимости от грамматического рода того существительного, ко множественному числу которого данное прилагательное служило определением: например, *красные костры, липкіе пальцы*); а написания с *ыя, ія* — тогда, когда прилагательное считалось принадлежащим к женскому роду или же к среднему: например, *длинныя бороды, летнія палатки* (женск. род) и *крашенныя окна, высокія трюмо* (сред. род). Конечно, это искусственное различение было не только ненужным, но и прямо вредным — с точки зрения демократизации письменности — приемом старой орфографии.

§ 65. Буквы *ы — и*, соответственно наличию той или другой из них в 1-м падеже, проходят (в данной позиции — непосредственно за исходным согласным основы) и по всем прочим падежам множественного числа. Именно:

1) Первый случай

Если в 1-м (Именительном) падеже множественного числа имеется *ы*, т. е. окончание *ые*

Например: *больные*
трезвые,

то и в прочих падежах (множественного числа) тоже будет *ы*

Именно:

2-й падеж больных
трезвых
3-й падеж больным
трезвым
5-й падеж больными
трезвыми
6-й падеж о больных
в трезвых

2) Второй случай

Если в 1-м (Именительном) падеже множественного числа имеется *и*, т. е. окончание *ие*

Например: *синие*
широкие,

то и в прочих падажах (множественного числа) тоже будет *и*

Именно:

синих
широких
синим
широким
синими
широкими
о синих
в широких

[1] В современном русском языке; в церковно-славянском языке, как и в древне-русском, грамматические роды прилагательных существовали и во множественном числе. Пережитком этого состояния было — вплоть до орфографической реформы 1917 г. — сохранение грамматических родов прилагательных во множественном числе (в 1-м и отчасти 4-м падежах) в морфологии п и с ь м е н н о г о я з ы к а (по старой орфографии): реформа 1917 г., разумеется, неизбежно должна была ликвидировать это совершенно неуместное отличие письменного языка от живой речи.

То же, разумеется, и в 4-м падеже, — сходном или с 1-м или со 2-м.

Суффиксы 2-го, 3-го, 5-го и 6-го падежей здесь, как мы уже видим из этих примеров, следующие:

2-го и 6-го падежа $\frac{\text{ы}}{\text{и}}$*х*, например: *больших, тугих, гладких, тучных, малых, острых, косых, веселых, прямых* и т. д.

-го падежа $\frac{\text{ы}}{\text{и}}$*м* например: *большим, тугим, гладким, тучным, малым, острым, косым, прямым* и т. д.

5-го падежа $\frac{\text{ы}}{\text{и}}$ *ми* например: *большими, тугими, гладкими, тучными, малыми, острыми, прямыми* и т. д.

§ 66. Из всего того, что выше было сказано о формальной характеристике отдельных падежей, выясняются следующие деления (или типы склонения) прилагательных:

1. По признаку ударяемости (т. е. по месту ударения в именительном и в прочих падежах склонения) следует различать:

а) прилагательные с ударением на суффиксе, например: *больной, больного, больному* и т. д.; ударение остается на падежном суффиксе (если он содержит 2 слога, то на первом из них) во всех падежах (единственного и множественного числа); в именительном (1-м) падеже ед. ч. муж. рода эти прилагательные всегда оканчиваются на *ой*;

б) прилагательные с ударением на основе, и следовательно с неударенными гласными падежных суффиксов во всех падежах. Например: *белый, синий.* В Именительном (1-м) падеже ед. ч. муж. рода эти прилагательные оканчиваются на *ый* или *ий* (но не на *ой*).

2. В зависимости от характера согласного, предшествующего падежному суффиксу, приходится различать следующие типы прилагательных:

а) основы на парный „твердый" согласный, кроме *к г х*: напр. *красный*,

б) основы на *к г х:* например *легкий*,

в) основы на *ц* (непарный „твердый"): *куцый*,

г) основы на парный „мягкий" согласный (кроме *к г х*; о них см. выше), например *синий*,

д) основы на непарный согласный кроме *ц*, именно на шипящие *ш ж ч* (и *щ* чит. *шч*): например, *свежий*.

Специфические признаки этих типов (*а, б, в, г, д*) видим из следующего перечня форм:

1-й падеж единственного числа мужеского рода: *красный, легкий, куцый, синий, свежий.*

1-й падеж множественного числа: *красные, легкие, куцые, синие, свежие.*

2-й падеж единственного числа мужеского и среднего рода: *красного, легкого, куцего, синего, свежего.*

2-й падеж множественного числа: *красных, легких, куцых, синих, свежих.*

3-й падеж единственного числа мужеского и среднего рода: *красному, легкому, куцему, синему, свежему.*

3-й падеж множественного числа: *красным, легким, куцым, синим, свежим.*

4-й падеж единственного числа мужеского и среднего рода: сходен со 2-м падежом для имен одушевленных и с 1-м для имен неодушевленных.

4-й падеж множественного числа сходен со 2-м падежом для имен одушевленных и с 1-м для имен неодушевленных;

5-й падеж единственного числа мужеского (и среднего) рода: *красным легким, синим, куцым, свежим.*

5-й падеж множественного числа: *красными, легкими, куцыми, синими, свежими.*

6-й падеж единственного числа мужеского и среднего рода: *о красном, о легком, в куцем, в синем, в свежем.*

6-й падеж множественного числа: *о красных, о легких, в куцых, в синих, свежих.*

1-й падеж единственного числа женского рода: *красная, легкая, куцая, синяя, свежая.*

2-й падеж единственного числа женского рода: *красной, легкой, куцей, синей, свежей.*

3-й падеж единственного числа женского рода: *красной, легкой, куцей, синей, свежей.*

4-й падеж единственного числа женского рода: *красную, легкую, куцую, инюю, свежую.*

5-й падеж единственного числа женского рода: *красной, легкой, куцей синей, свежей.*

6-й падеж единственного числа женского рода: *о красной, о легкой, в куцей, в синей, в свежей.*

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

§ 67. К образованию степеней сравнения (от качественных прилагательных) принадлежат:

1) Форма сравнительной степени (напр. *длиннее* от *длинный, решительнее* от *решительный, больше* от *большой,* и т. д.), употребляющаяся в таких напр. фразах как—новая дорога *длиннее* старой дороги (или старая дорога *длиннее,* чем новая дорога) — по-узбекски — eski jol jəŋi joldan uzun,—лошадь *больше* собаки (или лошадь *больше,* чем собака) — по-узбекски at itdən kəttə.

2) Форма превосходной степени (напр. *длиннейший, высочайший, решительнейший* — от прилагательных *длинный, высокий, решительный*), находящая себе соответствие в таких узбекских формах, как eŋ uzun, eŋ bələnd, eŋ jaxşь, eŋ kicik, eŋ kəttə и т. п.

§ 68. Форма сравнительной степени не находит себе точного соответствия в узбекском языке, а потому и оказывается довольно трудной для изучающих русский язык узбеков (именно, узбеки, говорящие по русски, зачастую употребляют форму сравнительной степени, напр. *больше, дешевле, дороже* там, где ненужно, т. е. там, где нужно было бы сказать просто *большой, дешевый, дорогой* и т. д., или же, наоборот, употребляют простые формы прилагательных тогда, когда нужно употреблять форму сравнительной степени, т. е. когда речь идет о сравнении двух предметов). Именно: в узбекских фразах, соответствующих русским фразам со сравнительной степенью, обычно употребляется обыкновенная форма прилагательного (напр. kəttə, kicik, uzun, arzan и т. д.) и указание на то, что здесь речь идет о сравнении двух предметов, исчерпывается просто тем, что имя одного из этих предметов ставится в исходном падеже на -dan / -dən, напр.—лошадь *больше* собаки — at itdən kəttə, собака *меньше* лошади — it atdan kicik (тогда как в русском языке, независимо от того, что имя сравнительного предмета ставится в Родительном падеже,[1] для выражения сравнения само прилагательное ставится не в обычной, а в специально для выражения сравнения предназначенной формы сравнительной степени: „лошадь *больше* собаки“, но не „лошадь *большая* собаки“). С другой стороны, та узбекская форма, которая по смысловому смоему характеру наиболе приближается к понятию русской „сравнительной степени“, именно форма на -raq или -rək[2] (qararaq, jaxşьraq, arzanraq, kicigrək и т. д.) весьма часто употребляется и в таких фразах, где нет

---

[1] Или же в сочетании с *чем* (или *нежели*) напр. *лошадь больше, чем собака; собака меньше, нежели лошадь.*

[2] Но несовпадающая, все-таки, по значению с русской *сравнительной степенью.*

[3] Которую мы называем (в отличие от русского понятия сравнительной степени) фор-
мой *усилительной степени* узбекских прилагательных (сравн. — „Краткая грамматика уз-
бекского языка“ 1925 г. ч. 1).

идеи сравнения двух предметов (напр. tezrək jyr по-русски можно было бы сказать и без сравнительной степени: „живо ступай“). Особенно же часто узбекская форма на *-raq|-rək* является соответствием для русской формы сравнительной степени в сложении с префиксом *по-* [например, *подешевле — arzanraq, побольше — kөprək* или *kөpraq*], так как при присоединении данного префикса русская форма сравнительной степени утрачивает свое преимущественное значение сравнения двух предметов по данному качеству, и наоборот, получает преимущественное значение в виде сравнения степеней данного у одного и того же предмета, или, что в сущности то же самое значение, — усиления данного качества у данного предмета.

В отличие от форм превосходной степени, формы сравнительной степени не изменяются по родам и числам и не склоняются, за исключением лишь прилагательных: больший и меньший. Иначе говоря, от каждого прилагательного, в виде нормы, образуется только одно слово, являющееся формой сравнительной степени этого прилагательного и никаким изменениям эта форма не подвергается (если не считать только того обстоятельства, что наряду с окончанием *ее* может употребляться и его дублет *ей*: *скорее* и *скорей*, *живее* и *живей* и т. д.[1]

Формы сравнительной степени имеют следующие окончания:

1) В формах от большинства прилагательных — *ее* или *ей*, напр. *быстрее* или *быстрей*, *живее* или *живей*, *страшнее* или *страшней*.

2) Реже — окончание *е*. При наличии этого окончания обычно изменяется и звуковой состав основы (по сравнению с основой в простой форме данного прилагательного), как это видно из следующих примеров:

Простая форма прилагательного	Форма сравнительной степени (на *е*)
высокий	выше
короткий	короче
далекий	дальше
равний	раньше

В отличие от сравнительной степени, формы превосходной степени изменяются по родам (и числам) и склоняются, вполне следуя в этом отношении обыкновенным формам прилагательных. Иначе говоря, образование превосходной степени от какого-либо прилагательного есть образование новой основы или нового прилагательного, изменяющегося (по родам, числам и падежам) так же, как это свойственно всякой простой основе прилагательного. В этом легко убедиться, если мы сравним, напр., следующие 2 таблицы склонения: 1) прилагательного решительный, 2) прилагательного решительнейший, служащего формой превосходной степени от решительный:

Именно в склонении от прилагательного решительнейший мы найдем полную почти аналогию к склонению прилагательного решительный: сравни, например:

решительный	решнтельная	решительное
решительного	решительную	решительного
решительному	решительной	решительному
решительного	решительную	решительное
решительным	решительной	решительным
о решительном	о решительной	о решительном

[1] Но эти парные окончания (*-ее* и *-ей*) вовсе не представляют собой словоизменение сравнительной степени, так как от выбора того или другого из этих окончаний (*ее* или *ей* не изменяется значение данной формы; следовательно, *скорее* и *скорей*, *живее* и *живей* - это будут просто звуковые вариации, или дублеты одной и той же грамм. формы (сравн. подобные же дублеты — *ою* и *ой* в 5 падеже ед. ч. женского рода прилагательных и в V склонении существительных (*большою — большой, рукою — рукой*)

решительнейший	решительнейшая	решительнейшее
решительнейшего	решительнейшую	решительнейшего
решительнейшему	решительнейшей	решительнейшему
решительнейшего	решительнейшую	решительнейшее
решительнейшим	решительнейшей	решительнейшим
о решительнейшем	о решительнейшей	о решительнейшем

решительные	решительнейшие
решительных	решительнейших
решительным	решительнейшим
решительных	решительнейших
решительными	решительнейшими
о решительных	о решительнейших

Отсутствовать будет лишь образование неполной (предикативной) формы — в параллель к *решителен, решительна, решительно, решительны:* такой формы от превосходной степени *решительнейший* нет, [она ожидалась бы в таком виде: *решительнейш, решительнейша, решительнейше, решительнейши*, но это — вполне искусственная конструкция]. Но наречная форма превосходной степени существует: напр., *почтительнейше* (от *почтительный*, наречная форма *почтительно*) — в таком, напр., трафаретном выражении традиционного, письменного (и в частности бюрократического) языка, как *почтительнейше прошу.*

НАРЕЧНЫЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 70. Наконец, к словоизменению прилагательных принадлежит и образование н а р е ч н ы х форм, т. е. форм, употребляющихся как н а р е ч и я, но по синтаксическим своим связям относящихся не к имени существительному (как прилагательные), а к глаголу (как наречия), т. е. характеризующих не предмет, а действие: напр., наречной формой (или наречием, производным от прилагательной основы) будет слово *хорошо* во фразе „Иванов *хорошо* знал урок“ (здесь слово *хорошо* относится не к имени предмета (урок) и не к имени лица (Иванов), но к глаголу *знал*).

П р и м е ч а н и е. В узбекском языке особых форм для наречных функций прилагательного не существует: на месте русских наречий, производных от прилагательного, здесь употребляется обычная форма прилагательного: э т о т у ч е н и к *хорошо* з н а л с в о й у р о к; по-узбекски—bu oqucь sabaqьnь jaxşь bilər ekən. В связи с этим в узбекском языке вовсе не существует особой морфологической категории наречий (такие слова как kecqurun, kecə и т. п. являются просто „именами“, и подобно другим „именам“ способны образовывать множ. число, падежи и т. д.; единственным их признаком тут может служить о т н о с и т е л ь н а я редкость этих суффиксальных форм, т. е. иными словами — некоторая статистическая дефективность их словоизменения).

§ 71. Наречные формы прилагательных, имеют те же окончания, что и краткие формы среднего рода (ед. ч.) от данных прилагательных, совпадая в большинстве случаев с последними по своему звуковому составу и лишь иногда отличаясь от них т о л ь к о по месту ударения. Примеры:

Муж. род. прилагат. (1 п. ед. ч.)	Средн. род. прилагат., краткая форма
хороший, высокий, слабый	хорошо, высоко́, слабо
сильный, чёрствый	сильно́, черство́

Наречная форма

хорошо́, высо́ко или высоко́,[1] си́льно, чёрство

[1] В определенном профессиональным говоре даже вы́соко (так говорили, напр., регенты, управляющие хором).

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 72. Притяжательные прилагательные — т. е. выражающие уже не качество, а принадлежность известному лицу, сравнительно немногочисленны в русском языке. Примеры: *сестрин, сестрина, сестрино; дядин, дядина, дядино; теткин, теткина; теткино* и т. п. Кроме того, в формальном отношении к этой категории (притяжательных прилагательных) принадлежат и русские фамилии, оканчивающиеся на *ов* или *ев* (в муж. роде), *ова* или *ева* (в женском роде) или на *ин* (м. р.), *ина* (ж. р.): напр. *Иванов, Иванова; Петров, Петрова; Баранов, Баранова; Правдин, Правдина.*

Как мы уже говорили, притяжательные прилагательные имеют обычно только неполные (краткие) формы именительного падежа, но тем не менее имеют склонение, т. е. образуют и прочие падежи.

Об окончаниях падежей этого склонения, отчасти совпадающих с окончаниеми склонения существительных, а отчасти с окончаниями прилагательного склонения, можно судить по следующим примерам.

Единственное число

	м. р.	ж. р.	ср. р.	Фамилия (м. р.)	Фамилия (ж. р.)
1 п.	сестрин	сестрина	сестрино	Иванов	Иванова
2 п.	сестрина	сестриной	сестрина	Иванова	Ивановой
3 п.	сестрину	сестриной	сестрину	Иванову	Ивановой
4 п.	(сходен с 1 или 2)	сестрину	сестрино	Иванова	Иванову
5 п.	сестриным	сестриной	сестриным	Ивановым	Ивановой
6 п.	о сестрином	о сестриной	о сестрином	об Иванове	об Ивановой

ПРИЛАГАТЕЛЬНООБРАЗНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

§ 73. К прилагательнообразным местоимениям (в отличие от существительнообразных, см. § 31) мы относим такие местоимения, синтаксическая позиция которых оказывается тождественной с синтаксической позицией прилагательных, т. е. те местоимения, которые обычно присоединяются к следующему за ними существительному в качестве определения к нему (тогда как существительнообразные местоимения, наоборот, заменяют собою существительные). Так, например, местоимение *тот, та, то,* играющее обычно роль определения к следующему за ним существительному (напр., *тот год, тот человек, та вещь, то окно* и т. д.), мы причисляем к прилагательнообразным: слова *тот* или *та* или *то* стоят здесь в той же синтаксической позиции (— определения к следующему имени существительному), которая типична для прилагательных (сравн. *прошлый год, здоровый человек, тяжелая вещь, большое окно*). А местоимение *он, она, оно* относится, наоборот, к категории существительнообразных местоимений — так как оно не может сочетаться, в роли определения, со следующим именем существительным (невозможны, напр., такие фразы: „Он человек родился в 1910 г." или „Она книга лежит на столе" и т. д.; в этих случаях надо употреблять именно прилагательнообразное — т. е. способное к синтаксической функции определения — местоимение: *тот, та, то* или *этот, эта, это*: напр. *„Тот человек родился"* или *„Этот человек родился"*, *„Та книга лежит"* или *„Эта книга лежит"* и т. д.) Наоборот, местоимение *он, она, оно* заменяет собою существительное, т. е. оказывается просубстантивным (см. об этом термине выше в подстр. прим. к § 33, стр. 53), или, что то же, существительнообразным: напр. *Он принес* (вм. *„Иванов принес"*), *Она сказала* (вм. *„Сестра сказала"*), и т. д.

Примечание 1. На узбекский же язык местоимение *он, она, оно* переводится тем же словом (узбекским местоимением *u* или в традиционном письменном языке — *ul*), что и *том, та, то.* Выбор между обоими данными русскими местоимениями (*он, она, оно* и *тот, та, то* или же *этот, эта, это* и т. д.) предопределяется, следова-

тельно,— при переводах с узбекского на русский — позицией данного узбекского местоимения *u* (или же *şu*, *vu* и т. п.): если *u* (или *şu-vu* и т. п.) стоит перед следующим именем, служа определлнием к последнему (напр. u kişi, u deval, u kitab и т. д.), то по-русски надо будет употребить местоимение *тот, та, то* или (аналогичное с ним по синтаксической функции) *этот, эта, это* (— *тот человек, этот человек, та стена, эта стена, та книга* и т. п.); в противном случае, — когда *u* заменяет собою название предмета (напр. u keldi) порусски надо употребить существительнообразное местоимение *он, она, оно* (он пришел, она пришла и т. п.).

Примечание 2. Однако, формы среднего рода от местоимения *этот, эта, это*, а также от местоимения *тот, та, то* употребляются и в просубстантивном значении (т. е. без следующего определяемого существительного, а наоборот — взамен имени существительного): напр. „*это хорошо, это хорошо, а это плохо*". Кроме того, форма „это" в современном разговорном языке весьма часто выполняет роль „связки" между подлежащим и именным сказуемым, т. е. служит смысловым эквивалентом (ныне уже почти не употребительной в данном значении) формы „есть" (3 л. наст. вр. от *быть*), или же суффикса -dьr / dir в письменном узбекском языке: напр. „Латинизация алфавита это — революция на Востоке" (вместо „Латинизация алфавита есть революция на Востоке", или в письменном узбекском языке Latьncalaşdьrьş şarqdaqь ьnqьlab-dьr).

§ 74. Наряду с вышеуказанным синтаксическим критерием, на основании которого мы проводим различие между прилагательнообразными (напр, *тот, та, то; этот, эта, это*; *какой, какая, какое*; *который, которая, которое*; *такой, такая, такое*) и существительнообразными местоимениями (напр. *он, она, оно*; *я, ты, мы, вы, себя*), можно указать — по крайней мере для некоторых из прилагательнообразных местоимений — и некоторые формальные признаки, сближающие их с категорией прилагательных: таким признаком является наличие свойственных именам прилагательным окончаний (суффиксов) в формах Именительного падежа (суффиксов — *ый* или *ой* - *ая* - *ое*, а в Именительном падеже множественнного числа *ые* или *ие*) таких, напр., прилагательнообразных местоимений, как *который, которая, которое; какой, какая, какое*; *такой, такая, такое*; *самый, самая, самое*[1] и т. п.); а существительнообразные местоимения — напр. *он, она, оно* имеют, наоборот, формы Именительного падежа, сходные (по своим окончаниям) с существительными.

Но нужно сказать, однако, что формальный критерий различия прилагательнообразных и существительнообразных местоимений по присущим тем и другим падежным окончаниям (— суффиксам) применим лишь к известной части относящихся сюда звуковых фактов — т. е. 1) лишь к окончаниям определенного падежа (Именительного и отчасти Винительного), но не к прочим падежам; 2) лишь к известной части прилагательнообразных местоимений.

Так, в большинстве прочих (кроме Именительного) падежей такие существительнообразные местоимения *он, она, оно* или *сам, сама, само* имеют уже падежные окончания, свойственные склонению прилагательных: сравн. Родит. падеж муж. и средн. рода от 1° *он* - *оно* и 2° *сам* - *само*, с одной стороны, и с другой стороны, от прилагательнообразных местоимений 3° *тот, то*; 4° *са́мый, са́мое*:

1° *его́*, 2° *самого́*, 3° *того́*, 4° *са́мого*.

[1] Тогда как существительнообразное местоимение *сам, сама, само*, наоборот, в именительном падеже имеет свойственные существительным суффиксы (— в муж. роде нулевой суффикс — в *сам*, как и в *дом, город, коммунист*; в женском роде — суффикс *а*, как и в *сестра, книга*; в ср. роде — суффикс *о*, как и в *окно, село* и т. д.).

Как мы видим из сравнения этих форм (и из большинства прочих форм склонения данных местоимений), существительнообразные местоимения в косвенных падежах обычно уже не отличаются по падежным окончаниям от прилагательнообразных местоимений.

С другой же стороны, такие — явно-прилагательнообразные по синтаксическсй своей функции местоимения, как *тот, та, то* или *этот, эта, это*, именно в формах Именительного падежа и не имеют присущих прилагательным окончаний (т. е. суффиксов — *ый / ой, ая, ое*).

Мы видим, следовательно, что — вполне точное деление местоимений на существительнообразные и прилагательнообразные — деление, в одинаковой мере обоснованное, как синтаксическими, так и формальными признаками данных местоимений, на деле оказывается невозможным: оба указанных критерия (— синтаксический и морфологическо-формальный), как мы только-что видели, сплошь и рядом не совпадают и оказываются противоречащими друг другу.

В действительности, нам весьма нередко приходится иметь дело, следовательно, с переходными явлениями[1], т. е. с такими местоимениями, которые — в той или иной мере — занимают промежуточное положение между категориями существительнообразных и прилагательнообразных местоимений. Примером такого промежуточного положения может служить, хотя бы, местоимение *сам, сама́, само́* (— несмотря на то, что оно и было отнесено нами к существительнообразным — в отличие от родственного ему и являющегося явно-прилагательнообразным местоимением *са́мый, са́мая, са́мое*): именно,

1) *сам, сама, само* способно употребляться (и весьма часто употребляется в роли определения к существительному или к существительнообразному местоимению): напр. „*Сам* начальник отдал приказание", „Я *сам* пришел", „Ты *сам* ведь говорил это", „Он *сам* это видел" и т. д.;

2) в отличие от личных местоимений *я, ты, мы, вы* местоимение *сам, сама, само* изменяется по родам (в этом, конечно, в свою очередь, можно видеть признак, сближающий это местоимение с прилагательными);

3) большинство косвенных падежей имеет суффиксы прилагательнообразного склонения (т. е. те же суффиксы, которые имеются и в склонении *са́мый, са́мая, са́мое*; различие между падежными формами от *сам, сама́, само́* и *са́мый, са́мая, са́мое* в таких случаях состоит только в различном месте ударения: напр. *са́мого* — родит. падеж (муж. и ср. рода) от *сам, само́*, а *само́го* — родительный падеж (муж. рода и ср. рода) от *са́мый, са́мое*; *самому́* — дательный пад. от *сам, само́*, *са́мому* — дат. пад. от *са́мый, са́мое*; *само́й* — род., дат., твор. и предл. падежи женского рода

---

[1] Не нужно, однако, думать, что все местоимения окажутся в таком положении „переходных или промежуточных явлений" (между категорией существительнообразных и прилагательнообразных). Наоборот, относительно таких, напр., местоимений, как личные местоимения *я, ты, мы, вы* или „возвратное" метоимение *себя*, можно с уверенностью утверждать, что они и в синтаксическом отношении принадлежат к существительнообразным (или просубстантивным), и по формальным своим признакам тоже имеют права на это наименование (так как в своем словоизменении — склонении они не обнаруживают сходства с окончаниями склонения прилагательных. И наоборот, такие местоимения как *какой, какая, какое*; *такой, такая, такое*; *который, которая, которое* и т. п., а равным образом и притяжательные местоимения *мой, моя, мое, твой, твоя, твое, наш, наша, наше, ваш, ваша, ваше, свой, своя, свое, чей, чья, чье, ничей* и т. д. без оговорок могут быть признаны прилагательнообразными — как по синтаксическим своим функциям, так и и по формальной стороне своего словоизменения (— склонения и изменения по родам).

от са́ма, но само́й — род., дат., твор. и предл. падежи женского рода от са́мая и т. д.).

§ 75. Приведем словоизменение (образование трех родовых форм и склонение) некоторых прилагательнообразных местоимений:

Указательные местоимения: *тот, та, то* и *этот, эта, это*[1]

Единственное число

	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.
1 п.	тот	та	то	э́тот	э́та	э́то
2 п.	того́	той	того́	э́того	э́той	э́того
3 п.	тому́	той	тому́	э́тому	э́той	э́тому
4 п.	того́ или тот	ту	то	э́того или э́тот	э́ту	э́то
5 п.	тем	той	тем	э́тим	э́той	э́тим
6 п.	в/о том	в/о той	в/о том	в/об э́том	в/об э́той	в/об э́том

Множественное число
(без различия грамм. родов)

1 п.	те	эти
2 п.	тех	этих
3 п.	тем	этим
4 п.	тех или те	этих или эти
5 п.	теми	этими
6 п.	в/о тех	в/об этих

Примечание. В старом языке со значением *этот, эта, это* употреблялось еще и местоимение *сей, сия, сие* (напр. в род. падеже „*сего года*“, от—*сей год*— „ви јы!“ или же в составе наречия сегодня — см. ниже в главе „Наречия“). Но в современную нам эпоху оно становится почти вовсе неупотребительным (особенно в живой разговорной речи).

Местоимение *весь, вся, всё*; мн. ч. *все*.

	Единственное число			Множествен. число (без различия родов)
1 п.	весь	вся	всё	все
2 п.	всего	всей	всего	всех
3 п.	всему	всей	всему	всем
4 п.	всего или весь	всю	всё	всех или все
5 п.	всем	всею всей	всем	всеми
6 п.	обо/во всем	обо/во всей	обо/во всем	обо/во всех

[1] О вполне нормальной возможности просубстантивного употребления форм среднего рода *то* и *это* — см. выше.

Относительно-вопросительные местоимения *какой* и *который*. Местоимение *какой, ая, ое.*

Единственное число

	Муж. род	Жен. род	Сред. род
1 п.	какой	какая	какое
2 п.	какого	какой	какого
3 п.	какому	какой	какому
4 п.	какого какой	какую	какое
5 п.	каким	какой	каким
6 п.	в каком	в какой	в каком

Местоимение *который, ая, ое*

Единственное число

	Мужск. род	Женск. род	Средн. род
1 п.	который	которая	которое
2 п.	которого	которой	которого
3 п.	которому	которой	которому
4 п.	которого который	которую	которое
5 п.	которым	которой	которым
6 п.	в котором	в которой	в котором

Примечание. По образцу склонения *какой* склоняется и местоимение *такой, такая, такое.*

§ 76. Притяжательные местоимения *мой, твой, наш* и *чей* (*чей* употребляется и в относительном и в вопросительном значениях).

Единственное число

	Мужеск. род	Женск. род	Средн. род	Мужеск. род	Женск. род	Средн. род
1 п.	мой	моя	мое	твой	твоя	твоё
2 п.	моего	моей	моего	твоего	твоей	твоего
3 п.	моему	моей	моему	твоему	твоей	твоему
4 п.	моего мой	мою	мое	твоего твой	твою	твоё
5 п.	моим	моей-ю	моим	твоим	твоей-ю	твоим
6 п.	в моем	в моей	в моем	в твоем	в твоей	в твоем

Единственное число

	Мужеск. род	Женск. род	Средн. род
1 п.	наш	наша	наше
2 п.	нашего	нашей	нашего
3 п.	нашему	нашей	нашему
4 п.	нашего наш	нашу	наше
5 п.	нашим	нашей-ю	нашим
6 п.	в нашем	в нашей	в нашем
1 п.	чей	чья	чьё
2 п.	чьего	чьей	чьего
3 п.	чьему	чьей	чьего
4 п.	чьего чей	чью	чьё
5 п.	чьим	чьею, чьей	чьим
6 п.	в чьём	в чьей	в чьём

Множественное число

1 п.	мои	твои	наши	чьи
2 п.	моих	твоих	наших	чьих
3 п.	моим	твоим	нашим	чьим
4 п.	моих	твоих	наших	чьих
	мои	твои	наши	чьи
5 п.	моими	твоими	нашими	чьими
6 п.	в моих	в твоих	в наших	в чьих

Притяжательное местоимение *ваш* склоняется по образцу *наш,* а возвратно-притяжательное *свой* — по образцу *твой.*

ПРИЧАСТИЯ

§ 77. Причастиями называются слова, прилагательнообразные по своему словоизменению (т. е. изменяющиеся по 3 грамм. родам[1] и склоняющиеся по образцам склонения прилагательных), но образуемые от глаголов: напр. *читающий, дающий, несущий, читавший, давший, принесший, читаемый, читанный, данный, битый, разбитый* и т. д.

Значение русских причастий легко уяснить себе из соответствующих им узбекских эквивалентов, так как узбекский язык, в свою очередь, обладает категорией причастий и именно теми же четырьмя смысловыми разновидностями их, которые существуют и в русских причастиях. Так:

1° русским причастиям *дающий* (м. р. — *дающий,* ж. р. *дающая,* с. р. *дающее*), *берущий, читающий, работающий* соответствуют узбекские berə turqan (в живой узбекской речи — напр. в ташкентском говоре berədigən), ala turqan (ташкентск. alədigən), oquj turgan (ташкентск. oqijdigən, oqujdigən), işləj turqan (ташкентск. işləjdigən);

2° русским причастиям *давший* (м. р. *давший,* ж. р. *давшая,* с. р. *давшее*), *взявший, читавший, работавший* соответствуют узбекские формы bergən, alqan, oquqan, işləgən;

3° русским причастиям *даваемый* (мая, мое), *читаемый,* соответствуют berilə turqan (ташкентск. berilədigən), oqula turqan (ташкентск. oqilədigən).;

4° русским причастиям *данный* (ж. р. *данная,* с. р. *данное*), *взятый, прочитанный, битый* соответствуют узбекские формы berilgən, alьnqan, oqulqan, urьlqan.

§ 78. Ввиду двоякой морфологической природы причастий [—1) их принадлежности к глагольным основам с точки зрения их словообразования; 2) их принадлежности к прилагательным по их словоизменению], нам придется говорить о причастиях в двух разных главах нашего курса:

1) В отделе, посвященном „Глаголу“, где будет описано образование причастий от глагольных основ (и указаны глагольные моменты в их смысловой характеристике: значения времени и залога).

2) В настоящей главе, т. е. в отделе, посвященном „Прилагательнообразным“ словам. Здесь нам достаточно будет оговорить те формальные и смысловые моменты, которые у причастий оказываются общими с прилагательными (— род, падежи, число).

§ 79. Все причастия изменяются по 3 грамматическим родам (но только в единственном числе!) и склоняются — по тем же образцам, т. е. с теми же падежными суфиксами, какие имеют место в склонении прилагательных.

Но зато причастия не имеют ни степеней сравнений, ни наречной формы, которая образовалась бы по образцу наречных форм от прилагательных основ (*светло* от *светлый, свежо* от *свежий* и т. п.).

Большинству причастий чуждо и образование краткой (неполной) формы (какая имеется в словоизменении прилагательных: *велик* от *вели-*

[1] В единственном числе.

кий, силен от *сильный, светел* от *светлый. свеж* от *свежий* и т. д.) Неполные (краткие) формы присущи бывают (в современном русском языке) только причастиям страдательного залога — напр. *дан, бит* и т. п. (см. ниже в разделе „Глагол").

§ 80. Образцы склонения (и изменения по грамм. родам) причастий. (Сравн. те же суффиксы в склонении прилагательных):

1° Склонение причастия *читающий, читающая, читающее*—причастие наст. вр. действ. залога от глагола *читать* (— см. в отделе „Глагол"). По этому же образцу идут и другие причастия с окончанием на *щий, щая, щее* (напр. *знающий, берущий, держащий* и т. д.).

Единственное число

	Мужск. род	Женск. род	Средн. род
1 п.	читающий	читающая	читающее
2 п.	читающего	читающей	читающего
3 п.	читающему	читающей	читающему
4 п.	(сходен со 2-м или с 1-м пад.)	читающую	читающее
5 п.	читающим	читающей-ею	читающим
6 п.	о/в читающем	о/в читающей	о/в читающем

Множественное число

1 п.	читающие
2 п.	читающих
3 п.	читающим
4 п.	сходен со 2-м или с 1-м пад.
5 п.	читающими
6 п.	о/в читающих

2°. Склонение причастия *давший, давшая, давшее* (— т. е. причастия прош. вр. действ. залога от глагола *дать*: см. в отделе „Глагол"). По этому же образцу идут и другие причастия на *ший* (*взявший, читавший, несший* и т. д.).

Единственное число

	Мужеск. род	Женск. род	Средн. род
1 п.	давший	давшая	давшее
2 п.	давшего	давшей	давшего
3 п.	давшему	давшей	давшему
4 п.	сходен со 2-м или с 1-м пад.	давшую	давшее
5 п.	давшим	давшей,-ею	давшим
6 п.	о давшем	о давшей	о давшем

Множественное число

1 п.	давшие
2 п.	давших
3 п.	давшим
4 п.	сходен со 2-м или с 1-м пад.
5 п.	давшими
6 п.	о давших

3° Склонение причастия *читаемый, читаемая, читаемое* (— причастие наст. вр. страдат. залога от глагола *читать*, см. в отделе „Глагол")

По этому же образцу склоняются и прочие причастия на *мый* (*хвалимый, срезываемый* и т. д.).

Единственное число

	Мужеск. род	Женск. род	Средн. род
1 п.	читаемый	читаемая	читаемое
2 п.	читаемого	читаемой	читаемого
3 п.	читаемому	читаемой	читаемому
4 п.	сходен со 2-м или с 1-м пад.	читаемую	читаемое
5 п.	читаемым	читаемой, ою	читаемым
6 п.	о читаемом	о читаемой	о читаемом

Множественное число

1 п.	читаемые
2 п.	читаемых
3 п.	читаемым
4 п.	сходен со 2-м или с 1-м пад.
5 п.	читаемыми
6 п.	о читаемых

4°. Склонение причастий *данный, данная, данное* (— причастие прош. вр. страдат. залога от глагола *дать* — см. в отделе „Глаголов") и *убитый, убитая, убитое* (— причастие прош. времени страдат. залога от глагола *убить*). По этому образцу склоняются и прочие причастия на — *нный* и *тый*.

Единственное число

	Мужеск. род		Женск. род		Средн. род	
1 п.	данный	убитый	данная	убитая	данное	убитое
2 п.	данного	убитого	данной	убитой	данного	убитого
3 п.	данному	убитому	данной	убитой	данному	убитому
4 п.	сходен со 2-м или с 1-м пад.		данную	убитую	данное	убитое
5 п.	данным	убитым	данной, -ою	убитою, -ой	данным	убитым
6 п.	о данном	об убитом	о данной	об убитой	о данном	об убитом

Множественное число

1 п.	данные	убитые
2 п.	данных	убитых
3 п.	данным	убитым
4 п.	сходен со 2-м или 1-м пад.	
5 п.	данными	убитыми
6 п.	о данных	об убитых

ГЛАГОЛ

§ 81. К глаголам относятся основы, обладающие значением процесса действия или становления[1], утверждаемого или отрицаемого (в качестве признака) за тем или другим лицом или предметом. В формальном отношении глаголы характеризуются: 1) образованием видов и 2) спряжением, т. е. словоизменением по временам, наклонениям и лицам, а иногда по родам и числам (— в прошедшем времени и в Сослагательной форме).

ДЕЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 82. Из синтаксических моментов в характеристике каждого отдельного глагола важнейшую роль играет сочетаемость или несочетаемость с прямым объектом — именем в винительном (4-м) падеже (*несу тряпку, бью собаку*).

[1] А также и основы, обозначающие состояние, которое, однако, рассматривается при этом на правах действия (или процесса).

Глаголы, обладающие этой сочетаемостью (с прямым объектом — именем в винительном падеже), например *несу, бью* называются переходными: действие переходит на объект. Не обладающие возможностью подобного сочетания с 4 м падежем — называются непереходными глаголами. В морфологическом отношении понятие переходности имеет лишь отрицательную характеристику — т. е. переходные глаголы не имеют каких-либо суффиксов (или префиксов), которые выражали именно понятие переходности. Известная же часть непереходных глаголов, наоборот, узнается (внешним образом) по наличию суффикса — *-ся* или *-сь* [при чем *ся* произносится *ца* или *ся*, в зависимости от предшествующего суффикса]. Но это не значит, что все, не имеющие *-ся*, глаголы — переходные: среди них будут и переходные, и непереходные: напр., *носить* — переходный, а *сидеть* — непереходный глагол, иначе говоря, переходность положительной формальной характеристики, не имеет.

§ 83. Традиция авторов русских грамматик построила громоздкое деление глаголов по залогам. Нужно заметить, что это было, по преимуществу, именно деление (классификация) глаголов (или глагольных основ) по смысловым их категориям, а не изменение глагола по залогам; к последнему в этом традиционном учении о залогах относилось лишь очень немногое: образование возвратной формы — со страдательным, например, значением (*избивается* от *избивать* в смысле *его избивают*) и аналогичное этому последнему значению—противоположение активных и пассивных причастных форм (т. е. глагольных прилагательных) от одной и той же глагольной основы (например *бивший — битый, избиваемый — избивающий* и т. п.).

Все прочее относилось именно к классификации основ, а не к словоизменению одной и той же основы.

Вот, например, образец традиционного перечня залогов русского глагола:

1) „Действительный залог" (Переходные глаголы). Примеры: *бить* (бью, бил...), *нести* (несу, нёс...), *давить* (давлю, давил...), *тащить* (тащу, тащил...), *купать* (купаю, купал...) и т. д.

2) „Средний залог" (непереходные глаголы), например: *сидеть, смотреть, млеть, сопеть, шуметь, спать* и т. д.

Оба эти залога (т. е. 2 категории глагольных основ) характеризуются отсутствием суффикса *ся* или *сь*: остальные же (нижеследующие три)—наличием этого суффикса:

3) „Возвратный залог" (т. е. глаголы, действие которых направлено на деятеля же, т. е. на субъект, который, следовательно, является в тоже время и прямым объектом действия. Примеры: *мыться* (моюсь, мылся, мылись...), *умываться* (умываюсь, умывался, умывались...), *купаться* (купаюсь, купался, купались...), *одеваться* (одеваюсь, одевался, одевались...), *объедаться* (объедаюсь, объедался, объедались...), *сниматься* (снимаюсь, снимался, снимались...) и т. д. В узбекском языке этим глаголам „возвратного залога" соответствуют глаголы с суффиксом ьn / -in или -n: напр. juv-ьn-maq (juv-ьn-a-man, juv-ьn dь m и т. п.).

4) „Взаимный залог", т. е. глаголы, действие которых предполагает наличие двух, по крайней мере, субъектов, каждый из которых тоже оказывается объектом действия другого. Примеры: *драться* (дерусь, дрался, дрались), *сражаться* (сражаюсь, сражался, сражались), *состязаться* (состязаюсь, состязался, состязались), *целоваться* (целуюсь, целовался, целовались), *бороться* (борюсь, боролся, боролись) и т. д. В узбекском языке этим глаголам „взаимного залога" соответствуют глаголы с суффиксом *ьş- / iş* или *ş*, напр., ur-ьş-maq (ur-ьş a-man, ur-ьş dь m), sək-iş-mək (sək iş-ə-mən, sək-iş-di-lər и т. п.).

5) „Страдательный залог", т. е. глаголы, при которых реальный [фактический] объект оказывается в грамматическом отношении стоящим в позиции субъекта; иначе говоря, глаголы, значение которых имеет в виду

[в качестве процесса] восприятие действия, исходящего от другого лица или предмета; примеры: *побеждаться* (— в смысле „быть побеждаемым“ — например, во фразе „Болезнь *побеждается* хорошим уходом и умелым лечением“), *избиваться* (в смысле „быть избиваемым“) и т. д. В узбекском языке этим глаголам „страдательного залога“ соответствуют глаголы с суффиксом *-ьl*|*il* или *l*, напр., jeŋ-il-mək (jeŋ-il-ə-di, jeŋ-il-di и т. п.), ber-il-mək (ber-il-ə-di, ber-il-di и т. п.).

Наиболее характерными носителями страдательного, или „пассивного“ значения являются, однако, причастия (отглагольные прилагательные), именно особая категория причастий — т. н. „причастия страдательного залога“. Вот почему в тех случаях (фразах), где по общему составу коммуницируемой мысли нужно было бы употребить не причастие, но чисто глагольную форму с пассивным значением, — в виду того, что функции таковых форм в современном русском языке почти сведены на-нет, — на деле употребляется причастие („причастие страдательного залога“), но в сочетании со „связкой“ (напр., *был, были* и т. п.), восстанавливающей, таким образом, требуемое глагольное значение: например: „Они *были* разбиты неприятельскими войсками“ (но не — „Они разбились неприятельскими войсками“ — последний оборот уже невозможен, хотя при некоторых других глаголах такая конструкция еще вполне терпима: например, „Они на наших глазах избивались неприятельскими солдатами“).[1]

И, наконец, 6) „Общий залог“, не имеющий определенной синтаксической характеристики, — сюда относились обычно те глаголы на *ся* или *сь*, которые нельзя было рассовать по прочим трем категориям — рубрикам, т. е. по тем трем залогам, которые предполагают наличие *ся* или *сь*. Пример: *трудиться*.

Недостатки этого деления ясны: здесь 1) смешивается, с одной стороны, деление по чисто смысловым признакам (т. е. деление глаголов без *-ся*|*-сь* на „действительный“ и „средний“ залоги, а также и глаголов на *-ся*|*-сь* по четырем остальным залогам) и с другой стороны — деление по формальному признаку (— глаголы на *-ся*|*-сь* и без *-ся*|*-сь*); 2) смешивается классификация глаголов с классификацией форм от одной и той же глагольной основы [момент классификации глаголов мы здесь встречаем, например, в противоположении Действительного и Среднего залогов, т. е. таких глаголов, как *носить* и *сидеть*; а с классификацией форм от одного и того же глагола мы сталкиваемся здесь в противоположении „Действительного залога“ „Страдательному“, или же „Возвратному“ или „Взаимному“: напр., *наказываю — наказываюсь*[2] (в смысле „я наказываем“) или *мою — моюсь*, или *браню — бранюсь*].[3]

Условившись же, прежде всего, отметить явления формообразования (или словоизменения) по заложным значениям, мы принуждены вполне отделить друг от друга, с одной стороны, заложное формообразование в причастиях (о чем речь будет итти отдельно) и, с другой стороны, то, что найдется из явлений этого рода (— заложного формообразования) в самих чисто глагольных формах. Но к фактам последнего рода, т. е. к заложному формообразованию (или словоизменению) в пределах чисто глагольных форм нам придется отнести, в сущности, только одно явление: противоположение форм на *-ся*|*-сь* формам без *-ся*|*-сь* (от одной и той же глагольной основы), иначе говоря, словоизменение,

---

[1] Сравни также, хотя бы, следующую фразу из самой данной нашей „Грамматики“ (двумя строками ниже на этой же странице): *Сюда относились обычно те глаголы* и т. д. Здесь слово *относились* употреблено в смысле „были относимы“, т. е. с чисто пассивным (страдательным) значением.

[2] Форма редко употребительная, но это относится, как уже сказано, вообще к формам на *-ся*|*-сь* с пассивным значением.

[3] Есть в этой традиционной классификации „залогов“ и другие погрешности (логического характера): например, категория общего залога (см. выше).

состоящее только из двух членов (например, *мою — моюсь, браню — бранюсь, наказываю — наказываюсь* и т. д.).

К тому же в формообразовании этом, как нам не трудно будет убедиться, участвуют далеко не все, а лишь известная часть глагольных основ, — такие, например, как:

мою — моюсь (т. е. мыть — мыться)
купаю — купаюсь (т. е. купать — купаться)
возьму — возьмусь (т. е. взять — взяться)
беру — берусь (т. е. брать — браться)
брею — бреюсь (т. е. брить — бриться)
плачу — плачусь (т. е. плакать — плакаться)
лижу — лижусь (т. е. лижу — лизаться)
целую — целуюсь (т. е. целовать — целоваться)
мариную — маринуюсь (т. е. мариновать — мариноваться)
копаю — копаюсь (т. е. копать — копаться)
забираю — забираюсь (т. е. забирать — забираться)
смотрю — смотрюсь (т. е. смотреть — смотреться) и т. д.

Прочие же глаголы будут представлены или только формами без *-ся / -сь* (например, *лежать, итти: лежу, иду, лежишь, идёшь* и т. д.) или же, наоборот, только формами с *-ся / -сь* (например, *трудиться, тружусь, трудишься, трудился* и т. д.). Это будут, следовательно, глаголы, стоящие вне заложного словоизменения или, иначе говоря, глаголы без залога[1].

Переходя к характеристике этого формообразования, мы условимся называть формы на *-ся / -сь* возвратной формой (термин этот мы основываем на том этимологическом факте, что суффикс *-ся / -сь* по происхождению своему есть ничто иное, как древнее „возвратное" местоимение *ся* — эквивалент современной, более полной его формы *себя*[2]). В противоположность ей (— возвратной форме), другой член данной парадигмы — т. е. форму (данного глагола) без *-ся / -сь* мы будем называть просто не-возвратной формой. Например:

Не-возвратная форма	Возвратная форма
брить (или брею, бреет, бреем)	*бриться* [произносится (британ:а[3] = брицца)] бреюсь, бреется
брать (или беру, берет и т. д.)	*браться* [произносится (брац:а[3] = брацца)] берусь, берется
купать (или купаю, купает и т. д.)	*купаться* [произносится (купац:а[3] = купацца)] купаюсь, купается

Остается определить значение возвратной формы (т. е. суффикса *-ся / -сь*), которое, как не трудно убедиться, будет различным при разных глагольных основах, и представит следующие 3 модификации (в них-то мы и найдем известную аналогию к вышецитированному традиционному исчислению „залогов" на *-ся / -сь*):

1) Возвратная форма с возвратным значением:

Примеры: *моюсь* (мыться), *бреюсь* (бриться)

---

[1] Раз мы условились понимать залог, как формальную категорию (совокупность форм), а не как семантическую группу глагольных основ.

[2] См. выше главу о существительнообразных — местоимениях.

[3] В этом транскрипционном (т. е. передающем посредством условных символов звуковой состав слова) написании двоеточие (:) употреблено для обозначения долготы согласного (т. е. для выражения долгого звука *ц—цц*).

2) Возвратная форма с взаимным значением:

Примеры: *дерусь* (драться), *борюсь* (бороться)

3) Возвратная форма со страдательным (пассивным) значением:

Пример: *избивается* (избиваться) и т. д.

КАТЕГОРИЯ ВИДА

§ 84. В вышеприведенной традиционной классификации по залогам нам пришлось иметь дело (как нами и было указано), главным образом, с классификацией глаголов, как таковых (т. е. глагольных основ), а не с классификацией форм одного и того же глагола (т. е. форм от одной и той же основы). Нечто, совершенно отличное от такой „классификации основ“, мы имеем в так называемых видах глагола, т. е. в варьяциях глагольной основы, смысловой функцией которых служит уточнение глагольного значения с точки зрения законченности (например, *пришел*) или незаконченности — т. е. длительности действия (например, *шел*), а также с точки зрения его однократности (*шагнул* в отличие от *шагал*) или многократности (*хаживал* в отличие от *ходил*).

Однако, есть известные основания рассматривать формацию (образование) видов, как нечто промежуточное между словообразованием и словоизменением (т. е. формообразованием); иначе говоря, условившись рассматривать формацию видов, как формообразование, мы должны, все-таки, назвать его „формообразованием внутреннего порядка“, принципиально противополагающимся спряжению, т. е. системе всего прочего словоизменения (или формообразования) глагола (—по наклонениям, временам, лицам и т. д.).

Именно: образование видов создает несколько вариаций основы глагола, или, вернее, несколько основ одного и того же словарного значения, причем каждая из этих вариаций служит отправным пунктом, или основой спряжения (т. е. основой изменения по временам и наклонениям, лицам, родам и числам). Этому принципиальному противоречию между „формацией видов“ (как „формообразованием внутреннего порядка“) и спряжением как нельзя более соответствует следующее резкое внешнее различие в приемах той и другой системы формообразования: в то время, как спряжение осуществляется исключительно посредством суффиксов и тесно связанных с последними чередований в самой основе, в числе средств образования видов весьма важное место занимает префиксация, т. е. наращение особых (совпадающих обыкновенно по своему звуковому составу с предлогами) формальных морфем перед глагольной морфемой (напр., *по, на* и т. д.: *дал — подал, писал — написал* и т. п.).

Из нижеследующих примеров видно, как одной и той же лексической единице — т. е. единому общему глагольному значению (представлению определенного процесса — например, дарения, бега, несения, писания, решения) соответствуют две и более модификации глагольной лексической морфемы, т. е. две и более основы спряжения, каждая из которых ассоциируется с представлением того или другого вида (т. е. с представлением законченности действия, длительности действия и т. п.); спряжение же у каждой из этих основ (т. е. спряжение по временам, лицам и т. д. в каждом из видов) является, в общем, параллельным к спряжению другой из них (т. е. спряжению по тем же, в общем, временам[1], лицам и т. д., но другого вида):

---

[1] Некоторая разница, и именно во временных значениях, здесь, все-таки, есть: одни и те же, с точки зрения суффиксальной формации, формы в совершенном виде (т. е. со значением законченности действия) имеют смысл будущего времени, а в несовершенном виде (т. е. со значением длительности действия) — имеют смысл настоящего времени; об этом речь будет итти ниже.

П р и м е ч а н и е. От каждой из видовых основ спряжения в каждом глаголе мы условимся приводить (в нижеследующей таблице) по две формы: Прошедшего времени — в родовой форме мужеского грамматического рода единственного числа и „Настояще будущего“ [— или настоящего, или будущего — в зависимости от принадлежности к тому или другому виду] в личной форме 1 лица (единственного числа).

Несовершенный вид:	Совершенный вид:
1) *дари́л — дарю́* (наст. вр.)	*подари́л — подарю́* (буд. вр.)
(о)да́ривал — (о)да́риваю (н. вр.)	*пооде́ривал—пооде́риваю* (буд. вр.)

Последние две формы (*поодаривал — поодариваю*) надо причислить к весьма редко употребительным, все-же потенционально они должны считаться допустимыми в русской морфологии.

2) *бежа́л — бегу́* (наст. вр.)	*при-бежал — при-бегу* (буд. вр.) или
бе́гал — бе́гаю (наст. вр.)	*по-бежа́л — по-бегу́*
$\frac{\text{при}}{\text{в, от, у}}$ бега́л[1] — и т. д.	*при-бе́г-нул — прибе́гну* (буд. вр.)
	прибежал — прибегу или
*при*бегаю *в*бега́ю, *от*бегаю, *убе*гаю (наст. вр.) и т. д.	*в-бежал — в-бегу* (буд. вр.) и т. д.
3) *нёс — несу* (наст. вр.)	*принёс — принесу* (буд. вр.)
носил — ношу (наст. вр.)	*внёс — внесу* и т. д.
$\frac{\text{при}}{\text{в, от, у}}$ носил[2] — и т. д.	*понёс — понесу* (буд. вр.)
	поносил — поношу́ (буд. вр.)
$\frac{\text{при}}{\text{в, от, у}}$ ношу (наст. вр.) и т. д.	
нашивал (донашивал)	*пона́шивал*
4) *писал — пишу* (наст. вр.)	*написал* (записа́л) — *напишу* (запишу) (б. вр.)
пи́сывал — за́писывал	*пописа́л — попишу́*
	писну́л — писну́ (буд. вр.)
5) *реша́л — реша́ю* (наст. вр.)	*ре́шил — решу* (буд. вр.)
разреша́л — разреша́ю и т. п. (наст. вр.)	*разрешил — разрешу* и т. п. (б. вр.)

Перед тем, как формулировать общие положения, остановимся на разборе вышеприведенных или подобных им примеров, именно образований со значением вида от 5 лексических единиц (5 глагольных морфем с определенным значением того или другого действия): *дарить, бежать, нести, кричать, телеграфировать.*

---

[1] Т. е. *прибегал* или *вбегал* или *отбегал* или *убегал* и т. д.
[2] Т. е. *приносил* или *вносил* или *относил* или *уносил* и т. д.

П е р в ы й п р и м е р: глагол *дарить*. Помещенные влево от черты формы (как и во всех нижеследующих примерах) имеют значения н е с о в е р ш е н н о г о вида, т. е. значения длительности действия; а помещенные вправо от черты — значение с о в е р ш е н н о г о вида (— законченности действия). В связи с этим, спрягаемые по лицам формы (на *у* или *ю* для 1 лица, $\frac{и}{е}$ *шь* — для 2 лица, на $\frac{и}{е}$ *т* для 3 лица и т. д.) имеют в первом случае (налево от черты) значение настоящего времени (— одновременности действия глагола с процессом говорения), а во втором случае (направо от черты) — значение будущего времени (т. е. совершение действия, о котором идет речь, предполагается после момента говорения). Действительно: *дарю* и *одариваю* [беспреффиксального настоящего к прошедшему *даривал*, т. е. формы **дариваю*, нельзя образовать] — это настоящее время; а *подарю* или аналогичное этому *подарю* сложение *дарю* с другим префиксом, например, *раздарю* — будущее время. Точно также будущим сознается и форма *поодариваю*, которую хотя и нельзя считать нормальной в статистическом отношении, все-же приходится признавать соответствующей общим схемам русского морфологического мышления и п о т е н ц и а л ь н о - д о п у с т и м о й (значение этого *поодариваю* заключает в себе завершение акта, предстоящего в будущем и долженствующего несколько раз перед тем повториться — в виде одаривания нескольких или многих лиц).

Элементарная формация основы (имеющаяся в *дарил*, *дарю*) сама по себе ассоциируется со значением несовершенного вида; это и служит принадлежностью данной основы глагола (т. е. глагола „*дарить*“), который — при изучении русского языка — следует усваивать именно со включением данного смыслового признака (— видового значения н е с о в е р ш е н н о г о вида), который поэтому должен быть указываем и в словарях русского языка (т. е. глагол *дарить* должен быть отмечаем — в словарях русского языка, — как обладающий значением н е с о в е р ш е н н о г о вида). Это значит, что простейшие по структуре формы[1], каковыми являются — для времен, взятых у нас в виде постоянных примеров [прошедшего и наст.-будущего] — *дарил* и *дарю*, будут восприниматься представителем русского языка, как несовершенный вид и при том без добавления (т. е. уточнения) к этому видовому значению признака многократности.

А для того, чтобы выразить (для данного глагола) иные видовые значения — как-то, например, значение совершенного вида[2] или же, наоборот, значение несовершенного же вида, но с осложнением (или уточнением) его в качестве представления многократности действия, нужно прибегать уже не к элементарной формации[3], а к особым внешне-выразительным (формационным) средствам, именно к префиксации, т. е. к присоединению (спереди — к глагольной морфеме) префиксов, или приставок (например *по*), или же наоборот, к суффиксации: первое мы встречаем, например, в *подарил*, *подарю* (совершенный вид), второе в *даривал* (или *одаривал*), *одариваю*.

П р и м е ч а н и е. Между прочим, в таких индивидуальных особенностях (как отсутствие того или другого видового образования у данного глагола) отдельных глаголов и состоит то, что, между прочим, позволяет, до и з в е с т н о й с т е п е н и, рассматривать образование видов, как словообразование, а не формообразование.

[1] Формы без префиксов и без особых видообразующих суффиксов (напр. — *ыва-*/*-ива-*).

[2] Или, в качестве смыслового задания глагольной основы, может быть названо еще значение совершенного вида с уточнением или дополнением к нему в виде представления о д н о к р а т н о с т и действия; от данного, однако, глагола (*дарю*, *дарил*) формы с этим значением не образуются (впрочем, искусственно — по общей схеме или, что то же, по аналогии к другим глаголам, их можно построить: это будут **дарнул*, и **дарну*; но употребление их невозможно).

[3] Элементарной формацией мы называем такую формацию глагольной основы, которая лишена префиксов или особых видообразующих суффиксов (*-ыва-*/*-ива-* и т. п.).

Обратимся сначала к первой из этих формаций, к образованию совершенного вида посредством префикса (или приставки).

Этот,— один из двух основных способов выражения значения совершенного вида применим, разумеется, в том случае, когда имеется налицо, в виде исходного пункта для этого образования, беспрефиксальная основа (данного глагола), обладающая сама по себе, наоборот, значением несовершенного вида (напр., основа *пишу — писал*), от которой путем приращения того или другого префикса (приставки) получаются формы совершенного вида: (напишу, написал, запишу, записал, попишу, пописал). Второй способ выражения значения совершенного вида,— принципиально отличный от только-что описанного первого,— основывается, наоборот, на том, что некая глагольная основа сама по себе имеет значение совершенного вида (как например основа *решу, решил* в отличие от *решаю, решал*).

Итак в первом из взятых нами примеров форма *подарил, подарю* может быть названа префиксальным образованием совершенного вида (от основы несовершен. вида — *дарил, -дарю*). Однако, кроме префикса *по-*, с тем же морфологическим результатом могут быть употреблены, разумеется, и другие префиксы (приставки): напр., *на-* (надарю, надарил) *за-* (задарю, задарил), *от-* (отдарю. отдарил) и т. п. При всех этих наращениях видовое значение глагола изменяется — из несовершенного вида получится вид совершенный (и соответственно этому, из настоящего времени получится будущее). Но несмотря на это, между формой *подарю, подарил*, с одной стороны, и сочетаниями с прочими префиксами (— приставками), как-то *надарю, задарю, одарю, отдарю, надарил, задарил, одарил, отдарил*, с другой стороны, мы найдем и крупное принципиальное различие: в первом случае (в основе подарю — подарил) префикс (*по-*) имеет только морфологическую значимость, служа исключительно лишь для выражения совершенного вида (которого для данного глагола, нельзя образовать иначе, как приемом префиксации), а во втором, т. е. при других префиксах кроме *по* (т. е. надарю — надарил; задарю — задарил и т. д.), помимо того же морфологического значения (— совершенного вида), примышляется еще и определенное словарное — семасиологического, а не морфологического порядка — представление, составляющее индивидуальную принадлежность данного префикса-приставки (напр. в форме *отдарю — отдарил* — представление о возвратности акта дарения, т. е. о том, что данным подарком возмещается подарок, сделанный перед тем лицу дарящему и т. п.).

Итак, настоящей формой совершенного вида для глагола *дарить* следует считать именно лишь конструкцию с префиксом *по-* (подарю, подарил), прочие же формы (отдарю, надарю, одарю, отдарил, надарил, одарил и т. д.) будут уже иными в семасиологическом отношении словами (по отношению к глаголу *дарить*), т. е. формами от глаголов *отдарить, подарить, одарить* и т. д.

При такой ситуации (когда наличие префикса уже подразумевает значение совершенного вида), естественно, конечно, ожидать наличия особой конструкции для выражения несовершенного вида при таких префиксах-приставках, как *от, о* и т. д., т. е. от глаголов *отдарить, одарить* и т. д. Эта потребность удовлетворяется уже нового порядка — не префиксальным, а суффиксальным — образованием: формами *одариваю, отдариваю* (— разумеется, уже со значением настоящего, а не будущего времени) — *одаривал, отдаривал* и т. д., при чем основное видовое значение — несовершенного вида — сочетается в этих формах с потенциальной примышляемостью второстепенного видового значения — многократного вида. Но если возможны такие ряды форм, как *одарю, одарил — одариваю, одаривал, отдарю, отдарил — отдариваю, отдаривал* и т. п., то от формы *подарю — подарил* такое образование несовершенного вида, т. е. *подариваю, *подаривал, разумеется, невозможно: невозможно именно по-

тому, что не нужно: не нужно потому, что в языке уже есть форма с данным значением (несовершенного вида), — именно исходная форма: *дарю, дарил.*

В случае же отсутствия префикса, т. е. при опущении префикса *о-* или *от-* из форм типа *одариваю — одаривал, отдариваю — отдаривал,* мы получаем форму с второстепенным видовым значением — именно значением многократного вида: *даривал*[1]. Форма эта (*даривал*) никак не может считаться частоупотребительной [хотя признать ее наличие в языке необходимо: сравн., напр., в песне о „Ваньке Ключнике" Всеволода Крестовского:[2] „Он не даривал княгине ни монист, ни кумачу, а ведь льнула же к детине, как сорочка ко плечу"] особенно если сравнить с ней употребительность префиксальных конструкций несовершенного вида *одаривал, отдаривал* и т. п. (о которых мы говорили выше). Эта неодинаковость в правах гражданства (т. е. в степени употребительности) беспрефиксальной (*даривал*) и префиксальных (*одаривал, отдаривал*) форм, в свою очередь, объясняется тем, что простая основа *дарил — дарю* содержит уже в себе потенциальное значение многократности действия (обнаруживающееся именно в прошедшем времени: *дарил*), — поэтому *даривал* приходится употреблять лишь в редких специальных случаях, когда требуется специфическое подчеркивание идеи многократности; а с префиксальными формами (*одаривал* и т. д.) дело обстоит, конечно, иначе: здесь нет другой основы, которая выражала бы несовершенный вид (при наличии значения данного префикса).

Второй пример: глагол *бежать / бегать.* Данный глагол, (т. е. лексическая единица, соответствующая значению узбекского jygyr-mək) имеет две элементарных основы, при чем обе они относятся к несовершенному виду, хотя и различаются по второстепенным моментам видовых значений; элементарные основы эти — 1) *бежа́ть* (бежа́л — бегу́ [наст. вр.]) и 2) *бе́гать* (бе́гал — бе́гаю [наст. вр.]). Различие в значении их состоит в том, что первая основа (бежа́ть, т. е. бежа́л, бегу́) лишена всякой ассоциации с идеей повторяемости действия, т. е. имеет в виду один лишь [и при том, конечно, незавершенный — ибо в этом и состоит значение несовершенного вида] акт действия — именно бега; вторая же (бе́гать, т. е. бе́гал, бе́гаю), наоборот, содержит в себе представление незаконченной [ибо это опять-таки несовершенный вид] повторяемости данного действия, т. е. определенным образом ассоциируется со значением многократности действия, хотя и ничего общего не имеет с особым формальным выражением многократного вида (представленного в ха́живал и т. п.).[3]

Образования же совершенного вида — ввиду отсутствия соответствующей (т. е. обладающей значением совершенного вида) основы — все целиком относятся к префиксальным формациям[4]. При этом на первом месте — как по частоте употребления, так и по относительной

[1] Зато соответствующую форму наст. времени — **дариваю* я позволяю себе здесь вовсе не называть и считать несуществующей, так как на практике с ней не приходится иметь дела.

[2] Автора известного романа „Петербургские трущобы"; цитируемая песня стала уже народным достоянием.

[3] В связи с наличием этой ассоциации (— идеи многократности) у данной элементарной основы (бе́гал, бе́гать) становится понятным и отсутствие специального образования многократного вида у данного глагола, т. е. формы вроде **бегивал* или т. п.: это образованне в данном случае было просто — ненужным, так как соответствующее значение вполне достаточно могло обслуживаться основой *бе́гал — бе́гаю.*

[4] Хотя это не означает того, что всякое префиксальное образование от *бежа́ть* или *бе́гать* должно обладать значением совершенного вида: см. ниже.

простоте значений — стоят префиксальные формации от первой из двух вышеприведенных основ — от основы бежал — бегу (а не от бегал — бегаю). От нее образуются:

а) Формации с различными префиксами, вносящими дополнительное лексическое значение — именно, например, с префиксами *у, до, за, при, с, вы*[1] и т. д.: получаются формы, или точнее новые основы совершенного вида —

убежал — убегу (буд. вр.)
добежал — добегу (буд. вр.)
забежал — забегу (буд. вр.)
прибежал — прибегу (буд. вр.)
сбежал — сбегу (буд. вр.)
выбежал — выбегу (буд. вр.)

Значение каждой из этих новых основ слагается, следовательно, из трех элементов:

1) основного лексического значения глагола (соответствующего узбекскому jygyr-[mək]);

2) видового значения совершенного вида, — притом, понимаемого в самом элементарном смысле — в смысле законченности самого данного действия (а не процесса, слагающегося из ряда данных актов, или т. п.);

3) второстепенного лексического значения, привносимого данным именно префиксом (напр., в *убежал — убегу* — значение удаления от известного пункта, в *прибежал — прибегу*, наоборот, — значение приближения и (в связи с совершенным видом) достижения данного пункта и т. д. и т. д.);

б) Формация побежал — побегу (буд. вр.) с префиксом *по-*, который здесь (как и в массе видовых образований от других глаголов) имеет не лексическое, а лишь морфологическое значение, сводящееся к представлению законченности начала данного акта (— действия *бега*).

Но этим совокупность видовых основ префиксального образования (от данного глагола) далеко еще не исчерпывается; можно назвать:

1. Формы несовершенного вида, получающиеся от сложения второй элементарной основы (бегал — бегаю) с префиксами *у, за, до, при, вы, в, с* и т. п. (с префиксом без ударения), т. е. *убегал — убегаю* (наст. вр.), *забегал — забегаю, добегал — добегаю, прибегал — прибегаю, обегал — обегаю, выбегал — выбегаю, вбегал — вбегаю, сбегал — сбегаю* и т. д.

2. Формы совершенного вида с префиксом *по* (без лексического значения): побегал — побегаю; и наконец, —

3. Образование однократного вида от одной из упомянутых в 1 основ несов. вида — именно от основы прибегал — прибегаю, но уже в ее вторичном лексическом значении (когда прибегать [= прибегал — прибегаю] употребляется уже не для обозначения фактического действия *бега*, а в таких, например, фразах, как „он прибегает к нашей помощи“):

---

[1] Причем при присоединении *вы-* ударение переносится на этот префикс.

получается, следовательно, — прибегнул — прибегну (буд. вр.), напр., во фразе „Он прибегнул к испытанному средству“.[1]

В 1 категории, т. е. в основах несовершенного вида: убегал — убегаю и т. д. — мы имеем дело, следовательно, лишь с лексическим значением присоединяемых префиксов: нового морфологически-смыслового момента они не вносят — так как глагол по прежнему остается в несовершенном виде (ср. *бе́гал* и *убе́гал*, *бе́гаю* и *убе́гаю*); наоборот, при присоединении к первой из элементарных основ (бежал — бегу) эти префиксы вносят, как мы уже видели выше, и новое видовое значение;

В категории 2 (побе́гал — побе́гаю, а также сбе́гал — сбе́гаю) префикс *по*, resp. префикс *с*, наоборот, (т. е. в отличие от *у* в убега́л, убега́ю и т. п.) играет морфологически-смысловую роль, т. е. превращает основу (бе́гал — бе́гаю) в совершенный вид (— *побе́гал — побе́гаю, сбе́гал — сбе́гаю*). Однако, эта формация совершенного вида с префиксом *по* имеет совсем особое значение, вполне отличное от вышерассмотренной основы *побежа́л — побегу́*: именно, *побе́гал, побе́гаю* означает завершение процесса, состоящего из ряда актов данного действия. А *сбе́гал — сбе́гаю* (вполне отличное от *сбега́л — сбега́ю*) означает, наоборот, завершенность однократного действия.

И, наконец, в 3 категории — т. е. в прибегнул — прибегну (как и в одном из значений *прибегал — прибегаю*) мы имеем дело уже с новым лексическим образованием (— нового по основному значению глагола), а вместе с тем и с случаем обычной формации однократного вида (с суффиксом *-ну- / -н-*: *прибе́гнул — прибе́гну*).

Третий пример: глагол *нести* (несу, нёс). Глагол этот располагает тремя (беспрефиксальными) основами, каждая из которых предназначена для особого видового значения:

1) Основа *нёс — несу* (наст. время), т. е. простая (элементарная) форма несовершенного вида: в ней мыслится — на правах длительного и незаконченного процесса — акт данного действия (несения), притом действия однократного (ср. значения узбекской формы bara jatьrman или в разговорном ташк. говоре barvatmən, в других говорах bɔrjəppən и т. п.; а равным образом — значение соответствующего прошедшего — напр., ташк. barvatkəmmən).

2) Основа *носил — ношу* (наст. время). Смысловые ее отличия от предшествующей основы (нёс — несу) состоят в следующем: а) отсутствует представление однократности данного акта (несения), а в связи с этим, данная основа (носил — ношу) находит свое фактическое употребление весьма часто — и даже преимущественно — тогда, когда оказывается наличной реальная многократность акта несения (напр.: мальчик каждый день *носил* (или носит) отцу завтрак в поле); б) тем не менее, идея многократности действия не служит постоянным, или обязательным, моментом в значении данной основы (сравни, например, я только один раз носил ему передачу), и следовательно, в качестве длительного и незаконченного мыслится здесь не единый акт действия (— несения) [как это имеет место в основе *нёс — несу*], а про-

---

[1] Конечно, здесь мы имеем дело уже с отрывом от лексической единицы глагола *бежа́ть — бе́гать* (|| узб. „jygyr“), т. е. уже с новым лексическим образованием нового по основному своему значению глагола (*прибе́гнуть*).

В формации *прибегать* (*прибегал — прибегаю*) потенциально мыслимы оба словарных значения: напр. а) *он прибегает ко мне домой* (сравн. *он вбегает ко мне в комнату, он взбегает наверх по лестнице* и т. д.), б) *он постоянно прибегает в случаях нужды к нашей помощи* (сравн. *как только стала угрожать опасность, он прибегнул к нашей помощи*).

цесс, состоящий из актов этого действия, хотя и без подчеркивания многократности этих актов (что мы имеем, наоборот, в значении третьей основы: *нашивал*). Иначе говоря, основа *носил — ношу* предназначается для тех случаев, когда представление действия (в принципиальном значении данной видовой формы) не уточняется признаком однократности или, наоборот, многократности, а потому она может употребляться и в применении к единому акту, и в применении к сложному процессу, состоящему из ряда повторных актов несения; и в том, и в другом из этих двух случаев (т. е. и тогда, когда *носил — ношу* говорится про процесс ввиде ряда повторных актов несения) данная основа сохраняет значение несовершенного вида, т. е. в значении ее отсутствует представление законченности (и результата) данного акта или процесса: ср. напр. фразу „носил, но недонёс".

3) Третья основа — *нашивал* (я не привожу соответствующей этому прошедшему формы наст. времени — **нашиваю*, хотя теоретически она и является возможной)[1]; эта основа, в отличие от предыдущих, ассоциируется именно лишь со значением многократности, т. е. здесь (в форме *нашивал*) в качестве длительного и незаконченного процесса мыслится процесс, состоящий из ряда повторных актов несения (а не просто данный акт, не единое действие несения).

От каждой из этих трех основ (*а, б, в*) образуются, посредством присоединения префиксов, соответствующие формы совершенного вида; при этом наблюдаются следующие особенности каждого из этих образований:

а) от первой основы (*нес — несу*) формы совершенного вида получаются путем наращения любого префикса (приставки): с одной стороны, мы встречаем, напр., такие образования (со значением совершенного вида, конечно), как *принёс*, *унёс*, *донёс*, *принесу* (буд. вр.), *унесу* (буд. вр.), *донесу* (буд. вр.); с другой стороны имеем формы с префиксом *понёс — понесу* (буд. вр.). В последней форме значение префикса *по-* тождественно с его значением в *побежал — побегу* (см. выше), то же значение[2] имеют данного рода формы с *по* и от других глаголов, обладающих значением длительного движения, напр. *поплыл — поплыву* (от плыл — плыву), *пошёл — пойду* (от шёл — иду), *поехал — поеду* (от ехал — еду), и т. д.

б) При второй основе (*носил — ношу*) форму совершенного вида дает один лишь префикс *по-*; остальные же префиксы (приставки) — напр. *при-*, *у-*, *до-* и т. д. — лишь привносят свое материальное (словарное) значение, но не видоизменяют грамматического, т. е. видового значения основы, а потому, следовательно, формы *приносил — приношу, уносил —*

---

[1] Сравни *хаживал — хаживаю*; это — такая же основа многократного вида (только от другого совсем глагола), как и *нашивал*. [При этом напомним, что рядом с этой основой многократного вида (*хаживал — хаживаю*) существуют 1) основа *шёл — иду*, — соответствующая второй основе *нёс — несу* рассматриваемого нами здесь глагола, т. е. основа несов. вида, и производная от нее (вторичная) основа сов. вида *пошёл — пойду*, соответствующая основе *понёс — понесу* от рассматриваемого нами глагола [и ряд других, специфицировавшихся по своему лексическому значению основ сов. вида: *пришёл — приду*, *ушёл — уйду* и т. д.: сравн. ниже *принёс—принесу*, *унёс — унесу* и т. д.], 2) основа несов. вида *ходил — хожу*, точно соответствующая основе *носил — ношу* от рассматриваемого нами глагола, и наконец 3) вторичная основа сов. вида *походил — похожу*, обладающая точно той же спецификацией видового значения, какая характеризует соответствующую ей основу *поносил — поношу*]. Ср. также *сказывал — сказываю*.

[2] Т. е. значение однократности действия и завершения того акта, которым начинается длительный процесс несения (однократного); *побежал* — означает, что начался процесс бега (однократного).

уношу, доносил — доношу, и т. п. остаются формами несовершенного вида (а сообразно с этим и временное значение у *приношу, уношу, доношу* будет значением настоящего времени, а не будущего).

Но в отличие от *понес — понесу* основа сов. вида *поносил — поношу* в качестве законченного процесса рассматривает не начало единичного акта несения, но наоборот — процесс, состоящий из ряда этих актов; иначе говоря, *поносил* означает, что был и закончился период, в течение которого имел место ряд актов несения.

в) То же следует сказать и о префиксациях к 3-й основе (*нашивал*): *донашивал, занашивал* и т. п. остаются формами несовершенного вида, но *понашивал*[1] — это форма совершенного вида от многократного вида, имеющая, следовательно, значение законченности процесса, состоящего из ряда повторных (т. е. многократных) актов данного действия.

Четвертый пример: глагол *кричать.* Основ, допускающих беспрефиксальное употребление, — две: 1) основа несовершенного вида: *кричал — кричу* (наст. вр.); 2 *крикнул—крикну* (буд. вр.) со значением совершенного однократного вида, т. е. основа, специально служащая для выражения однократности действия[2]; сравни такие же формы на *нул-, ну* с тем же видовым значением (— однократного вида) от других глаголов: *плюнул — плюну* (буд. вр.), *толкнул — толкну* (буд. вр.), *двинул — двину* (буд. вр.) и т. д.

Префиксальные формы от первой основы имеют уже значение совершенного вида (*закричал — закричу* (будущее вр.) и т. д,), а так как возникает естественная потребность и в формах несовершенного вида с тем же материальным осложнением глагольного значения, т. е. с тем же префиксом, то для удовлетворения этой потребности используется третья основа, имеющая ту же конструкцию, какую имеют основы многократного вида в других глаголах, — именно — *крикивал*: получается — *выкрикивал — выкрикиваю* (наст. время). Вне только что указанной потребности, т. е. без префикса, эта форма *крикивал* не употребляется (хотя теоретически она и могла бы быть приемлема, как форма многократного вида).

Пятый пример: В качестве последнего примера я позволю себе взять один или два из дефективных в отношении видообразования глаголов, каковыми чаще всего являются глаголы с иностранной коренной морфемой — напр. глагол *телефонировать* или глагол *телеграфировать.* Беспрефиксальной основе (т. е. формам *телефонировал — телефонирую,* или *телеграфировал — телеграфирую*) потенциально свойственны оба основных видовых значения: и несовершенного, и совершенного вида[3], а в связи с этим форма *телефонирую* или *телеграфирую* может употребляться и в значении настоящего времени, и в значении будущего времени. Но кроме того возможно и вполне явное выражение совершенного вида — посредством присоединения префикса: *протелефонировал* (прош. вр. сов. вида) — *протелефонирую* (буд. вр. сов. вида) или *протелеграфировал* (прош. вр. сов. вида) — *протелеграфирую* (буд. вр. сов. вида).

---

[1] Напр. во фразе: *На своем веку он понашивал не мало и халатов азиатских, и лохмотий арестантских.* Но конечно, *понашивал* — это чрезвычайно редко встречающаяся форма. На практике она может понадобиться исключительно редко — уже потому, что почти с тем же значением употребляется и форма *поносил* (см. предыдущий пункт).

[2] Ср. значение узбекских глаголов в сочетании с предшествующим bir (напр. bir urdь) Эта комбинация (bir + глагол) дает наиболее точное представление о значении русского однократного вида.

[3] Сравн. напр. „*Я только что начал телефонировать Ивакову о том, что произошло, как потерпевший вваливается в мою комнату*" (здесь, конечно, *телефонировать* имеет значение несовершенного вида) и, с другой стороны, „*я уже телефонировал ему*" (или „я уже телеграфировал ему"), „я и вчера телеграфировал ему и сегодня".

Но префиксальные образования — напр. *протелефонировал — протелефонирую* (буд. вр.) будут, по общему правилу, иметь только значение соверш. вида.

§ 85. Из беглого просмотра вышеприведенных примеров видообразований для читателя становится ясным, что формации видов русского языка оказываются настолько индивидуально-разнообразными, что приходится прямо сказать: грамматика (морфология) не может брать на себя задачу обучить производству и употреблению видовых форм от более или менее значительного числа русских глаголов: это — дело словаря, но при этом, разумеется, не обычного, конечно, словаря, где (как например в обыкновенном русско-узбекском или русско-татарском словаре) приводятся видовые формы в одиночку, без сводки их в гнездо „одного глагола“ (или одного глагольного значения) — каждая на своем алфавитном месте (например после „*решаю*“ идет ряд совершенно других слов — например, „*решётка*“ и т. д., после чего только мы наталкиваемся на форму „*решу*“), а особого, специально для данного рода целей составленного „Грамматического словаря“, где каждый глагол (ввиде совокупности различных видовых форм или основ) характеризуется особой формулой, указывающей видовое значение каждой из его основ.

§ 86. В узбекском языке смысловым эквивалентом для русского несовершенного вида в настоящем времени можно считать форму так называемого Прогрессива[1] — bara jatьrman, qьla jatьrman, kelə jatьrman и т. д. (в живых говорах также barvatmən, qivatmən, kevatmən и т. д.; barapmən, qilapmən, kelapmən и т. д.; barjəppən и т. д.).

Прошедшее время несовершенного вида в ряде случаев может быть выражено формой на *-ar edi* (*-m, ŋ...*) *-ər edi* (*-m, -ŋ...*) *-r edi* (*-m,-ŋ*) (см. однако § 87).

Для совершенного же вида русского языка переводными эквивалентами в узбекском языке весьма часто являются конструкции с *qoj-* (qoj-maq „класть“), или же с *qal-* (qal-maq „остаться“) в качестве вспомогательного глагола. Приэтом *qoj-* обычно употребляется после переходных, а *qal-* после непереходных глаголов: например — 1) icip qojdьm — я выпил; 2) ketip qaldь — он ушел.

Говоря о подобных смысловых эквивалентах для русских видовых значений в узбекском языке, нужно, однако, помнить, что о точном соответствии между русской системой выражения видовых значений и их выражением в узбекском языке не может быть речи.

Главное принципиальное различие между обоими языками состоит в данном отношении в том, что в русском языке глагол (в любой глагольной форме) всегда содержит в себе признак (значение) того или другого из двух основных видов[2] (или несовершенного или совершенного), тогда как в узбекском языке в громадном большинстве случаев глагольная форма не имет видового значения (т. е. значение данной формы не уточнено признаком совершенного или несовершенного вида); иначе говоря. целый ряд узбекских глагольных форм стоят вне видообразования.

Так, например, „простое прошедшее“ (Praeteritum [—„претеритум“], по латинской лингвистической терминологии) — например, bardь, jyrdi, keldi, oqudь, jedi и т. п., само по себе не содержит спецификации (уточнения) по моменту видового значения, но может быть употребляемо и для законченного и для незаконченного действий. И лишь в том случае, когда говорящий имеет в виду подчеркнуть момент данного видового значения (— несовершенного или совершенного), он прибегает к вышеназванным окказиональным эквивалентам обоих данных русских видов

---

[1] От латинского progressus — progressivus; я применяю термин „прогрессив“ к данным формам узбекского языка (bara jatьrman, qьla jatьrman и т. д.) по аналогии к употреблению этого термина в английской грамматике — для соответствующих по значению форм английского языка (J am going и т. д.).

[2] Исключением являются лишь очень немногие глаголы нового (иностранного) происхождения: напр. *телефонировать* и т. п. (см. последний пример § 84) — которые действительно не имеют вида.

(например, для совершенного вида — к конструкции с *qoj-* или с *qal-*: например, jep qojdi вместо jedi, ketip qaldь вм. ketdi и т. п.).

Кроме того добавим, что одно из специфических значений совершенного вида выражается в живых узбекских говорах посредством конструкции с глаголом *вег-*(ber-mək): например, ketə berdi (в живом произношении ketəverdi, ketəvirdi, ketəvyrdi и т. п. в зависимости от говора). Это—значение начала данного длительного действия, по-русски выражающееся такими основами совершенного вида с префиксом *по*, как *поплыл—поплыву, пошел—пойду, побежал—побегу* и т. д. (мы уже говорили, что совершенный вид в этих глаголах имеет ввиду з а к о н ч е н н о с т ь н а ч а л а процесса — несмотря на то, что сам этот процесс не мыслится завершенным, и наоборот имеет характер длительного акта). Наконец, для выражения русского совершенного вида (в его простом значении) могут быть употреблены и узб. сочетания с другими глаголами (в роли „вспомогательного")—напр. с глаголом өt-mək (буквально: „проходить (мимо), миновать"); пример—Lekin şunь ajtьв өtəmən-ki... „Но я скажу о том, что..." Об этих приемах, однако,—в виду их семантической сложности — придется говорить не здесь, а в „Грамматике узбекского языка" (Батманова и Поливанова).

§ 87. Равным образом и второстепенные видовые значения [1] — многократного и однократного видов — имеют лишь окказиональное выражение (т. е. могут быть и невыраженными в узбекских переводных эквивалентах данной фразы), и при этом выражаются посредством тех же конструкций, которые служат для выражения несовершенного и совершенного видов.

Так значение многократного вида выражается формами на *-ar edi* (*-m, -ŋ...*), *-ər edi* (*m, -ŋ...*), *-r edi* (*m, -ŋ...*): например, barar edim и т. п., хотя необходимо помнить, что эта конструкция служит также и для передачи других значений, употребляясь: 1) в качестве переводного эквивалента для русского сослагательного (*пришёл бы* и т. п.) и 2) для выражения просто несовершенного вида (без значения многократности).

А кроме того специальным выражением значения однократного вида может служить сложение глагола с предшествующим bir („один"): например, bir urdьm (буквально: „раз ударил") и т. п. [2]

ДЕЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

§ 88. Формы, образуемые от каждой глагольной основы (обладающей своим определенным видовым значением), делятся на следующие категории:

I) Чисто глагольные формы, или формы спряжения; к ним относятся следующие группы форм, которые принято называть „наклонениями":

1. П о в е л и т е л ь н о е наклонение: напр., *иди, брось, идите, бросьте* (узбекские эквиваленты: bar, jyr, taşla, barьŋ, jyriŋ, taşlaŋ).

2. И з ъ я в и т е л ь н о е наклонение: сюда принадлежит главная масса чисто глагольных форм; особенностью изъявительного наклонения является спряжение по временам — т. е. наличие форм, различающихся

---

[1] Которые, впрочем, и в самом русском языке — как мы выше видели (в § 84) — оказываются выраженными далеко не во всех, а лишь в известном, сравнительно небольшом количестве глагольных основ.

[2] Позволю себе привести здесь (в качестве отдаленной параллели к узбекскому приему выражения однократности) гипотетическую этимологию русской формации с суффиксом *-ну*: *дёрнуть* и т. п. (а вместе с тем, конечно, и соответствующих классов глагола в санскритском и других и.-е. языках): возможно, что это *-nu* представляет собою втянутую в состав глагольной формы (— иногда с превращением в настоящий уже инфикс, — как в латинском, например), основу *new / -nu / nū, которую видим и в русском *нов-ый* (греч. *neos*) и в греч. *nu* „теперь", латинском *nunc*, русском *ныне* (а также *nu* в санскр., авест., литовском, ирландском, германских языках). Первоначальной морфологической функцией данной морфемы было, вероятно, значение настоящего (сравн. ирландский префикс *nu*).

друг от друга в зависимости от того, выражают ли они действие, совершающееся в настоящее время (т. е. одновременно с процессом говорения), или же — действие, имевшее место в прошедшем времени (т. е. предшествовавшее моменту говорения), или же, наконец — действие, относящееся к будущему (т. е. имеющее совершиться после момента говорения). Напр. 1) *иду, бросаю* — наст. время; узб. эквиваленты bara jatьrman (в живой ташкентской речи barvatmən, в других говорах barjappan, barjəpрən, barapmən, bərvətmən и т. д.), taşlaj jatьrman (в живой ташкент. речи taşlavatmən, в других говорах taşlajappam, təşləjərрən, təşləjapmən и т. д.) 2) *шёл, бросал* — прош. время, узб. эквиваленты bardьm, -dьц, -dь; taşladьm, -dьц, -dь; 3) *пойду, брошу* — буд. время; узб. эквиваленты: baraçaqman, taşlaçaqman [южно-хорезмские „огузские" — по происхождению, затем — вообще хорезмские формы, в 1929 г. они введены в лит. узб. язык], bararman, taşlarman.

3. Сослагательное наклонение, обозначающее не реальное наличие действия, а лишь предположительную возможность его совершения — обычно при допущении известных условий: Напр. „Если бы у меня были деньги, я купил бы себе эту книгу" (Əgər meniц pulьm bar bolsa, bu kitabnь satьв alar edim).

4. Неопределенное наклонение, обозначающее (в отличие от прочих наклонений) идею действия вне представлений о фактической стороне его осуществления и о синтаксической связи с каким-либо субъектом действия), т. е. без указаний на то, что это действие совершается, совершилось или будет совершаться[1] (принадлежа, притом, — в качестве признака — известному субъекту действия); или на то, что оно может совершиться при наличии известных условий[2], или на то, что совершение действия желательно говорящему и является содержанием просьбы или приказания лицу слушающему.[3] Неопределенное наклонение (— инфинитив) имеет только по одной форме от каждой видовой глагольной основы: напр., *бросáть* (— неопределенное наклонение от основы несовершенного вида *бросáл — бросáю* [см. § 84]), *бросить* (— неопределенное наклонение от основы совершенного вида *бросил — брошу* [см. § 84]). В узбекском языке смысловым эквивалентом к русскому неопределенному наклонению служат [склоняемые и т. д., т. е. являющиеся отглагольными именами действия] формы инфинитива на *-maq* или *-mək*, напр., *есть* — по-узбекски — je-mək, *сказать* — ajt-maq, *варить* — pişir-mək и т. д.

II) Отглагольные прилагательные и отглагольные наречия, то есть:

1. Причастия: напр., *идущий* (bara turqan или jyrə turqan), *бросивший* (taşlaqan), *убитый* (ɵldiriigən), *читаемый* (oqula turqan).

2. Деепричастия: напр. *бросив* (taşlaв) и т. п.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 89. Формы Повелительного наклонения, как сказано было уже выше, выражают приказание или просьбу. В словоизменении Повелительного наклонения различаются только две главных формы[4] единственного и множественного числа, которые по условной грамматической терминологии можно называть формами 2-го лица (ед. ч.) и 5-го л. (= 2-го лица множ. числа), например: 1) *иди* (bar или jyr), *идите* (barьц, jyriц).

---

[1] Как это имеет место в значении изъявительного наклонения.
[2] Что свойственно сослагательному наклонению.
[3] Что свойственно повелительному наклонению.
[4] О двух других — явно второстепенных — членах формальной системы Повелительного: именно 1) *идём, двинем* и т. п., 2) *идёмте, двинемте* и т. п., а равным образом и о наращении суффикса *-ка* (*пойди-ка, пойдём-ка*) и т. д. (сравн. наращение суффикса *qьn / gin* к узбекским Повелительным) мы будем говорить ниже — сознательно перенеся обзор этих явлений во вторую половину данной главы (— потому, что на начальных концентрах изложения рус. грамматики можно и не упоминать об этих образованиях).

При этом как в узбекском, так и в русском, вторая из этих форм (5 лица, т.е. 2 лица мн. числа) употребляется не только тогда, когда просьба (или приказание) обращена к нескольким лицам, но и тогда, когда говорящий обращается к одному лицу: это имеет место в вежливой или почтительной речи, когда к слушателю обращаются „на *вы*“ (— в узбекском на siz), а не на *ты*.

§ 90. Форма 2 л. (— по условной терминологии) или и с х о д н а я форма Повелительного наклонения или оканчивается на *-и* ударное (напр. *нес-и́, ид-и́, ход-и́, расскаж-и́*), или реже на *-и* неударное (напр. *е́зди, вы́рви*) или же не имеет суффикса; в последнем случае конечный согласный основы обыкновенно бывает „мягким“ (если вообще имеется „мягкий“ вариант у данного согласного, т. е. если он принадлежит к „парным“ согласным [см. § 6 в Фонетике]), и пишется с буквой *ь*: напр. *брось, плюнь*.

Буква *ь* становится, благодаря этому, графическим признаком данной формации Повелительного [1], а потому пишется даже в тех случаях, когда последующий согласный основы оказывается непарным: напр. *спрячь, ешь, замажь* и т. п. (от *спрятать, есть, замазать*).

В таких случаях буква *ь*, разумется, никакого фонетического (звукового) значения не имеет [2], и употребляется именно лишь как показатель данной формы (Повелительного наклонения). В двух только случаях буква *ь* не пишется в повелительных формах данного образования (т. е. оканчивающихся согласным звуком):

1) когда последним согласным основы является звук *й*; в таких случаях, разумеется, пишется просто буква *й* (но не **йь*); напр. *броса́й* (повел. накл. 2 л. от основы несоверш. в. *бросать* [*бросал — бросаю*]), *дай, давай, читай, сей*. Заметим, что формы, оканчивающиеся на *й*, обычно имеют место в образовании Повелительного от тех глаголов, у которых неопределенное наклонение оканчивается на *ать ять*, — напр. от *бросать дать* (сов. вид), *давать* (несов. вид), *чита́ть* (несов. вид.), *се́ять* (несов. вид).

2) В форме *ляг* (соверш. вида) от глагола *лечь* (т. е. от основы совершен. вида „*лёг — ля́гу*“, см. § 84) — узб. jat от jatmaq [но от глагола несовершенного вида *лежать* („*лежал — лежу́*“, см. § 84) повелительное наклонение оканчивается на *-и*: *лежи́*].

§ 91. Форма 5 лица (т. е. форма множ. числа) Повелительного отличается от формы 2 лица (ед. числа) только добавленим суффикса — *те*: сравн.:

2 л.	5 л.
брось	бро́сьте
иди́	иди́те
неси́	неси́те
дай	да́йте
чита́й	чита́йте
ляг	ля́гте

§ 92. Как мы уже упоминали выше, основная форма повелительного (*люби, иди, приди, будь* и т. п.) л и ш ь у с л о в н о и именно на осно-

[1] Т. е. формации не на *и*, а с нулевым суффиксом.

[2] Точно так же, как, например, и буква *ь* на конце форм 2 л. настоящего и будущего вр. изъявительного наклонения (*читаешь, несешь, ходишь*): см. ниже, а также в отделе „Фонетики“ — примеч. к § 5.

вании статистически-доминирующей своей функции — может быть названа формой 2 лица: строго говоря, это форма стоящая **вне лица**, и даже **вне числа** (т. е. не прикрепленная к определенному лишь личному значению, как это имеет место в изъявительном наклонении: например, *лю́блю, лю́бишь, лю́бит, лю́бим* и т. д.). Действительно, основная форма повелительного (*люби, иди* и т. д.) может быть употреблена и в применении к 1-му, и в применении к 3-му, и даже к 4 му, 5-му и 6-му лицам (т. е. в трех последних случаях уже не к единственному, а к множественному числу): например—

„Приди я на 10 минут раньше, я мог бы еще попасть на поезд"; или—
„Будь я на 10 лет моложе,..." и т. п.

Точно также и в применении к 3, 4, 5, 6 лицам [как и ко 2 лицу — в том же условном значении,—см. нижеследующее подстрочное примечание]:

„Приди он на 10 минут раньше,..."; или
„Будь он на 10 лет моложе,...";
„Приди мы на 10 минут раньше,..."; или
„Будь мы на 10 лет моложе,...";
„Приди вы на 10 минут раньше,..."; или
„Будь вы на 10 лет моложе,...";
„Приди они на 10 минут раньше,..."; или
„Будь они на 10 лет моложе,..." [1]

Примечание. R. Jakobson (в своей работе „Zur Struktur des russischen Verbums"— „Charisteria Gvilelmo Mathesio quinquagenario", изд. Cercle Linguistique de Prague, стр. 79—80) отмечает, что на данную особенность (принципиальное отсутствие значения лица) давно уже указывали авторы старых работ по русской грамматике: «Павский erkennt die Fehlerhaft der Tendenz, solche Formen wie *сделай* als 2. Pers. Sing zu deuten. Wenn auch diese Form „öfter in der Bedeutung der 2. Pers. Sing und dabei ohne Zusatz von *ты* gebraucht wird, berechtigt es noch gar nicht, sie unmittelbar als 2. Pers. zu benennen. Sie wird in der Bedeutung der 2. Pers. öfter gebraucht, weil die 2. Pers. im Imper. öfter gefordert wird, als alle übrige Personen" (Филологические наблюдения III т., II изд. 1859, § 90). Gleicherweise Буслаев (Опыт исторической грамматики, II т., 1858, 154). Den neueren Gramatiken ist das Verständnis für diese Tatsache mehrfach abhanden gekommen». В связи с этой особенностью Повелительного может быть поставлено в связь и то, что в психологическом (семантическом), да и в фонетическом (именно в интонационном, или фразово-акцентуационном) отношении Повелительное — в целом ряде языков — составляет ближайшую параллель к Vocativ'у (— звательному падежу) или вокативному предложению [например, „Андрей!" или „Junus!" или „Junus ə́j-Junus!" и т. п.]. Специфическая близость обеих этих синтаксических категорий (— императива и вокатива) наиболее ярко иллюстрируется — в акцентуационном отношении — на фактах японских говоров, в частности описанного мною в „Психофонетических наблюдениях I" нагасакского деревенского говора, где и императив, и вокатив подвергаются вполне тождественной „эмфатической" **деплацации** музыкального ударения [именно, в окситонных основах с последней моры на предпоследнюю и т. д.]. Разумеется, не подлежит сомнению акцентуационное сходство между императивным и вокативным комплексами и в турецких языках (оба комплекса подвержены **деплацации** ударения); но здесь это сходство выступает менее рельефно (чем в японском случае), так как в турецких языках деплацация (на 1-й слог) имеет место не только в императивах, но и вообще в „вербальных" формах глагола (— т. н. «verbum finitum»: например, kéldi, kétti, sóradь и т. д.). [2]

[1] Правда, в этих фразах, Повелительное (*приди, будь*), имеет уже особое — отличное от обыкновенного — значение, а именно **условное** (точнее: условное ирреальное) значение (будучи эквивалентом к узбекским *kelsəm, kelsə, kelsək, kelsəŋiz kelsələr* или *ʙolsam, ʙolsa, ʙolsaq* и т. д.). Но во-первых, это относится уже к синтаксической характеристике данной функции Повелительного (а в морфологическом отношении это „*приди*" тождественно с „*приди*" во фразе „*Приди ко мне в 10 часов*" — где „приди" эквивалент узбекского *kel*); во-вторых такая же, т. е. **условная** функция повелительного (являющаяся второстепенной его функцией) оказывается вполне допустимой и при значении 2 лица: например, „*Приди ты на 10 минут раньше, и ты смог бы еще попасть на поезд*", или: „*Будь ты на 10 лет моложе,...*".

[2] В указанном же японском случае данной „эмфатической" деплацации подвергаются лишь 1) **императивы** и 2) **вокативы**, и наряду с ними **личные имена** вообще, в которых данная мелодия закрепилась, очевидно, именно потому, что специфической для них функцией именно и было **обращение**, т. е. вокативная функция.

§ 93. Каков бы ни был путь историко-фонетической эволюции русских основных форм Повелительного (*будь, вынь, люби, иди* и т. д.), ясно, что в ней мы имеем частичное осуществление той — типичной для многих языков — тенденции, которая приводит звуковой состав Повелительного к тождеству с голой, т. е. бессуфиксальной, основой глагола: мы действительно наблюдаем это тождество в таких случаях, как *прячь* [= pr'ac в фонетической транскрипции; сравн. *прячу* = pr'ac-u], *стань* [= stan'; сравн. *станешь* = stan'-eş] и т. п. — т. е. во всех оканчивающихся на согласный звук основных формах Повелительного. [1] Тенденция эта, как я только что отметил, наблюдается в историях целого ряда языков и потому может считаться типичной в обще-лингвистическом смысле. В турецких языках мы имеем, конечно, наиболее явный случай полного обнаружения этой тенденции: принципиальное равенство Повелительного 2 л. с основой глагола: сравн. *bar* („иди!") и *bar-(maq)*, *je* („ешь") и *je-(mək)* и т. д. Русский же язык, за время исторической своей эволюции, дошел до частичной (— на-половину, приблизительно) реализации этой тенденции: в одной половине русских глаголов Повелительное действительно равняется основе, т. е. характеризуется нулем суффикса — как и в турецких языках (напр., *прячь, брось, стань, ляг*); у другой же половины глаголов — другой формальный тип Повелительного: с суффиксом *-и* (= *-i*), напр., *неси, иди, хлопочи* и т. д.

Экскурс. Излагать здесь историю (ход эволюции и мотивировку эволюции) формации Повелительного в русском языхе — не входит в задачу нашей книги, являющейся описательной, а не исторической, грамматикой русского языка. Ограничусь лишь указанием на то, что в процессе выработки бессуфиксальных форм могла сыграть роль контаминация типа *b^h er-oi-s ⟶ *бер-и* со случаями, где на конце формы фонетически получался *ь* (впоследствии дававший нуль гласного), — например, *ed-d^h i ⟶ *ежь ⟶ *ешь*, woid-d^h i ⟶ *вижь [1]⟶ вишь [несмотря на то, что подобные случаи были в явном меньшинстве, они могли, все-таки, сыграть здесь ассимилирующую роль, так как это прямо соответствовало вышеупомянутой общей тенденции — к совпадению императива с основой глагола].

§ 94. Приведем здесь некоторые правила относительно звукового состава императива (основной формы).

1°. Если в спряжении настоящего, resp. будущего имеется чередование исходных согласных основы (например, *прошу — просишь, сужу — судишь, прощу — простишь* и т. д.), то повелительное имеет тот вариант основы (т. е. с теми же исходными согласными), что и 2 лицо настоящего, resp. будущего. Например, *проси, суди, прости* и т. д.

Примечание. В повелительном же от глагола *есть* [„je-mək"], т. е. в форме *ешь* [„je!"], мы находим уже полное звуковое тождество с 2 лицом настоящего времени (— тоже *ешь* [„jejsən || jijsən"]). Но формы 5 л., конечно, различаются: повелительное—*éшьте*, настоящее вр.—*едúте*.

2°. Во всех повелительных — кроме одного только *ляг* (от *лечь*, см. выше) — имеется „мягкий" вариант конечного согласного основы [если, разумеется, согласный принадлежит к „парным по твердости ~ мягкости"].

---

[1] Между тем в древних и.-е. формах, к которым восходят русские императивы, этого тождества (с „голой" основой) именно и не было: ср., например, *stan-oi-s, к которому восходит русское *стань* (подобно *b^(h)er-oi-s *бери* и т. д) или же *ed-d^(h)i, к которому восходит русское *ешь* [— по моей гипотезе, изложенной в статье „Следы суффикса императива *-dhi на славянской почве" в Изв. Отд. рус. яз. и слов.].

[1] С нефонетической заменой *ять* через *и*.

Правило это охватывает двоякого рода конструкции:

а) без суффикса: б) с суффиксом *-и*:

например	например
сядь	клади
брось	неси
ударь	говори
верь	умри
забудь	роди, родись
будь („bol“)	буди („ujqat“)

К основам на непарный (по „твердости ~ мягкости“) согласный правило это, в смысле фонетической (или орфоэпической) нормы, не может, конечно, иметь отношения. Но зато на эти случаи, по крайней мере на основы, заканчивающиеся ш и п я щ и м согласным, распространяется орфографическая норма: после ш и п я щ и х в повелительном обязательно пишется или *ь*, или *и*: например —

прячь молчи
режь суши

и т. д. (сравн. § 5).

П р и м е ч а н и е. Из основ, оканчивающихся в повелительном на *ц*, можно назвать только один случай, и то явно архаический — именно церковно-славянскую[1] форму повелительного *рцы* (вм. *реки*, т. е. „скажи“). В этом — единственном (из всех форм повелительного) случае на конце пишется не *и*, но *ы* (ср. выше § 90).

3°. Основы, оканчивающиеся на звук *й* (*j*) и несодержащие в себе гласного в спряжении настоящего времени, в повелительном вставляют *е* и не принимают суффикса *-и*. Напр.: *шей* (наст. время: *шью* [şj-u], *шьёшь* [= şj-oş], *шьёт* [= şj-ot], *шьём* [= şj-om], *шьёте* [= şj-ot'e], *шьют* [= şj-ut]; следовательно, основа в спряжении наст. времени состоит только из двух согласных звуков: [şj-], т. е. *ш* + *й*; в повелительном — для того, чтобы слово не осталось вовсе без гласного звука, вставляется *е*[2]: получается — *шей*); суффикс повелительного (*-и*), согласно вышесказанному отсутствует: *шей* (но не **шейи*), *бей* (наст. вр. *бью* [= в'j-u], *бьёшь* [= в'j-oş] и т. д.: в основу [в'j-] вставляется гласный *е*: *бей* [= в'еj-]), *вей* (*вью*, *вьёшь* и т. д. — основа [v'j-]; со вставкой гласного получается *вей* [= v'ej].)

Напомним общее правило о том, что если основа (в Настоящем времени, а потому и в Повелительном) оканчивается на звук *й* [= j], то суффикс *-и* отсутствует [и значит на конце формы Повелительного пишется буква *й*]: например — *дай* (от глагола *дать*; настоящее время: *даю* [= daj-u], *даешь* = (daj-oş] и т. д.; Повелительное равно „голой“ основе [daj-], т. е.— *дай*); *рой* (от глагола *рыть* „qaz-maq, qazь-maq“; настоящее время: *ро́ю* [= roj-u], *ро́ешь* [= ro̍j-eş] и т. д.; Повелительное равно „голой“ основе [roj], т. е. *рой*).

4°. Если основа (во 2 лице Настоящего, resp. Будущего[3], а значит и в Повелительном) оканчивается группой согласных, то Повелительное принимает суффикс *-и*:

напр., *сохни* (наст. вр. *сохну*, *сохнешь*...)
крикни (буд. вр. *крикну*, *крикнешь*...)
езди (буд. вр. *езжу*, *ездишь*...)

---

[1] В современном живом рус. языке она совершенно не употребляется. Но может встретиться в литературных текстах.

[2] Т. е. гласный звук *э* (см. § 24).

[3] См. выше правило 1°.

5°. Если в спряжении Настоящего, resp. Будущего наблюдается чередование ударений (напр. *пишу́ ~ пи́шешь* и т. д.), то Повелительное имеет безударную основу и ударенный суффикс *-и́*: напр. *пиши́, скачи́, ходи́.*

6°. Если в спряжении Настоящего, resp. Будущего основа во всех лицах остается безударной (напр. *иду́, идёшь* и т. д., *приду́, придёшь* и т. д., *сижу, сидишь* и т. д.), то она остается безударной и в Повелительном, которое, следовательно, оканчивается на суффикс *и́* (= ударное *и*): *иди́, приди, сиди* и т. д.

Исключением являются основы (а значит и формы Повелительного) на звук *й* (j), после которого, согласно вышесказанному (см. правило 3°) суффикс *-и* невозможен: *дай, рой, строй*, а равным образом и *шей, лей, бей, вей* и т. д.

Примечание. Историческая (или генетическая) мотивировка того распределения бессуффиксальной и суффиксальной (на *-и*) конструкций, которое обрисовано в правилах 3°, 4°, 5° и 6°, не представляет особых трудностей (— факты здесь сами указывают на обусловившие их факторы), но изложение ее потребовало бы слишком пространного экскурса.

§ 95. В отличие от формы единственного числа (*иди́* и т. п.), соотствующая ей форма Повелительного множественного (*идите* и т. п.) употребляется лишь в применении к 5 лицу [= 2 лицу множ. числа: „вы" или „Вы"].[1]

В применении же к 4 лицу („мы") употребляется форма 4 л. настоящего, resp. будущего (— в зависимости от видового значения: см. § 84) времени: *идём, пойдём* и т. д. Форма эта (в данной своей функции: напр. „Ну теперь идем домой!" или „Пойдем гулять!") явным образом втягивается в парадигму Повелительного, что доказывается наличием производной от нее формы: *идемте, пойдемте*[2].

Таким образом, в общем счете, в парадигму Повелительного входят всего 4 формы:

Главные:

1. Основная, или исходная форма — с нулем второстепенных значений (и в связи с этим, с наиболее широким кругом функций): *иди, пойди.*
2. Форма 5 л. (для реального множества лиц или же для вежливого выражения просьбы, resp. приказания, обращенных к одному лицу): *идите, пойдите.*

Второстепенные:

3. Форма 4 л. с эксклюзивным значением: *идем, пойдем*, заимствуемая из настоящего, resp. будущего вр.
4. Форма 4 л. с инклюзивным (т. е. включающим и 5 лицо) значением: *идемте, пойдемте.*

§ 96. В Повелительном от глаголов возвратной формы (напр. *забыться, бриться, бороться* и т. п.) суффикс *ся* / *сь* наращается на конец готового уже образования всякой из вышеназванных форм, при чем, по общей[3] норме, после согласного звука употребляется дублет *ся*, а после гласного — дублет *сь*. Напр.: *забудься, забудьтесь, забудемся, забудемтесь, научись, научитесь, научимся, научимтесь.*

При этом к характерным фонетическим особенностям Повелительного (в отличие от других форм данных глаголов) принадлежит

[1] Подразумевается, конечно, возможность обеих реальных функций 5 лица — и фактическая множественность лиц, и вежливое обращение к одному лицу.

[2] По значению своему эта форма (*идемте* и т. п.) квалифицируется, конечно, как „1 Pers. Plur. inclusiv." (или „4 Pers. inclusiv".) по обще-морфологической лат. терминологии.

[3] Для всех образований от глаголов возвратной формы.

устойчивость каждого из 2 согласных звуков, оказывающихся в непосредственном соседстве при наращении суффикса *ся*: напр. *забудься* и т. п. В частности в данном примере (— *забудься*), где, следовательно, согласный звук *ть* [t′] оказывается предшествующим согласному звуку *сь* [s′], не происходит слияния этих двух согласных в звук «*ц* долгое» [t : s], что имеет, наоборот, место в неопределенном наклонении (*забыться* — чит. забыцца) и в настоящем — будушем вр. 3 и 6 л. (*забывается* — чит. забываецца, *забываются* — забываюцца, *забудется* — забудецца и т. п.).

Эта устойчивость фонетического состава отдельных морфем (напр. — в слове *забудься* — морфем -but′ и -s′a) стоит в связи с аналитическим характером морфологических конструкций повелительного: мы действительно можем констатировать, что парадигма Повелительного — на правах исключения из характерного для русского языка синтетического морфстроя — состоит, наоборот, из аналитических конструкций, — где каждая морфема символирует только одну идею (одно частичное значение):[1] сравн. напр. *двинь-те, двин-ем, двин-ем-те, двин-ем-те-сь* (а также и *двин-ем-те-сь-ка*[2]).

Примечание. В произношении некоторых лиц суффикс *ся* (напр. в *двинься, забудься* и т. д.) звучит как *са*, т. е. с „твердым", а не „мягким", согласным звуком *с*. Однако, в преподавании русского языка не-русским я советывал бы не принимать этого во внимание, т. е. иметь в виду лишь произношение *ся* = [s′a] (*двинься* = [dv′in′s′a] и т. д.).

§ 97. В узбекском языке основная форма Повелительного, как мы уже сказали, в виде общего правила, совпадает с основой глагола, а по значению своему она соответствует главному (— императивному, но не условному) значению русской основной формы (*приди* — узб. kel и т. п.).

Посредством наращения суффикса ьц / iц / ц от этой основной формы образуется Повелительное 5 л. (barьц, keliц, soraц), имеющее те же две функции, что и русск. *идите, придите, спросите* и т. д. — т. е. и значение фактической множественности лиц, и значение вежливой просьбы (или приказания) к одному лицу.

Специфической для тур. языков формацией является образование второй формы 5 л. — с наращением суффикса pluralis *lal* / *lər* на вышеназванную форму 5 л.: barьцlar, keliцlər, soraцlar.[3] Отметим, что в ташкентском (массовом) говоре *ц* в этих формах перешло в *j*[4]: напр. barijlə, kelijlə, otijlə (из ɵtiцlər). Кроме того в ташкентском встречается и дублетная конструкция с обратным порядком суффиксов: otləriц, на ряду с otijlə и т. п.

К этим конструкциям надлежит прибавить еще — встречающуюся в письменно-литературном, гл. образом, языке — форму 5 л. на *ьцьz* / *iцiz* / *цьz* / *цiz*: напр. birləşiцiz „соединяйтесь". Но это — не типичная для узб. языка форма: она заимствована из других тур. языков, и массовой узб. речи остается чуждой (следовательно, вместо birləşiцiz, подлинно-узбекскими формами 5 л. надо считать birləşiц и birləşiцlər[5]).

---

[1] Что имеет место, как уже указывалось выше, и в узбекском (аналитическом по своему морфстрою) языке.

[2] Ибо суффикс *-ка* (способный наращаться на готовую уже формацию Повелительного) тоже, разумеется, принадлежит к морфемам (в частности, суффиксам) аналитического, или агглютинативного, характера — как, напр., и узбекский (в известной мере эквивалентный ему) суффикс qьn / gin: напр. в barqьn, kelgin и т. п.

[3] Аналогичная форма — со вторичным признаком pluralis появляется и в северно-таджикском (откуда и в средне-азиатско-еврейском, и в местном цыганском) — очевидно под узбекским влиянием.

[4] Сравн. ташк. baləjiz вм. balaцьz „ваш ребенок".

[5] В переводе лозунга „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" должна участвовать, конечно, последняя из этих форм: birləşiцlər.

Примечание. Формы 1 л. и 4 л. (напр. berəj и berəjk и т. п.), а также 3 л. и 6 л. (bersin, bersinlər), включаемые в некоторых грамматиках узб. языка в „спряжение" Повелительного, на самом деле не имеют формального родства (т. е. какого-либо общего суффикса) с Повелительным (ber, beriŋ), да и по значению своему скорее подходят под понятие Оптатива, чем Повелительного. Поэтому, включение их в одну общую, с формами 2 и 5 л. (ber, beriŋ), парадигму Повелительного было бы чисто-механическим приемом, в защиту которого возможно привести разве лишь некоторые мнемонистические соображения. См. „Грамм. узбек. языка" Поливанова и Батманова, часть V.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 98. В словоизменении изъявительного наклонения различаются, прежде всего, два образования форм:

1) Настоящего или будущего времени (значение настоящего или же, наоборот, будущего зависит уже от характера самой основы: основы не совершенного вида имеют здесь значение настоящего, а основы совершенного вида — значение будущего времени: см. выше § 84): например, *несу, несёшь, несёт, несём, несёте, несут* — настоящее время; *принесу, принесёшь, принесёт, принесём, принесёте, принесут*—будущее время.

2) Прошедшего времени: напр., *дал, дала, дало, дали*; *давал, давала, давало, давали*[1]; *ходил, ходила, ходило, ходили*.

Формы настоящего или буд. времени спрягаются (т. е. изменяются) по лицам и числам, но не изменяются по родам (поэтому, напр., и мужчина, и женщина, говоря про себя, употребляют одни и те же формы 1 лица настоящего resp. будущего времени; *я несу, я читаю, я принесу, я прочитаю* и т. д.). А формы прошедшего времени, наоборот, изменяются (в единственном числе) по грамм. родам (а кроме того, разумеется, образуют форму множ. числа[2]), но не спрягаются по лицам. Поэтому, напр., мужчина, говоря о себе в прошедшем времени, непременно должен употреблять формы мужеского рода: *я ходил, я сказал, я читал, я прочитал;* а женщина, наоборот,— формы женского рода: *я ходила, я сказала, я читала, я прочитала.* То же самое различение грамм. родов в формах прошедшего времени (ед. числа) необходимо соблюдать и тогда, когда действие приписывается лицу, с которым говорят (т. е. второму лицу), а равным образом и тогда, когда действие приписывается третьему (постороннему, не участвующему в данном разговоре) лицу или же предмету[3]. Например, если я говорю со своей сестрой и говорю про действие, совершенное ею, я должен сказать *ты ходила, ты пришла, ты прочитала* и т. д., но не *ты ходил, ты пришел, ты прочитал* и т. д. Равным образом, если я говорю про свою сестру, но не с нею, а с посторонним лицом, я должен сказать *она* (сестра) *ходила, она* (сестра) *пришла, она* (сестра) *прочитала,* но не могу сказать **она ходил, *моя сестра пришёл* и т. д. (— это будут те именно ошиб-

---

[1] Форма *дал, дала* и т. д. принадлежит к совершенному виду (который имеет неопределенное наклонение *дать*), а формы *давал, давала* и т. д.— к несовершенному виду (*давать*).

[2] Одну для всех родов (ибо множественное число в русском языке вообще не знает различения по грамм. родам: см. выше): *дали, давали, ходили* и т. д.

[3] Само собой разумеется, что если действие принадлежит лицу, то грамм. род формы Прошедшего времени определяется по естественному полу этого лица (если это — мужчина, говорят *ходил, сказал, читал, прочитал*; если это — женщина, то говорят *ходила, сказала, читала, прочитала*). Но если действие приписывается предмету (неодушевленному), то согласование построено бывает на том, к какому грамматическому роду принадлежит имя данного предмета (напр. *наступила зима*, но нельзя сказать **наступил зима* — потому, что слово *зима* принадлежит к женскому грамм. роду).

ки, по которым узнают иностранца, говорящего по-русски, и именно представителя такого языка, в котором понятие грамматического рода отсутствует).

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 99. Формы со значением настоящего времени возможны, конечно, только от таких глагольных основ, которые связываются с представлением несовершенного вида (в противном случае при данных суффиксах получается уже форма не настоящего, а будущего времени); см. выше § 84.

§ 100. В настоящем времени различаются (по лицам и числам) шесть форм, которые мы для краткости будем называть по порядку — 1-м лицом, 2-м, 3-м, 4-м, 5-м и 6-м лицом. Первые три формы будут принадлежать к единственному, а остальные три — множественному числу. Иначе говоря,

1 л. = 1-е	лицо единственного числа	(*я* пишу)
2 л. = 2 „	„ „ „	(*ты* пишешь)
3 л. = 3 „	„ „ „	(*он* пишет или *Иван* пишет)
4 л. = 1-е	лицо множественного числа	(*мы* пишем)
5 л. = 2 „	„ „ „	(*вы* пишете)
6 л. = 3 „	„ „ „	(*они* пишут или *ребята* пишут)

§ 101. Окончания настоящего (или будущего[1]) времени бывают двух родов (или двух систем), и в зависимости от спряжения по той или другой системе этих окончаний, глаголы делятся на 2 типа спряжения, условно называемые I-м и II-м спряжениями. Именно:

	Окончания настоящего (или будущего) времени в глаголах I-го спряжения:	Окончания настоящего (или будущего) времени в глаголах II-го спряжения:
1 л.	*у* или *ю*	*у* или *ю*
2 л.	*ешь* (если ударение не на окончании) или *ёшь* (если ударение на окончании)	*ишь*
3 л.	*ет* (если ударение не на окончании) или *ёт* (если ударение на окончании)	*ит*
4 л.	*ем* (если ударение не на окончании) или *ём* (если ударение на окончании)	*им*
5 л.	*ете* (если ударение не на окончании) или *ёте* (если ударение на окончании)	*ите*
6 л.	*ут* или *ют*	*ят* или *ат*

	Примеры спряжения настоящего времени глаголов I-го спряжения:	Примеры спряжения настоящего времени глаголов II-го спряжения:
1 л.	читаю, пишу, несу	лежу, говорю
2 л.	читаешь, пишешь, несёшь	лежишь, говоришь
3 л.	читает, пишет, несёт	лежит, говорит
4 л.	читаем, пишем, несём	лежим, говорим
5 л.	читаете, пишете, несёте	лежите, говорите
6 л.	читают, пишут, несут	лежат, говорят

[1] См. § 99.

П р и м е ч а н и е 1. В написании форм 2 лица (на *ешь, ёшь, ишь*) буквосочетание *шь* читается как простое *ш*: буква *ь* здесь, как было уже пояснено выше (§ 5), не может иметь никакого фонетического значения (ибо звук *ш* принадлежит к непарным согласным), и употребляется, следовательно, лишь с чисто-грамматическим (морфологическим) значением — как внешний признак данной именно формы (— 2-го лица в спряжении настоящего или будущего).

П р и м е ч а н и е 2. Несмотря на разницу в звуковом составе окончания *ешь*[1] (с безударным *е*) и окончания *ёшь*[2] (где перед согласные *ш* произносится гласный *о*), в обычном написании эти оба окончания не различаются, так как в букве *ё* обыкновенно пропускаются две точки (¨) и она, таким образом, графически совпадает с буквой *е*. То же нужно сказать о *е* и *ё* в 3, 4 и 5 лицах I-го спряжения.[3]

§ 102. Из сравнения вышеприведенных примеров и в частности окончаний I-го и II-го спряжений, мы можем сделать вывод, что различия в окончаниях обоих спряжений (I-го и II-го) обнаруживаются во 2-м, 3-м, 4-м, 5-м и 6-м лицах, но не в 1-м лице (где мы будем встречать *у* или *ю* и в I-м, и во II-м спряжениях), и притом, ограничиваются — в вышеперечисленных формах (2, 3, 4, 5, 6 лиц) — лишь гласными, которые предшествуют конечному согласному в окончаниях 2-го, 3-го, 4-го и 6-го лиц и слогу *те* в окончании 5-го лица; сами же эти конечные согласные в окончаниях 2-го, 3-го, 4-го и 6-го лиц обоих спряжений будут одинаковыми (именно: во 2-м лице мы встречаем конечный согласный *ш*, пишущийся ввиде *шь*; в 3-м лице — конечный согласный *т*, а 4-м — *м*, в 6 м — *т*), как, равным образом, одинаков будет и слог *те* в окончании 5-го лица. Следовательно, мы можем схематически выразить все разнообразие окончаний о б о и х с п р я ж е н и й ввиде следующих формул:

Окончания 1-го лица	в I-м спряжении	*у* или *ю*		
	во II-м „			
„ 2-го „	в I-м спряжении	*е* (= *е* или *ё*)	*шь*	
	во II-м „	*и*		
„ 3-го „	в I-м спряжении	*е* (= *е* или *ё*)	*т*	
	во II-м „	*и*		
„ 4-го „	в I-м спряжении	*е* (= *е* или *ё*)	*м*	
	во II-м „	*и*		
„ 5-го „	в I-м спряжении	*е* (= *е* или *ё*)	*те*	
	во II-м „	*и*		
„ 6-го „	в I-м спряжении	*у* или *ю*	*т*	
	во II-м „	*а* или *я*		

§ 103. Приведем в качестве примеров по несколько глаголов I-го и II-го спряжения (называя их сначала по форме неопределенного наклонения, а затем — в скобках — по формам настоящего времени):

В формах 2 л. *читаешь прячешь, сеешь, можешь, режешь, двигаешь, мелешь* (от молоть), *хохочешь* (от хохотать) и т. п.

[2] В формах 2 л. *поешь* (от петь), *несешь* (от нести), *ведешь* (от вести), *везешь* (от везти), *даешь* (от давать), *бьешь* (от бить), *пьешь* (от пить) и т. п.

[3] Т. е. в формах 3 лица *читает, прячет, сеет, может, режет, двигает, мелет, хохочет*, — одной стороны, и *поет, несет, ведет, везет, дает, бьет, пьет* — с другой стороны; или же в соответствующих формах 4-го лица (= 1-го множ. числа): *читаем, прячем, сеем, можем, режем, двигаем, мелем, хохочем* — с одной стороны, и *поем, несем, ведем, везем, даем, бьем, пьем* — с другой стороны; и наконец, равным образом, и в соответствующих формах 5-го лица (= 2 лица мн. ч.): *читаете, прячете, сеете, можете* и т. д. с одной стороны, и *поёте, несёте, ведёте, везёте* и т. д. — с другой стороны.

Глаголы I-го спряжения

читать (читаю, читаешь, читает, читаем, читаете, читают)
плавать (плаваю, плаваешь и т. д. плавают)
рыдать (рыдаю, рыдаешь и т. д. рыдают)
рассказывать (рассказываю, рассказываешь и т. д. рассказывают)
ломать (ломаю, ломаешь и т. д. ломают)

Примечание 1. К I-му спряжению вообще принадлежит большинство глаголов на *ать* (в форме неопределенного наклонения) — за исключением лишь некоторых из глаголов, оканчивающихся на *ч-ать, ж-ать, ш-ать, щ-ать* (т. е. на шипящий непарный согласный перед суффиксацией *ать*), например, *кричать, бежать, дышать, пищать*, которые, как мы увидим ниже, относятся ко II-му спряжению:

бить (бью, бьёшь, бьёт и т. д. бьют)
пить (пью, пьёшь, пьёт... пьют)
нести (несу, несёшь... несут)
вести (веду, ведёшь... ведут)
расти (расту, растёшь... растут)
потеть (потею, потеешь... потеют)
белеть[1] (белею, белеешь... белеют)
жить (живу, живёшь... живут)

Глаголы II-го спряжения

кричать (кричу, кричишь, кричит и т. д. кричат)
бежать (бегу, бежишь... бегут)
дышать (дышу, дышишь... дышат)
пищать (пищу, пищишь... пищат)
говорить (говорю, говоришь... говорят)
белить (белю, белишь, белит... белят)

Примечание 2. Ко II-му спряжению вообще относится большинство глаголов, оканчивающихся в форме неопределенного наклонения на *ить*.

§ 104. Обратим внимание на те чередования согласных, предшествующих окончаниям, которые наблюдаются в спряжении некоторых глаголов — с одной стороны, в формах 1-го и 6-го лиц, с другой стороны, — в формах прочих лиц (2, 3, 4, 5), или же, с одной стороны, только в форме 1-го лица и с другой стороны — во всех прочих формах (2, 3, 4, 5, 6 лиц); например:

а) чередование согласных *г* и *ж*:

бегу, бежишь, бежит, бежим, бежите, бегут (II-го спряжения);
берегу, бережёшь, бережёт, бережём, бережёте, берегут (I-го спряжения);

б) чередование согласных *ж* и *д* (= мягкий согласный звук *дь*):

гла́жу, гла́дишь, гла́дит, гла́дим, гла́дите, гла́дят
гляжу́, гляди́шь, гляди́т, гляди́м, гляди́те, глядя́т
щажу́, щади́шь, щади́т, щади́м, щади́те, щадя́т
хожу́, хо́дишь, хо́дит, хо́дим, хо́дите, хо́дят
сижу́, сиди́шь, сиди́т, сиди́м, сиди́те, сидя́т;

---

[1] Значение глагола *белеть* — aq bolmaq; не смешивать с глаголом (II-го спряжения) — aq qьlmaq, aqlamaq.

в) чередование согласных *ч* и *т* (= *ть* мягкого):

лечу́, лети́шь, лети́т, лети́м, лети́те, летя́т (от лететь = uc-maq) [1]

плачу́, пла́тишь, пла́тит, пла́тим, пла́тите, пла́тят (от платить = tola-maq),

но настоящее время от *плакать* во всех лицах имеет *ч-* (вместо *к* неопределенного наклонения), т.-е. спрягается без чередования согласных внутри парадигмы настоящего времени: *пла́чу, пла́чешь, пла́чет, пла́чем, пла́чете, пла́чут*);

г) чередование согласных *вл* (с „мягким“ *л* = *ль*) и *в* (= *вь* „мягкого“):

ловлю́, ло́вишь, ло́вит, ло́вим, ло́вите, ло́вят

сла́влю, сла́вишь, сла́вит, сла́вим, сла́вите, сла́вят

пла́влю, пла́вишь, пла́вит, пла́вим, пла́вите, пла́вят;

а равным образом подобные же чередования *пл* и *п* (*сыплю, сыпишь... сыпят*), *бл* и *б* (*люблю, любишь... любят*).

§ 105. Спряжение глаголов в возвратной форме (на *ся* или *сь*) вполне следует спряжению той же глагольной основы без *ся* или *сь*, с той только разницей, что здесь после каждого личного окончания (т. е. в самом конце формы) присоединяется суффикс *ся* или *сь* (*ся* после согласного, *сь* после гласного на конце личного окончания). Сравни, например,

Спряжение настоящего времени глагола *мыть* („действительного залога“) (экв. juv-maq)		Спряжение настоящего времени глагола *мыться* (в возвратной форме с возвратн. значен.) (экв. juv-ьn-maq)	
1 л. *мо́ю*	juvaman, juva jatьrman	*мо́юсь*	juvьnaman, juvyna jatьrman
2 л. *мо́ешь*	juvasan, juva jatьrsan	*мо́ешься*	juvьnasan, juvьna jatьrsan
3 л. *мо́ет*	juvadь, juva jatьr	*мо́ется*	juvьnadь, juvьna jatьr
4 л. *мо́ем*	juvamьz, juva jatьrmьz	*мо́емся*	juvьnamьz, juvьna jatьrmьz
5 л. *мо́ете*	juvasьz, juva jatьrsьz	*мо́етесь*	juvьnasьz, juvьna jatьrsьz
6 л. *мо́ют*	juvadьlar, juva jatьrlar	*мо́ются*	juvьnadьlar, juvьna jatьrlar

Примечание. Буквосочетание *тся* (на конце 3-го л. и 6 л. в спряжении „глаголов возвратной формы“), а также и буквосочетание *ться* (на конце неопределенного наклонения этих глаголов) читаются одинаково — именно как *цца* (или *тца*) [2]. Нужно, однако, помнить про орфографическое различение в написаниях этих форм: в формах 3-го и 6-го лиц буквосочетание *тся* (читаемое как *цца*) всегда пишется без мягкого знака (ь), а в неопределенном наклонении, наоборот, то же самое звукосочетание (*цца*) всегда пишется буквосочетанием с мягким знаком *ь*: *ться*; напр. *мы́ться, боя́ться, труди́ться*, но *мо́ется* (3 л.), *мо́ются* (6 л.), *бои́тся* (3 л.), *боя́тся* (6 л), *тру́дится* (3 л.), *тру́дятся* (6 л.).

[1] Но сравни спряжение настоящего времени от *лечить* (dəva qьlmaq) без чередования согласного: *лечу́, ле́чишь, ле́чит, ле́чим, ле́чите, ле́чат.*

[2] Т. е. с долгим (удвоенным по времени, — и именно за счет удвоения своего первого, смычного элемента) согласным *ц*. Употребляя в условной транскрипции двоеточие (:) как символ долготы (удвоения) согласного звука, мы можем транскрибировать эти окончания *тся* и *ться* следующим образом: [*ц:а*]; напр. *дра́ться* — в транскрипции [драц:а].

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 106. Окончания будущего времени, как уже говорилось выше, вполне совпадают с окончаниями настоящего времени, и различие между настоящим и будущим зависит исключительно лишь от того, является ли данная глагольная основа основой несовершенного или же совершенного вида. Именно: от основ несовершенного вида образуется настоящее время, а от основ совершенного вида — (с теми же окончаниями) — будущее время. Сравним, для примера, следующие ряды форм:

1 л.	дарю́	подарю́
2 л.	да́ришь	пода́ришь
3 л.	дарит	подарит
4 л.	дарим	подарим
5 л.	дарите	подарите
6 л.	дарят	подарят

Как мы видим, в данном примере окончания и в настоящем, и в будущем оказываются совершенно одинаковыми — потому, что и та, и другая основа (— и глагол — *дарить*, и глагол *подарить*) принадлежат ко II-му спряжению (кроме того сходство здесь простирается не только на окончания, но и на весь звуковой состав основы, за исключением лишь префикса *по*, отсутствующего в основе несовершенного вида и появляющегося, наоборот, в основе совершенного вида именно как признак данного видообразования, т. е. с о в е р ш е н н о г о в и д а, — см. § 84).

Возьмем другой пример:

	Настоящее время (от основы несовершенного вида):	Будущее время (от основы совершенного вида):
1 л.	де́лаю	сде́лаю [1]
2 л.	де́лаешь	сде́лаешь
3 л.	де́лает	сде́лает
4 л.	де́лаем	сде́лаем
5 л.	де́лаете	сде́лаете
6 л.	де́лают	сде́лают

Здесь, точно так же, как и в предыдущем примере, — полное совпадение и окончаний, и основ — за исключением лишь отсутствия префикса — *с-* — в основе несовершенного вида (— в настоящем времени) и его наличия в основе совершенного вида (в будущем времени).

Но само собою разумеется, что если основа несовершенного вида и основа совершенного вида будут принадлежать к разным спряжениям, то между окончаниями настоящего и окончаниями будущего будет некоторая разница (например, в одном случае во 2-м лице мы будем иметь окончание *ешь*, а в другом случае *ишь* и т. д.). Сравни, например:

---

[1] Начальное *с* произносится (благодаря тому, что за ним следует парный звонкий согласный звук — *дь*) как *з*; т. е. *сделаю* фактически произносится как *зделаю, сделаешь* — как *зделаешь* и т. д.

	Настоящее время (от основы несовершенного вида)	Будущее время (от основы совершенного вида)
1 л.	лиша́ю	лишу́
2 л.	лиша́ешь	лиши́шь
3 л.	лиша́ет	лиши́т
4 л.	лиша́ем	лиши́м
5 л.	лиша́ете	лиши́те
6 л.	лиша́ют	лиша́т

Здесь, как мы видим, настоящее время спрягается по I-му спряжению (и ему соответствует неопределенное наклонение *лиша́ть*), а будущее по II-му спряжению (и ему соответствует неопределенное наклонение — *ши́ть*).

Другой, подобный же пример:

	Настоящее время (от основы несовершенного вида *решать*)	Будущее время (от основы совершенного вида *решить*)
1 л.	реша́ю	решу́
2 л.	реша́ешь	реши́шь
3 л.	реша́ет	реши́т
4 л.	реша́ем	реши́м
5 л.	реша́ете	реши́те
6 л.	реша́ют	реша́т

§ 107. Форм будущего времени несовершенного вида не существует, т. е. точнее говоря, не существует выражений будущего времени совершенного вида в одном едином слове.[1] Но так как реальная потребность в выражении данного значения (— значения будущего времени несовершенного вида) фактически существует, то для нее служат особые сложные конструкции — из двух слов: из личных форм *буду, будешь, будет, будете, будем, будут* (будущее время от глагола *быть*) и неопределенного наклонения от данного глагола. Например:

Сложная (из двух слов) конструкция будущего времени несовершенного вида от глагола *решать* (— основа несовершенного вида *решал — решаю*) и от глагола *говорить* (— основа несовершенного вида *говорил — говорю*):

1 л.	буду решать	буду говорить
2 л.	будешь решать	будешь говорить
3 л.	будет решать	будет говорить
4 л.	будем решать	будем говорить
5 л.	будете решать	будете говорить
6 л.	будут решать	будут говорить

Надо твердо запомнить, однако, что в этой конструкции могут быть употреблены лишь такие неопределенные наклонения, которые сами по себе

[1] Исключением является форма *буду* (будешь, будет, будем, будете, будут) от глагола *быть*; об этом глаголе речь будет итти особо, как об исключительном явлении (см. ниже).

имеют значение несовершенного времени (например, *решать, лишать, читать*), но совершенно невозможно сказать: **буду решить, *буду лишить, *буду прочитать* или **буду прочесть*. [1]

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

§ 108. В отличие от настоящего и будущего, Прошедшее время не спрягается по лицам, но зато изменяется — в единственном числе — по грамм. родам, и кроме того образует форму множественного числа (т. е. изменяется лишь по родам и числам); итого, следовательно, от каждой основы (обладающей тем или другим видовым значением) можно образовать всего 4 формы прошедшего времени:

Например:

П р о ш е д ш е е в р е м я

Форма мужеского рода	Форма женск. рода	Форма среднего рода	Множеств. число (одна форма)
читал	читала	читало	читали
прочёл	прочла	прочло	прочли
сказал	сказала	сказало	сказали
упал	упала	упало	упали
падал	падала	падало	падали
кричал	кричала	кричало	кричали
закричал	закричала	закричало	закричали
крикнул	крикнула	крикнуло	крикнули
ходил	ходила	ходило	ходили
шёл	шла	шло	шли
хаживал	хаживала	хаживало	хаживали
пошёл	пошла	пошло	пошли

П р и м е ч а н и е. Так как прошедшее время может быть образовано от всякой видовой основы (т. е. и от основы несовершенного вида, и от основы совершенного вида, и от основ однократного и многократного видов) то, в зависимости от основы, мы получаем в одних случаях прошедшее несовершенного вида (напр. *читал, падал, ходил, шёл*) в других случаях—прошедшее совершенного вида (напр. *прочёл, сказал, упал, закричал, пошёл*), в третьих—прошедшее однократного вида (напр. *крикнул*) и, наконец,—прошедшее многократного вида (напр. *хаживал*). Однако, во всех этих разновидностях (по признаку вида), суффиксы, служащие признаками форм Прошедшего времени, как таковогo, будут одинаковы (именно это будут суффиксы:— *л, -л-а, -л-о, -л-и*). Что же касается тех суффиксов, которые им в некоторых формах предшествуют (напр. суффикс *-ну* — в *крикнул*, суффикс-*ива*- в *хаживал*), то они относятся уже не к признакам прошедшего времени, а к признакам в и д а и входят, следовательно, в основу данного видообразования: суффикс *-ну*- (имеющийся в *крикнул — крикнуть*) входит в основу однократного вида, суффикс *-ива*- (в *хаживал — хаживать*) — в основу многократного вида.

§ 109. Суффиксом, выявляющим значение прошедшего времени, как таковогo, нужно считать *-л* (являющееся „твердым" согласным в формах единственного числа и „мягким" в форме множественного числа, т. е. пе

[1] Подобные сочетания (*буду* + неопределенное наклонение совершенного вида, т. е. **буду решить* и т. д.) невозможны уже потому, что для выражения будущего совершенного вида есть простые формы будущего (из одного слова): *решу, лишу, прочитаю* или *прочту* и т. д. Между тем нацменьшинства Союза и иностранцы, говорящие по-русски, чрезвычайно часто делают ошибки в данном отношении, т. е. говорят **буду решить* вместо *решу*, **буду сказать* вместо *скажу* и т. п. и т. п.

ред гласным *и*), ибо это *л* повторяется во всех[1] четырех формах Прошедшего времени (сравн. *чи-та-л, чита-л-а, чита-л-о, чита-л-и; жи-л, жи-л-а жи-л-о, жи-л-и*); поэтому этот суффикс *л* может быть сопоставлен с узбекским суффиксом *-dь* | *-di* (دى), который также повторяется во всем спряжении прошедшего времени: напр. kel-di-m, kel-di-ŋ, kel-di, kel-di-k (или диалектическое kel-di-miz), kel-di-ŋiz и т. д. А следующие за этим *л* гласные (в формах: женского рода, среднего рода и множественного числа) будут, следовательно, играть роль, напоминающую, в общем, положение суффиксов *-m, -ŋ, -k* (или *-miz*) *-ŋiz* и *-lər* в узбекских формах Прошедшего времени: напр. kel-di-m, kel-di-ŋ, kel-di-k (или kel-di-miz), kel-di-ŋiz и kel-di-lər. Надо только помнить, что узбекские *-m, -ŋ, -k* (*-miz*), *ŋiz* (присоединяющиеся к суффиксу прошедшего времени *di*) являются выразителями лица[2], а русские *-а, -о, -и* (в *чита-л-а, чита-л о, чита-л-и*, или в *жи-л-а, жи-л-о, жи-л-и* и т. д.) выражают не лица, а грамматический род (— это мы имеем в *а, -о*) и число (*-и* выражает множественное число). Что же касается форм мужск. рода на *л* (напр. *читал, жил, сказал* и т. д. и т. д.), то само отсутствие следующего гласного[3] указывает здесь на то, что данная форма принадлежит к м у ж е с к о м у грамм. роду ед. числа (и в этом отношении такие формы, как читал, жил и т. д., могут быть сравнены с узбекской формой 3 л. kel-di, где точно так же отсутствие следующего за -di суффикса указывает на специфическую особенность этого члена парадигмы—в узбекском на то, что эта форма 3-го лица[4]).

§ 110. Ввиде исключения из общего правила некоторые глаголы (—из числа тех, основа которых оканчивается на согласный, в частности на *с, з, г*) в форме Прошедшего времени м у ж е с к о г о р о д а утратили звук *л*; но в прочих трех формах (ж. рода, ср. рода и мн. числа) *л*, как и во всех прочих глаголах, имеется: напр.:

Прош. м. рода — *нёс* (вместо **нёсл*), но ж. род — *несла*, ср. род *несло*, мн. ч. *несли*;

Прош. м. рода *вёз*, но ж. род — *везла́*, ср. род — *везло́*, мн. ч. *везли́*;

Прош. м. рода — *лёг*, но ж. род — *легла́*, ср. род — *легло́*, мн. ч. *легли́*.

§ 111. В прошедшем времени от глаголов возвратной формы на *ся* или *сь*, форма муж. рода оканчивается на *л-ся* (за исключением таких случаев, как *нёсся, улегся* — см. § 110), форма ж. рода — на *л-а-сь*, форма ср. рода — на *л-о-сь*: напр. прошедшее вр. от глагола *начаться*: *начался, началось, начались*. Т. е. иначе говоря, здесь вполне применимым оказывается то общее правило распределения окончаний *-ся* или *-сь*, которое было указано в § 96: дублет *-ся* — после согласного звука, дублет *-сь* — после гласного.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ[5]

§ 112. Сослагательное наклонение по форме равняется п р о ш е д ш е м у времени (изъявительного наклонения) с добавлением частицы *бы*, пишущейся как самостоятельное слово, т. е. отдельно. Следовательно, сослагательное имеет, точно так же, как и прошедшее время, всего 4 формы (м. рода, ж. рода, ср. рода и мн. числа): напр.

Сказал бы, сказала бы, сказало бы, сказали бы.

По временам сослагательное наклонение не изменяется.

---

[1] Исключением являются лишь формы прошедшего времени мужеского рода от н е к о т о р ы х глаголов, например *нес, вез, лег*; о них будет упомянуто ниже, см. § 110.

[2] Так напр. m в keldim является выразителем 1-го лица, ŋ в keldiŋ — выразителем 2-го лица и т. д.

[3] В отличие от прочих трех форм: *читала, читало, читали*.

[4] В отличие от -m (1-го лица), ŋ (2-го лица) и т. д. Поэтому принято говорить, что в узбекской форме 3 л. прошедшего врем. идея 3 лица выражена н у л е в ы м с у ф ф и к с о м. Точно так же в русской форме мужеск. рода прошедшего идея мужеского рода выражена н у л е в ы м с у ф ф и к с о м.

[5] О значении сослагательного наклонения см. также § 87.

§ 113. Сослагательное наклонение глагола, составляющееся из формы прошедшего времени и частицы *бы* (или ее варианта *б*), например, д а л *бы*, д а л а *бы*, д а л о *бы*, д а л и *бы*, с к а з а л *бы*, с к а з а л а *бы*, с к а з а л о *бы*, с к а з а л и *бы*, — употребляется тогда, когда говорят не о действии, фактически осуществившемся, осуществляющемся или подлежащим осуществлению, но лишь о п р е д п о л а г а е м о м действии, которое может осуществиться при наличии известного условия (1°) или которое просто мыслится желательным (2°). Например:

1°. Я д а л *бы* т е б е э т у к н и г у, е с л и *бы* т ы о с т а в и л з а н е е з а л о г. [Здесь сослагательное наклонение д а л *бы* (berər edim) употреблено для выражения действия, фактически вовсе неосуществляющегося, но предполагаемого возможным в зависимости от определенного условия (е с л и *бы* т ы о с т а в и л з а л о г — əgər gərəv qaldьrsaŋ)].

О н с к а з а л *бы* т е б е, е с л и *бы* з н а л (əgər əzi bilsə, sengə ajtar edi). [Сослагательное наклонение с к а з а л *бы* (ajtar edi) здесь опять-таки, как и в предыдущем примере, выражает действие, которого на самом деле нет и не было, но которое предполагается возможным в зависимости от наличия определенного условия (— е с л и *бы* з н а л = əgər bilsə)].

Е с л и *бы* П а р и ж с к а я К о м м у н а к о н ф и с к о в а л а у б у р ж у а з и и е е д е н е ж н ы е с р е д с т в а, К о м м у н а б ы л а *бы* н е п о б е д и м о й. [Здесь сослагательное наклонение — б ы л а *бы* (н е п о б е д и м о й) (в форме женского рода, — потому что подлежащее — К о м м у н а — существительное женского рода) выражает состояние, обратное тому, что имело место в действительности (так как Парижская Коммуна была побеждена буржуазией), но представляющееся возможным при наличии определенного условия (— конфискации денежных средств у буржуазии), — условия, которое в действительности не было выполнено].

2°. Э х! в ы д а л и *бы* н а м с п е ц о д е ж д у! [Здесь сослагательное наклонение в ы д а л и *бы* (в форме множественного числа, потому что по-русски при безличном обороте глагол обыкновенно ставится в форме 3 лица множественного числа) выражает опять-таки действие, не имеющее места в действительности: пожелание „В ы д а л и *бы* н а м с п е ц о д е ж д у" высказывается именно тем лицом, кому спецодежды не выдали. Но в отличие от предыдущих примеров (1°), это предполагаемое действие (выдача спецодежды) не связывается с каким-либо определенным условием, а просто мыслится желательным для говорящего].

О д о л ж и л *бы* т ы м н е с в о е п а л ь т и ш к о! [Сослагательное наклонение о д о л ж и л *бы*, как и в предыдущем примере, выражает фактически отсутствующее действие, не связанное с каким-либо определенным условием, а просто мыслящееся желательным для говорящего].

П р и м е ч а н и е. В случаях, подобных последнему примеру (о д о л ж и л *бы* т ы м н е с в о е п а л ь т и ш к о!), т. е. когда сослагательное наклонение выражает просто желательность данного действия без связи с определенным условием, и когда, при этом, в качестве субъекта, т. е. предполагаемого осуществителя этого действия, указывается 2 е лицо един. или множ. числа (*ты* или *вы*), реальный смысл этой глагольной формы (т. е. сослагательного наклонения — о д о л ж и л *бы* т ы!) оказывается близким к значению повелительного наклонения (о д о л ж и!). Но все-таки между обоими этими оборотами (т. е. между сослагательным в применении ко 2-му лицу: о д о л ж и л *бы* т ы! и повелительным: о д о л ж и!) есть и определенное смысловое различие: в то время как повелительное наклонение непосредственно выражает приказание или просьбу совершить данное действие, оборот с сослагательным наклонением (О д о л ж и л *бы* т ы!) выражает намёк на просьбу. Поэтому оборот с повелительным „О д о л ж и!" по узбекски следует переводить

повелительным же (Qarzqa ber или Qarzqa ber-gin), а для перевода оборота с сослагательным (О д о л ж и л *бы* т ы!) допустимо взять такой смысловой эквивалент: Qarzqa bersəŋiz, jaxşь boladь!

§ 114. В формальном отношении сослагательное наклонение составляется из форм прошедшего времени от данного глагола и частицы *бы* (иногда в сокращенной форме *б*), пишущейся отдельно, т. е. как самостоятельное п и с ь м е н н о е с л о в о. Таким образом, если от глагола *дать* (сов. вида) прошедшее время имеет следующее 4 формы (мужеского, женского и среднего родов единственного числа и одну форму множественного числа):

дал
дала дали,
дало

то сослагательное наклонение от этого глагола (сов. вида) имеет тоже 4 формы:

д а л *бы* (я дал бы, ты дал бы, он дал бы) — для мужеского рода (ед. ч.)
д а л а *бы* (я дала бы, ты дала бы, она дала бы) — для женского рода (ед. числа)
д а л о *бы* (напр., это дало бы нам 12.000.000 чистой прибыли) — для среднего рода (ед. числа)
д а л и *бы* (мы дали бы, вы дали бы, они дали бы) — для множественного числа (без различия родов).

Иначе говоря, сослагательное наклонение, в полном соответствии с словоизменением прошедшего времени (— по родам и числам, но не по лицам), изменяется лишь по родам (в единственном числе) и числам (т. е. имеет, кроме трех родовых форм единственного числа, еще одну особую форму для множественного числа), но не имеет спряжения по лицам (т. е. понятие лица выражается не различиями в глагольных формах, а просто употреблением соответствующего местоимения: *я, ты, он* и т. д. — например, *я дал бы, ты дал бы, он дал бы.*

П р и м е ч а н и е. Частица *бы* может сокращаться в *б* только тогда, когда предшествующее ей письменное слово оканчивается на гласный, а не на согласный звук. Например, форма женского рода (ед. числа) *дала́ бы* может быть заменяема через *дала́ б*; и форма множественного числа *да́ли бы* может быть заменяема через *да́ли б* (поскольку данной частице *б* предшествует гласный — именно гласный *а* в *дала б*, гласный *и* в *дали б*) и т. п., но в мужеском роде сочетание **дал б* является невозможным: здесь гласный *ы* в частице *бы* не может исчезать: — *дал бы.*

§ 115. Частица *бы* (или ее сокращенный вариант — *б*) может менять свое положение во фразе, т. е. может быть отделяема от относящейся к ней формы прошедшего времени. Например, вместо фразы „Я д а л б ы т е б е э т у к н и г у" возможна фраза с измененным порядком слов: Я б ы т е б е д а л э т у к н и г у [Здесь следовательно, обе составные части формы сослагательного наклонения — 1) форма прошедшего времени *дал* и 2) частица *бы* — оказываются не только перестановленными, но и отделенными друг от друга: сначала идет частица *бы*, затем оказывается вставленным местоимение *тебе* и лишь после него форма прошедшего времени *дал*].

§ 116. В слитных предложениях, где к одному и тому же подлежащему относится несколько глаголов в сослагательном наклонении, достаточно бывает лишь один раз употребить частицу *бы* (или *б*). Например: Е с л и б ы т ы д а л м н е в р е м я, я в ы м ы л б ы, в ы г л а д и л и в ы с у ш и л в с ё б е л ь ё (вместо тройного употребления частицы *бы*: *я в ы м ы л б ы, в ы г л а д и л б ы и в ы с у ш и л б ы в с ё б е л ь ё).

§ 117. По-узбекски русское сослагательное наклонение переводится обычно формами на *-ar edi* (*-m, -ŋ,...*) | *-ər edi* (*-m, ŋ,...*) || *-r edi* (*-m, ŋ,...*): напр. *сказал бы = ajtar edi* (или ajtar edim, ajtar ediŋ), *дал бы = berər edi* (или berər edim, berər ediŋ), *спросил бы = sorar edi* (или sorar edim, sorar ediŋ). Но надо иметь в виду, что данные узбекские формы употребляются и для перевода некоторых других глагольных форм русского языка, в частности и для выражения прошедшего многократного и прошедшего несовершенного.

§ 118. Когда сослагательное наклонение выражает фактически не имевшее места действие, которое мыслится возможным (или долженствующим) при наличии определеннного условия, то для выражения этого условия обычно употребляется придаточное предложение, начинающееся с союза *если бы* (см. вышеприведенные примеры 1°). Здесь, следовательно, частица *бы* входит в состав с о ю з а (— „е с л и б ы"), которым устанавливается условная связь между придаточным и главным предложениями уже нет надобности повторять частицу „бы" еще раз, т. е. после глагола (в форме прошедшего времени), служащего сказуемым этого придаточного предложения). Например: двукратный повтор *бы* в придаточном предложении „Е с л и б ы П а р и ж с к а я К о м м у н а к о н ф и с к о в а л а б ы д е н е ж н ы е с р е д с т в а б у р ж у а з и и"... — излишен и неправилен; достаточно того, что „бы" употреблено 1 раз — в составе союза *если бы*: „Е с л и б ы П а р и ж с к а я К о м м у н а к о н ф и с к о в а л а д е н е ж н ы е с р е д с т в а б у р ж у а з и и...."

П Р И Ч А С Т И Я

§ 119. П р и ч а с т и я м и называются отглагольные прилагательные, имеющие сходные значения с такими узбекскими формами, как berə turqan, bergən, berilə turqan, bərilgən; или, например, bitirə turqan, bitirgən, bitirilə turqan, bitirilgən; и т. п. По образованию своему (— от глагольных основ) причастия принадлежат к системе глагольного формообразования, но по своему словоизменению (— состоящему в склонении по падежам и числам и в изменении по родам) они являются настоящими прилагательными. Поэтому о словоизменении причастий (— об их изменении по трем грамм. родам и об их склонении) у нас уже шла речь — в главе о п р и л а г а т е л ь н ы х, а в главе, посвященной г л а г о л у, нам остается рассмотреть лишь образование самих основ причастий (как производных от глагольных основ).

§ 120. По своим смысловым функциям причастия русского языка принадлежат к следующим 4-м категориям, находящим себе точные эквиваленты в узбекском языке:

1°. Причастия настоящего времени действительного залога; например, — от глагола *читать* (несовершенного вида) — *читающий* (муж. рода), *читающая* (жен. рода), *читающее* (ср. рода); узбекский эквивалент — oquj turqan (в живой ташкентской речи oqujdigən).

2°. Причастия настоящего времени действительного залога: например, — от глагола *читать* (несоверш. вида), *читавший* (муж рода), *читавшая* (жен. рода), *читавшее* (ср. рода); узбекский эквивалент — oquqan.

3°. Причастия прошедшего времени страдательного залога; напр., — от глагола *читать* (несоверш. вида) — *читаемый* (муж. рода), *читаемая* (жен. рода), *читаемое* (ср. рода): узбекский эквивалент — oqula turqan (в живой ташкентской речи oquladigən).

4°. Причастия прошедшего времени страдательного залога; напр., — от глагола *читать* (несоверш. вида) — *чи́танный* (муж. рода), *чи́танная* (жен. рода), *чи́танное* (ср. рода); узбекский эквивалент — oqulqan.

П р и м е ч а н и е. Если мы, вместо глагольной основы несовершенного вида — *читать*, возьмем глагол совершенного вида, например, *прочитать*, то от него сможем образовать лишь д в а причастия (а не четыре!):

2°. Причастие прошедшего времени действительного залога — *прочитавший, прочитавшая, прочитавшее*; и

4°. Причастие прошедшего времени страдательного залога — *прочитанный, прочитанная, прочитанное.*

Что же касается обоих причастий настоящего времени (1° и 3°), то для совершенного вида они вовсе невозможны, ибо понятие настоящего времени в русском языке вообще несовместимо с категорией совершенного вида (см. выше §§ 48); таким образом, слова **прочитающий, -ая, ее* и **прочитаемый, -ая, ое* вовсе не существуют и недопустимы в русском языке.

§ 121. Образование причастия настоящего времени действительного залога (— 1°; например, *читающий, -ая, -ее; дающий, -ая, -ее; несущий, -ая, -ее; ведущий, -ая, -ее; требующий, -ая, -ее; просящий, -ая, -ее; кричащий, -ая -ее; свистящий, -ая, -ее; шипящий, -ая, -ее*) легко усваивается по следующему практическому правилу (рецепту): надо взять форму 6 лица (= 3 лица множ. числа) настоящего времени от данного глагола и заменить в ней конечное *т* окончанием *щий* (для причастия мужеского рода), *щая* (женского рода), *щее* (среднего рода). Например:

От глаголов (несоверш. вида)	читать, давать, свистеть, кричать
Форма 6 л. (= 3 л. множ. ч.) настоящего времени	читают, дают, свистят, кричат
Заменяя конечное *т* окончанием *щий*, получаем:	
Причастие настоящ. времени действит. зал. (1°) муж. рода	читающий, дающий, свистящий, кричащий
„ жен. рода	читающая, дающая, свистящая, кричащая
„ ср. рода	читающее, дающее, свистящее, кричащее

П р и м е ч а н и е. Склонение этих и других причастий (по падежам и числам) см. в главе о „Прилагательных".

§ 122. Образование причастия прошедшего времени действительного залога (— 2°; например, *читавший, -ая, -ее; дававший, -ая, -ее,* от несовершенного вида *давать*; *давший, ая, ее* — от совершенного вида *дать*; *лежавший, -ая, ее* — от *лежать*; *кричавший, -ая, -ее* — от *кричать*; *искавший, -ая, -ее* — от *искать* и т. д.) может быть усвоено по следующему практическому правилу (рецепту): в форме прошедшего времени (муж. рода) с окончанием *л* это *л* заменяется окончанием *вший* (для причастия мужеск. рода), *вшая* (женского рода), *вшее* (среднего рода). Например:

Глаголы в неопределенном наклонении:	читать, кричать, сказать, разбудить, разбить
Форма прошедшего времени:	читал, кричал, сказал, разбудил, разбил
Заменяя *л* окончанием *вший, вшая, вшее,* получаем:	
Причастие прошедш. вр. действ. зал. (муж. рода)	читавший, кричавший, сказавший, разбудивший, разбивший
„ (жен. рода)	читавшая, кричавшая, сказавшая, разбудившая, разбившая
„ (сред. рода)	читавшее, кричавшее, сказавшее, разбудившее, разбившее.

Исключением из этого практического правила оказываются, главным образом, те глаголы, в спряжении которых форма прошедшего времени

(муж. рода) не имеет конечного *л*, например; *нести* — прошед. вр. *нёс*; *везти* — прошед. вр. *вёз*; *печь* — прошед. вр. *пёк*; *лечь* — прошед. вр. *лёг*. Они образуют причастие прошедшего времени действительного залога, прибавляя к форме прошедшего (муж. рода) окончание *-ший* (для причастия муж. рода), *-шая* (—жен. рода), *-шее* (—ср. рода): *нёсший, нёсшая, нёсшее, вёзший, вёзшая, вёзшее; пёкший, пекшая, пекшее; лёгший, легшая, легшее.*

§ 123. Причастие настоящего времени страдательного залога (— 3°; например, *читаемый, читаемая, читаемое; даваемый даваемая, даваемое*) употребляется значительно реже, чем причастия остальных трех категорий (1°, 2°, 4°): от многих глаголов вовсе нельзя образовать этого причастия. Поэтому изучающим русский язык узбекам можно посоветовать — употреблять эту форму (причастие наст. вр. действ. залога, 3°) только тогда, когда не возникает сомнений, что это причастие — от д а н н о г о г л а г о л а — фактически употребляется в русском языке, т. е. уже известна учащемуся из образцов правильной русской речи; образовывать же ее самостоятельно — от любого глагола — не следует.

Причастие настоящего времени страдательного залога всегда оканчивается на *мый* (в муж. роде), *мая* (ж. р.), *мое* (ср. р.).

При этом у большинства глаголов — в частности глаголов, оканчивающихся в неопределенном наклонении на *-ать*, — этому окончанию *мый, мая, мое* предшествует гласный *е*.

ПРИМЕРЫ:

	Неопределенное наклонение (несов. вида)	Причастие настоящего вр. страд. зал.
	принимать	принимаемый, принимаемая, принимаемое
	давать	даваемый, даваемая, даваемое
	выдыхать	выдыхаемый, -емая, -емое
	возвышать	возвышаемый, -емая, -емое
	улучшать	улучшаемый, -емая, -емое
	занимать	занимаемый, -емая, -емое
	отравлять	отравляемый, -емая, -емое
	нарушать	нарушаемый, -емая, -емое
	отправлять	отправляемый, -емая, -емое
Но от глагола	водить	водимый, водимая, водимое
	носить	носимый, носимая, носимое

и т. п.

§ 124. Причастие прошедшего времени страдательного залога (4°) у некоторых глаголов оканчивается на *нный, нная, нное*; у других же — на *тый, тая, тое*. Примеры:

Неопределен. наклон.	Прич. прош. вр. страд. залога
1) дать	данный, данная, данное
писать (несов. вид)	писанный, писанная, писанное
написать (сов. вид)	написанный, написанная, написанное
воровать	ворованный, ворованная, ворованное
украсть	украденный, украденная, украденное
подарить	подаренный, подаренная, подаренное
2) бить (несов. вид)	битый, битая, битое
побить (соверш. вид)	побитый, побитая, побитое
убить	убитый, убитая, убитое
брить (несов. вид.)	бритый, бритая, бритое
выбрить (соверш. вид)	выбритый, выбритая, выбритое

§ 125. Подробно настоящим прилагательным (например, *великий, великая, великое; больной, больная, больное*) причастия прошедшего времени страдательного залога обладают и т. н. „краткой" формой (сравн. *велик, велика, велико; болен, больна, больно*), употребимой исключительно в роли сказуемого (а не определения!):[1] напр.: *бит, бита, бито́* — краткая форма к причастию *битый, битая, битое* (от глагола *бить*), *брит, брита, брито* — краткая форма к причастию *бритый, бритая, бритое* (от глагола *брить*), *выбрит, выбрита, выбрито* — краткая форма к причастию *выбритый, выбритая, выбритое.*

Примеры краткой формы во фразах — разумеется, в функции сказуемого: Он был гладко выбрит. Щёки у вас гладко выбриты; но в роли определения полная форма: бритая голова, выбритая щека, выбритые щёки.

Причастия на *нный, нная, нное* в краткой форме имеют уже не два, а только одно *н*: напр., *дан, дана́, дано́* — краткая форма от *данный, данная, данное; украден, укра́дена, укра́дено* — краткая форма от *украденный, украденная, украденное* и т. д.

§ 126. Только один глагол — именно глагол *быть* — обладает причастием будущего времени: *бу́дущий, будущая, будущее* (произведено от буд. времени *буду* — 6 л. *будут*).

Примечание 1. Зато причастия настоящего времени глагол *быть* в современном русском языке уже не имеет. Этимологически-правильная форма причастия настоящего — *су́щий, сущая, сущее* (от 6 л.-3 л. мн. ч. наст. времени *суть* — подобно тому, как *несущий, -щая, -щее* от 6 л. наст. вр. *несут, ведущий, -щая, -щее* от 6 л. наст. вр. *ведут, рисующий, щая, щее* от 6 л. наст. вр. *рисуют* и т. д.) в современном литературном языке уже потеряла значение причастия (т. е. эквивалента узбекскому bola turqan — ташкентск. bolədigən) и превратилась в простое прилагательное со значением „настоящий, действительный, фактический". Причастие наст. времени *быва́ющий, -щая, -щее,* разумеется, принадлежит не к глагольной основе *быть,* а к основе с многократным значением — *бывать.*

Примечание 2. Причастие прошедшего времени от *быть* — *бывший, бывшая, бывшее* (правильно образованное от прошедшего времени *был* — подобно причастиям *ставший, -вшая, -вшее* от прош. времени *стал, лежавший, -вшая, -вшее* от прош. времени *лежал* и т. д.) вполне сохранило свои причастные функции (т. е. служит эквивалентом к узбекскому bolqan); но наряду с этими функциями, *бывший, бывшая, бывшее* употребляется порою и в специальном значении прилагательного: например, это бывший человек, это бывшие люди[2].

От многократного же глагола *бывать* („bir necə mərtəbə bolmaq") причастие прошедшего времени — *бывавший, бывавшая, бывавшее* (bir nəcə mərtəbə bolqan).

§ 127. В отличие от настоящих прилагательных (напр. *сильный, -ная, -ное* — сравнительная степень *сильнее* или *сильней,* превосходная степень — *сильнейший, -шая, -шее*) причастия не имеют степеней сравнения.

---

[1] Ибо вообще „краткая" форма предназначается только для выражения сказуемого, тогда как полная форма предназначается гл. образом для роли определения, но допускается — в современном русском языке — и в функции сказуемого (см. выше).

[2] В языке революционной эпохи это — специфическое — значение слова *бывший* (— в роли прилагательного!) еще более сузилось: бывший человек стало означать: старорежимный человек, человек николаевского времени, игравший более или менее видную роль при буржуазном строе, а ныне превратившийся в ничтожество.

§ 128. В отличие от узбекского языка причастия, играющие роль определения при именах существительных, могут в русском языке не только предшествовать определяемому им имени существительному (как это всегда имеет место в узбекском), но и следовать за ним. Обычно последнее (т. е. постановка причастия после определяемого им имени существительного) имеет место тогда, когда к данному причастию относится ряд дополнений или обстоятельств, т. е. тогда, когда это причастие входит в так называемое сокращенное придаточное предложение распространенное (с участием нескольких подчиненных слов); в этом случае между определяемым (именем существительным) и определяющим его причастием ставится запятая (,) и вообще все данное придаточное предложение заключается — сзади и спереди — в запятые. Например: Люди, изведавшие на своем веку много хорошего и дурного, бывают снисходительны к чужим недостаткам. (Придаточное предложение, начинающееся причастием прошедшего времени действительного залога *изведавшие*, содержит в себе, кроме этого причастия, ряд других слов (— на своем веку много хорошего и дурного), поэтому данное причастие (и все придаточное предложение) помещено после определяемого им имени существительного *люди* и отделено от него запятой (,); запятая (,) ставится и в конце данного придаточного предложения — после слова *дурного*). Но если определение состоит не из целого распространенного придаточного предложения, а из одного только причастия, то это причастие большей частью стоит перед определяемым именем существительным (как это обязательно для узбекского языка): например, Мыслящие люди вообще редки. Подробнее об этом будет говориться в „Синтаксисе".

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

§ 129. Подобно тому, как причастия являются отглагольными прилагательными, деепричастия служат отглагольными наречиями, т. е. образуются от глагольных основ, но по синтаксическому своему значению играют роль наречий (и следовательно, определяют собою не имя, но некий другой глагол — глагол главного предложения). Например, во фразе: Надев шапку, он вышел на улицу — деепричастие *надев* (от глагола соверш. вида *надеть*) в синтаксическом отношении точно так же подчинено глаголу (глаголу главного предложения) *вышел*, как и наречие *торопливо* в такой фразе: Торопливо он вышел на улицу.

Соответственно общей норме неизменяемости наречий, и деепричастия тоже являются неизменяемыми, т. е. каждое деепричастие (определенного времени — настоящего или прошедшего) имеет только одну форму (если не считать тожественных по значению[1] вариантов некоторых деепричастий — напр., *надев* и *надевши*).

В узбекском языке русским деепричастиям соответствует вполне аналогичная им категория: узбекские деепричастия, в частности деепричастия, оканчивающиеся на *-ьр* / *-ір* / *-р* [*-ьв* / *-ів* / *-в*], например, вагьр (= вагьв), kelip (= keliв), oqup (= oquв) и т. п.

Следует, впрочем, заметить, что узбекский язык не проводит той строгой грани, которая существует в русском употреблении деепричастий настоящего времени (напр., *надевая*) и деепричастий прошедшего времени (*надев* или *надевши*): в значительном ряде случаев переводным эквивален-

---

[1] Так как эти варианты (*надев* и *надевши*, *сказав* и *сказавши* и т. п.) не противополагаются друг другу по значению, то мы имеем здесь дело не со словоизменением деепричастий, а просто с сосуществованием дублетных вариантов одной и той же формы (что мы имели, например, и раньше — в известных формах существительных и прилагательных: например, в творительном [5-м] падеже единственного числа женского рода — *рукой* и *рукою*, *большой* и *большою* и т. п.).

том для обеих разновидностей русских деепричастий (— настоящего времени: *надевая* и прошедшего времени: *надев* или *надевши*) в узбеском может служить форма так назыв. „деепричастия прошедшего“ на *-ьр* / *-ip* / *-р*, т. е. *kijіp* и т п. [1]

§ 130. В русском языке различаются 2 категории деепричастий: деепричастие настоящего времени (1°) и деепричастие прошедшего времени (2°); например:

Глаголы в неопределенном наклонении	Деепричастие настоящего времени (1°)	Деепричастие прошедшего времени (2°)
читать (несов. вид)	читая	читав
прочитать (совер. вид)	— отсутствует	прочитав или прочитавши
одевать (несов. вид)	одевая	одевав или одевавши
рисовать (несов. вид)	рисуя	рисовав
нарисовать (совер. вид)	— отсутствует	нарисовав

Примечание 1. Так как понятие настоящего времени вообще несовместимо в русском языке с категорией несовершенного вида, то от глаголов совершенного вида не может быть образовано деепричастие настоящего времени (т. е. такие мнимые формы, как **прочитая*, **нарисуя* и т. п.; они совершенно недопустимы в русском языке).

Примечание 2. Наиболее употребительными являются: деепричастие настоящего времени (несовершенного вида) и деепричастие прошедшего времени совершенного вида (*прочитав, одев, нарисовав* и т. п.). Что же касается деепричастия прошедшего времени от глагольных основ несовершенного вида (*читав, рисовав, одевав* и т. п.), то оно принадлежит к изживаемым в современном языке формам.

§ 130. Смысловое различие между деепричастием настоящего времени (напр., *читая, рисуя*) и деепричастием прошедшего времени (напр., *сказав, прочитав, нарисовав* или *сказавши, прочитавши* и т. п.) состоит в том, что деепричастие настоящего времени (1°) выражает действие одновременное с действием глагола главного предложения, а деепричастие прошедшего времени (2°) — действие, предшествующее по времени действию глагола главного предложения. Например:

1°. Читая газету, он пил чай и курил папиросу (= В то самое время, когда он читал газету, он пил чай и курил папиросу).

2°. Прочитав газету, он вышел на улицу (= Сначала он закончил чтение газеты, а затем уже вышел на улицу).

§ 132. Деепричастие настоящего времени (1°) оканчивается на *я* (весьма часто *-ая*) или на *а*; напр. *неся* от *нести*, *везя* от *везти*, *ведя* от *вести*, *рисуя* от *рисовать*, *живя* от *жить*, *говоря* от *говорить*, *делая* от *делать*, *выдыхая* от *выдыхать*, *изнемогая* от *изнемогать*, *проклиная* от *проклинать*, *упоминая* от *упоминать*, *разрешая* от *разрешать*, *давая* от *давать*, *умоляя* от *умолять*, *крича* от *кричать*, *молча* от *молчать*, *спеша* от *спешить*, *лежа* от *лежать*, *треща* от *трещать* (напр. „треща по всем швам“).

Примечание. Оканчиваются на букву *а* (вместо буквы *я*!) деепричастия наст. времени в том случае, если конечному звуку а предшествует шипящий (т. е. не парный в отношении „твердости“ и „мягкости“) согласный звук, т. е. буквы *ш, ж, ч* или *щ* (*спеша* от

[1] Тогда как турецкое „деепричастие настоящего времени“ — на *-а/-ə/-j* (напр., bara, kelə, oquj) в современном узбекском языке уже утрачивает самостоятельные функции в качестве отдельного слова, и этимологически входит в формацию известных „сложных“ глагольных форм современного узбекского языка: например: 1) в ташк. barədigən — экв. литературного bara turqan, ташк. kelədigən — экв. литературного kelə turqan, ташк oqujdigən — экв. литературного oquj turqan и т. п.; или 2) в ташк. baralmijmən — экв. литературного bara almajman, kelalmijmən — экв. литературного kelə almajman.

спешить или *кроша* от *крошить, лежа* от *лежать* или *визжа* от *визжать, молча* от *молчать* или *пряча* от *прятать, треща* от *трещать* или *ища* от *искать* и т. п.).

Деепричастия прошедшего времени оканчиваются на *в*[1] и *вши*[2] или иногда на *ши*, — напр. *дав* или *давши* от *дать, сказав* или *сказавши* от *сказать*, но *прилегши* от *прилечь*. При этом практическим правилом (рецептом) формообразования может служить следующее: следует взять форму причастия прошедшего времени (муж. рода) данного глагола (напр. *давший* от глагола *дать, сказавший* от глагола *сказать*), и в том случае, если это причастие оканчивается на *вший* (а не просто на *-ший*, как напр. причастие *прилегший* от глагола *прилечь*), откинуть последние 3 звука *-ший* или только 1 последний звук — *й*: в первом случае получаем наиболее краткий (но более употребительный в стандартной литературной речи) вариант формы деепричастия — *дав, сказав*; во втором случае — более длинный (но менее, в общем, свойственный стандартному, литературному языку) вариант — *давши, сказавши* и т. п. В том же случае, когда данное причастие (— причастие прошедшего времени) имеет окончанием не *вший*, но только *ший* (без буквы *в*), возможен только один вариант деепричастия прошедшего времени (данной формации): следует отбросить конечный звук *й*, и мы получим деепричастие на *ши* — напр. *прилегши*.

Но здесь необходимо сказать, что кроме данной типовой формации деепричастий прош. времени: на *в* или на *вши, ши*, встречаются (в определенной категории глаголов) еще деепричастия прошедшего времени совершенно другой формации — по окончанию совпадающие с деепричастиями наст. времени и отличающиеся от них только наличием префикса (приставки), который неизбежно связан с представлением совершенного вида, а следовательно и со значением уже не настоящего, а прошедшего времени. Напр. *принеся́* — деепричастие прошедшего времени (сов. вида) от *принести*, тогда как *неся́* (т. е. та же форма, но без префикса)— деепричастие настоящего времени от *нести* (несов. вида).

§ 133. От глагола *быть* деепричастием настоящего времени служит форма *бу́дучи* (не надо думать, что она связывается со значением будущего времени, как этого можно было бы ожидать ввиду сходства с основой будущего времени *буд-* в формах *буд-у, буд-ешь, буд-ет, буд-ем, буд-ете буд-ут* и в причастии *будущий*). Деепричастием же прошедшего—*быв* или *бывши*. От многократного глагола *бывать* оба деепричастия образуются правильно: деепричастие настоящего времени — *бывая* и деепричастие прошедшего времени (несов. вида) — *быва́в*. Заметим, что нередко употребляется и деепричастие прошедшего времени сов. вида от глагольной основы *побывать* — *побывав* (напр. побывав у неё в гостя́х, он узнал все городские сплетни).

§ 134. Выше мы говорили, что причастия, входящие в состав т. н. сокращенных придаточных предложений распространенного состава (т. е. с рядом других, относящихся к данному причастию, слов), отделяются от предшествующего определяемого имени запятой (,), и что всё данное придаточное предложение заключается в запятые (пример: люди, видевшие на своем веку много хорошего и дурного,...—см. § 128). Соответствующее этому (т. е. аналогичное) правило существует и относительно деепричастий, входящих в состав придаточного предложения. Тогда, когда данное деепричастие не имеет под-

---

[1] Произносится, конечно, как *ф* (благодаря оглушению всех парных звонких в конце слова).

[2] Произносится, конечно, как *фши*, — благодаря оглушению всех парных звонких перед глухим согласным, каковым здесь является звук *ш*.

чиненных ему слов (напр. Спеша он вышел на улицу), оно обычно не отделяется запятой; но тогда, когда это деепричастие служит логическим центром (сказуемым) некоего придаточного предложения, состоящего — кроме данного деепричастия — еще из ряда других (подчиненных ему) слов, всё это придаточное предложение выделяется запятыми (,): например — Заметив издали приближающегося к нему врага, он приготовился к защите [здесь употреблена только одна запятая (а не 2), потому что придаточное помещено в начале фразы (сложного предложения)].

Другой пример: Молодой человек, увидев издалека приближающегося к нему врага, приготовился к защите. [Здесь запятая (,) употреблена дважды, т. е. все придаточное предложение (начинающееся деепричастием прошедшего времени *увидев*) заключено между запятыми].

Отсюда можно сделать практический вывод (обобщение), что весьма часто приходится ставить запятую (,) перед формой деепричастия.

Подробнее об этом будет говориться в „Синтаксисе" (см. предисловие).

§ 135. При сочетании с частицей *не*, деепричастия, как и причастия, пишутся отдельно от этой частицы, напр. Не выходя на улицу, он ничего не знал про начавшееся восстание [Сочетание „*не* + деепричастие выходя" пишется как 2 отдельных письменных слова].

Исключением является комплекс *несмотря* (— из отрицания *не* и деепричастия наст. вр. *смотря* от глагола *смотреть*), но и то лишь в тех случаях, когда он играет роль союза (по значению аналогичного союзу *хотя*): например —

Несмотря на возрастающий гул толпы, ему удалось услышать крик ребенка. [Комплекс *несмотря* пишется здесь как одно (а не 2!) письменное слово потому, что он играет роль противительного союза, и следовательно, составляет в полной мере единое смысловое целое. Ни о каком реальном действии смотрения (сравни, наоборот, следующий пример) говорящий здесь не мыслит].

Но не смотря должно писаться раздельно, т. е. как два письменных слова, в следующей, например, фразе:

Не смотря ему в глаза, она тихо прошептала... Здесь комплекс *не смотря* вовсе не является противительным союзом (вроде союза хотя): глагол *смотреть* сохраняет здесь свое конкретное значение („kør-mək"); поэтому *не смотря* здесь пишется раздельно — совершенно на тех же правах, как и *не слушая, не ходя, не играя, не отгадывая, не вспрыскивая* и пр. и пр. (т. е. на тех же правах, как и сочетания „*не*+деепричастие от любого другого глагола").

ГЛАГОЛЫ ВОЗВРАТНОЙ ФОРМЫ

§ 136. Глаголами возвратной формы мы называем такие глаголы, которые в каждой форме своего словоизменения (спряжения) оканчиваются на частицу *ся* или *сь*. Таковы, например, глаголы: *драться, бороться, бриться, молиться, ломаться, трудиться*; частица *ся* или *сь* в том или другом из этих 2 своих вариантов оказывается самым последним элементом любой из форм словоизменения этих глаголов (исключением служит лишь добавление суффикса *-ка*: *оденься-ка*, и разумеется, таких „синтаксических суффиксов", как *-же -ли*). Например:

Форма неопределенного наклонения	1-е лицо настоящего времени	2-е лицо прошедшего времени	Прошедшее время муж. рода	Причастие настоящего времени (м. р.)
драт*ься*	деру*сь*	дерешь*ся*	драл*ся*	дерущий*ся*
бороть*ся*	борю*сь*	борешь*ся*	борол*ся*	борющий*ся*
брить*ся*	брею*сь*	бреешь*ся*	брил*ся*	бреющий*ся*
молить*ся*	молю*сь*	молишь*ся*	молил*ся*	молящий*ся*
ломать*ся*	ломаю*сь*	ломаешь*ся*	ломал*ся*	ломающий*ся*
трудить*ся*	тружу*сь*	трудишь*ся*	трудил*ся*	трудящий*ся*

Если мы сравним вышеприведенные (или любые другие) формы данных глаголов („глаголов возвратной формы") с соответствующими формами прочих, т. е. обыкновенных глаголов, то мы увидим, что всюду здесь частица *ся* или *сь* наращается (в качестве исходного, т. е. самого последнего элемента) на готовую уже форму обычного глагольного словоизменения: сравни

неопределенное наклонение	драть	+	*ся*	=	драться
1-е л. настоящего времени	деру	+	*сь*	=	дерусь
2-е л. „	дерёшь	+	*ся*	=	дерёшься
3-е л. „	дерёт	+	*ся*	=	дерётся
прошедш. время муж. рода	драл	+	*ся*	=	дрался
причастие настоящего вр.	дерущий	+	*ся*	=	дерущийся

и т. д. и т. д.

§ 137. Название „Глаголы в о з в р а т н о й формы" дано этим глаголам (— глаголам на *-ся, -сь*) потому, что частица *-ся, -сь* в этимологическом отношении представляет собою ничто иное, как краткую форму „в о з в р а т н о г о" местоимения *себя* (экв. узб. *øz*). Иначе говоря, „глаголы возвратной формы" — это глаголы, происшедшие из сложения обычных форм спряжения с в о з в р а т н ы м местоимением в его краткой форме *ся*.

Сама данная форма возвратного местоимения — *ся* вместо *себя* — в русском языке уже не сохранилась ввиде самостоятельного слова, но она существует (в качестве отдельного слова) доныне в некоторых других славянских языках — например, в польском и сербском (хотя и в несколько отличающейся от древне-русского *ся* — звуковой форме).[1]

§ 138. Специальное значение „глаголов возвратной формы", придаваемое им именно наличием частицы *ся, сь*, бывает различным. В этом отношении „глаголы возвратной формы" могут быть подразделены на следующие категории:

I. Глаголы с возвратным значением (— соответствующим значению узбекского в о з в р а т н о г о з а л о г а на -ьn / -in / -n, напр., juv-ьn-[maq] = *мыться* от juv-[maq] = *мыть*); примеры: *мы́ться* (срав. *мыть*), *бри́ться* (срав. *брить*), *завива́ться* (срав. *завива́ть*); это наиболее частая, т. е. представленная наибольшим числом глаголов, категория „глаголов возвратной формы".

II. Глаголы с взаимным значением (соответствующим, следовательно, значению узбекского в з а и м н о г о г л а г о л а на -ьş / -iş / -ş, напр., ur-ьş-[maq] = *драться, воевать* от ur-[maq] *бить*, şøk-iş-[mək] = *браниться*,

[1] Так, в сербском это возвратное местоимение существует ввиде *се* (произносится как *se*, т. е. согласный звук *с* + гласный звук *э*), в польском ввиде *się* (произносится согласный звук типа *сь* + носовой гласный типа *э*). Объясняется это звуковое различие (древне-русское *ся* — сербское *се* — польское *się*) тем, что в исходной обще-славянской форме эта краткая форма возвратного местоимения произносилась с таким же носовым гласным, какой доныне сохранился в ней в польском языке; в сербском же языке этот носовой гласный утратил свое носовое произношение, и перешел в звук *э* (*е*); а в русском он изменился в *я* (т. е. в гласный звук *а* с „мягкостью" предшествующего согласного).

ругаться от søk-[mək] = *бранить, ругать*); пример: *ругаться, браниться, драться, бороться, соглашаться* и т. п.

III. Глаголы со страдательным значением, соответствующим значению узбекского страдательного залога на -ыl/-il/-l,[1] например, ber-il-[mək] = *быть даваемым* от ber-[mək] = *давать, вырабатываться, воспитываться* и т. д.

К этой категории „глаголов возвратной формы" (т. е. к глаголам возвратной формы со страдательным значением) может быть отнесено сравнительно немного глаголов: дело в том, что русский язык вообще избегает выражать страдательное значение глаголов (т. е. значение, принадлежащее в узбекском языке суффиксу страдательного залога -ыl/-il/-l в jazыl[maq], beril[mək], oqul[maq] и т. п.) особой глагольной формой (за исключением лишь причастий: причастия действительно имеют особые формы для страдательного значения, т. е. обладают образованием страдательного залога).

Поэтому страдательное значение в глаголах (кроме причастий!) выражается или 1) употреблением особой безличной конструкции (с глаголом в 3 л. множ. числа) — напр., его побили или 2) сложным оборотом с применением причастия страдательного залога — напр., он был бит, он будет бит, или 3) сравнительно редко — употреблением глаголов на *-ся, -сь*, т. е. глаголов возвратной формы.

Кроме вышеприведенных трех значений (возвратного, взаимного и страдательного) имеются такие случаи глаголов возвратной формы (на *ся, сь*), где специфическое значение частицы *ся, сь* уже утрачено — благодаря отсутствию параллельного глагола без *ся, сь*. Пример — *трудиться* („işləmək"); соответствующий глагол без *ся, сь*, т. е. глагол **трудить* отсутствует в современном русском языке и в связи с этим глагол *трудиться* утратил какое-либо принципиальное смысловое отличие от глаголов без *сь, ся*, т. е. специфическое значение частицы *ся, сь* оказалось утраченным (хотя некогда *трудиться* = *трудить* + *ся* означало то же, что *утруждаться* = *утруждать себя* = qыjnanmaq, mihnət bilən qыjnanmaq).

§ 139. Частица *ся, сь* имеет двоякую форму в зависимости от того, предшествует ли ей согласный или гласный звук: после согласного употребляется вариант *ся*, а после гласного сокращенный вариант *сь*. Сравни, например

Неопределенное наклонение	ложиться	бриться
1 лицо настоящего времени	ложусь	бреюсь
2 лицо " "	ложишься	бреешься
3 лицо " "	ложится	бреется
4 лицо " "	ложимся	бреемся
5 лицо " "	ложитесь	бреетесь
6 лицо " "	ложатся	бреются

---

[1] Для полноты формальной характеристики этой узбекской грамм. категории (узбекского страдательного залога) добавлю, что после глагольных основ, последним согласным которых является звук *l*, суффикс страдательного залога имеет вид -ыn/-in/-n (вместо -ыl/-il/-l); — разумеется, благодаря диссимиляции суффиксального *l* с *l*, принадлежащим к основе глагола; таким образом формальное отличие „страдательного залога" от „возвратного залога" у этих глаголов утрачивается: например, Iş-lə-n [mək] = *вырабатываться* (напр., 3 л. настоящего işlənədi = *вырабатывается*) от iş-lə-[mək] *работать* является, согласно своему значению, именно страдательным (а не возвратным!) залогом, — несмотря на наличие суффиксального *-n-*; это *-n-* оказывается просто фонетическим заместителем (в результате диссимиляции двух *l*) звука *l*, т. е. глагольная основа iş-lə-n- оказывается фонетической модификацией основы *iş-lə-l-.

Прош. время муж. рода		ложи́лся	бри́лся
„ „ женск. „		ложи́лась	бри́лась
„ „ средн. „		ложи́лось	бри́лось
„ „ множ. числа		ложи́лись	бри́лись
Причастие наст. времени		ложа́щийся	бре́ющийся
„ прош. „		ложи́вшийся	бри́вшийся

и так далее.

§ 140. Окончания *ться* — в неопределенном наклонении и *тся* — в настоящем и будущем временах (в 3 л. и в 6 л.) произносится одинаково: как *цца* (точнее как долгий сложный согласный звук *ц* + гласный *а*; при этом, несмотря на то, что сложный звук *ц* состоит из слияния двух элементов т+с, при удлинении этого сложного согласного звука удлиняется [т. е. удваивается во времени] лишь первый из этих двух элементов, т. е. элемент *т*; следовательно, написаниям *ться* или *тся* фактически соответствует произношение *цца*, состоящее из следующих звуковых элементов: *ттса*).

Несмотря на полное тожество произношения окончаний *ться* и *тся*, русская орфография требует строгого их различения в письме; поэтому необходимо запомнить, что *ться* (с буквой *ь*) пишется лишь в неопределенных наклонениях (составляясь из написания обычного окончания неопределенного наклонения *ть* + частицы *ся*), а в настоящем и будущем временах (в 3 л. и 6 л.) нужно писать *тся* (без буквы *ь*).

Например:

Неопределенное наклонение	бриться (из брить + ся)
3 л. настоящего времени	бреется (из бреет + ся)
3 л. будущего времени	побреется (из побреет + ся)
6 л. настоящего времени	бреются (из бреют + ся)
6 л. будущего времени	побреются (из побреют + ся)

ОСОБЕННОСТИ СПРЯЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЧАСТОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

§ 141. Глагол *быть*. Глагол *быть* (несов. вида) в словарях принято переводить на турецкие языки глаголом bol-maq[1]. Но на самом деле он имеет более широкое значение, так как — кроме соответствия турецкому (узбекскому) bol — он бывает также эквивалентом 1) узбекского имени bar („есть, имеется, наличие“),[2] 2) узбекского суффикса спряжения имен *e-* (напр. şagird e-di-m я был учеником, şagird e-di-ŋ ты был учеником и т. д.). Кроме того, иногда форма 3 л. настоящего времени от глагола *быть*, т. е. форма *есть* может встретиться в качестве эквивалента для литературно-узбекского суффикса -dьr / -dir [در] или -dur / dyr [دور], играющего роль „связки“ при именном сказуемом в настоящем времени (о чем будет упомянуто ниже — в примечании 1).

---

[1] Или ol-maq в юго-западно-турецких языках (османском, азербайджанском).

[2] А также, разумеется, и спряжения этого имени — meniŋ pulьm bar edi (здесь bar edi — прош. время от имени bar) — у меня были деньги.

Глагол *быть* имеет следующее словоизменение (спряжение):

Неопределенное наклонение *быть*

Прошедшее время:

Единственное число

мужеский род был

женский род была

средний род было

Множественное число были

Сослагательное наклонение был бы, была бы, было бы, были бы

Будущее время:

1 л. (я)	буду	4 л. (мы)	будем
2 л. (ты)	будешь	5 л. (вы)	будете
3 л. (он, она, оно)	будет	6 л. (они)	будут

Повелительное наклонение

2 л. будь

5 л. будьте

Причастие прошедшего времени: *бывший, -вшая, -вшее* (причастие настоящего времени *сущий, -щая, -щее* в современном языке уже не употребляется как причастие; оно стало настоящим прилагательным — см. выше § 126 Примечание 1).

Причастие будущего времени: *будущий, -щая, -щее* (см. § 12б),

Деепричастие наст. времени: *будучи* (см. выше § 133).

Деепричастие прош. времени *быв, бывши.*

Что же касается настоящего времени от глагола *быть*, то в современном руском языке из него употребляется только форма 3 л. — *есть*, и лишь изредка форма 6 лица — *суть*. Но некогда — в древне-русском и церковно-славянском языках — употреблялись все 6 личных форм настоящего времени.

Приводим их, заключая ныне не употребительные формы в скобки:

1 л. (есмь)	4 л. (есмы)
2 л. (еси)	5 л. (есте)
3 л. есть	6 л. суть

Примечание 1. Употребление форм *есмь, еси, есмы, есте* отпало потому, что в новый период русского языка вообще исчезло употребление связки при именном сказуемом в настоящем времени (точно так же, как исчезло употребление связки -dьr / dir в современном узбекском[1] — в отличие от традиционного письменного, или литературного языка: в живой узбекской речи уже не говорится əzbək-dir-mən, əzbək-dir-sən, əzbək-dir[2] и т. д., хотя в письменном

[1] Да и в других современных живых турецких языках, напр. в живом татарском языке (по сравнению с литературным татарским языком).

[2] А говорят просто əzbək-mən, əzbək-sən, əhməd əzbək и т. д. Правда, в известных случаях встречаем—dir и в современном живом языке,—но уже не в качестве простой связки, а со значением вероятности или предположительности данного именного сказуемого,

языке по старой традиции продолжают писать өzbek-dir mən, өzbek-dir sən, өzbek-dir и т. п.) вместо древнего оборота я есмь ученик (или с церковно-славянским местоимением *азъ* вместо *я* — азъ есмь ученикъ) ныне говорится просто я ученик (ср. узбекское современное [mən] şagirdmən вместо письменного şagird-dir-mən, вместо древнего ты еси ученик говорится — ты ученик; вместо древнего мы есмы ученики говорится мы — ученики; вместо древнего вы есте ученики говорится вы — ученики и т. д.

По той же причине (т. е. ввиду общего процесса уничтожения связки при именном сказуемом в настоящем времени) и форма 3 лица *есть* в современном языке чрезвычайно редко употребляется в значении связки (т. е. в таких, например, фразах: неповиновение командиру во время боя *есть* непростительный для бойца проступок; вместо этого обычно говорится: неповиновение командиру во время боя — непростительный для бойца проступок; или же с заменой связки местоимением среднего рода *это*: неповиновение командиру во время боя — *это* непростительный для бойца проступок). Но зато данная форма 3 лица (*есть*) весьма часто употребляется в значении *имеется*, т. е. в виде эквивалента узбекскому var (а не узбекскому -dьr/-dir); например: У тебя *есть* деньги? Ответ: У меня *есть* деньги (или просто: *Есть*). Форма же 6 лица (= 3 лица множ. числа) *суть*, наоборот, никогда не употребляется в значении узбекского var, т. е. со значением *имеются*; в тех весьма редких случаях, когда эта форма (*суть*) еще встречается в современном русском языке, она допустима именно в значении связки (подобно тому как иногда — хотя тоже относительно весьма редко — допустима бывает в значении связки форма 3 лица *есть*; см. вышеприведенный пример).

Ввиду этой чрезвычайной редкости формы 6 лица *суть*, а также редкости употребления формы 3 лица *есть* в значении связки, изучающему русский язык узбеку можно рекомендовать: вовсе не употреблять форму *суть* (— во избежание ошибочного ее употребления), а форму *есть* употреблять только как эквивалент для узбекского var (но не для узбекского -dьr/-dir).

Форма 3 лица *есть* употребляется и в тех случаях, когда — при значении соответствующем узбекскому var — подлежащим служит имя (существительное или прилагательное и т. п.) во множественном числе; форма же 6 лица в этих случаях, как выше было уже сказано, совсем невозможна. Например:

В этом лесу *есть* волки? *Есть* (но сказать: В этом лесу *суть* волки — совершенно недопустимо).

Примечание 2. В профессиональном морском языке (жаргоне) слово *есть* употребляется взамен обычного русского *да*. Объясняется это просто подражанием английскому языку, где сходный по звуковому составу комплекс — англ. yes (читай ес = jes) означает *да*.

Глагольная основа многократного вида *бывать* спрягается так же, как и большинство глаголов на *-ать*, т. е. по образцу, напр., глагола *читать*:

Наст. время: бываю, бываешь, бывает, бываем, бываете, бывают (например, он редко *бывает* на собраниях).

Прош. время: бывал, бывала, бывало, бывали (напр., она часто *бывала* на наших собраниях).

Повелительное: бывай, бывайте и т. д.

§ 142. От этой глагольной основы (*бывать*) присоединением видообразовательного префикса (приставки) *по* образуется глагольная основа совершенного вида: *побывать* (будущее время *побываю*, прошедшее время совершенного вида *побывал* и т. д.).

§ 106. Глагол *дать* („ber-mək").

Неопределенное наклонение совершенного вида *дать*.

Неопределенное наклонение несовершенного вида *давать*.

Настоящее время:

1 л. (я) даю	4 л. (мы) даём
2 л. (ты) даёшь	5 л. (вы) даёте
3 л. (он, она оно) даёт	6 л. (они) дают

Будущее время совершенного вида:

1 л. дам	4 л. дадим [1]
2 л. дашь	5 л. дадите [1]
3 л. даст	6 л. дадут [1]

Будущее время несовершенного вида:

я буду давать

ты будешь давать и т. д.

Прошедшее время совершенного вида:

Единственное число

Мужеский род	дал
Женский род	дала
Средний род	дало, дало
Множ. число	дали

Сослагательное совершенного вида: дал бы, дала бы и т. д.

Прошедшее время несовершенного вида:

Единственное число

Мужеский род	давал
Женский род	давала
Средний род	давало
Множ. число	давали

Сослагательное несовершенного вида: давал бы, давала бы и т. д.

Повелит. соверш. вида	дай, дайте
несоверш. вида	давай, давайте

[1] В формах множ. числа (*дадим* и т. д.) сохраняется второе *д*, из наличия которого мы можем убедиться, что данная парадигма (т. е. будущее) представляла собою редупликационное образование (— с удвоением глагольной основы). Это *д* имелось некогда и в формах един. числа; но в формах *дам* (из **да-дмь*) и *дашь* оно подвергалось выпадению, и в форме *даст* — переходу в звук *с* [*д*⋙→*с*]. Личное окончание **мь* (откуда *м* в *дам*) сравн. с *мь* в форме *есмь* (§ 181). Это *мь* (или **мь*⋙→*м* в *дам*) является пережитком из наиболее архаичной системы и.-е. личных окончаний, причем оказывается вполне естественным, что этот архаизм (как и другие архаические явления морфологии — напр., вышеупомянутая редупликация основы в *дадут* и т. п.) сохранился именно в самых частоупотребительных глаголах.

Причастие наст. вр. действ. залога несов. вида: дающий, -щая, -щее
„ прош. „ „ „ сов. „ давший, вшая, вшее,
„ „ „ „ „ несов. „ дававший, вшая, вшее
„ „ „ страдат. „ сов. „ данный, нная, нное
„ наст. „ „ „ несов. „ даваемый, мая, мое

Деепричастие наст. времени несов. вида: давая,
„ прош. времени сов. вида: давши.

§ 143. Глагол *есть* (— неопределенное наклонение[1] = узб. je·mək).

Неопределенное наклонение (несов. вида) *есть*

Наст. время:

1 л. (я)	ем	4 л. (мы)	едим
2 л. (ты)	ешь	5 л. (вы)	едите
3 л. (он, она, оно)	ест	6 л. (они)	едят

Прошедшее время (несов. вида) ел, ела, ело; ели.

Примечание. Совершенный вид образуется посредством префиксов (приставок); следовательно прошедшим временем сов. вида могут служить формы поел, -ла, -ло, -ли; съел, -ла, -ло, -ли. Сослагат. накл. ел бы; сослагательное накл. сов. вида поел бы, съел бы...

Будущее время (несов. вида) буду есть, будешь есть и т. д.

Буд. время сов. вида:

поем	съем	поедим	съедим
поешь	съешь	поедите	съедите
поест	съест	поедят	съедят

(т. е. равно спряжению настоящего времени [сов. вида] с добавлением префиксов *по* или *с* [*съ*]).

Повелительное (несов. вида) *ешь*[2], *ешьте*

Повелительное сов. вида *поешь, поешьте*
съешь, съешьте

Причастие наст. времени действ. залога (*едящий, -щая, -щее*) малоупотребительно

Причастие прош. времени действ. залога несов. вида — *евший, евшая, евшее*

Причастие прош. времени действ. залога сов. вида: *съевший, -вшая, -вшая, поевший, -вшая, -вшее*

---

[1] Не смешивать с 3 л. наст. времени от глагола *быть*, которое произносится и пишется (по крайней мере в новой орфографии с 1917 года) совершенно одинаково с данным неопределенным наклонием *есть*.

[2] Это единственный случай в русском языке, когда повелительное наклонение (2 л. — *ешь*) совпадает по форме со 2-м лицом настоящего времени (тоже ешь).

Причастие прош. времени страдат. залога сов. вида: *съеденный, -нная, -нное*

Деепричастие настоящего времени — *съедая* (см. § 144) без префикса неупотребительно

Деепричастие прошедшего времени несов. вида: *ев, евши*

Деепричастие прош. времени сов. вида: *съев, поев*, (или *съевши, поевши*).

§ 144. К глагольным основам совершенного вида *съесть, поесть* а) также *заесть* и т. п.) образуются еще соответствующие — т. е. обладающие теми же префиксами *с(ъ)-, по-* и т. д. — глагольные основы несовершенного вида: *съедать, поедать* (спрягаются по образцу *читать*).

§ 145. Многократный вид от *есть* представлен редкоупотребительной формой прошедшего времени: *едал*. Неопределенное наклонение должно было бы иметь форму **едать*, но она совершенно не употребляется (сравни, однако, глагол *на-до-едать* — в следующем §-фе).

§ 146. К группе производных от *есть* относится также глагол *надоесть* (сов. вид), *надоедать* (несов. вид), — имеющий, однако, вполне специфическое уже значение. Спрягается он так же, как *съесть, съедать*.

§ 147. Глагол *итти*.

В словоизменении (спряжении) глагола *быть* мы имели уже случай совмещения нескольких различных корней или основ (от одной из которых образуются одни, а от другой — другие формы данного спряжения: сравн. *был, буду* и *есть*). Подобное же совмещение, или соучастие вполне различных по своему звуковому составу корней или основ мы находим и в спряжении глагола *итти*.

Неопределенное наклонение (несов. вида) *итти*.

Настоящее время

1 л. иду	4 л. идём
2 л. идёшь	5 л. идёмте
3 л. идёт	6 л. идут

Прошедшее время:	шёл, шла, шло, шли
Сослагательное:	шёл бы и т. д.
Будущее время (несоверш. вида):	буду итти, будешь итти и т. д.
Повелительное:	иди, идите
Причастие настоящего времени:	идущий, -щая, щее
Причастие прош. вр. (несов. вида):	шёдший, -шая, -шее
Деепричастие настоящего времени:	идя (а в качестве редкого дублета, также—идучи).

Деепричастие прошед. времени (несоверш. вида) неупотребительно.

Примечание. Прошедшее время — шёл, шла, шло, шли — исторически восходит (в глубоком прошлом языковой истории) к одному из вариантов того же глагольного корня, который имеется в глаголе *ходить*. Но благодаря крупным изменениям в звуковом составе данной формы (— формы прошедшего времени, превратившейся в современном языке в шёл, шла, шло), именно благодаря изменению звука *х* в звук *ш* и исчезновению звука *д* перед суффиксом прошедшего времени *-л-*, это родство, т. е. наличие одного и того же глагольного корня в шёл, шла, шло, с одной стороны, и в ходить, ходил и т. д., стало уже совершенно неузнаваемым.

ПОЗИЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ВО ФРАЗЕ

§ 148. Изъявительное наклонение глагола (т. е. формы настоящего, прошедшего и будущего времени) в тех случаях, когда оно исполняет роль грамматического и логического сказуемого [1] данного предложения, обычно произносится (и пишется) после подлежащего [2] (хотя и может быть отделено от подлежащего некими другими словами). Например: Учитель написал на доске несколько цифр. [Здесь изъявительное наклонение (прошедшее время) *написал*, исполняющее роль сказуемого, стоит непосредственно вслед за подлежащим (*учитель*)].

Учитель уже пришёл [здесь сказуемое (*пришел*) отделено от подлежащего (*учитель*) словом *уже*].

Учитель ещё вчера утром говорил нам, что надо запастись тетрадями [Здесь сказуемое (*говорил*) отделено от подлежащего (*учитель*) тремя словами: *ещё вчера утром*].

Этот общий порядок расположения слов, выражающих подлежащее и сказуемое, т. е. та норма, что сначала произносится подлежащее, а потом — непосредственно или через несколько других слов — сказуемое, не является индивидуальной особенностью русского языка, а наоборот может считаться общим правилом для всех языков, ибо в основе этого порядка словорасположения лежит общечеловеческое свойство мышления: сначала мыслится (и называется) логическое подлежащее, а вслед за ним — логическое сказуемое данного суждения. [3]

Расхождение же между русским и узбекским языком начинается с вопроса о том, должно ли данное глагольное сказуемое (которое, по вышеуказанной и общей для обоих языков норме, помещается не перед подлежащим, а после подлежащего) произноситься (и писаться) в самом конце фразы или же, наоборот, не в самом конце фразы.

В узбекском языке, в виде принципиальной и статистически безусловно-доминирующей нормы, глагольное сказуемое помещается в самом конце данного предложения, т. е. является самым последним его словом: например, „Atasь şəhərgə ketdi", „Anam mengə bir necə telpək berdi" [слова ketdi „ушел" и berdi „дала" стоят на самом конце (или — как принято говорить — „в абсолютном конце") фразы].

Отступления от этой нормы — поскольку они фактически всё-таки встречаются в живой разговорной речи, т. е. поскольку возможны, все-таки, такие фразы как „Atasь ketdi şəhərgə" или „Anam ajtdь mengə" и т. п., чувствуются явно иррегулярными, при чем сама эта иррегулярность (— необычный порядок слов) служит показателем несколько необычного психологического содержания данного момента речевой деятельности (так, напр., могло быть, что тот, кто произнес „Atasь ketdi şəhərgə", сначала думал ограничиться лишь двумя первыми словами, т. е. предложением „Atasь ketdi", и лишь во время самого процесса произношения ему пришло на мысль добавить еще указание: куда же именно ушел отец, — şəhərgə).

---

[1] Сказуемое—kesim в узбекской грамматической терминологии, и مسند — по-арабски в терминологии арабской грамматики.

[2] Подлежащее — по узбекски egə, и مسند اليه в арабской грамматической терминологии.

[3] Таким образом, нарушения указанной последовательности слов (т. е. случаи, где изъявительное наклонение будет предшествовать имени субъекта действия) естественно смогут иметь место в тех случаях, когда данный глагол (изъявительное наклонение), т. е. грамматическое сказуемое, по смыслу фразы будет играть роль не логического сказуемого, а наоборот, логического подлежащего данного суждения: например, в ответе на вопрос: „Кто пришел?" вполне возможно обратное расположение слов: Пришёл учитель (вместо и наряду с нормальным порядком слов: Учитель пришёл), — ибо логическим подлежащим в данном случае мыслится „человек, который пришел", а логическим сказуемым служит именно представление *учитель* (иначе говоря, данный ответ [„пришёл учитель"] можно, не изменяя нисколько его логического состава, перефразировать так: „Человек, который пришёл, есть учитель").

В русском же языке, наоборот, правила (или нормы) о том, что глагол-сказуемое должен быть самым последним словом предложения, — вообще не существует.

Наоборот, если мы обратимся к русскому переводу вышеуказанных фраз: Atasь şəhərgə ketdi, Anam mengə bir necə telpək berdi, то более нормальным (для русского языкового мышления) будет такое расположение слов в этих фразах, где глагол (*пошёл* = экв. ketdi, *дала* — экв. berdi) будет стоять *не* на конце, но в середине предложения — точнее на втором месте: после логического подлежащего[1]: Отец (его) пошёл в город[2], Мать дала мне несколько тюбетеек.

Итак нормальной позицией глагольного сказуемого в русском главном предложении, содержащем кроме подлежащего и сказуемого еще дополнения или обстоятельствнные слова, является положение после подлежащего, но не на самом конце предложения (как в узбекском языке), а перед дополнением и обстоятельственными словами. Например:

Я видел его в театре [Я — подлежащее (egə), *видел* — сказуемое (kesim), *его* — прямое дополнение, *в театре* — обстоятельство места; глагольное сказуемое занимает, следовательно, позицию после подлежащего, но перед дополнением и обстоятельством места; по-узбекски же глагол (т. е. глагольное сказуемое) стоял бы на самом конце предложения: Men unь tьjatruda kərdim].

Я видел его вчера в театре [Здесь в отличие от предыдущей фразы имеется еще одно обстоятельственное слово: обстоятельство времени — *вчера*].

Учитель раздал ученикам книги. [В этом предложении кроме подлежащего (*учитель*) и глагольного сказуемого (*раздал*) имеются два дополнения: косвенное дополнение — *ученикам* и прямое дополнение — *книги*; оба эти дополнения, опять таки, помещены после глагольного сказуемого; по-узбекски, наоборот, глагол стоял бы после обоих дополнений — на самом конце предложення: Muəllim şagirdlərgə kitablərni berdi].

§ 149. Говоря о нормальном порядке расположения частей (элементов) главного предложения, уместно будет добавить и правило, говорящее о нормальной позиции определения (определяющего собою подлежащее или какое-либо другое имя [— наименование предмета] — напр. прямое или косвенное дополнение).

Если определение выражается прилагательным или прилагательнообразным местоимением, то обыкновенно оно ставится — как и в узбекском языке — перед определяемым словом. Например: Старый мир разрушен до основания [Определение *старый* стоит перед определяемым (т. е. перед подлежащим *мир*)].

Все взрослые люди должны быть грамотными [оба определения: *все* и *взрослые* стоят перед определяемым ими словом — перед подлежащим *люди*).

Я подарил эту книгу моемъ старшему брату [определение: *эту* стоит перед определяемым им словом *книгу*, которое играет в данном предложении роль прямого дополнения; косвенное же дополнение — *брату* — имеет два определения: *моему* и *старшему*, и оба они, опять-

---

[1] Напомним, что в состав логического подлежащего войдет и грамматическое подлежащее (отец в 1-й фразе, мать во 2-й фразе) и определения к этому подлежащему (его в 1-й фразе, моя во 2-й).

[2] Помещая же слово *в город* перед глаголом (т. е. произнося Отец в город пошел), говорящий придает уже некую особую (специфическую) смысловую окраску своему сообщению: например такое произношение (Отец в город пошел) уместно будет в том случае, когда хотят подчеркнуть смысл слова *в город* (напр. отвечая на вопрос „Куда пошел отец?“).

таки — согласно вышеприведенному правилу — стоят перед определяемым ими словом (перед словом *брату*); следует отметить кроме того, что каждое из выраженных прилагательным или прилагательнообразным местоимением определений согласуется с определяемым в роде, числе и падеже, т. е. имеет тот же грамматический род, то же число и тот же падеж, что и определяемое слово; в узбекском языке, наоборот, определения, соответствующие нашим прилагательным, ставятся в бессуффиксальном падеже, и согласование с определяемым словом отсутствует[1].

Но если определение выражено не прилагательным или прилагательнообразным местоимением, а родительным падежом существительного, и означает принадлежность определяемого предмета лицу или предмету, названному в родительном падеже, то обычно этот родительный падеж (т. е. определение в родительном падеже существительного) ставится — в отличие от узбекского языка — после определяемого (но не перед определяемым, как это имеет место в узбекском языке). Например:

Книга сына (— по-узбекски oqulnьų kitabь) [здесь определение *сына* стоит после определяемого слова *книга*; в узбекском же, наоборот, определение oqul-nьų предшествует определяемому kitab-ь].

Дом сестры (по-узбекски: apanьų yji). [Но сравни обратный порядок слов в „*Сестрин дом*", где определение выражено прилагательным].

Гибель капиталистического мира [определение, выраженное родительным падежом *мира*, должно стоять после определяемого слова *гибель*; но определение, выраженное прилагательным и относящееся уже не к слову *гибель*, а к слову *мира* (т. е. играющее роль „определения к определению") — именно слово *капиталистического* — стоит перед определяемым им словом — *мира*, и кроме того, согласовано с этим последним словом в роде, числе и падеже (т. е. прилагательное *капиталистического* имеет форму родительного падежа единственного числа мужеского рода — потому, что определяемое им слово *мира* само принадлежит к мужескому роду и в данной фразе стоит в родительном падеже единственного числа)].

Примечание. Родительные падежи личного местоимения 3 л. — *его, её, их* — в известной мере оказываются исключением из вышеуказанной нормы: они употребляются в обеих позициях — и перед определяемым (*его дом, её дом, их дом*) и после определяемого (*дом его, дом её*). Иначе говоря, в связи с отсутствием в стандартном языке соответствующих притяжательных (прилагательнообразных) местоимений, данные родительные падежи (*его, её, их*) заимствуют, в известной мере, синтаксический (позиционный) признак категории притяжательных местоимений. Сравн. появление вульгарных (недопустимых в литературном языке) притяжательных местоимений *ево(н)ный, ейный, ихний*.

§ 150. Резюмируя все вышеприведенные нормы (в §§ 148 и 149) — и относительно позиции глагольного сказуемого, и относительно позиций различного рода определений, — приведу примеры двух типов русских главных предложений:

1°. — содержащих в себе определение, выраженное прилагательным или местоимением;

2°. — содержащих в себе определение, выраженное родительным падежом существительного.

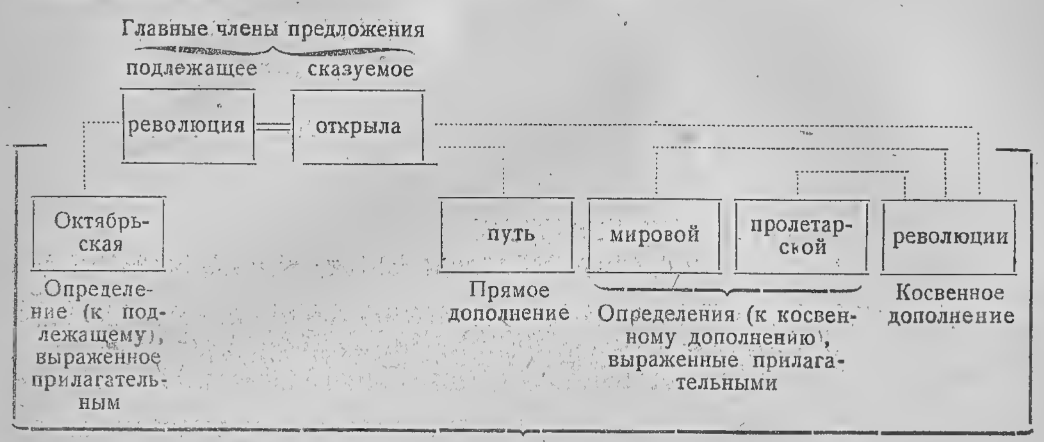
---

[1] Об этом принципиальном различии между русским и узбекским языками, т. е. об отсутствии в узбекском языке согласования (в роде, числе и падеже), и о том, что смысловые функции, выполняемые в русском языке согласованием, в узбекском выполняются обязательным порядком словорасположения, — будет подробно говориться в следующем моем пособии по русскому языку для узбеков: в „Синтаксисе и стилистике современного русского языка".

Пример 1°:

Октябрьская революция открыла путь мировой пролетарской революции.

Синтаксический состав этого предложения, предопределяющий (на основании вышеприведенных правил)[1] и порядок словорасположения в этом предложении, может быть для наглядности выражен в виде следующей схемы:

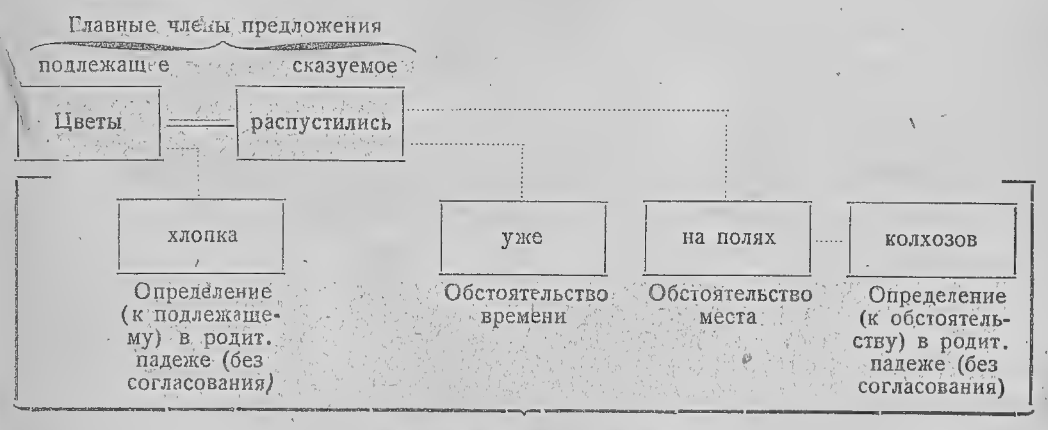

Второстепенные члены предложения.

Пример 2°:

Цветы хлопка распустились уже на полях колхозов.

Схема:

Второстепенные члены предложения

§ 151. Остается сказать о позициях глагольных форм, выполняющих роль сказуемого в сокращенных придаточных предложениях.[2] Такими глагольными формами, т. е. глагольными формами, сокращающими придаточные предложения, являются: 1) причастия, 2) деепричастия.

Пример: Пролетариат, завоевавший себе власть во время Октябрьской революции, сумеет удержать и закрепить свои завоевания. [Придаточное пред-

[1] Именно: 1) на основании правила о позиции сказуемого после подлежащего (но обычно перед дополнениями), 2) на основании правила о том, что определение, выраженное прилагательным (или же прилагательнообразным местоимением), стоит перед определяемым.

[2] Что же касается полных (а не сокращенных) придаточных предложений, например, начинающихся с местоимения *который* или с союзов *когда*, *где* и т. п., то в них расположение слов следует, в общем, тем же нормам, что и в главных предложениях.

ложение[1] „з а в о е в а в ш и й с е б е в л а с т ь в о в р е м я О к т я б р ь с к о й р е в о л ю ц и и“, является с о к р а щ е н н ы м придаточным; в полном, т. е. в несокращенном виде оно начиналось бы со слова *который:* П р о л е т а р и а т, *который* з а в о е в а л с е б е в л а с т ь в о в р е м я О к т я б р ь с к о й р е в о л ю ц и и...].

2) П р и е х а в в М о с к в у, я п о ш ё л к г р о б н и ц е Л е н и н а [Придаточное предложение „П р и е х а в в М о с к в у“, является сокращенным придаточным предложением; в полном, т. е. в несокращенном, виде оно начиналось бы со слова *когда*: „*Когда* я п р и е х а л в М о с к в у, я п о ш ё л к г р о б н и ц е Л е н и н а“].

Позиция этих причастий и деепричастий совершенно отличается от позиции соответствующих причастий и деепричастий в узбекском языке, где они, — следуя обшему правилу о позиции узбекского глагола, [2] — помещаются в конце придаточного предложения. В русском же языке они, наоборот, н а ч и н а ю т с о б о ю данное придаточное предложение (сравн. вышеприведенные примеры 1) и 2), где причастие *завоевавший* и деепричастие *приехав* стоят в самом начале своих придаточных предложений).

Следовательно:

1°. Причастие в русском сокращенном придаточном предложении ставится обычно в самом начале этого придаточного предложения и непосредственно после того слова главного предложения, которое определяется этим придаточным предложением.[3] В узбекском же языке, наоборот, причастие ставится на самом конце придаточного предложения[4] и перед тем словом (именем) главного предложения, которое определяется этим придаточным. Например: по-русски — Ч е л о в е к, д а в ш и й т е б е э т о п и с ь м о, с е г о д н я у е х а л; по-узбекски — Sizgə bu xatnь bergən kişi bygyn ketdi. Значит, в русском языке придаточное определительное предложение (содержащее в себе причастие), ставится обычно непосредственно п о с л е определяемого им слова главного предложения (*человек* в данном примере); а в узбекском, наоборот, — п е р е д определяемым им словом главного предложения [5] (kişi в данном примере).

2°. В русском языке деепричастие ставится обычно в начало данного предложения, в узбекском же деепричастие помещается, наоборот, на конце придаточного. Например: по-русски — О т д а в в а м э т о п и с ь м о, о н у е х а л; по-узбекски — Sizgə bu xatnь berip ketdi.

Н А Р Е Ч И Я[6]

§ 112. В отличие от наречных форм прилагательных (напр. *тепло* во фразе О н т е п л о́ о д е́ л с я — от прилагательного *тёплый*; *сильно* — во фразе О н с и́ л ь н о у д а́ р и л п о с т р у́ н а м — от прилагательного

[1] Стоящее, разумеется, между двумя запятыми, ибо придаточные всегда отделяются от главных предложений запятыми.

[2] Именно — пр вилу о том, что глагольная форма, выполняющая роль сказуемого, ставится в узбекском язы е в а б с о л ю т н о м к о н ц е д а н н о г о п р е д л о ж е н и я. Это правило оказывается, следовательно, применимым не только к главным, но и к придаточным предложениям.

[3] Причем перед причастием ставится, разумеется, запятая (как и после последнего слова придаточного предложения, если за ним следует еще отрезок главного предложения) — согласно тому общему правилу, что придаточное выделяется из состава главного предложения запятыми.

[4] Согласно тому общему правилу, что в узбекском языке глагол ставится на самом конце предложения.

[5] В этом можно видеть частный случай применения того общего правила узбекского синтаксиса, что „о п р е д е л е н и е д о л ж н о п р е д ш е с т в о в а т ь о п р е д е л я е м о м у“.

[6] Не смешивать значение слова *наречие*, как грамматич. термина [арабск. ظرف] с другим значением этого слова: *наречие* — ləhçə — диалект или совокупность диалектов.

сильный и т. д.), которые рассматривались нами в составе словоизменения прилагательных, здесь мы будем говорить только о неизменяемых наречиях, или[1] о наречиях в узком смысле слова. К ним принадлежат следующие, например, слова: *авось, ведь, везде, вкратце, вовсе, во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвёртых, в-пятых* и т. д., *навзничь, повсюду, навсегда, наедине, наизусть, накануне, налево, направо, например, насквозь, вплотную, вчера, где?, куда?, откуда?, здесь, там, сюда, досыта, давно, даром, едва, опять, пешком, кое-как, навеки, снаружи, совсем, сразу, как?, так, также, настежь, наугад, негде, некогда, некуда, нельзя, нигде, никогда, никуда, пополам, однако, по-русски, по-немецки, по-французски, по-английски, по-узбекски, по-татарски, по-китайски, по-японски* и т. д.

§ 113. На узбекский язык наречия переводятся узбекскими именами (особенно именами прилагательными)[2] в бессуффиксальном и других падежах, или же деепричастиями и, наконец, сочетаниями из нескольких слов. Надо отметить, что в узбекском языке наречия, как особая самостоятельная часть речи, отсутствуют; и переводные эквиваленты русских наречий (при том именно те узб. слова, которые употребляются исключительно или почти исключительно со значением русских наречий, а не со значением прилагательных и т. д.: напр. *munda*[3] „здесь" или „тут") могут условно именоваться термином „наречия" лишь в смысле особой семантической (т. е. обладающей некоторыми общими смысловыми особенностями), но не морфологической категории.

§ 114. Из вышеприведенных примеров русских наречий можно уже сделать вывод, что несмотря на их неизменяемость (т. е. отсутствие словоизменения, или формообразования у русских наречий), они не стоят вполне изолированно в этимологическом отношении от прочих морфо-

---

[1] Наречные же формы от прилагательных (*тепло, сильно, жарко, весело, высоко*) являются, конечно, изменяемыми словами, так как участвуют (в качестве одной из производных форм) в рядах словоизменения прилагательных: *сильный, сильная, сильное*, наречная форма *сильно*, предикативная или „краткая" форма *силен, сильна, сильно* и т. д.; *жаркий, жаркая, жаркое*, наречная форма *жарко*, „краткая" форма *жарок* и т. д.; *весёлый весёлая, весёлое*, наречная форма *весело* „краткая" форма *весел*, *весела* и т. д. и т. д. Кроме того, можно еще отметить, что наречные формы от прилагательных основ имеют образование сравнительной степени (*сильнее* - сравнит. степень наречной формы во фразе Он всё сильнее и сильнее ударял по струнам; *жарче* — сравн. степень от *жарко*, *веселее* — от *весело*, *выше* — от *высоко* и т. д.), а „наречия в узком смысле" и в этом отношении оказываются не изменяемыми, так как сравнительной степени от них нельзя образовать (напр. от *завтра, сегодня, навзничь* нет и не может быть форм сравнительной степени — т. е. форм вроде *завтрее, сегоднее, навзничнее* и т. п.).

[2] Напомним, что в узбекском языке, где нет принципиального морфологического противоположения имен прилагательных именам существительным, нет и особой наречной формы прилагательных (т. е. формы, которая точно соответствовала бы русским *сильно, жарко, высоко, весело*): одна и та же бессуффиксальная форма — напр. ьssьq, bələnd, savuq, jaxşь, jaman, pəst и т. д. будет служить эквивалентом и для *жаркий, -кая, -кое* и для *жарко*, для *высокий, -кая, -кое* и для *высоко* (или *высоко*) и для *холодный, -ная, -ное* и для *холодно* и т. д.

[3] Первоначальная форма этого местного падежа (от местоимения *вu*) начиналась со звука *в*, а не *m*; т. е. первоначально произносилось *вunda*. Но в дальнейшем это *в* изменилось в звук *m* под влиянием ассимиляции ко второму согласному данного слова — носовому звуку *n* (сравн. переход *в* → *m* в суффиксе — послелоге minən, развившемся из литературного bilən [بیلن], а также в ряде других примеров).

логических категорий слов (— прочих частей речи), а наоборот, весьма часто оказываются производными от них.

Приведем несколько примеров: [1]

1°. Наречие *сего́дня* (чит. сево́дня) происходит [как и соответствующее узбекское наречие bygyn ← bu kyn] из стяжения (— в одно слово) словосочетания. — именно словосочетания *сего дня* = родит. пад. от *сей* (bu) *день* (kyn). Отсюда становится вполне понятным произношение второго слога в наречии *сегодня* (ввиде *во*, а не *го*!). См. выше о произношении написания *го* как *во* во всех формах родительного муж. и сред. рода от прилагательных и прилагательнообразных местоимений (к каковым принадлежит и местоимение *сей*).

2°. Известная группа наречий времени, оканчивающихся на *ом* (или *ём*), *ой* и *ью*, — как-то: *ве́чером, у́тром, днём, ле́том, весно́й, зимо́й, о́сенью, но́чью* — представляет собою ничто иное как (обособившиеся в наречном употреблении) творительные падежи от имен существительных *вечер, утро, день, лето, весна, зима, осень, ночь.* В данном случае связь наречий с существительными оказывается еще весьма близкой (т. е. вполне явно ощутимой для языкового сознания) — так как данные наречия *вечером, летом* и т. д. еще нисколько не удалились в звуковом отношении от соответствующих им падежных форм существительных, т. е. нисколько не различаются по звуковому составу от творительных падежей *вечером* (от *вечер*), *летом* (от *лето*) и т. д.

3°. Наречие *встарину́* „eskidə, eski zamanlarda" восходит к винительному падежу от существительного *старина* в сложении с предлогом *в* (*в* + *старину*).

Связь с именем существительным (*старина*), от которого данное наречие является производным, ощущается здесь уже в несколько более слабой степени, чем в вышеприведенной группе примеров (2° — *вечером* от *вечер, днём* от *день, осенью* от *осень* и т. д.). Но все-таки она оказывается вполне несомненной для русского языкового мышления (— опять-таки ввиду отсутствия звукового различия между *встарину* и *в* + *старину*).

П р и м е ч а н и е. Наречие *встарину* пишется, конечно, как о д н о письменное слово: *встарину*, но не *в старину*! Вообще слитное написание — в виде о д н о г о письменного слова — является общей нормой для наречий (сравн. *вблизи, вокруг, например, наизусть, сегодня* и т. д.): этим слитным написанием наша орфография и подчеркивает то обстоятельство, что здесь (т. е. в наречиях) мы имеем дело с единым и неизменяемым словом, а не с обычными комплексами „предлог + падеж имени существительного", как например, *в эпоху, в столетие, в окрестности, во внимание* [во фразе: н а д о п р и н я т ь в о в н и м а н и е], *на глазомер*; сравн. с этими пишущимися ввиде двух письменных слов комплексами вышеприведенные примеры наречий: *вблизи, вокруг, например, наизусть*; равным образом и в слове *сегодня* слитное написание противополагается раздельному написанию таких словосочетаний из 2 слов, как *этого дня, вчерашнего дня, доброго дня.*

Известным исключением из только-что указанного орфографического правила (— о слитном написании наречий) оказываются, однако, некото-

---

[1] Подобного рода примеры, т. е. примеры этимологического анализа отдельных наречий, позволяющего установить их происхождение от определенных форм изменяемых частей речи (в частности, например, от определенных падежей существительных с предлогами или без них) имеют для изучающих русский язык узбеков, разумеется, не только теоретический, но и практический (утилитарный) интерес: знакомство с этими этимологиями (т.-е происхождением) данных наречий облегчает усвоение, как формальной, так и смысловой стороны их. Иначе говоря, на изложение этимологий в данном случае позволительно смотреть как на мнемонический прием.

рые наречия, пишущиеся „полуслитно", т. е. на правах единого письменного слова, но с разделом „малого тире", или так называемого „дефиса", т.е. маленькой черточки (-): образцом их могут служить наречия *по-русски, по-французски, по-гречески, по-узбекски, по-немецки, по-английски, по-латински,* или *по-латыни* и т. п. Другие случаи „полуслитного" написания наречий: *еле-еле, чуть-чуть.*

4°. Наречие *напри́мер* восходит к винительному падежу от существительного *пример* в сочетании с предлогом *на* (т. е. *на пример*→*например*).

5°. Наречие *во́все* восходит к сочетанию предлога *во* (— дублетная форма от предлога *в*[1]) с винительным падежом местоимения *все* (т. е. к сочетанию *во все*, которое на узбекский язык можно было бы перевести через həmmәgә).

6°. Наречие *снова* („jәŋgidәn") восходит к сочетанию предлога *с* со старой (употреблявшейся в древне-русском языке) формой родительного падежа от прилагательного *новый*, — вернее от древне-русской формы этого прилагательного — *нов*, которая в нынешнем нашем языке сохранилась лишь в функции сказуемого и уже не имеет склонения; в древнем же русском языке такие — краткие — формы прилагательных (напр. *нов* [ъ], *стар* [ъ], *жив* [ъ] и т. п.) склонялись по тому же образцу (т. е. с теми же падежными суффиксами), что и существительные; таким образом родительный падеж от *нов* имел форму *нова* (с тем же падежным суффиксом *-а*, что и в родительных падежах *брата, отца, человека* и т. д.). Эту древнюю форму — род. падеж *нова* от краткой формы прилагательного *нов* — мы и имеем в составе рассматриваемого нами наречия (— наречия *сно́ва*) — в положении после предлога *с* (так как предлог *с*, если он имеет значение, соответствующее узбекскому -dәn или ystidәn, всегда сочетается именно с родительным падежом — см. ниже § 168). Следовательно тот комплекс, к которому восходит данное наречие (*снова*), на узбекский язык следовало бы перевести именно через jәŋgidәn, а на современный русский язык: „с нового".

Ту же конструкцию (и ту же этимологию) имеют, разумеется, такие наречия, как *спра́ва, сле́ва.* Это были, следовательно, сочетания родительного падежа от *прав* (= в нынешнем языке *правый*) и *лев* (= *левый*) с предлогом *с*. Их буквальный узбекский перевод — oŋdan, soldan.

7°. Наречие *сперва* имеет совершенно сходную с предыдущим примером (— *снова*) конструкцию, т. е. опять-таки восходит к сочетанию предлога *с* с древней (краткой) формой родительного падежа *перва* (вместо современной полной формы *первого*). Полная форма *первого* является родительным падежом от *первый*, а от краткой формы *перв* (ъ) родительным падежом служила форма *перва* (сравни *брата* от *брат, человека* от *человек, быка* от *бык* и т. д.); эта древняя форма род. падежа уже исчезла из употребления в современном языке, уцелев в виде пережитка только в составе данного наречия *сперва.*

Однако родство (этимологическая связь) с *первый* чувствуется (русским языковым мышлением) слабее, чем у наречий *сно́ва, спра́ва, сле́ва* (с прилагательными *но́вый, пра́вый, ле́вый*), ибо в наречии *сперва́* ударение не на том слоге, на котором оно лежит в прилагательном *пе́рвый.*

8°. Ту же конструкцию (— сочетание предлога *с* с родительным падежом от краткой формы прилагательного) мы находим и в наречии *сгоряча́* (древняя — ныне неупотребительная форма родительного падежа *горяча́* от краткой формы прилагательного *горяч* соответствует современному ро-

[1] См. ниже § 161 (о предлоге *в, во.*)

дительному падежу *горячего* — от прилагательного в полной форме *горячий*). Иначе говоря, древнее сочетание *с горяча* (сохранившееся ввиде современного наречия *сгоряча*) буквально означало: *с горячего*, или по-узбекски ьssьqdan.

9°. Наречие *внутри* („icidə“) восходит к сложению предлога *в* с предложным (6-м) падежом от ныне неупотребительного существительного женского рода **нутрь* (предложный падеж оканчивался на — *и*, т. е. имел форму *нутри*, — точно так же, как предложный падеж (*о*) *кости* — от *кость*, (*о*) *ночи* — от *ночь* и т. п.). Следовательно сочетание **в нутри* (откуда современное наречие *внтури*) буквально соответствует узбекскому icdə (или, со вставкой притяжательного суффикса -i-, — icidə).

10°. Другое, родственное только-что рассмотренному наречию (*внутри*) — наречие *внутрь* восходит к сложению предлога *в* с тем же (ныне уже неупотребляющимся) существительным **нутрь* (по-узбекски ic), но уже не в предложном, а в винительном (4-м) падеже, который в данном склонении совпадает с формой именительного (1-го) падежа. Таким образом комплекс этот является буквальным эквивалентом узбекского icgə, или — со вставкой притяжательного суффикса — icigə.

11°. Наречие *впервые* происходит из сочетания предлога *в* с ныне уже неупотребляющейся падежной формой от числительного порядкового *первый* (форма **первые* — с ударением на втором слоге—современному русскому языку совершенно неизвестна; имеющаяся же в современном языке форма именительного-винительного множественного числа *первые* имеет ударение не на втором, а на первом слоге). Таким образом, современное русское языковое мышление осознает в данном наречии *впервые* лишь 1) связь, или „родство“ с числительным порядковым *первый, первая, первое*—*первые*, иначе говоря — участие той же коренной морфемы *перв-*, что и в прилагательнообразном числительном *первый* — *первая* — *первое*, *первые*; 2) участие в этом наречии предлога *в*; но ощутить в этом наречии (*впервые*) некую определенную и знакомую падежную форму (от *первый*) в сложении с предлогом *в* — уже не представляется возможным. В этом, следовательно, принципиальное отличие конструкции данного наречия от таких наречий, как вышерассмотренные *сегодня, днем, ночью, летом, осенью, зимой, весной*, где ясно узнается определенный падеж известного склоняемого слова (*день, ночь, лето* и т. д.) или же словосочетания из двух склоняемых слов (*сей день*).

12°. Наречие *накануне* было некогда предложным падежом от слова *канун* в сочетании с предлогом *на*. Существительное *канун* (отдельно уже почти не употребляемое и многим из современных представителей русского языка вовсе неизвестное) происходит из того же греческого слова, из которого разъясняется — через посредство арабского языка — и узбекское qanun (قانون). Но значение слова *канун* в древнем русском языке было специфическое, — совсем не то, что в узбекском qanun: этим словом (*канун*) обозначались особые религиозные тексты, читавшиеся в церкви накануне какого-либо праздника (т. е. за день до этого праздника). Например, если праздник был 8 сентября, то „канун“ этого праздника читался вечером 7 сентября; иначе говоря, ходившие в этот день (7 сентября) в церковь, были *на кануне* праздника 8 сентября; отсюда и сам предшествующий празднику день, а затем и „предшествующий день“ вообще стал именоваться комплексом *накануне*. Поскольку слово „канун“ утрачивало самостоятельное употребление, и комплекс *накануне* получил значе-

ние „п р е д ш е с т в у ю щ е г о д н я“, постольку он превратился уже в наречие, которое пишется, разумеется, слитно (т. е. как одно, а не как два письменных слова): *накануне.*

Примечание 1. К тому же греческому слову (но иным путем заимствования) восходят и современные русские слова *канон, канонический.* По своему современному значению они, конечно, ничего общего не имееют ни с *канун,* ни с *накануне.*

Примечание 2. В вышеприведенной этимологии наречия *накануне* мы видим пример того, как церковное словоупотребление и в частности — употребление греческого по происхождению слова — сказалось на образовании общераспространенного русского слова. Это явление, которому можно было бы дать и ряд других иллюстраций (т. е. примеров), становится для нас понятным, если мы примем во внимание ту роль, которую играли церковь и духовенство в истории русского стандартного языка прошлых столетий. Параллелью может служить влияние ислама (и мусульманского духовенства) на узбекский и другие языки исламизованных (и притом, главным образом, оседлых) турок. В результате этого влияния языки исламизованных оседлых турок, — в том числе узбекский, азербайджанский и т. п. — оказались насыщенными арабизмами, т. е. заимствованными арабскими словами.

13°. Употребляющееся в русском массовом языке наречие *гáмзом* представляет собою заимствованную из турецких языков форму ḥəmmə-si (с русским суффиксом 5 падежа *-ом*).

ПРЕДЛОГ

§ 155. П р е д л о г а м и называются те краткие (большей частью односложные) комплексы, которые служат для модификации падежных значений имени существительного (или других склоняемых частей речи) и потому употребляются лишь в точно определимых позициях перед известным падежом имени существительного (или другой склоняемой части речи: прилагательного, причастия, местоимения, числительного). Примеры: *на* (в сочетаниях *на столе* и *на стол*), *по* (в сочетаниях *по столу, по земле* и т. п.), *в* или *во* (в сочетаниях *в Москве* и *в Москву, во всём* и *во всé*), *без* (*без хлеба, без воды,* а также *без-году неделя*: см. выше, *через* (*через край, через забор, через меня*).

§ 156. Предлоги, предшествующие, как было выше сказано, падежным формам существительных (или других склоняемых частей речи) всегда пишутся о т д е л ь н о от следующей за ними падежной формы, т. е. в виде самостоятельных п и с ь м е н н ы х с л о в, и этим они отличаются (в орфографическом отношении) от однозвучных с ними п р и с т а в о к п е р е д г л а г о л ь н ы м и о с н о в а м и, которые всегда пишутся вместе с данным глаголом. Например: *на столе* (здесь *на* — предлог), *насыпать, насыпал, налить, налил, написать, написал* (здесь *на* — глагольная приставка, и потому не составляет отдельного п и с ь м е н н о г о слова, но пишется вместе с глаголом как о д н о е д и н о е п и с ь м е н н о е слово).

Итак, в орфографическом отношении предлоги являются с а м о с т о я т е л ь н ы м и п и с ь м е н н ы м и с л о в а м и. Но отсюда еще нельзя заключить, что к ним применимы и другие критерии „самостоятельного (или отдельного) с л о в а“. Наоборот, факты языка говорят скорее об обратном: что, с точки зрения русского языкового мышления, предлог настолько тесно примыкает к следующей за ним падежной форме, что обычно составляет вместе с ней одно п р о и з н о с и т е л ь н о е с л о в о.

Здесь нужно указать, во-первых, на чрезвычайно редкую изолируемость предлога, т. е. на чрезвычайно редко встречающиеся случаи его отдельного произношения — без следующей падежной формы. Мы, например, постоянно слышим такие сочетания, как *на столе, на земле, на полу, на гладком полу, на двух столах* и т. д., но отдельно предлог *на* мы никогда или почти никогда не произнесем и не услышим.[1] Правда, это приложимо не ко всем предлогам в одинаковой мере: например, предлог *в, во* (*в Москве, во всём*) тоже, как и предлог *на*, вряд ли встретится нам когда-либо на практике в качестве вполне изолированного слова (иными словами, трудно представить себе фразу, которая состояла бы из одного только *в* или *во*). Но зато некоторые другие предлоги — например *без* и *через* в определенных диалогических условиях действительно могут быть произносимы изолированно (и составлять собою отдельную фразу; при этом они, без сомнения, будут и отдельным словом). Например, вполне возможно услышать вопрос:

Вам чаю с сахаром или без?

и односложный ответ на него:

Без.

В этом случае *без*, — конечно, уже самостоятельное произносительное слово.

Однако, такие случаи представляют собою явное исключение (т. е. встречаются гораздо реже, чем сочетания „предлог + определенная падежная форма", напр. „без сахару", „без воды", „без земли", „без ноги", „без ног" и т. д.). И потому правильнее будет сделать из них тот вывод, что предлоги — или по крайней мере некоторые предлоги (напр. *без, через*) — представляют собое промежуточное явление между величинами „элемент слова" и „слово"[2].

---

[1] Разумеется, не надо смешивать с предлогом *на* другое однозвучное ему слово „*на*!" в значении „возьми!" (эквивалент узбекск. mə). Это последнее, конечно, часто произносится отдельно — в виде самостоятельной фразы; но оно ничего общего — кроме звукового состава — не имеет с тем *на*, которое является предлогом и о котором мы лишь и говорим в данном случае.

[2] Допущение в грамматике самого понятия промежуточное явление отнюдь не должно казаться читателю удивительным или умалять значимость даваемых в данной грамматике определений (в частности вышеуказанные „промежуточные явления" вовсе не заставляют нас отказываться от определения „элемента произносительного слова" — как неизолируемой и „произносительного слова" — как потенциально-изолируемой величины). Во всех языках и во все периоды их истории осуществляется эволюционный процесс превращения некоторых определенных словосочетаний (из 2-х или более слов) в единые целые слова. Поэтому в любой из моментов истории каждого данного языка, а следовательно и в настоящее время, в частности в современной нам стадии развития русского языка, мы можем найти известное количество определенных комплексов, в отношении которых вышеуказанный процесс стяжения („2 слова → 1 слово") находится, так сказать, „в ходу", — т. е. можем найти примеры таких комплексов, которые уже перестают быть словосочетаниями из 2-х (или более) слов, но еще не вполне достигли единства в качестве одного слова.

Отсюда и вытекает то противоречие оценок, которые даются данным „переходным случаям" на основании различных критериев (т. е. различных признаков) понятия отдельного слова: например, находящийся в положении такого „переходного случая" комплекс может уже утратить *одно* из первоначальных *двух* ударений (т. е. стать единым *словом* с точки зрения критерия ударяемости), но в морфологическом отношении еще сохранять характер словосочетания из 2 слов (или же наоборот: данный комплекс может стать морфологически-единым — как напр. сложное слово новейшего происхождения *правоучение*, но сохранять еще — по крайней мере факультативно — оба первоначальных ударения: *пра́воуче́ние*). Особенно же явно и особенно часто наблюдаются в этом отношении противоречия между *графическим* и *произносительными* критериями: весьма часто комплекс, ставший (или становящийся) в произносительном отношении единым словом, на письме продолжает изображаться в виде *двух письменных слов* (т. е. обе части этого комплекса продолжают писаться *раздельно*). Объясняется это тем общим положением, что письменность (и в частности орфография) обычно оказывается более консервативной, т. е. эволюционирует значительно медленнее, чем соответствующие факты произносительного языка. (Подробнее о неизбежности диалектических противоречий между различными критериями *единого слова* говорится в статье „Еще о понятии отдельного слова"; см. также мою „Гр-ку современного разговорного японского языка" Плетнера и Поливанова — гл. „Фонетика").

Итак, отличительным признаком предлогов может считаться то обстоятельство, что они никогда или почти никогда (т. е. за исключением таких, крайне редких, случаев как „Вам чаю с сахаром или без?“ — „Без“) не употребимы отдельно — без примыкающего к ним имени (— существительного или же прилагательного, местоимения или числительного) в точно определенной падежной форме, а в тех — чрезвычайно редких, повторяю, — случаях, когда фактически имеет место произношение предлога без примыкающей к нему падежной формы (как в только что упомянутом примере: „Вам чаю с сахаром или без?“ — „Без“), эта последняя (т. е. слово *сахару* в данном примере) явно подразумевается и говорящим, и слушающим, являясь пропущенной лишь благодаря окказиональному сокращению произносительного состава фразы[1].

Этим (т. е. принципиально-обязательным примыканием падежной формы) предлоги отличаются от наречий, — т. е. в частности, от тех наречий, которые (как например *кругом*) тоже, подобно предлогам, могут сочетаться с определенной падежной формой (так наречие *круго́м* может сочетаться с родительным падежом *круго́м до́ма* и т. п.). Различие (между предлогами и данной категорией наречий — *круго́м* и т. п.) состоит здесь в том, что предлог всегда (за исключением лишь чрезвычайно редких случаев элипса падежной формы[2]) примыкает к падежной форме (т. е. к определенному падежу имени существительного или прилагательного и т. д.), а наречия, сочетаемые с определенным падежом (напр. наречие *круго́м* и т. п.), вполне законно могут быть, употребляемы и отдельно, т. е. без сопровождения падежной формой имени: напр. я обошёл круго́м.

§ 157. В связи с вышеуказанным принципиально обязательным примыканием предлога к определенной падежной форме имени (существительного и т. д.), а также в связи с кратким — большей частью односложным — звуковым составом предлогов, предлоги почти всегда не имеют своего собственого ударения, т. е. составляют одно единсе акцентуационное слово (— комплекс, произносящийся с одним, а не с двумя ударениями) с примыкающей к ним падежной формой. Иначе говоря, комплекс „предлог + падежная форма“ (напр. *на камне, обо мне, за нами, про тебя* и т. п.) почти всегда заключает в себе лишь один (а не два) ударенный слог[3].

При этом в большинстве случаев лишенным ударения оказывается предлог: напр., *на столе́, под окно́м, без на́с, про тебя́* и т. д.

Но в известных сочетаниях наблюдается обратное явление: падежная форма оказывается лишенной ударения, а предлог, наоборот, произносится в виде ударенного слога: напр., *по́ полу, и́з дому, за́ уши* (напр., *вы́драть за́ уши*) и т. п.

Примечание. Обязательное ударение на предлоге (и следовательно безударенность имени существительного) имеет место в конструкциях с 9-м падежом *и́з-дому, и́з-лесу* и т. п. (поэтому в отличие от сочетаний предлогов с другими падежами, такие комплексы, как *из-лесу* можно писать с дефисом (-) между предлогом и именем).

---

[1] Такое окказиональное сокращение фразы, выражающееся в пропуске заведомо известного слушателю и явно подразумеваемого слова, принято называть „элипсом“.

[2] Которая тем не менее и в данных случаях элипса оказывается явно подра умеваемой (напр. когда говорят *без* вместо *без сахару*).

[3] Наоборот при сочетании наречия с падежной формой чаще всего наречие сохраняет свое собственное ударение (так что весь комплекс „наречие + падеж“ имеет два ударения: напр. *круго́м стола́* и т. д.).

§ 158. Несмотря на вышеуказанные черты несамостоятельности предлога как отдельного произносительного слова, русская орфография проводит правило отдельного написания предлогов — в качестве самостоятельного письменного слова (*на столе*, но не **настоле* и т. д.).

Этим отдельным написанием предлоги (сочетаемые, как ясно из вышесказанного, с именем, а не глаголом!) отличаются от однозвучных с ними приставок в составе глагольных основ. Например *по* в качестве предлога (т. е. перед падежной формой имени) пишется отдельно (— *по столу, по земле, по тебе* и т. д.), но *по*, сочетающееся с глагольной коренной морфемой, т. е. входящее в состав глагольных основ[1] (например, *посмотреть, попасть* и т. д.) и являющееся, следовательно, уже не предлогом, а приставкой, или префиксом, пишется вместе с прочим составом глагола, т. е. вся данная глагольная форма составляет одно (а не два!) письменное слово: *посмотрел, посмотрю, попал* и т. д.

§ 159. Прямым результатом только-что изложенного орфографического правила (об отдельном написании предлогов) является другое орфографическое правило, устанавливающее неизменяемость написания конечного согласного звука в предлогах. Например, предлоги *из, без, через* всегда пишутся с буквой *з* (а не *с*!) — поскольку они, разумеется, не перестают быть предлогами, т. е. поскольку они сочетаются с именем (а не с глаголом!) и сохраняют поэтому отдельное написание.

Наоборот, однозвучная с предлогом *из* глагольная приставка *из-* может писаться и в виде *из-*, и в виде *ис-* в зависимости от фактического произношения данного согласного (перед следующим глухим согласным он произносится как *с*, а перед звонким согласным или перед гласным как *з*): напр., *изыскать, избивать, изливать, изболеться*, но *иступить, источать, истасканный, испортил* и т. д.

Примечание. Равным образом и другие глагольные приставки, оканчивающиеся на *з/с*, — именно приставки *воз-, низ-, раз-* (которые — в отличие от *из* — бывают только приставками, но не предлогами[2]) тоже пишутся или с буквой *з* или с буквой *с* — в зависимости от фактического произношения.

§ 160. На тех же основаниях и предлоги *без, через* (подобно предлогу *из*) всегда сохраняют в своем написании букву *з*, — поскольку они действительно являются предлогами и, следовательно, пишутся в виде самостоятельного письменного слова (напр., *без тебя, без чаю, без сахару; через полосу* и т. д.). Но когда морфемы *без-, через-* входят в словообразование особой лексической основы существительного (например, *беспокойство, ч(е)респолосица* и т. п.) или прилагательного (*беспокойный* и т. п.), или глагола (*беспокоиться* и т. п.), то они пишутся уже вместе с остальным составом данного слова и потому в тех случаях, когда (благодаря соседству со следующим глухим согласным) в них фактически произносится звук *с* (вместо звука *з*), это соответственным образом отражается и в орфографии, т. е. пишется буква *с* (а не *з*!): *беспокойство, беспокойный* и т. д.

§ 161. Как выше уже говорилось, предлоги причисляются к неизменяемым частям речи (т. е. у предлогов отсутствует словоизменение — например, склонение или спряжение и т. п.). Этому не должно противоречить то обстоятельство, что некоторые из предлогов имеют дублетные формы или варианты, употребляемые в зависимости от определенных условий звукового состава следующего имени. Например, пред-

[1] При чем обычно эти глагольные основы обладают особым видовым значением (— значением совершенного вида, именно в результате присоединения данной приставки, или префикса: напр., *посмотреть* (соверш. вид) — *смотреть* (несоверш. вид). См. выше главу о видах § 84.

[2] Ибо однозвучных этим *воз-, низ-, раз-* предлогов в русском языке не существует.

лог *в* имеет дублетную форму *во* (*в Москве*, но *во всём*); предлог *от* — дублетную форму *ото* (*от меня*, но *ото всех нас*), предлог *о* — дублетные формы *об* и *обо* (*о тебе*, но *об отце* и *обо всех нас*) и т. д.

Дублетные формы, отличающиеся от основного звукового состава предлога добавлением гласной *о*,—напр., *во* вместо *в*, *ото* вместо *от*, *изо* вместо *из* и т. п., — могут употребляться в сочетаниях с именами (— существительными, прилагательными, местоимениями и т. д.), в начале которых имеются 2 согласных звука: при присоединении обычной формы данного предлога — *в* или *от* или *из* — получалось бы стечение трех согласных: напр., **в всём, от всех нас, *из всех сил.*

Взамен подобных сочетаний — с тремя согласными подряд — при употреблении дублетной формы предлога (*во, ото изо* и т. п.) — получаются уже более удобные по своему звуковому составу сочетания: с гласным звуком, вклинившимся между согласным звуком на конце предлога и двумя согласными звуками, с которых начинается основа имени (или местоимения).

Однако, не надо думать, что русский язык всегда обязательно использует эти дублетные формы предлогов (*во, ото, изо* и т. п.) тогда, когда основа следующего за предлогом имени (или местоимения) начинается с двух согласных. Наоборот, в целом ряде случаев—в зависимости от того, какие именно три согласных звука оказываются стоящими подряд, а также в зависимости от относительной частоты [1] употребления данной именной (или местоименной) основы, — сочетание трех согласных звуков подряд (— один согласный на конце предлога и два в начале основы имени или местоимения) оказывается вполне терпимым, и тут, следовательно, мы обходимся с нашей обычной формой предлога — без конечного *о* (т. е. *в*, а не *во*; *от*, а не *ото*; *из*, а не *изо*): напр., *в Твери* (— предлог *в* + предложный падеж от названия города *Тверь*), *в Тверь* (тот же предлог с винительным падежом того же собственного имени — названия города), но не *во Твери, во Тверь*; *от брата*, но не *ото брата*, *из Владимира* (Владимир — название города), но не *изо Владимира* и т. д.

Особо следует упомянуть про дублетные формы предлога *о* (— с предложным падежом).

Кроме основной, т. е. наиболее часто употребляемой своей формы — из одного только только гласного *о* (напр., *о тебе, о солнце, о странах*, и т. д.), этот предлог имеет еще две дублетные формы: 1) *об*, 2) *обо*.

Первая из них — сравнительно часто употребительная форма *об*—употребляется перед основами, начинающимися с гласного: напр. *об отце* (произносится абацце), *об Иване* (произносится абыване) и т. д.

Что же касается дублетной формы *обо*, то она, встречается гораздо реже, чем *о* и *об*, и имеет место лишь в некоторых из тех случаев, когда следующая за предлогом основа начинается с двух согласных: напр., *обо всех* (но наряду с комплексом *обо всех* вполне допустимым является и сочетание с обычной формой предлога: *о всех*).

§ 162. Каждый из предлогов допускается лишь в сочетании с определенным падежом; если некоторые предлоги (напр. *в, во* или *на* — см. ни

---

[1] Местоимение *весь, вся, всё, все* принадлежит к весьма часто употребляемым основам, и потому в сочетаниях этого местоимения с предлогами (оканчивающимися в своей обычной форме на согласный консервировалась дублетная форма предлога (*изо всех сил, ото всех*), тогда как перед другими основами, которые также начинаются с двух согласных и именно с согласных *вс*, употребляется обычная форма предлога (т. е. оказывается вполне приемлемым сочетание трех согласных): например, *от всадника, из всемирной истории* и т. д Предлог *в*, однако, должен быть заменяем дублетной формой *во*, поскольку следующая основа начинается с *в* за которым идет еще один согласный: *во всадника, во всемирной истории* как и *во всем*). (Но *в воду*, ибо здесь основа начинается одним лишь согласным *в*, но не сочетанием „*в* + другой согласный“).

же) бывают сочетаемы с двумя разными падежами (именно, *в*, *во* и *на* с предложным[1] или же с винительным), то каждой из этих конструкций соответствует свое особое, вполне определенное (и зависимое именно от выбора падежа) значение: сравн., например, — *в Москве́* (= *в* + предложный пад.) = Məskəvdə, *в Москву́* (= *в* + винительный пад.) = Məskəvgə.

При этом именительный (1-й) падеж не сочетается ни с одним падежом, а **п р е д л о ж н ы й** (6-й) падеж, наоборот, никогда не бывает без предлога, чем и объясняется данное ему в русской грамматике название: „Предложный" падеж.

§ 163. Мнимым опровержением того правила, что именительный (1-й) падеж никогда не сочетается с предлогом, могут показаться сочетания предлогов (напр. предлогов *в*, *на*, *через*, *про*, *сквозь*) с винительным падежом, совпадающим по форме (в данном склонении) с именительным падежом: напр., *в сад*, *на бульвар*, *через поле*, *про капитализм*, *сквозь строй*. В склонении имен существительных неодушевленных муж. рода и ср. рода винительный (4-й) падеж по форме сходен с Именительным (1-м) падежом; поэтому формы *сад*, *бульвар*, *поле*, *капитализм*, взятые в изоляции, т. е. вне контекста допускают двоякое их понимание — и в качестве именительного, и в качестве винительного падежа. Но в данном случае (т. е. в вышеприведенных комплексах *в саду*, *на бульвар* и т. д.) само наличие предлога[2] делает для нас несомненным, что мы здесь имеем дело не с именительным, а с винительным падежом, который лишь формально совпадает (в склонении данных имен) с именительным. Убедиться же воочию в том, что *сад*, *бульвар*, *поле*, *капитализм*, *строй* в составе выщеприведенных комплексов (*в сад*, *на булвар* и так далее) действительно являются формами Винительного, а не Именительного, — мы можем из подстановки некой другой именной основы, напр. основы женского рода[3], в данную позицию (т. е. в положение после предлогов *в*, *на* и т. д. — разумеется, при условии сохранения того же значения данного предлога): напр. *в комнату*, *на улицу*, *через лужайку*, *про демократию*, *сквозь призму* и т. д.

§ 164. Из предлогов, допускающих сочетания с двумя разными падежами (— при соответствующем различии значений, разумеется), следует прежде всего упомянуть про **п р е д л о г и**, **с о ч е т а ю щ и е с я** **и** **с** **п р е д л о ж н ы м**, **и** **с** **в и н и т е л ь н ы м** **п а д е ж а м и**.

Такими предлогами (после которых может следовать либо предложный = 6-й, либо винительный = 4-й падеж) являются:

1) *в*, *во*

2) *на*

Например: Я ж и в у в М о с к в е (— 6-й падеж);
Он п о е д е т в М о с к в у (— 4-й падеж);
Л а м п а с т о и т н а с т о л е (— 6-й падеж);
Я с т а в л ю л а м п у н а с т о л (— 4-й падеж).

Из этих примеров[4] видно, что на узбекский язык сочетания данных предлогов с предложным (6-м) падежом приходится переводить посредством суффикса *da* | *də* (т. е. употреблять „Местный" падеж узбекского языка); а сочетания данных предлогов с Винительным (4-м) падежом переводятся посредством суффикса *ƣa* | *gə* (т. е. узбекским „дательным")[5].

---

[1] Или заменяющим его Местным (7-м падежом) — напр. *в дыму́*, *на полу́*, *в саду́* и т. д.

[2] И именно предлога, допускающего сочетание с винительным.

[3] Или же имени одушевленного предмета муж. рода.

[4] В связи с тем, что говорилось по данному поводу выше — в § 36 в пунктах, посвященных Предложному и Винительному падежам.

[5] „Çenaliş".

Примечание. Что же касается смыслового различия, вносимого выбором того или другого из данных предлогов (т. е. или предлога *в, во* или предлога *на*), то весьма часто оно может остаться не выраженным в узбекском переводе. Т. е. сочетание „*в* + Предложный (6-й) падеж" и сочетание „*на* + Предложный (6-й) падеж" одинаково могут быть переданы узбекским „Местным" падежом на -*da|də*. И равным образом, сочетанбе „*в* + Винительный (4-й) падеж" и сочетание „*на* + Винительный (4-й) падеж" могут оказаться одинаково переданными посредством одного и того же узбекского „Дательного" (или „Направительного") падежа на -*ǫa|gə*...

Например:

1°.	в городе	şəhərdə
	на улице	kəcədə
	на лошади	atda
	на базаре	bazarda
	на фабрике	fəbrikədə
	на заводе	zavutda
2°.	в город	şəhərgə
	на улицу	kəcəgə
	сел на лошадь	atǫa mindi
	на базар	bazarǫa
	на фабрику	fəbrikəgə
	на завод	zavutǫa

Но разумеется, такое игнорирование (в узбекском языке) формально выявленного в русском различения значений *в* и *на* будет иметь место лишь при определенных словарно-смысловых условиях, т. е. при известных лишь существительных.

В общем же узбекский язык обладает полной возможностью различения значений *в* и *на*, т. е. может в случае надобности уточнить значение, как своего „Местного", так и своего „Дательного" („Направительного") падежей, внесением послеслогов:

1) ic-i-də, ic-i gə для уточнения значения *в* („внутри" или „внутрь"),
2) yst-i-də yst-i-gə — для уточнения значения *на* („сверху, на предмет(е)"); например:

1°. ustal(nьņ) icidə „в столе" (внутри стола); ustal (nьņ) icigə „в стол" (во внутрь стола);

2°. ustal (nьņ) ystidə „на столе"[1]; ustal (nьņ) ystigə „на стол".

§ 165. Предлоги *за* и *под, подо* также допускают сочетания с двумя разными падежами (при двух разных значениях, разумеется), но на этот раз не с Предложным (6-м) и Винительным (4-м) — как предлоги *в* и *на*; а с Творительным (5-м) и Винительным (4-м). Примеры:

Сапоги лежат за печкой (Творительный падеж)

Мальчик прячется за печку (Винительный падеж)

Часы лежат под подушкой (Творительный падеж)

Сунул руку под подушку (Винительный падеж)

На узбекский язык предлог *за* переводится с участием послеслога kejin [kegin] или arqa, ставящихся или в форме „Местного" падежа на -da/-də, т. е. ввиде kejnidə или arqasьda (— если в русском *за* сочетается с Творительным), или в форме „Дательного" (— „Направительного") падежа на -ǫa / gə, т. е. в виде kejnigə, arqasьǫa (если в русском *за* сочетается с Винительным).

Соответственным же образом русское *под* переводится узбекским послеслогом ast, т. е. или через astьda, или через astьǫa.

---

[1] О смысловом отличии предлога *на* от предлога *над* речь будет ниже — см. § 170.

§ 126. Относительно предлога *с, со* также принято говорить, что он сочетается с двумя падежами — именно с Творительным (5-м) и Родительным (2-м) падежом. Но так как смысловые функции предлога *с, со* в обоих этих случаях [т. е. 1) в сочетаниях „*с* + Творительный п.", 2) в сочетаниях „*с* + Родительный п."] оказываются уже вполне своеобразными, то правильнее, может быть, будет говорить о двух тожественных в звуковом отношении предлогах *с*, рассматривая, следовательно, оба вышеуказанные случая совершенно раздельно.

§ 167. Предлог *с, со* в сочетании с Творительным (5-м) падежом употребляется для выражения соучаствующего или сопутствующего лица или предмета. Например:

Я был в театре с товарищем.

Я учился (вместе) с ним в Университете.

Я пришел в класс с грудой книг.

На узбекский язык такие сочетания „*с* + Творительный падеж" переводятся обычно посредством „суффикса — послелога" bilən (в разговорном — minən), который, однако, имеет помимо того еще и другую функцию: выражение орудия, или инструмента действия (что передается по-русски одним лишь Творительным [5-м] падежом — без предлога). Получающееся отсюда расхождение между узбекским и русским языками приводит к весьма частым ошибкам в употреблении русского предлога *с* узбеками: запомнив, что *с* служит эквивалентом узбекского bilən (— в таких фразах, как Пришёл с товарищем = ortaq bilən keldi и т. п.), узбек обычно обобщает это соответствие (соответствие „рус. *с* = узб. bilən") и применяет его ко всякому любому случаю употребления bilən в своем родном языке, — в том числе и к таким фразам, где bilən указывает на инструмент (или орудие) действия. Отсюда вытекают такие типичные для узбеков ошибки, как *Ударил с топором, *Открыл с ключём и т. п.

Необходимо поэтому усвоить, что употребление предлога *с* (с творительным) уместно для передачи узбекского bilən только в том случае, когда речь идет о соучаствующем или сопровождающем лице или предмете. При этом в большинстве случаев по-узбекски смысл допускает прибавить после bilən слово birgə: напр. ortaq bilən birgə keldi; точно также и по-русски в соответствующих фразах возможна бывает прибавка наречия вместе перед предлогом *с* (пришел вместе с товарищем).

Кроме того, преподавателю русского языка (в узбекской школе) полезно обратить внимание еще на то, что в преобладающем числе случаев, когда узбекское bilən (-minən) приходится переводить русским предлогом *с* перед Творительным падежом, речь идет о лице, т. е. об одушевленном предмете (хотя возможны, конечно, и обратные случаи: Он пришел с пилой, с топором и с грудой книг под мышкой).

§ 168. Совершенно иную смысловую нагрузку имеет предлог *с, со*, сочетающийся с Родительным (2-м) падежом: напр. с полки (я снял книгу с полки), со стола (карандаш упал со стола). Узбекским эквивалентом служит ystidən (Исходный падеж от послелога yst с притяжательным суффиксом 3 л. -i); а при определенных именах и просто Исходный падеж от этого имени (без послелога), напр. atdan tyşdi — слез с лошади.

169. В числе предлогов, сочетающихся с двумя разными падежами, обыкновенно назывался и предлог *по*, допускающий, кроме наиболее частой своей функции — с Дательным (3-м) падежом, еще сочетания с Предложным падежом — в совершенно особом, специфическом значении: напр. они отслужили панихиду (панихида — çənazə) по покойнике (покойник — rəhmətlik). Но так как это, — редкое даже и в старом, дореволюционном языке, — значение в современном быту можно вполне

игнорировать (ибо на деле с ним не придется встречаться), то достаточно будет запомнить, что предлог *по* сочетается с дательным падежом.

Примеры: на предлог *по* с дательным падежом: Са́ни кати́лись по снегу (или по́ снегу). Я иду по дороге. В Институте начались занятия по русскому языку. Он не пришёл на занятия по болезни. По какой причине это случилось?

Примечание. Не следует смешивать словосочетания по русскому языку, по немецкому языку, по узбе́кскому языку и т. д. с наречиями: по-русски, по-неме́цки, по-узбе́кски и т. д. Эти последние пишутся слитно (как одно письменное слово), но входящее в состав этих наречий *по* отделяется от последующего элемента (-русски, -немецки и т. д.) дефисом, т. е. маленькой черточкой (-).

При этом надо обратить внимание, что никак нельзя сказать — *он говорит по русскому языку (надо сказать или он говорит по-русски), а с глаголом *знать* и с глаголом *понимать* можно сочетать просто винительный падеж (без предлога) — русский язык, немецкий язык и т. д.: Он знает русский и немецкий языки. Но можно употребить и наречия по-русски, по-немецки и т. д., т. е. можно сказать: Он понимает по-русски, Он понимает по-немецки и т. д.

§ 170. Перечень важнейших предлогов, сочетающихся с одним падежом.

1. Предлоги с родительным падежом:

у — *до* — *ра́ди*
от (или дублетная форма *ото*) — *для*
без (дублетная форма *безо*)
из (дублетная форма *изо*)

Сложные предлоги *из-за*, *из-под*

Примечание. Предлог *с* (или *со*) кроме родительного допускает и творительный падеж, но уже в совершенно особом назначении; вернее, это уже другой предлог, в звуковом лишь отношении совпадающий с данным.

2. Предлоги с дательным падежом:

по (см. выше § 167)
к (дублетная форма *ко*)

3. Предлоги с винительным падежом:

про
через или *чрез*
сквозь

Примечание. Предлоги *в* (*во*) и *на* кроме винительного сочетаются еще с предложным, а предлоги *за* и *под* — с творительным падежом (см. §§ 164, 165).

Предлоги с Творительным падежом:

над[1] (дублетная форма *надо*)
перед (дублетная форма *передо*)
между

---

[1] Между предлогами *на* и *над* имеется следующая смысловая разница: *на* означает нахождение (или движение) непосредственно сверху данного предмета (*книга лежит на столе, я кладу книгу на стол*), а *над* обычно означает положение сверху данного предмета без соприкосновения к нему (*лампа висит над столом*).

Примечание. *За* и *под* сочетаются (кроме творительного) также и с винительным падежом. Предлог *с* (*со*) кроме творительного сочетается еще с родительным, но имеет тогда уже вполне особое значение (см. выше прим. к пункту 1 и § 167).

5. Предлоги с предложным падежом:

о, об (или *обо*)
при

Примечание. Предлоги *в* (*во*), *на* кроме Предложного допускают еще винительный падеж (см. § 164).

§ 171. В узбекском языке Предлогов не существует. Функциональными эквивалентами русских предлогов служат обычно или просто падежные суффиксы определенных узбекских падежей (напр. -da / -də, qa / gə, dan / dən) или же так называемые послелоги (напр. усуn, ic [-i-də], yst [-i-də], ast [-ь-da] и т. д.).

Примечание. Формант узбекского Инструментально-Сопроводительного падежа bilən (— minən в разговорной речи громадного большинства говоров, -minəm в ташкентском говоре) занимает промежуточное место между категорией падежных суффиксов и послелогов. Поэтому мы называем его „суффиксом — послелогом“.

СОЮЗЫ

§ 172. Союзами называются неизменяемые слова (большей частью весьм краткие по своему звуковому составу), служащие для выражения логической связи (— примыкания, противоположения и т. д.) между предложениями или между отдельными элементами одного и того же предложения. Например: *и* (узбекские эквиваленты həm, və), *а, но* (lekin [lakin], əmma), *хотя, что* (напр. во фразе Скажи им, что я приду завтра[1]), *если, если-бы, ибо, потому что, так как, то* (напр. если ты не скажешь, то я сам скажу) и т. д.

§ 173. Существенным отличием союзов от предлогов служит то обстоятельство, что союзы не предусматривают сочетания с какой-либо определенной формой известных частей речи (напр. с определенным падежом имен — как предлоги), а наоборот могут стоять перед любой формой изменяемого слова и перед любой частью речи: как перед существительным, так и перед глаголом и т. д.

§ 174. Перед союзами, кроме союзов *и* и *да*[2] (в значении həm) обычно пишется запятая (— если, разумеется, союз не стоит в начале всего данного сложного предложения).

Например:

Снега не было, но было довольно холодно.
Книгу возьми с собой, а тетрадь я принесу сам.

§ 175. Перед союзом *и* запятая, наоборот, обычно не ставится.

Напр. Ученики и учителя вышли из школы
Он ел и пил вдоволь.

К исключениям (— когда перед *и* ставится запятая) относятся следующие два случая:

1) когда *и* повторяется перед каждым из перечисляемых предметов: например: И меч, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы („Песня о вещем Олеге“ А. С. Пушкина).

---

[1] Не следует смешивать союз *что* с местоимением *что*, имеющимся напр. во фразе *Я знаю, что ты мне скажешь*. Иногда для отличия подобного местоимения от союза что, над местоимением ставится знак ударения (*Я знаю, что́ ты мне скажешь*).

[2] Относительно союза *да* будет упомянуто ниже — в § 181 (где указывается на то, что оюз *да* [который можно бывает переводить через həm или же через lekin] нужно строго отличать от слова *да*, стоящего *вне частей речи* и служащего эквивалентом узбекскому hə)

2) Когда союз *и* начинает собою предложение, излагающее следствие (результат) того, что было изложено в предшествующем предложении.

Например: Трактор быстро опередил всех единоличников, и победа была одержана.

Медленно, но неотвратимо приближается решительный момент для судеб Средней Азии, и старые ее царства становятся в угрожающее положение (из книги „Халдоведение“ И. И. Мещанинова, стр. 49).

§ 176. Перед союзом *или* запятая также обычно не ставится (напр. „Я приду к вам после обеда или вечером“ „Кто прав: я или ты?“). Исключением служат такие фразы, где после союза *или* следует разъяснение прежде произнесенного, т. е. выражается равное предшествующему понятие, а не некое другое, противополагающееся ему. Напр. Батраки, или деревенские пролетарии... (Здесь словосочетание деревенские пролетарии разъясняет собою предшествующее слово — батраки, но не противополагается ему). Наоборот, если нам приходится писать „кулаки или бедняки“, белое или черное“ и т. д., т. е. иметь в виду 2 противополагающихся друг другу понятия, запятая перед или не ставится.

МЕЖДОМЕТИЯ, ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ И СЛОВА „ВНЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ“

§ 177. К последней категории неизменяемых слов — к так называемым „междометиям“ — традиционная грамматика относила слова самых различных значений: и восклицания, выражающие чувства говорящего (напр. *ах, ох, ой, увы*), и звукоподражательные комплексы (напр. *мяу-мяу, кукареку, трах-тарарах*), и наконец слова, обладающие вполне абстрактным (— чисто логическим) значением, которые невозможно было отнести ни к одной из предшествующих частей речи — слова *да, нет*.

Благодаря такому смешению, категория „междометий“ оказывалась (в традиционой грамматике) лишенной смыслового признака.

Такое изложение не может, разумеется, считаться научным. И так как нашей задачей (при классификации слов по частям речи) является — не втиснуть в предопределенное число категорий наличные в языке явления, а разобраться в действительно существующих смысловых и формальных особенностях имеющихся в русском языке слов, то необходимо будет провести здесь троякое деление:

1. Эмоциональные слова, или междометия (в узком смысле) — напр. *ох, ах, увы* и т. д.
2. Звукоподражания — напр. *мяу-мяу, трах-тарарах* и т. д.
3. Слова „вне частей речи“ — *да, нет*.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ[1] СЛОВА, ИЛИ МЕЖДОМЕТИЯ

§ 178. Эмоциональные слова, т. е. слова, выражающие чувства говорящего, мы и будем называть „междометиями“ (— в отличие от вышеоговоренного широкого употребления термина „междометие“ в традиционной грамматике).

К ним принадлежат 1) краткие (односложные или двухсложные) восклицания — напр. *ай, ой, ах, ох, увы, эхма*[2] и 2) сложные междометия, составленные из сочетания двух-трех слов — напр. *чорт возьми!* и т. п.

Формальной особенностью междометий можно считать принадлежащие им интонации, т. е. то обстоятельство, что каждое из данных (про-

[1] От эмоция (латинск. emotio) — „чувство“.

[2] Сокращено из „Эх, мать твою...“

стых или сложных) восклицаний обычно произносится с особой, присущей выражению данного чувства, интонацией (мелодией голосового тона).

В письме же междометия выделяются или употреблением восклицательного знака (!) — в тех случаях, когда данное междометие стоит в изолированной позиции, т. е. само по себе составляет отдельную фразу; или же употреблением запятой и перед, и после данного междометия[1].

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

§ 179. Сюда относятся комплексы, являющиеся подражанием звукам издаваемым определенными животными, или различным другим звукам, и не имеющие грамматического оформления (— лишенные, следовательно, каких-либо обязательных суффиксов или префиксов, характеризующих данный комплекс как определенную „часть речи“)[2]. Этим последним (отрицательным) признаком, т. е. отсутствием грамматического оформления, звукоподражания отличаются от родственных им (и производных от них) слов, принадлежащих к изменяемым частям речи (— имени существительному, глаголу): например от звукоподражания *ква* (*ква-ква́*) образованы глагол *ква́кать* и существительное *ква́канье* (а наконец и существительное квакушка, служащее эпитетом (laqab) лягушки); но эти последние слова — *квакать, кваканье, квакушка* — мы уже ни в коей мере не можем причислить к категории неизменяемых[3] „з в у к о п о д р а ж а н и й“: каждое из них имеет явную формальную характеристику (или наличие спряжения — у г л а г о л а *квакать*, или наличие формального признака грамматич. рода, принадлежность к определенному типу склонения — у с у щ е с т в и т е л ь н ы х *кваканье* и *квакушка)*, благодаря чему оно и оказывается принадлежащим к данной части речи (— глаголу, существительному). Звукоподражание же (·ква-ква) противополагается этим производным от него словам, как по отрицательному моменту в области формальной характеристики (о чем только-что было сказано), так и по соответствующему же отрицательному моменту в характеристике смысловой („семантической“): звукоподражание *ква-ква* еще не содержит ни идеи предметности (присущей с у щ е с т в и т е л ь н ы м *квакушка* и *кваканье*), ни идеи действия, совершаемого неким субъектом (— в отличие от глагола *квакать)*: назначение (и значение) данного слова ква-ква исчерпывается именно передачей, или условным воспроизведением известного акустического восприятия (— крика лягушки).

П р и м е ч а н и е. Сказанное не препятствует, однако, тому, что звукоподражание м о ж е т фигурировать (как и междометия) в синтаксической позиции существительного или же в синтаксической позиции глагола: например в роли существительного — «П о с л ы ш а л о с ь ж и з н е р а д о с т н о е „к у к а р е к у“», «П о с л ы ш а-

---

[1] Если междометие приходится внутри предложения. Если же оно начинает собою предложение, то запятая, разумеется, может стоять лишь только после междометия.

[2] Единственным формальным признаком, — который применим, однако, лишь к некоторым из русских звукоподражаний, — мог бы, пожалуй, быть принцип повтора, или редупликации, обнаруживаемый в таких, напр., звукоподражаниях, как:

тук тук (про стук — в дверь, в стекло и т. п.),
ква-ква (крик лягушки), или же с чередованием звуков в обоих повторах:

тик-так (про тиканье часов), *бим-бом* (про бой часов) и т. п. Однако, по сравнению с звукоподражаниями в других — и именно в восточных языках, в русских звукоподражательных комплексах этот принцип редупликационной конструкции представлен весьма нерегулярно, и этому очевидно соответствует вообще сравнительно слабое развитие данной категории слов (звукоподражаний или „ономатопоэтических“ слов вообще) — по сравнению с восточными, и в том числе турецкими, языками. Поэтому в изложении русской грамматики позволительно было бы вовсе не касаться формальной характеристики категории звукоподражаний.

[3] Т. е. не имеющих собственного словоизменения.

лось мелодическое „ква-ква“»; или же в роли глагола— «А лягушка всё „ква-ква“, а петух „кукареку“»[1]

§ 180. В отличие от междометий звукоподражания, входя в состав предложения (между другими частями речи), не выделяются запятыми. Но зато нередко они берутся в ковычки („ “), — напр.: *петух кричит „кукареку!“*.

В повторных же (редупликационных) звукоподражаниях между обоими повторами ставится дефис, т. е. маленькая черточка (-). Напр. *мяу-мяу, тук-тук, тик-так* и т. д.

СЛОВА ВНЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

§ 181. В качестве примеров „слов вне частей речи“ мы ограничимся лишь рассмотрением слов „да“ и „нет“.

Слово *да*, как выражение утвердительного ответа[2] (— узб. hə) и, слово *нет* (— joq), — в качестве выражения отрицательного ответа[3], не могут быть подведены ни под одну из вышерассмотренных категорий неизменяемых слов. Поэтому мы называем их „словами вне частей речи“.

Так как слова эти (*да* и *нет* в вышеуказанных значениях) являются изолированными в смысловом отношении, — сами по себе составляя отдельное высказывание (— ответ на вопрос), то в письме они обязательно отделяются от следующей за ними фразы тем или другим знаком препинания — точкой (.) или запятой (,) или восклицательным знаком (!).

Точка (.) ставится после слов *да* и *нет* (в вышеуказанных значениях) тогда, когда следующая фраза не имеет явной смысловой связи с данным словом, т. е. не служит, напр., пояснением или распространением данного ответа („да“, „нет“). Например:

Были ли вы в Москве?

Да. Потом я поехал в Ленинград и там прожил три года.

Запятая же, наоборот, ставится после слов *да* или *нет* в тех случаях, когда следующая фраза имеет явную смысловую связь с данным ответом (выраженным словом *да* или словом *нет*) и в частности является пояснением или распространением этого ответа. Например:

— Были ли в Москве?

— Да, был три раза (Или: — Нет, ни разу не был).

Восклицательный знак (!) ставится после слов *Да!, Нет!* тогда, когда пишущий имеет в виду выразить особую эмоциональную окраску данного ответа, т. е. то или другое чувство, которым сопровождается данное слово в психике отвечающего. В живой речи этому употреблению восклицательного знака соответствует особая эмоциональная интонация, вложенная в произношение данного слова *Да!* или *Нет!*.

Примечание. Что же касается слова *на!* (узбекский эквивалент mə), которое в старых грамматиках иногда тоже причислялось к т. н. „междометиям“, то его нет оснований, по моему мнению, считать „вне частей речи“. Слово это может считаться глаголом,—в форме повелительного, на что с достаточной ясностью указывает зачаточное словоизменение (и именно — спряжение)

---

[1] Ср. аналогичные же, опять-таки факультативные, функции междометий — *«Послышалось „ой“», «А больной все ой да ой»*.

[2] Не смешивать с союзом *да* (имеющим почти то же значение, что и союз *и*: например, *хлеб да вода, Иван да Марья...*).

[3] Не смешивать со словом *нет* (и его дублетом *нету*) в значении „не имеется“ (нет хлеба, нету воды). Это последнее *нет* (и *нету*) правильнее всего считать неоформленным глаголом.

этого *на!*, состоящее в образовании соответствующего множественного числа (повелительного) — *нáте!* (сравн. *ешь — éшьте, дай — дáйте* и т. д.).

Но разумеется, это — глагол дефективный (т. е. обладающий лишь зачаточным спряжением), — отличающийся от нормальных глаголов (в роде *есть, дать, взять* и т. д.) тем, что у него отсутствуют все прочие формы глагольного словоизменения — кроме данных двух форм повелительного наклонения (2 и 5 лиц): *на!* и *нáте!* [Ср. также *ну!* и *нýте!*].

В той же мере является глаголом (— с точки зрения русского языкового мышления) и заимствованный из тур. языков комплекс *айда*,[1] — поскольку он тоже понимается как повелительное и образует форму повелительного 5 лица в виде *айдате* (сравн. *ляг — лягте, на — нате, ну — нуте, айда — айдате*).

---

[1] Ср. казакск. ajda-, татарск. əjdə-, узбекск. *hajda-* || həjdə- *гнать* (— *гони!*).

[redacted]

Цена 4 руб.

15-

